

**Институт Литературы им. Низами Гянджеви
Национальной Академии Наук Азербайджана
Отдел мировой литературы и компаративистики**

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

ПРОСТОРЫ МЫСЛИ

**(статьи, изданные в период
Независимости Азербайджана)**

Баку – 2019

Научный редактор: доктор филологических наук,
профессор **Ш.Алышанлы**

Фейзуллаева Аида. Просторы мысли (статьи, изданные в период
Независимости Азербайджана). Баку, 08.03.2019, 400 стр.

В сборнике статей, изданных в разные годы периода Независимости Азербайджана, представлены в хронологической последовательности в основном образцы филологической науки в двух аспектах научно-тематического изучения – литературоведческом и языковедческом.

Статьи с широким охватом тем и сфер посвящены как изучению русской литературы в Азербайджане, так и актуальным вопросам классической и современной азербайджанской литературы, вместе с тем и имеющие отношение к области искусства и культуры Азербайджана.

ОТ АВТОРА

Творческий акт всегда есть
освобождение и преодоление
Н.Бердяев

Моя творческая активность всегда побуждалась свободой духа и творческим вдохновением, независимо от того, что процесс научно-исследовательской работы, как известно, требует неимоверной силы воли, труда и умственного напряжения, проявления усердия в познании и изучении необходимого материала по избранной теме или проблеме, решение которой завершается как благополучный исход после преодоления непредсказуемых трудностей, препятствий и тревог в благородном деле осуществления творческих замыслов.

Тяга к исследовательской работе и интерес к науке, начавшиеся с 70-х годов прошлого века, не покидают меня и поныне.

В 1982 году, ещё в советскую эпоху я защитила кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы азербайджанской литературы на страницах газеты «Новое обозрение», издающейся в Тифлисе (1884-1906 гг.). В этой интернациональной газете среди многих авторов принимали активное участие и представители прогрессивной азербайджанской интеллигенции – Г.Зардаби, Дж.Мамедкулизаде, Эйнали бек Султанов, Ахмед бек Джаваншир, С.Мехмандаров, Ф.Кочарли, Мамедага Шахтахинский и др. Они были основоположниками просветительского движения в Азербайджане.

На основе этой диссертационной работы в 1988 году была издана моя первая монография «Глашатаи просвещения», которая и предопределила выбор темы моей докторской диссертации, нацеленной на изучение всего просветительского этапа в истории развития азербайджанской ли-

тературы, – «Азербайджанские писатели XIX – начала XX вв. и русская литературно-общественная среда».

Сильное впечатление произвело на меня весьма корректное и объективное отношение к ней ведущей организации – Института мировой литературы российской академии наук. В одобрительном отзыве о моей диссертации, оценённой как «солидное научное сочинение», в частности отмечалось:

«Диссертация А.Фейзуллаевой на большом историческом материале – развитие азербайджанской литературы за целое столетие, от 40-х годов XIX до 30-х годов XX века – ставит и решает весьма сложную и важную проблему: роль контактных связей в развитии национальной литературы. Почти все азербайджанские писатели этого времени творили на двух языках, многие получали образование в России, некоторые бывали и работали в Европе, усваивая общеевропейскую культуру. Всё это обогащало национальное искусство, нисколько не ослабляя его своеобразия, приверженности к восточным традициям. Этот теоретический постулат можно считать доказанным работой А.Фейзуллаевой. Таким путём обрисовывается яснее вклад каждой национальной литературы в литературу мировую, выявляются закономерности развития».

Несравнимы радости, связанные с творческими удачами. Они стимулируют на дальнейшие размышления о новых свершениях. Так зарождалась и моя новая монография – «Азербайджанские писатели в России (роль контактных связей в историческом развитии национальной литературы)».

Позже я обратилась к более серьёзной теме – «Этапы и проблемы развития русской тюркологии». Поскольку основная сфера моей научной деятельности литературоведческая, я занимаюсь всё чаще вопросами изучения азербайджанской литературы в контексте мировой литературы. Однако, будучи филологом, я увлекаюсь и вопросами языка и языковедения. Изучая русскую тюркологию, этапы её раз-

вития, я дошла до «переходного периода» в ней (конец 60-х годов). И так как этот исторический факт был наиболее связан с именем русскоязычного казахского поэта и неутомимого исследователя-поисковика, начинающего тогда этимолога, будущего тюрколога нового склада мышления Олжаса Сулейменова (как стало известно мне позже из высказываний и воспоминаний самого учёного, «всё началось с защиты кандидатской диссертации, тема которой была изложена в его нашумевшей тогда книге «Аз и Я»), я решила основательно ознакомиться с его многогранной творческой деятельностью как поэта, учёного-новатора и общественно-го деятеля.

Вскоре мне это удалось. И в результате благополучно складывающихся обстоятельств в работе над задуманной мною книгой, в 2004 году была издана моя очередная монография «Олжас Сулейменов», посвящённая изучению творчества великого мастера.

Помню его телефонный звонок из Парижа на следующий день после моего личного вручения ему этой книги в Баку на одном из очередных встреч и чествований его как высокого гостя и большого друга азербайджанского народа. Он выразил свою признательность и благодарность за мой большой труд, а также высказал своё пожелание продолжить начатую мною работу, включить в неё и две последующие его книги «Тюрки в доистории» и «Язык письма». Я согласилась и в очень короткий срок эти книги уже были доставлены мне. Эти лингвистические труды послужили ценным вкладом и материалом для создания цельного представления концептуальных взглядов учёного-тюрколога. Согласно обоснованным утверждениям его автора, выявлено бессмертие и живучесть лексем, уходящих своими корнями в доисторический культовый период.

В 2009 году после издания второй книги «Олжас Сулейменов (опыт спектрального исследования творческой деятельности)». Издание второе, дополненное и переработанное», состоялась торжественная презентация книги в ба-

кинском филиале МГУ имени М.Ломоносова с участием самого О.Сулейменова – выдающегося сына тюркского мира.

В своём выступлении Олжас Омарович поздравил меня с большой творческой удачей.

Следует также отметить, что через год после выхода из печати первой монографии, посвящённой творчеству О.Сулейменова, в 2005 году был издан сборник моих статей под названием «Корифеи Азербайджана» (для студентов-филологов). В сборнике нашли своё отражение мировые проблемы в творчестве выдающихся азербайджанских мыслителей и поэтов Н.Туси, А.Бакиханова, М.Ф.Ахундзаде, Г.Джавида и М.Хади.

Позже я вновь обратилась к глубокому и системному изучению «Восточный и западный факторы в мировоззрении азербайджанских писателей XX века». В книге, изданной в 2012 году, на основе герменевтического анализа произведений выдающихся азербайджанских писателей и мыслителей XX века (А.Гусейнзаде, А.Агаоглу, Г.Джавида, М.Хади, М.С.Ордубади, Ю.В.Чеменземинли) выявляются восточный и западный факторы как в творениях, так и в мировидении каждого из них.

Вместе с тем прослеживаются идейно-духовные поиски, самобытное искусство глобально мыслящих идеологов и художников слова А.Гусейнзаде и А.Агаоглу, мировые проблемы в монументальном творчестве поэта-драматурга Г.Джавида, национальные и общечеловеческие идеи в философско-поэтическом осмыслении М.Хади.

На большом литературно-художественном материале обосновывается восточно-западное концептуальное мировосприятие патриарха азербайджанского исторического романа М.С.Ордубади и идейно-художественное постижение Востока и Запада писателем и учёным Ю.В.Чеменземинли. В аспекте изучаемой проблемы определяются художественно-эстетические привнесения в литературу каждого из них в отдельности.

Обширной представляется и тема одной из последних моих книг «Национальные и общечеловеческие идеи в современной азербайджанской литературе» (2016). Книга посвящается изучению современной азербайджанской литературы в ракурсе освещения национальных и общечеловеческих идей, определяющих её национальное своеобразие. Для современной азербайджанской прозы характерно творческое освоение европейского философско-художественного опыта модернизма и постмодернизма. Элементы и признаки магического реализма заметно прослеживаются в произведениях Ю.Самедоглу, М.Сулейманлы, Анара и Афаг Масуд.

Широки параметры развития современной азербайджанской прозы и драматургии как на национальной, так и на транснациональной основе. Особого внимания заслуживают динамика и поэтика современного исторического романа в творчестве А.Джафарзаде и Ф.Керимли; индивидуальные особенности творческой личности И.Шихлы, И.Гусейнова и С.Ахмедли, их произведения с национальной тематикой и проблематикой, отличающиеся воссозданием национального характера, новым типом литературного героя; новаторство Эльчина – прозаика и драматурга; техника письма тенденции модернизма и постмодернизма в творчестве Кямала Абдуллы.

Небезынтересна и познавательна книга «В свете компаративистики... (к изучению русской литературы в XXI веке в Азербайджане)». Примечательно, что в ней находит своё отражение научное творчество Заслуженного деятеля науки Азербайджана, доктора филологических наук, профессора М.Г.Годжаева, последовательно и плодотворно изучающего русскую классическую литературу и в наибольшей степени творчество Ф.М.Достоевского в контексте русской и мировой литературы.

С целью расширения и обогащения исследовательского материала и его системного изучения я привношу в работу новые источники как основу сопоставительного анализа

жизни и творчества Достоевского и Толстого в новом ракурсе видения и оценок – фундаментальный труд представителя старшего поколения русских поэтов-декадентов, литературного критика Д.С.Мережковского, написанный им в начале XX века, и книгу писателя-врача В.В.Вересаева «Живая жизнь», написанную несколько позже.

Привнесением в изучение русской литературы на новом этапе является и «Русский декаданс». С русским декадансом – начальным этапом Серебряного века непосредственно связаны и последующие главы книги, в которых освещается роль Востока в жизни и творчестве поэтов-символистов эпохи декаданса К.Бальмонта и В.Хлебникова, расширяющие наши представления о русском декадансе в целом, а также обогащающие наши познания в сфере изучения Востока.

В свете компаративистики рассматривается и тема последней главы, посвящённой выявлению общности и специфики литературных судеб.

Общеизвестно, что перевод – это тоже творческий акт. В настоящее время я занята переводом на русский язык монографии Салатын Ахмедовой «Вöyük ömrün salnaməsi» («Летопись большой жизни»), изданной в 2018 году по решению Учёного Совета Института Литературы им.Низами Гянджеви НАН Азербайджана. Книга посвящается 150-летию выдающегося государственного деятеля, прогрессивной личности в истории азербайджанского народа Самедага Агамалыоглу (1867-1930) – исключительного человека, пользующегося большим авторитетом во все этапы своей жизни как деятельный и активный социал-демократ в Парламенте АДР, боровшийся за независимость и демократические преобразования в своей стране и совершающий «культурную революцию» в советский период.

Примечательно, что это первая попытка системного изучения в научном аспекте жизни и деятельности С.Агамалыоглу после восстановления независимости в Азербай-

джане. Думаю, что в силу своей актуальности она должна быть востребованной.

В завершение своего авторского слова хочу отметить, что, наряду с вышеупомянутыми книгами не менее важными для меня являются и все мои статьи, часть из которых (ибо все охватить в одной книге невозможно) представлена в хронологической последовательности их написания и издания в научно-теоретических журналах Института Литературы им. Низами Гянджеви, литературно-художественных журналах, всё чаще на страницах журнала «Литературный Азербайджан», газет «Elm», «Ədəbiyyat qəzeti» и «Kaspi» в самый плодотворный период моей жизни – в эпоху суверенитета и независимости Азербайджана, начиная с 1990 года. Статьи многообразны и разнохарактерны, с широким охватом тем и сфер, посвящённые как изучению актуальных вопросов классической и современной азербайджанской литературы, так и имеющих отношение к области искусства и культуры Азербайджана.

ТАК ВОТ ТЫ КАКОЙ, ВОСТОК!

*(Восточные мотивы в жизни и творчестве
Анны Ахматовой)*

«Красивейшая женщина эпохи», «пленительная звезда петербургских салонов», «некоронованная королева» – такой считали её современники. Анна Ахматова с её редкостным по своей красоте поэтическим голосом прочно вошла в историю русской и мировой поэзии XX века. Духовная значительность, обаяние её личности, нравственный ореол, глубокий интеллект подчёркивали её величие и как поэта, и как человека.

Царство ахматовской лирики – от мира сего. «Поэзия жизни извлечена из прозы жизни», – как говорил Белинский. Поэзия Ахматовой вырастала из житейской почвы, не чуждаясь её, не порывая с ней. Её поэзия – скорбное и печальное воссоздание больного времени, тонкое, проникновенное отражение трагической судьбы поэта. Ахматовские строки рождены многокрасочной палитрой пространственно-временных впечатлений, отягощённых годами разрухи, страха, нищеты, голода, одиночества, блокады, скитаний, лишений, тяжких и суровых испытаний.

Судьба перебрасывала её с юга на север (из Одессы в Ленинград и Москву), с севера на запад (во Францию и Италию), потом снова на север, в любимый Ленинград, а оттуда на Восток...

Спустя десятилетия, в «Поэме без героя» и в других произведениях, посвящённых годам юности, властно возникнут мотивы суда над прошлым, возобладает суровый этический и социальный подход к действительности. И пройдёт длительное время, прежде чем Ахматова станет мастером исторической живописи. В этом отношении особенно примечательна её «Поэма без героя», где в «Эпilogе» Ахматова рассказывает о своей эвакуации на Восток, в Среднюю Азию, об испытаниях, выпавших на её долю в годы Великой Отечественной войны.

Сколько новых небывалых для прежней Ахматовой красок приобрела её поэзия в «азиатском доме»! И какая-то новая, высокая и величаява интонация появилась в ахматовских стихах о родине, новой глубиной наполнился пейзаж. От стихов Ахматовой веяло поистине Востоком – недаром она смолоду тянулась и к вавилонскому сказанию о Гильгамеше, и к библейскому эпосу, и к древним египетским песнопениям, которые впоследствии она блистательно переводила.

Она вспоминала и о «бабушке-татарке», и об Украине, с которой была связана через отца. Мир славяно-монгольской Азии в неожиданно родственной и многозначительной близости вдруг вставал перед нею и заставлял задумываться о себе. Шла напряжённейшая мучительная внутренняя работа, вершившаяся почти в одиночестве. Будучи человеком сильной воли, Ахматова мужественно пережила горечь и «боль поражений и обид», непонимания и отчуждённости.

В двадцатые годы, годы перелома и кризиса упрочивается у Ахматовой интерес к истории, мысль о сопричастности к ней, ощущение своей жизни в историческом потоке. Много значила для её миропонимания Азия. «Он прочен, мой азиатский дом»... Или в строке «Кто мне сказать посмеет, что здесь я на чужбине?!» – всё тот же намёк на причастность к Азии. «На этой древней, сухой земле я снова дома». Азию своим родным очагом, а Кавказ святым югом называет Ахматова.

В стихах ташкентского периода неоднократно возникали, сменяя друг друга, подобно наплывам памяти, то российские, то среднеазиатские пейзажи, проникнутые ощущением бездонности, уходящей в глубь веков, национальной жизни, её непоколебимости, прочности, вечности. Она умела поэтически передать почти непередаваемое: само присутствие живого духа времени, истории и вечности в сегодняшней жизни людей. В годы, когда само существование государства нашего было под вопросом, она писала о проч-

ности и непоколебимости культуры, покоящейся на гранитном основании тысячелетий.

Проснуться влюблённой,
Увидеть, как красен мак.
– Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идёт из сада...
Так вот ты какой, Восток!

В сознании лирического героя Ахматовой устанавливается связь времён и событий, пространственно-временная связь с древней землёй наполняет стих Ахматовой ощущением эпохи.

Интерес Ахматовой к Востоку у неё буквально в крови. «Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный русский убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго». «Этот Ахмат, как известно, был чингизидом», – не без гордости отмечает в своей автобиографии Ахматова. Но, конечно, не только чувство крови влекло её к Востоку, хотя и это вовсе не исключено. Дело в том, что она много важного и значительно находила в поэтических и философских воззрениях, заключённых в мифах, гимнах и преданиях Индии и в творениях древних египтян, китайцев, корейцев. Ей были хорошо известны исторические судьбы монголов и гуннов, её волновали чистота и мудрость Авесты и Шахнаме.

Ахматова высоко ценила и любила восточное искусство, а впоследствии много переводила из китайской, корейской и древнеегипетской поэзии.

Любовь и интерес к Востоку пронизывает всё многогранное творчество Ахматовой – поэта, прозаика (она – автор очерков, дневниковых записей), переводчика-исследователя. Как известно, на протяжении всей жизни Ахматова неустанно занималась исследованием творчества Пушкина и ей по праву принадлежит достойное место среди пушкинистов; знание восточного эпоса и фольклора помогло ей отклонить попытки предыдущих исследователей найти источник «Сказки о золотом петушке» в сказках «Тысяча и одной ночи» и, обратившись к другим источникам, верно обнаружить литературный источник пушкинской сказки. Это прозаическая «Легенда об арабском звездочёте» американского писателя Вашингтона Ирвинга.

Особенно усиливается тяга Ахматовой к Востоку после встреч с художником Модильяни в Париже. В очерке, посвящённом Амедео Модильяни, Ахматова вспоминает об этом следующее:

«Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр посмотреть египетский отдел, уверял, что всё остальное недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением. Уже очень скоро он становится столь самобытным, что ничего не хочется вспоминать, глядя на его холсты. Теперь этот период Модильяни называют негритянским периодом. Он говорил: «Драгоценности должны быть дикарскими» (по поводу моих африканских бус), и рисовал меня в них».

Быть может, эти встречи и беседы с ещё непризнанным в те годы выдающимся художником и предопределили её дальнейшую судьбу, будущие творческие поиски и увлечения, уходящие к далёкому «языческому» детству, как называет его сама Ахматова.

Знание нескольких иностранных языков даёт ей широкие возможности для переводческой деятельности. Переводы Ахматовой – это целая антология мировой поэзии. Это

реалистические переводы, воплощение и перевоплощение души и слова. Переводы долгое время были единственным источником существования.

Переводная поэзия Ахматовой – это целая полоса её творчества, заслуживающая особого внимания.

Большое место в переводческой лирике Ахматовой занимает поэзия Востока. Классическая поэзия Востока для Ахматовой начинается с древнеегипетской поэзии. Самобытное искусство египтян с его культовыми песнопениями и гимнами, любовная лирика, повествующая о гордости, независимости, красоте и достоинстве как хранительницы семейного очага, были созвучны душевному складу и облику самой Ахматовой, величественной, гордой, мужественной, непоколебимой.

Своеобразие ахматовских сочинений, поэтика её стихосложения характерна и для художественного воссоздания переводных творений поэта. В них многое сливается с обликом самой Ахматовой, её духовной жизнью.

К циклу классической поэзии Востока, наряду с переводами из древнеегипетской поэзии, относятся и переводы Ахматовой из индийской поэзии, в частности стихотворений Рабиндраната Тагора.

Ахматова, по словам исследователей её переводческого мастерства, переводила так, как писала, т.е. чувствовала. Даже такой, казалось бы, далёкий от её лирического мира поэт, как Рабиндранат Тагор с его скорбящим созерцанием, принимается её музы.

Вот нежный облик, отсвет в темноте,
Вот голос, льющийся, как майский свет,
Вот нежный взгляд, но где же очи те?
Вот поцелуй, но губ любимых нет...

Характерные черты, присущие ахматовскому поэтическому искусству, развивающемуся в русле новейших художественных исканий своего века, – пунктирность поэтиче-

ской речи, глубинный подтекст, обыденность разговорных, полуобрывочных фраз при их спрятанном главном смысле, иллюзия импровизационности – это приметы и переводной поэзии, которые зримо и подспудно воспринимаются всеми почитателями её поэтического таланта, в том числе, конечно, и в Азербайджане.

И наступило время, когда Ахматова зазвучала и на азербайджанском языке. В этом году на страницах республиканских журналов «Улдуз» и «Азербайджан» появились подборки из ранних стихов Ахматовой в переводе Чингиза Алиоглы и «Реквием» в переводе Тофика Байрамова. В 1990 году предстоит публикация её стихов в журнале «Хазар» в новых переводах.

Так продолжается освоение творчества Ахматовой в Азербайджане. И вполне закономерно, что любовь Ахматовой к Востоку продолжает жить в её сыне – замечательном учёном Льве Николаевиче Гумилёве, с детства увлекающемся историей Ближнего и Дальнего Востока, историей Великой Степи, которая лежит между Китаем и Карпатами, и так мужественно и стойко отстаивавшем свою позицию в борьбе за утверждение и признание тюркского этноса. Его книга «Древние тюрки», благодаря своей объективности, честности и справедливости, принесла ему заслуженную славу. Мы помним, как проникновенно относится Л.Н.Гумилёв к азербайджанскому народу, которому знаменитый учёный пожелал не пытаться возвеличивать себя, ибо «он велик и без того. То, что прекрасно, не нуждается в похвалах».¹

1990

¹ Газ. «Элм», 1989, № 20(176), 20 мая.

БАКУ КАК ЦЕНТР МИРОВОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

История зарождения тюркологии в русле востоковедения восходит к началу прошлого века. Трудно установить, когда в Европе впервые зародился интерес к Востоку. Однако научное, системное изучение Востока началось в прошлом столетии.

Немалая заслуга в этом деле принадлежит академику В.В.Бартольду (1869-1930). В своём капитальном труде [1] В.В.Бартольд подводит итог всему тому, что было сделано в области истории Востока учёными-востоковедами и практиками (купцами, паломниками, миссионерами, военными, любознательными путешественниками), начиная с первых, часто случайных сведений, сохранившихся в легендах, эпических сказаниях, в трудах античных историков, первым среди которых был «отец истории» Геродот, и до начала 20-х годов текущего столетия.

Первая половина книги посвящена истории изучения Востока в Европе, вторая – в России, соседке восточных стран и народов, которая, вступив на поприще изучения Востока позднее Европы, сумела в XIX в. добиться больших и всеми признанных успехов. Центром университетского преподавания востоковедения сделался Казанский университет.

Успехам изучения Востока кроме Академии наук и университетов способствовало образование при содействии правительства ряда научных обществ, из которых некоторые, как Императорское Русское географическое общество (в Санкт-Петербурге) и Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (в Москве) имели отделы в азиатских владениях России и этим способствовали организации местных научных сил. В.В.Бартольд с уверенностью отмечал, что «совместная работа русских и национальных деятелей несомненно даст более ценные ре-

зультаты» и позднее сам принял участие в этом благородном деле.

Следует отметить, что теми же идеями задолго до В.В.Бартольда проникся и наш соотечественник Мирза Казем-Бек, вложивший много труда и энергии в развитие русской востоковедческой науки.

Не ограничиваясь одними идеями, он смело берётся за практическое осуществление своих планов и добивается открытия в Санкт-Петербургском университете факультета восточных языков с целью подготовки кадров специалистов-востоковедов, в их числе и тюркологов. С именами последующих поколений русских учёных-тюркологов В.В.Радлова, С.Ф.Ольденбурга, С.Е.Малова, К.К.Юдахина, Н.Н.Самойловича, В.М.Жирмунского и других связаны дальнейшие успехи в развитии тюркологии, чему способствовали важные археологические открытия в конце XIX в. в Восточном Туркестане. Специально для изучения края совершались путешествия, снаряжались лингвистические экспедиции.

Время шло и выдвигало всё больше новых проблем. Филологические поиски, научные интересы русских тюркологов-первопроходцев встретили глубокий интерес и поддержку у тюркоязычных народов, в том числе азербайджанских учёных — исследователей истории азербайджанского языка, его этноса и культуры.

Общие устремления учёных, проблемы тюркологии и её перспективные задачи вскоре объединили и определили место встреч, которые со временем приняли широкий размах и масштабы, подготовив почву для проведения международных форумов в Баку как одном из древних и культурных очагов тюркоязычных племён, в столице Азербайджана — этой республики, отличающейся среди других большими успехами в науке и технике. И не случайно в Баку в 1926 г. был проведён Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. Дело в том, что в Баку в то время, ещё задолго до съезда, шла оживлённая работа по внедрению проекта нового

тюркского алфавита. И вот накануне этого съезда в Москве 15 сентября 1925 г. на заседании востоковедов, проходящем под руководством С.Агамалыоглу, было принято решение о созыве специального съезда в Баку с целью перехода на новый алфавит [2]. В начале двадцатых годов на Северном Кавказе, в Дагестане, в Закавказской Федерации, в Поволжье, Средней Азии, на Украине и в Сибири стали создаваться учебные и научно-исследовательские востоковедческие учреждения.

Важной политической проблемой, вставшей перед советской тюркологией, было создание письменности для бесписьменных народов и народностей и замена старого (арабского) алфавита новой азбукой. Эта жгучая проблема вызвала на местах острую идеологическую борьбу [3].

Замена арабского алфавита новым, более удобным, касалась прежде всего тюркских народов. С этой целью 22 июля 1922 г. в Баку был создан Комитет нового тюркского алфавита, который разработал основные принципы нового – латинизированного алфавита. Примеру Азербайджана последовали и другие тюркоязычные республики и области.

В целях координации усилий по разработке и введению новых тюркских алфавитов в 1926 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), который в 1929 г. был преобразован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР.

В создании новых тюркских алфавитов, в решении многих практических вопросов, связанных с разработкой и практическим применением алфавитов на латинской основе, деятельное участие принимали ленинградские тюркологи: А.Н.Самойлович, С.Е.Малов, Н.К.Дмитриев, К.К.Юдахин.

Ленинградские востоковеды и в первую очередь тюркологи принимали деятельное участие в организации и проведении Первого Тюркологического съезда в Баку, явившегося важной вехой в истории тюркологии.

Азербайджанские учёные Ф.Агазаде, Б.Чобанзаде, М.Шахтахтинский и другие представители азербайджанской творческой интеллигенции активно выступали на страницах печати, отмечая необходимость внедрения нового тюркского алфавита взамен арабского, который не соответствовал тюркскому языку. О несостоятельности старого арабского алфавита для народов тюркского происхождения и его несоответствии нормам и законам азербайджанского языка говорил Б.Чобанзаде, отстаивая реформу последнего, изменение всей грамматической системы.

Одно из достоинств и преимуществ латинизированного алфавита учёный усматривал в успешном овладении нашим языком иностранцами, а также способствовании нашей родной литературе занять достойное место в ряду других национальных литератур.

На Первом Всесоюзном тюркологическом съезде, который длился с 26 февраля по 5 марта 1926 г., был избран Почётный Президиум, в который вошли 6 человек: Алибек Гусейнзаде, Банг, Мустафа Кулиев, Марр, Луначарский, Томсен.

5 докладов из 37 прослушанных было посвящено истории и этнографии тюркских народов, 2 – литературе тюркских народов, 7 – языкам тюркских народов, 7 – проблеме алфавита, 6 – проблемам орфографии, 2 – культуре тюркских народов, 5 – проблемам тюркского литературного языка и 3 – вопросам обучения тюркским языкам.

Одним из первых и ведущих докладов съезда был доклад проф. Б.Чобанзаде «О близком родстве тюркских языков». Основные свои аргументы учёный черпал из Дивана М.Кашгари (XI в.).

Как известно, первыми исследователями Дивана, открытие и издание которого явилось в истории тюркологии событием эпохального значения, были русские учёные В.В.Бартольд и С.Е.Малов. В дальнейшем материалы, почерпнутые из Дивана, Бартольд широко использовал в своих изысканиях по истории тюрок, а Малов – своей хресто-

матии «Образцы древнетюркской письменности с предисловием и словарём» (Ташкент, 1926), а также в труде «Памятники древнетюркской письменности» (1951). Кроме того, материалы Дивана М.Кашгари были использованы и при составлении «Древнетюркского словаря». Должное место отвёл Дивану в своём библиографическом справочнике и А.Е.Крымский.

В середине 30-х годов Азербайджанский филиал АН СССР создал во главе с Халид Саидом Ходжаевым комиссию по переводу Дивана М.Кашгари на азербайджанский язык. В 1939 г. перевод был завершён и в том же году отредактирован С.Е.Маловым и А.Н.Кононовым.

В 60-х годах продолжалась работа по совершенствованию азербайджанского перевода и введению русских соответствий; эту работу выполнили известные азербайджанские филологи А.Демирчизаде, А.Джафар, Дж.Эфендиев.

Материалы Дивана часто являются едва ли не единственным источником сведений о расселении и делении тюркских племён. Вот почему азербайджанский учёный Б.Чобанзаде в своём докладе на Первом Всесоюзном съезде тюркологов, опираясь на эти сведения, попытался научно аргументировать близкое родство тюркских языков, но вместе с тем указал и на недостатки, допущенные в этой сфере: «исследования тюркских наречий в большинстве случаев предприняты с целью подсобия и помощи в деле пролития света на вопросы исторические, экономические или политические».

Кроме того отмечалось, что сравнительное изучение тюркских наречий носит ограничительный характер и дальше собственных языковых возможностей не распространяется.

В своих дальнейших выступлениях на съезде Б.Чобанзаде, отмечая роль и значение научной терминологии, предлагал три базы для её развития: общетюркскую, арабо-фарсидскую и русско-европейскую основы.

С докладом «Современное положение и перспективы изучения древних тюркских языков» выступил на съезде С.Е.Малов.

Среди учёных с мировым именем на данном съезде принимал участие и В.В.Бартольд. Во время первой после революции поездки в Западную Европу, в 1922 г., В.В.Бартольд по предложению Лондонского университета прочёл в Kings College курс из шести лекций, посвящённый истории тюркских и монгольских племён Центральной Азии.

Этот курс, основное содержание которого было изложено В.В.Бартольдом в докладе «Кочевники Средней Азии, их прошлое и настоящее», прочитанном на английском языке 27 марта 1923 г. в Лондоне, в Королевском антропологическом институте, а затем в приложении к курсу лекций, прочитанных в Баку в 1924 г, стал той основой, на которой вырос наиболее значительный обобщающий труд учёного, посвящённый тюркским народам [4]. А в 1926 г., будучи почётным делегатом Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку, учёный выступил с докладом «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей». В том же году была завершена работа В.В.Бартольда над наиболее полным курсом лекций по истории тюркских народов, который по просьбе турецкого правительства был предназначен для чтения студентам Стамбульского университета.

В истории развития тюркологии Первый Всесоюзный съезд, этот международный форум тюркологов, сыграл важную, судьбоносную роль, определив судьбы тюркоязычных народов, многие из которых по примеру Азербайджана перешли на новый латинизированный («восточный») алфавит, приобретя таким образом возможность выхода на широкую арену культурно-общественного развития. Материалы этого исторического съезда с мировым значением, привлекая всё больше внимание учёных и исследователей, тщательно изучаются и сопоставляются с задачами современной тюркологии. И не случайно один день III Междуна-

родного съезда тюркологов в Анкаре 25 сентября 1996 г. был посвящён 70-летию Первого тюркологического съезда, который проходил в 1926 г. в Баку.

С докладом «Первый тюркологический съезд и задачи современной тюркологии» выступил профессор К.Велиев (Баку). О значении и роли Первого съезда тюркологов в Баку и о его отзвуке в Турции говорил профессор Фикрет Туркмен (Турция). Кроме того, тут было принято решение о созыве очередного международного форума тюркологов в Баку, что незамедлительно и состоялось в ноябре того же года в АН Азербайджана. Основная суть его сводилась к тому, что необходимо всем тюркоязычным народам ещё активнее проявлять интерес к своим корням, истории и прошлому с целью определения и утверждения своего места в ряду мировых цивилизаций, в мировом контексте.

Важная и определяющая роль в этом деле принадлежит международному научному журналу «Тюркология», издающемуся в Баку с 1970 г. В настоящее время главным редактором журнала является профессор А.Ахундов. Он имеет большую редколлегию, включающую ряд видных азербайджанских учёных, а также международных консультантов, среди которых – из Англии, Германии, Венгрии, Японии, стран Средней Азии, Москвы, Уфы, Санкт-Петербурга и других.

Для тюркологических исследований характерны огромные масштабы как в хронологическом отношении (более тысячелетия), так и с точки зрения охвата территорий с тюркоязычным населением (Средняя и Центральная Азия, Ближний Восток, Юго-Западная Европа и Средиземноморье). К тому же тюркология как наука объединяет специалистов самого различного профиля: историков, филологов, лингвистов, археологов, этнографов и многих других. И в связи с этим журнал «Тюркология» – единственный печатный орган, координирующий центр мировой тюркологической науки, приобретает глобальное значение и масштабность.

Журнал даёт нам определённые сведения о научных трудах и разысканиях крупных русских учёных-тюркологов – представителей русской тюркологической школы, посвящённых исследованию древних тюркских памятников.

Широкую информацию о деятельности учёных-тюркологов мы черпаем из некрологов, посвящённых их памяти. Очень основательна, например, статья-некролог «Памяти В.М.Жирмунского», где в частности говорится: «Глубокое изучение памятников тюркского героического эпоса в соединении с его давними и основательными познаниями в области эпоса славянских, германских и романских народов позволило Жирмунскому обратиться к сравнительному изучению эпических сказаний Востока и Запада» [5].

На основе этого же журнала мы судим и о состоянии современной тюркологии за рубежом, в частности, что в Париже издаётся тюркологический ежегодник, в котором наряду с вопросами исторического характера, скажем, исследованиями этимологии отдельных слов и выражений тюрко-монгольской языковой семьи или новыми сведениями о тюркских памятниках, хранящихся в музеях мира, публикуются статьи на современные тюркологические темы [6]. Один из последних номеров журнала «Тюркология» посвящён актуальным вопросам азербайджанской филологической науки.

Определённый интерес вызывают опубликованные в сборнике статьи ныне покойных учёных Азербайджана: Дж.Каграманова – «Азербайджанская рукописная книга в библиотеках Европы» и З.Буниятова – «Сочинения азербайджанских персоязычных авторов в Национальной библиотеке Египта». Благодаря этим статьям исследователи, изучающие перечисленные в них труды, смогут, не занимаясь поиском их местонахождения, обращаться непосредственно в соответствующие библиотеки. Из этих же статей можно почерпнуть немало ценного о качестве исполнения, технических характеристиках и отчасти о содержании рукописей.

В данном номере в разделе «Хроника» помещается юбилейная статья, посвящённая 100-летию со дня рождения видного азербайджанского тюрколога Б.Чобанзаде. На научной сессии в честь учёного был заслушан ряд интересных докладов; в частности в докладе профессора А.Ахундова было отмечено, что Чобанзаде был одним из основателей азербайджанской филологии. Его аспиранты М.Ширалиев, А.Демирчизаде, М.Гусейнзаде впоследствии заложили основы языкознания в республике: М.Ширалиев – азербайджанской диалектологии, А.Демирчизаде – истории азербайджанского литературного языка, М.Гусейнзаде – основы современного азербайджанского языка. В докладе В.Асланова отмечалось о неопубликованных трудах учёного, о днях, проведённых им в Венгрии, о его учёбе и работе в Будапеште, а также об утерянных и пропавших научных трудах Б.Чобанзаде, в частности монографии, состоящей из 5 глав, под названием «Ибн Муханна и его произведение», «О художественном творчестве Хатаи и его языке» (предисловие к Дивану Хатаи). Кроме того, помещена статья венгерского учёного Х.Янковского «Заметки о жизни и деятельности Чобанзаде в Венгрии».

В этом же номере журнала отмечено 75-летие известного французского тюрколога И.Меликофф и помещена её статья «Цветок страдания» (о символическом значении слова «лале» – тюльпан в тюрко-персидской мистической поэзии). А в примечании информируется о том, что французский вариант статьи опубликован в «*Journal Asiatique*» (1967), Paris, 1968.

К 75-летию польского учёного-тюрколога М.Лабенцка-Кехер приурочена статья юбиляра «Изучение поэзии Юнуса Эмре в Польше».

Многообразна и интересна тематика «Тюркологии». И хочется выразить надежду на продолжительность и перспективность данного журнала как связующего звена и центра тюркоязычных народов и учёных – исследователей их культуры, вместе с тем и на организацию в Баку научного

центра по тюркологии ведомственного характера на государственном уровне, что уже намечено осуществить в ближайшем будущем.

Библиография

1. Бартольд В.В. Сочинения в 9 томах, т.9 // Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977.
2. Babayev A. Azərbaycan dilçiliyinin tarixi. Bakı Universitetinin nəşriyyatı, 1966.
3. Тюркологический сборник. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1970, с.11.
4. Тюркологический сборник, с.151.
5. Журн. «Советская тюркология», 1971, № 2.
6. Журн. «Советская тюркология», 1971, № 1.

1997

«КИТАБИ-ДЕДЕ ГОРГУД» КАК СОВЕРШЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ ОТРАЖЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Самым древним тюркским (огузским) памятником, образцом хронологически ранней ступени развития эпоса является дастан «Китаби-Деде Горгуд», бытовавший в устной форме издавна до VII в., а как письменный памятник – начиная с X века.

Знаменательным событием в жизни нашей республики стал международный форум, посвящённый 1300-летию данного памятника. Велика роль «Китаби-Деде Горгуд» в зарождении традиций огузского героического эпоса, как совершенного образца этой творческой традиции.

Этот памятник связан с именем великого и мудрого Горгуда. «Средневековый эпос тюркоязычных народов и связанные с ним устные предания сохранили в поэтической идеализации древний образ певца, объединяющего в одном лице сказителя эпоса и шамана. «Книга моего деда Горгуда» («Китаби Дедем Горгуд»), дошедшая до нас в литературной обработке XV в. (Турецкая рукопись XVI в.), представляет цикл героических песен огузов, в своей основе сложившийся ещё в ту пору, когда огузы кочевали в низовьях Сыр-Дарьи и приаральных степях (IX-X в.), но получивший дальнейшее развитие и окончательное оформление в период с X по XI век в Закавказье и Анатолии, куда часть огузов проникла в XI в. под предводительством султанов Сельджукской династии. Через весь цикл героических сказаний проходит образ вещего старца Горгуда. «Отец Горгуд» (Горгуд-ата) – мудрый патриарх огузов. Все дела решаются огузами по его совету, он нарекает счастливое имя будущему герою, даёт ему коня, благословляет его меч и отправляется за него в трудное сватовство. Горгуду приписываются пословицы, изречения народной мудрости, объединённые формулой: «Ещё дед Горгуд сказал...». Вместе с тем он –

сказитель (озан), который, сопровождая песню игрой на кобузе, воспеваает подвиги огузских богатырей» [1; 271, 272].

Среднеазиатские предания огузов отражает «Родословная туркмен» Хивинского хана Абульгази (ок. 1660), в которой Горгуд изображён как патриарх племени, мудрый старец, доживший до девяноста пяти лет, советник (визирь) пяти огузских ханов. Источником этих глав «Родословной» является исторический труд Рашид ад-Дина «История Огуза и тюрок и владычества их над миром» (начало XIV в.). Тем самым, как отмечает В.М.Жирмунский, эта историческая легенда засвидетельствована уже к концу XIII века.

В казахском фольклоре Горгуд-ата – первый баксы (шаман), научивший баксы игре на кобузе. Имя его призывается в магических заклинаниях казахских баксы. Существует легенда о том, что Горгуд игрой на кобузе спасался от смерти на ковре-самоплаве посередине Сыр-Дарьи; но когда сон одолел его, «смерть в образе небольшой змеи вползла на ковёр и ужалила Горгуда». Могилу «святого Горгуда», служившую предметом культа у мусульманского населения, показывали на берегу Сыр-Дарьи недалеко от города Джусалы (железнодорожная станция Хорхут). В.В.Бартольд справедливо указывает, что начало этого культа восходит к домусульманскому времени, «когда местность в низовьях Сыр-Дарьи имела центральное значение в жизни огузов».

Патриарх племени, прорицатель и шаман и в то же время создатель и хранитель народного эпического предания, Горгуд, таким образом, носит яркие следы того древнего синкретического типа народного певца-озана, из которого в дальнейшем дифференцируется профессиональный сказитель героического эпоса.

Профессиональное сказочничество, зародившееся и получившее развитие с древнейшего периода, на определённой ступени породило традицию озана. Эта традиция на протяжении длительного исторического отрезка времени создала многообразные по тематике, по содержанию и фор-

ме предания, легенды, огузнаме. «Огузнаме» является ярким доказательством того, что задолго до насильственного внедрения в IX-XII веках арабского и фарсидского письменного языка в Азербайджане бытовал литературно-художественный огузский язык, на котором и была создана выделяющаяся своим богатым мировым содержанием, общественно-исторической значимостью, высоким художественно-эстетическим уровнем литература.

Как и самые лучшие наши сказки, огузские пословицы говорят о том, что классический письменный литературный язык отдалил нас от истоков национального языка и мышления... в то время как система живого разговорного языка в течение тысячелетий мало чем изменилась» [2, 15].

Жизнь, быт, традиции и обычаи, героизм родоплеменных объединений составили основу озанского репертуара, который со временем стал воссоздавать сюжеты, отражающие всю полную историю племён, их быт. В этих сюжетах позднее нашли отражение жизнь различных племён, ханов, ханских династий, их отношения в определённый исторический период. На этом новом этапе творческой деятельности позиция озана в обществе была основана на реальной исторической почве. Начинался процесс трансформации озана из божества в профессионального мастера-импровизатора. «Героический эпос каждого народа в действительности представляет собой отшлифованную художественным мышлением частичку его жизни в определённую историческую эпоху. Отражая общественно-политическое и эстетическое мировоззрение народа, они в то же время несут в себе, соединяя воедино, искусство профессионального исполнительского мастерства и импровизаторства» [3, 12].

Непревзойдённым образцом тюркского эпоса, самым древним и совершенным памятником его национального характера и языка является «Китаби-Деде Горгуд». Эта сокровищница красоты, мудрости и нравственности, в которой представлена огузская модель мира и нашли отражение многие мировые проблемы (любви, семьи, брака, отцов-

сыновей, государственности и пр.), по праву является и ярким образцом мирового эпоса. И мировому эпосоведению предстоит ещё немалый труд по глубокому и широкомасштабному изучению этого дастана, следы которого уводят нас в глубь веков, т.е. задолго до ислама, когда господствующей идеологией была религия Заратустры. Авеста – священная книга зороастризма (огнепоклонничества) оставила заметный след в азербайджанском народном творчестве. Дуалистические представления зороастризма – борьба Добра и Зла, а также волшебнo-фантастические образы дивов, аждаха, пери и др., олицетворяющих злое начало и умеющих перевоплощаться в зависимости от ситуации, нашли своё отражение и в огузском дастане «Китаби-Деде Горгуд». Знаменательным, например, в дастане представляется появление на свет в результате связи пастуха и бессмертной пери чудовища с одним глазом на темени – Тепегёза, пожирающего своих соплеменников и несущего, таким образом, зло всему огузскому илю

О мифологических корнях этого памятника свидетельствует и наличие в нём тотемистических образов, ирреальных персонажей, связанных с тюркскими этническими воззрениями, древними убеждениями и верованиями. В вышеупомянутом дастане навстречу Казан-хану, идущему отомстить за себя, вышел волк, и Казан выражает эту удачу словами: «Гурд узу мубаряк олар» («Видеть волка приносит счастье»).

Концепции домусульманского бытования данного дастанского повествования в устной форме придерживаются такие учёные, как Амин Абид, Ф.Кёпрюлю, Ш.Джамшидов, Х.Короглы, А.Набиев. Азербайджанский учёный Амин Абид, например, один из первых исследователей «Китаби-Деде Горгуд», его поэтики в сравнительном аспекте, очевидно, не случайно предлагал начинать историю азербайджанской литературы именно с этого дастана, и, как известно, эту идею он осуществил в своей однотомной «Истории азербайджанской литературы». В 1939 г. впервые Амин

Абид издал «Китаби-Деде Горгуд» в полном объёме, тем самым открыв возможность для широких исследований дастана.

Большую научно-исследовательскую работу над языком памятника провёл азербайджанский учёный А.Демирчизаде. Его труд «О языке дастана «Китаби-Деде Горгуд», а также отдельные статьи и изыскания в этой сфере сыграли важную роль в определении места и значения этого эпического произведения в истории азербайджанского языка. Следует отметить и исследования в этой области А.Мусаханлы, М.Тахмасиба, А.Султанлы, М.Ширалиева и др. Однако, задолго до перечисленных учёных в Азербайджане исследованием данного эпоса, как стало известно совсем недавно, занимались находящиеся в эмиграции (в Турции) М.Э.Расулзаде (в ж. «Йени Гафгазийя» и «Азербайджан» за 1952 и 1953 г.) и Мирзабала Мамедзаде, лидеры Азербайджанской Демократической Республики, которые своими практическими творческими разысканиями раздвинули рамки научной ценности данного эпоса, обосновав его как достояние азербайджанской среды. Выявив сферу распространения и бытования эпоса «Китаби-Деде Горгуд», его героев как прототипов реальных исторических деятелей, а самого же Горгуда представив как историческое лицо и творческую личность, М.Мамедзаде доказал, что это не только литературный памятник, но и оригинальный источник для изучения нашей истории [4].

Как известно, в силу бытовавших идеологических препон, этот памятник долгое время был оторван от своей исторической национальной среды. И только после II мировой войны азербайджанские учёные получили широкий доступ к исследованию этого литературного и исторического памятника. По книге мы судим об отдалённых исторических событиях, нашедших отражение в её сказаниях, топонимия которых связана в основном с Кавказом, а точнее – с Азербайджаном. С Кавказом связаны и северная граница

огузов – азербайджанские города Барда и Гянджа (IX огузнаме), которые охранялись огузскими беками.

На точные границы иля указывает, например, следующий эпизод. Сегрек, чтобы освободить своего брата из плена, трое суток, день и ночь, гнал коня и вышел на пограничный пост Дерешам, что расположен между Джюльфой и Нахчываном. На севере от огузов находился Гурджистан, и со всех сторон их окружали иноверцы (грузины, абхазцы и черкесы). Из текстов выявляется и умозрительно прослеживается и условно может быть обозначена карта огузского иля, если учесть, что огузы совершали набеги от Демиргапу (Дербента) на Кавказе до Диярбекира и Мардина в Малой Азии. Таким образом, границы его простирались от Дербента до Мардина и от Трапезунда и Байбурда до Аракса и Куры.

Среди учёных – исследователей этого памятника с мировым значением, начиная от европейских, позже русских, а ещё позднее турецких, азербайджанских и, наконец, среднеазиатских, в особенности заслуживают внимание те, кто на основании лексики и стиля, художественных особенностей памятника судят о его принадлежности к Азербайджану. Автор первого большого грамматического очерка «Книги» турецкий учёный Мухаррем Эргин на основании анализа лексики и стиля памятника утверждает, что «Книга» всецело является творением Азербайджана. Об этом говорят и имена персонажей, героев, и топонимы, и лексика, и фразеология, и морфология, и синтаксис каждой строки, стилистическая нас с азербайджанским тюркским языком. Один из современных азербайджанских горгузоведов Ш.Джамшидов обращает наше внимание на тот факт, что многие географические названия, топонимы и этнографические понятия, упомянутые в «Книге», бытуют в Азербайджане и по сей день. На территории нашей республики, в Шамахе, Геокчае и других местах насчитывается около десяти селений с названием Баят, что говорит о широком распространении племени баят в те далёкие времена [5].

На основании всех сказаний дастана учёный обозначил топографическую схему, включающую названия городов, гор, рек и крепостей, встречающихся на территории Азербайджана, и схему, дающую представление о чужеземных краях и странах, находящихся за пределами Азербайджана или граничащих с ним. Кроме того, им была также проведена большая сличительная работа по выявлению мест расположения всех встречающихся в дастане географических названий и их современного состояния (сохранившихся, разрушенных или частично уцелевших).

Этот памятник, являющийся достоянием не только азербайджанского народа, но и всего тюркского мира, доносит до наших дней обширную информацию этнографического характера, особенности бытового уклада, образа мыслей и психологии древних огузов, воссоздаёт образ древней огузской женщины. В условиях кочевого быта она, пользуясь определённой свободой и независимостью, седлала коня и в сопровождении сорока девиц-наездниц отправлялась наравне с мужчинами в боевой поход или спешила выручать попавших в беду мужа или сына. Кочевой образ жизни не мешает ей быть преданной своей семье, любящей и заботливой женой и матерью. Огузская женщина смелая, мужественная и волевая. В отсутствие мужа она с честью и достоинством выполняет обязанности главы семьи.

«Велико и непреходяще значение национально-исторического памятника «Китаби-Деде Горгуд», как редкого и богатого духовного источника в гуманизации прежде всего национальной литературы, воспитанной на высоких моральных качествах его персонажей, таких благородных, сильных и мужественных и вместе с тем гордых, честных, трудолюбивых, как Гараджа Чобан, славных и доблестных полководцев и воинов, как Салор Казан, Уруз, Дели Домрул и др., в особенности же женских образов, в ряду которых ставшие почти легендарными героические, сильные духом, смелые, волевые и рассудительные Бурла хатун, Сельджан хатун, Банучичек» [6, 43]. В «Книге» представлены нрав-

ственно-этические нормы поведения огузов в период зарождения феодальных отношений, когда верхушку государственного устройства, именуемого «огуз эли» составляли беки. Каждый бек имел собственные владения и свою дружину. Верховная власть формально была сосредоточена в двух диванах – хана Байандыра и беглярбека Казана, который, являясь ведущим героем, выступает в эпосе единственным предводителем всех огузов.

Как известно, у эпоса свои традиционные структурно-художественные особенности и закономерности развития. «Идеологическим ядром эпоса оказывается триада: «свой» мир (государство), город, семья – враг-захватчик – герой-защитник. Вокруг этой триады, как правило, концентрируется вся эпическая топка, ею обусловлены оценки, характеристики, толкование конфликтов, развязки, она же определяет позицию певца и настроение аудитории, которой эпос адресуется» [7, 16].

Согласно научно-теоретическим установкам современного эпосоведения, в эпосе следует различать прежде всего повествовательное время, т.е. «совокупность временных отношений повествователя к повествуемому, как они воплощены в эпических текстах». В «Китаби-Деде Горгуд», как нам представляется, повествовательное время определилось в период зарождения дастана как письменного памятника (X век). «Парадокс повествовательного времени в эпосе заключается в том, что само эпическое сказание, содержащее рассказ о подвигах, приключениях, испытаниях героя, течёт без видимого соблюдения какой-либо временной дистанции» [7, 34]. Однако, как было отмечено выше, сказания «Китаби-Деде Горгуд» первоначально бытовали в устной форме (VI-VII вв., до ислама). Это время можно определить как сюжетное, т.е. согласно определению известного эпосоведа Б.Н.Путилова, «это весь комплекс временных отношений между событиями, между персонажами и событиями, характер и способы временной фиксации происходящего, отсчёта времени».

Примечательно и наличие в дастане «Китаби-Деде Горгуд» подтекстов, связанных с древними религиозно-мифологическими представлениями, обычаями и традициями тюркских племён, в частности огузов. Их можно определить как элементы, способствующие выявлению духовной и материальной культуры огузского племени в III–IV веках, т.е. задолго до исламизации тюркских племён и народов. Например, огузы живут в шатрах, основным их хозяйством является овцеводство и крупный рогатый скот. Жизненным укладом их является кочевой образ, т.е. «движение» определяет его, отсюда особое предпочтение лошади, скакунам и верховой езде, существовал даже культ лошади. Орудиями производства служат луки из тростникового камыша, стрелы с железными наконечниками, стальные мечи и копья. Предметом добычи огня служил камень. Перед раненым Бугачем, как символ добра и милосердия, предстаёт святой Хызр. Или же выбор невесты и определение своей судьбы по месту падения стрелы. Упоминание дерева, льва и волка как своих предков и поклонение им. Сам сказитель мудрый Горгуд представлен как шаман и пророк, он нарекает героев именами и предсказывает их судьбу. Мы полагаем, что наличие в дастане подобных намёков, элементов и деталей говорит о подспудном, тайном существовании и так называемого «эпохального» времени, в данном случае — первобытно-общинного строя.

Таким образом, в азербайджанском дастане, в отличие от других образцов тюркского эпоса и прежде всего узбекского эпоса «Алпамыш» и киргизского эпоса «Манас», прослеживается несколько пластов: героический, исторический, мифологический, вопреки последним, которые представляют собой трансформацию народной героической сказки, т.е. в их основе лежит сказочный сюжет и повествование о богатырской силе и мощи народа в борьбе с иноземными завоевателями.

Библиография

1. Жирмунский В. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.-Л.: Государственное изд-во худ. литературы, 1962.
2. Огузнаме. Вступительная статья Самета Ализаде. Баку: Язычи, 1987.
3. Короглы Х.Г., Набиев А.М. Азербайджанский героический эпос. Баку: Язычи, 1996.
4. См.: Aslanova T. Eposun mühacir tədqiqatçısı // “Azərbaycan müəllimi”, 1998, 17 mart.
5. См.: Джамшидов Ш. Листая «Китаби-Деде Горгуд». Баку: Гянджлик, 1969; Его же. «Китаби-Деде Горгуд». Баку: Элм, 1977 (на азерб. яз).
6. Фейзуллаева А.Г. Азербайджанские писатели XIX – начала XX вв. и русская литературно-общественная среда // Роль контактных связей в историческом развитии национальной литературы. Автореф. докт. дисс. Баку, 1994.
7. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988.

1999

А.С.ПУШКИН – ИСТОРИК И ПОЛИТИК *(К вопросу об отношении поэта к истории и политике)*

«Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (1). Придавая важное значение этим определениям Пушкина как историка, нам хотелось бы остановиться на некоторых заслуживающих внимания моментах, чтобы раскрыть и выявить истинное отношение русского поэта-мыслителя к истории своего отечества и великодержавной политике России.

На материалах исторического прошлого он стремился разрешить волновавшие его вопросы. В глазах поэта история имела не только просветительное и воспитательное значение. Знание прошлого помогало лучше осмыслить настоящее. Используя исторические сюжеты в своих произведениях Пушкин тщательно и кропотливо изучал исторические источники. Архивные документы, мемуары, летописи, специальные монографии, предания – всё это было, как известно, исследовано для написания исторических трудов и художественных произведений на историческую тему. Несмотря на традиционное деление русской истории на допетровскую Русь и послепетровскую, Пушкин кладёт в основу периодизации не деяния князей и царей, как это делал Карамзин, а определенные процессы, которые происходили в тот или иной период истории. В одном из писем своему другу А. Чаадаеву он признавался: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков» (2).

Как известно, отечественная история была предметом особенного интереса Пушкина. Планы его, как исследователя истории, не ограничивались лишь одной эпохой. Пушкин задумал приняться за серьёзный научный труд – написать историю Петра Великого на фоне петровской эпохи. И хотя, как отмечает сам поэт, отношения его с властями были неровные: «Сношения мои с правительством подобны вешней

погоде: поминутно то дождь, то солнце» (3), всё же ему удалось выхлопотать себе разрешение заниматься в государственных архивах. Вместе с тем он был снова принят на службу в коллегию иностранных дел, причем государь, в виде особой милости, назначил ему жалованье в 5000 рублей ассигнациями.

«Нынче осенью займусь литературой, а зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царём. Царь со мною очень милостив и любезен» (4), – пишет он из Царского Села в Москву 21 июля 1931 года своему близкому другу П.В.Нащокину. Вскоре он заинтересовался и увлёкся пугачёвским делом и решил написать о нём специальное исследование. «Для того, чтобы лично осмотреть места, где происходило восстание, Пушкин осенью 1833 года сделал поездку по Казанской и Оренбургской губернии... По возвращении в Петербург Пушкин издал «Историю Пугачёвского бунта», причём по приказанию государя ему было отпущено на издание заимообразно из казны 20000 рублей» (5).

Решив осветить и оживить одну из запутанных и сложных страниц отечественной истории, связанной с именем Пугачёва, и дать свою оценку историческому движению, именуемому «пугачёвщиной», Пушкин обращается к бесконечным поискам исторического материала, рукописей, записей, преданий, песен, личных воспоминаний, устных рассказов. А в предисловии к «Истории Пугачёва» Пушкин отмечает, что «дело о Пугачёве, доньше нераспечатанное, находилось в Государственном Санкт-Петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайными государственными, ныне превращёнными в исторические материалы. Государь император по своём восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило» (6).

Страстное увлечение Пушкина историей своей страны можно проследить и в его многочисленных письмах, адресованных друзьям, родственникам, а также отдельным

должностным лицам. «В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу давно мною начатую и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду... Кроме жалованья, определённого мне щедростью его величества, нет у меня постоянного дохода». А в письме, адресованном горному инженеру, историку Сибири Г.И.Спасскому, он просит позволения пользоваться находящейся у того рукописью, касающейся времён Пугачёва. Не смея ограничиваться сухим изложением исторических фактов, Пушкин задумал сюжет и для исторической повести «Капитанская дочка», где та же эпоха была изображена преимущественно с бытовой стороны. «Здесь я возился со стариками, – пишет он своей жене, – современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону... Сегодня я еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последнюю цель моего путешествия» (7).

Как известно, вскоре «добросовестный» (определение самого Пушкина) труд дал свои положительные результаты. Наконец-то был преодолён этот довольно-таки загадочный исторический рубеж и открыта «тайна» неуловимого атамана. И мир узнал истину о знаменитом антикрепостническом восстании под предводительством Пугачёва, о причинах размаха казачьего негодования и протеста, вылившегося в широкое народное волнение, основных этапах развития продолжительного «пугачёвского бунта», о его историческом значении в оценке Пушкина. «Разбирая меры, предпринятые Пугачёвым и его сообщниками, должно признать, что мятежники избрали средства самые надёжные и действительные к своей цели, – замечает Пушкин – «историограф» Пугачёва. – Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно».

Анализ и прослеживание им всех этапов этого грандиозного народного движения даёт основание для вполне логичного, как нам представляется, вывода о том, что «пугачёвский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям. Государственная власть была сосредоточена; губернии, слишком пространные, разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее». Пушкин, как взыскательный исследователь, хотел сказать, что «истинными виновниками восстания были не казаки и крестьяне, как официально проповедовалось, а правительство и дворяне, которые тяжёлым гнѐтом, невероятной жестокостью сделали их жизнь невыносимой. Правительство, по мысли Пушкина, само создавало себе врагов. И оно же беспощадно расправлялось с ними» (8). И в своих заключительных словах: «Пугачёвский бунт доказал правительству необходимость многих перемен» Пушкин, стремясь воздействовать на царя, делает намѣк на необходимость проведения реформ, могущих облегчить положение народных масс. «Замечания о бунте» красноречиво вскрывают истинную суть «жестокоего века», как, впрочем, и вся эпопея с поездкой на Урал и изучением истории пугачёвского восстания» (9).

В отношении своего героя оценка Пушкина неоднозначна. Пугачѐв в его представлении то «славный мятежник», то раскольник и самозванец, именующий себя государем Петром III, то добрый и снисходительный человек, в лице которого ничего грозного и свирепого не было, то атаман шайки разбойников. Исходя из воспоминаний очевидцев событий «смутного времени», Пушкин изображает Пугачѐва как выдающегося предводителя восставших, как человека, отзывчивого к интересам простого народа. «Ветераны-пугачѐвцы говорили о «смелости и проворстве» своего предводителя. Пугачѐв всегда был сам впереди своего войска, нимало не опасаясь стрельбы ни из пушек, ни из ружей. Пушка-де царя не убьѣт!» (10).

Стремясь внести ясность в сложившуюся социально-историческую обстановку накануне пугачёвского восстания, Пушкин обращает наше внимание на предысторию прежде всего яицких (уральских) и донских казаков, определяет геополитическое положение их как кочевых племён. Обращаясь к известным трудам учёных, в частности «Родословной истории татар Абульгази», как читаем у Пушкина (на самом же деле имеется в виду «Родословная туркмен» Хивинского хана Абульгази), Пушкин отмечает, что предками казаков были кипчаки, т.е. племена тюркского происхождения, и пришли они в подданство России вслед за покорением Астрахани. И лишь приходится сожалеть, что эти данные, а также более подробные последующие сведения Абульгази об уральских казаках, их смешанном языке и быте воспринимаются Пушкиным как «нелепости, которые не заслуживают опровержения для русских» (подчёркнуто нами. – А.Ф.).

Заметим, что на очень ценные сведения Абульгази опирались в своих тюркологических разысканиях такие учёные с мировым именем, как академики В.В.Бартольд и В.Жирмунский. Очевидно, у великих людей велики и просчёты, ошибки. «Живя набегам, окружённые неприязненными племенами, казаки чувствовали необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Фёдоровича послали от себя в Москву просить государя, чтоб он принял их под свою высокую руку. Поселение казаков на бесхозьяственном Яике могло казаться завоеванием, коего важность была очевидна. Царь обласкал новых подданных и пожаловал им грамоту на реку Яик, отдав её от вершины до устья и дозволяя им набираться на житьё вольными людьми» – так характеризует судьбу казаков Пушкин. Тут следует оговориться, что этот исторический факт нашёл своё отражение в древнерусском историко-литературном памятнике – воинской «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков», связанной с историческими событиями, происходившими на юге Руси в середине XVII века. В 1637 г.

донские казаки без ведома царя Михаила, воспользовавшись тем, что турецкий султан Мурад был занят войной с Персией, захватили крепость Азов. В 1641 г. султан Ибрагим I решил овладеть Азовом. Крепость была осаждена турецкой армией, но взять её туркам не удалось. Донские казаки мужественно отстояли и выдержали осаду города. Но, несмотря на победу, положение казаков было тяжёлым, и в надежде на сочувствие царя, а также на дальнейшее своё независимое положение, казаки пытались убедить царя Михаила присоединить Азов к русским владениям. А царь, в свою очередь, как выясняется из памятника, «по прошению и посольству царя турецкого Ибрагима-султана пожаловал его, царя турецкого, и велел донским атаманам и казакам Азов-город покинуть». И это было непростительной обидой, нанесённой государевой волей казачеству. О дальнейшей судьбе донских и уральских казаков мы узнаём уже из исторического труда Пушкина. Неоднократные обиды и притеснения, самовольные налоги и нарушения старинных прав и обычаев рыбной ловли – основного средства пропитания казаков, их безответные справедливые жалобы и послужили основной причиной всенародного негодования и бунта. «Казаки волновались. Наконец, в 1771 году мятеж обнаружился во всей силе, – пишет Пушкин. – Для прекращения мятежа были приняты строжайшие меры, но наказания уже не могли смирить ожесточённых... Строгие и необходимые меры восстановили наружный порядок, спокойствие было ненадёжно... Тайные совещания происходили по степным уметам (умет – постоянный двор) и отдалённым хуторам. Всё предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя» (11).

Его подготовила и выдвинула из гущи народной сама среда. «В смутное сие время, – читаем у Пушкина, – по казачьим дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремесла» (12). Примечательно, что Пугачёв намеревался, как замечает Пушкин, уйти со своим отрядом мя-

тежников за Волгу и скрыться в Турции. «Сперва дело шло о побеге в Турцию: мысль издавна общая всем недовольным казакам» (13). Да и в финале повести «Капитанская дочка» главный герой Пётр Гринёв долго смотрит вслед уходящему в степь Пугачёву. «Пугачёв уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка». Понятие степи, как исторической родины Пугачёва, и тут находит своё художественное отражение и символическое решение. Небезынтересно также, что «виновник сего ужасного смятения привлекал общее внимание. В Европе принимали Пугачёва за орудие турецкой политики» (14). Думается, что это не случайно: тут усматривается определённая закономерность проявления генетических связей.

Современное состояние науки, называемой «пушкиноведение», диктует неизбежность определённой переоценки некоторых исторических, а также политических убеждений гиганта русской поэзии. В этой связи следует отметить некоторую категоричность и ошибочность суждений Пушкина относительно пагубности так называемого татарского ига, указывающих на то, что якобы татары ничего не дали Руси, кроме бедствий и разорений. Да и что «могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства?». По-своему воспринимая этот «трагический» период русской истории, Пушкин считал, что «татары не содействовали образованию русского государства, а напротив, тормозили объединение русских земель в единое целое, тормозили развитие страны». Это утверждение поэта находится в прямом противоречии прежде всего с высказываниями акад. В.Бартольда, отмечающего, что «благодаря монголам и татарам на Руси зародилось централизованное государство. Они принесли с собой государственную систему управления» (15). А согласно современным научным разысканиям О.Сулейменова, Л.Гумилёва, М.Аджи и др., культура Руси ещё многими своими признаками и развитием была обязана степнякам, их активному вмешательству в жизнь русских соседей.

В сочинениях Пушкина, в частности в «Путешествии в Арзрум», нередко мы встречаем строки, подтверждающие его насмешливое, пренебрежительное, а иногда предвзятое или просто отрицательное отношение ко всему азиатскому. «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пёстрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы.

...За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, убранных каменною чалмою. Гробницы двух или трёх пашей отличаются большей затейливостью, но в них нет ничего изящного: никакого вкуса, никакой мысли...» (16).

В историческом очерке «Путешествие в Арзрум» можно обнаружить и проследить и отношение Пушкина к политике, которое так же неоднозначно, как и его отношение к истории. Будучи таким же честолюбивым, как и Грибоедов, действия и трагическую смерть которого русский поэт оценивает с позиций защитника интересов России, осуждающего «невежество и вероломство персиян», он был готов всегда поддержать политику своего отечества на Кавказе – политику порабощения её народов, среди которых обращают на себя его внимание черкесы и осетины. И тут довольно в неприглядном свете изображены наши единоверцы – кавказские мусульмане. «Дорога наша сделалась живописна... Мы встретили ещё курганы, ещё развалины. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. татарская надпись, изображение шашки, танга, иссечённые на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка» (17).

Раскрывая взаимоотношения иноплеменных кавказских народов с русскими, Пушкин вместе с тем готов честно признаться, что «черкесы нас (русских. — *А.Ф.*) ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадёжна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал... Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови».

И далее Пушкин выражает надежду на то, что «приобретение восточного края Чёрного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться». И размышляя над средствами смирения и покорения черкесов, равно как и осетин и им подобных племён и народов Кавказа, находящихся под прицелом Русской империи, Пушкин с уверенностью отмечает, что «есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ и противу русского владычества, наконец, схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает своих миссионеров» (18).

Как говорится, комментарии излишни. Пушкин поддерживал политику русской империи, заложенную Петром I, деяния и известные политические планы которого он так страстно воспевал и прославлял. А с другой стороны, думается, что жить в России и не разделять или не защищать её политические интересы было бы просто не под силу поэту, хотя, вопреки своим ограниченным возможностям, он по-

рой и допускал некоторые вольности в своих политических убеждениях.

Как известно, Пушкин старался не оставаться в стороне от общественно-политических событий, происходящих в стране. В апреле 1828 г. поэт предпринял одну из очередных своих попыток и вместе с П.А.Вяземским подал на имя царя прошение об определении в действующую армию на Кавказ, где в это время шла русско-турецкая война. «Все места заняты»,—ответил шеф жандармов Бенкендорф от имени Николая I. Ничего умнее, конечно, царские власти не могли придумать. «Все места заняты». Словно речь шла о театральном зале, а не о театре военных действий.

После всего этого, будучи уверен, что официального разрешения на поездку не получит, Пушкин решил предпринять «самовольное путешествие». «Самовольная поездка» поднадзорного поэта вызвала в правящих кругах большое недовольство и даже тревогу. Каковы же истинные причины этого путешествия? Как отмечал сам Пушкин в предисловии к «Путешествию...», он был возмущён случайно попавшей ему в руки книгой, изданной в Париже в 1834 г., в которой среди строк французского путешественника, повествующего о турецком походе 1829 г. и перечисляющего имена тех, кто выделялся в армии князя Паскевича, называет фамилию Пушкина, «покинувшего столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников»: «Приехать на войну с тем, чтоб воспеть будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой— слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не моё дело» (19).

Причин поездки в Арзрум в действительности было несколько: желание повидаться с приятелем и братом, видеть войну и побывать в малоизвестной стране, и кроме того — желание поэта вырваться из тюремной атмосферы столицы, где он находился в тисках полицейских властей.

Как известно, о «Путешествии в Арзрум» написано немало. У каждого автора был свой подход к этому произ-

ведению. Одних интересуют автобиографические мотивы, других – жанровой своеобразие, третьих – отношение к войне и пр. Нас же заинтересовало отношение поэта к Кавказу, а оно – двоякое: Кавказ как романтический край и Кавказ как геополитическая зона, интересующая Россию, и следовательно, чисто политические соображения Пушкина по отношению к колониальной политике русского правительства на Кавказе, мнение Пушкина о системе управления горцами, о способах мирного покорения и пр. Что касается романтических увлечений поэта Кавказом, то об этом уже сказано достаточно много. Обратимся ко второй позиции Пушкина, характеризующей его как политика, хотя, судя по словам самого поэта, он пренебрегал этим словом и старался не вмешиваться в политические дела. В действительности же всё обстояло несколько иначе, ибо однажды в пылу откровения сказавший про себя:

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю –
Исполню ли? Бог весть! (20)

поэт всегда был готов защитить честь России, чего бы это ему ни стоило, вплоть до активного участия на полях сражений. Поэт понимал всю важность происходящих на Востоке событий 1828-1829 годов и с волнением следил за ними. Пушкин не хотел оставаться в стороне от этих событий. Пленник самодержавия, подобно декабристам, находившимся на каторге и в темницах, он рвался на поле брани, туда, где сражались его друзья. Желая узнать и испытать все ужасы войны, он с большим трудом добывается участия в русско-турецкой войне и вместе с действующей армией отправляется в поход на Арзрум. В его горячем стремлении принять личное участие в сражениях выражалось военно-патриотическое возбуждение «полусолдата-полупутешественника». Рассказывая о своей встрече с поэтом, только

что приехавшим на фронт, М.И.Пушин сообщает: «А.С.Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: «Ну скажи, Пушкин, где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал». Широко известен рассказ военного писателя Н.И.Ушакова об участии поэта в сражении с турками на второй же день после его прибытия в действующую армию – 14 июня. Достоверность рассказа о «военном воодушевлении» Пушкина подтверждается и самим поэтом, который, припоминая описанный случай на фронте, нарисовал себя в альбоме Е.Н.Ушаковой с пикой, в бурке и в круглой шляпе. «В лице Пушкина в Арзрум отправился не беспристрастный русский дворянин,.. а пламенный поэт-патриот, принимавший самое активное участие в политической жизни своей страны и понимавший историческое значение борьбы с турецкой агрессией».

Как известно, царизм по-своему боролся за покорение Кавказа. Он огнём и мечом покорял кавказские народы, безжалостно грабил и разорял население, притеснял и душил культуру, держал народы в темноте, разжигал рознь. В этой связи заслуживает определённого внимания мысль поэта о мирном решении кавказского вопроса, без применения оружия, насилия и зла. «Характерно, что описывая в своих путевых записках победоносный для русской армии ход военных событий, Пушкин заостряет внимание на страданиях и бедствиях, приносимых войной. В центр его внимания поэтому большей частью попадают раненые, изувеченные и убитые». Хотя жёсткие условия цензуры официальной, а также «неофициальной» – в лице Николая I, читавшего все сочинения поэта до появления их в свет, не давали ему возможности выразить в полной мере своё сочувствие сосланным декабристам и закабалённым самодержавием народам Кавказа, Пушкину всё же, как было отмечено выше, удавалось допускать некоторые вольности в своих политических убеждениях. В систему мирных мероприятий, которые вы-

двигал и предлагал Пушкин, помимо культурно-бытовой и экономической связи, входила и пропаганда христианства на Кавказе.

Итак, мы позволили себе вкратце проследить и коснуться историко-политических воззрений А.С.Пушкина. И абсолютно прав в своём утверждении азербайджанский литературовед проф. А.Гаджиев, считающий, что литературоведческое и литературно-критическое освещение творческого наследия Пушкина неисчерпаемо. И не удивительно, что каждый исследователь, вчитывающийся в творения Пушкина, каждый раз заново постигает их и находит в них что-то интересное для себя, ещё не тронутое и не раскрытое. В этом, очевидно, и состоит феномен Пушкина.

Литература

1. А.С.Пушкин. Собр. соч. в 10 т., т.6. М.: Наука, 1964, с.569.
2. Там же, т.10. М.: Наука, 1966, с.775.
3. Из письма к А.Н.Гочарову / Полн. собр. соч. в 10 т., т.10, с.306.
4. Там же, с.367.
5. В.Садовник. Очерки по истории русской литературы XIX века. Ч.1. М., 1916, с.195.
6. А.С.Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 т., т.8. М.: Наука, 1964, с.151.
7. Из письма к А.Н.Мордвинову (управляющему III отделением) / Там же, с.435.
8. А.Никитин. Пушкин и Урал. Пермское книжное изд-во, 1984, с.152.
9. Там же, с.155.
10. Р.В.Овчинников. Над «пугачёвскими страницами» Пушкина. М.: Наука, 1981, с.54.
11. А.С.Пушкин. История Пугачёва / Полн. собр. соч. в 10 т., т.8. М.: Наука, 1964, с.160.
12. Там же, с.206.

13. Там же, с.163.
14. Там же, с.161.
15. В.Бартольд. Соч., т.2, ч.1. М., 1963, с.719.
16. А.С.Пушкин. Собр. соч. в 10 т., т.6., с.693.
17. Там же, т.6, с.647-648.
18. Там же.
19. А.С.Пушкин. Из предисловия к «Путешествию в Арзрум».
20. А.С.Пушкин. Собр. соч. в 10 т., т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с.445.

1999

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ А.БАКИХАНОВА

Гений Аббаскули-ага Бакиханова (1794-1846) – одного из прогрессивных деятелей азербайджанского народа, человека энциклопедических знаний и ума, воспринимается как олицетворение восточно-западного синтеза мировосприятия. Это двуединое начало было заложено первоначально как приобщение к исламской религии – начальной и решающей стадии эволюционного движения азербайджанской просветительской интеллигенции, и служило основой их будущего умственного труда, неизменного интереса к науке, культуре и литературе. А через них к прогрессу и подвижнической деятельности на благо своего народа. Через этот путь творческого развития прошли многие азербайджанские писатели, энциклопедисты «века разума».

Творческая судьба А.Бакиханова – яркий пример проявления и отражения последовательного почтительного отношения к исламской религии, познакомившей верующих с таким письменным памятником, как Коран, и приобщавшей народ к науке, культуре и литературе Востока.

В поисках истины поэт Бакиханов обращается к всемогущей силе и просит помощи и избавления от всех страданий и тягот жизни. И в выборе своего псевдонима «Гудси» (араб. слово, что означает «святой». В этом случае – в смысле «чистый», «благородный», «праведный») он остаётся верен себе, ибо стремится обрести чистую, непорочную душу, т.е. достичь святости и очищения, избавления от мировой скорби с тем, чтобы стать достойным и смелым гражданином своей отчизны, способным бороться за светлые и высокие идеалы.

Olub tənəsüb üzündən təxəllüsüm Qüdsi,
Ki, səmi bir-birə bu rəmzilə müvafiqdir.

Псевдоним Гудси возник в силу бытующего в мире соответствия,

Ибо всё сущее соответствует этому символу.
(Здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. Ф.)

Время накладывает соответствующий отпечаток на творческую личность Гудси:

Düşmüş bəlayə Qüdsiyi-biçarə neyləsin,
Əyyam ruzigarın edib qarə – neyləsin.
Как быть Гудси несчастному, опутан горем он,
Как быть ему, если время омрачило его существование.

Это вселенское соответствие наблюдается и в биографии самого Гудси, в начале и в конце его непродолжительной и многотрудной жизни. «Стараясь извлечь... пользу из вещей, любопытных для сердца и ума», Бакиханов много времени помимо общественной деятельности уделял изучению наук, как восточных, так и европейских, и кроме того, много странствовал и путешествовал.

Как известно, в своей краткой автобиографии, приложенной к книге «Гюлистан-Ирем», он пишет: «Хотя с семилетнего моего возраста я стал учиться, но в продолжение 10 лет, по причине беспрестанных тревог и войн, я ничего не приобрёл, кроме знания персидского языка. Когда прекратились политические смуты и семейство наше удалилось в Кубу, я в продолжение 10 лет посвятил себя изучению арабского языка и разным наукам».

Семья Бакихановых, исповедовавшая ортодоксальный ислам, придерживалась мусульманских культурных традиций. «А.А.Бакиханов в течение многих лет учился и получил образование, характерное для знатных мусульманских семей того времени. Его обучали языкам фарси и арабскому, а также богословию, философии, истории и литературе мусульманского Востока. Это религиозно-мусульманское воспитание давало себя знать в той или иной степени всю

его жизнь».¹ И не случайно, выйдя в отставку, в конце своего жизненного пути Бакиханов решает всецело посвятить себя творческой деятельности и богослужебным делам. Именно в этот период он принимает решение совершить паломничество в святые места. В июне 1845 г. он обращается через наместника Кавказа М.С.Воронцова к военному министру Чернышеву с просьбой о ходатайстве перед императором об увольнении его в отпуск на один год для поездки за границу «для поправления здоровья и для учёных исследований». В августе 1845 г. с большим трудом просьба Бакиханова была удовлетворена.

Следует отметить, что оппозиционное отношение Бакиханова к русскому царизму, в особенности к колониальной имперской политике, вызывало гнев, возмущение и недовольство властей, на счету у которых Бакиханов числился как неблагонадёжная личность. Создавшееся для него в то время невыносимое душевное состояние вызывало в нём стремление вырваться из этой тяжёлой обстановки, которая сложилась вокруг него в последние годы жизни. Паломничество в Мекку он совершил вместе с кубинским ахундом Абдуллой. Азербайджанский литературовед Ф.Кочарли отмечает, что согласно преданию, Гудси, совершив паломничество, на обратном пути обращается к Всемогущему Аллаху с просьбой получить от Всевышнего свою последнюю награду, в отличие от тех, которыми его награждал «каждый падишах». И Аллах, услышав его мольбу, ниспослал его желанную смерть на «священной земле».²

Как известно, во время этого последнего путешествия караван поразила эпидемия холеры. В числе жертв оказался и А.Бакиханов, похороненный вместе с другими паломниками в долине Вади-Фатима, находящейся между Меккой и Мединой. Однако ореол «святого» вокруг Бакиханова создаётся не случайно, ибо на то были веские и глубокие ос-

¹ Керемов Н.К. Путешествие Гудси. М.: Мысль, 1977.

² Там же.

нования. И прежде всего высшие человеческие качества, которыми он был наделён от природы, благородство его натуры, праведность души, чистые, высокие помыслы и богатый духовный мир.

Ещё в годы молодости Гудси увлекался восточной поэзией и под влиянием великого поэта Дж.Руми особенно пристрастился к пантеизму, рассматривающему бога как сверхприродное начало, вмещающее в себя всё сущее.

Написанное в первые годы творчества (в 1820-ые г.) произведение поэта «Риазуль-Гудс» носит характер марсие и целиком посвящается мученической смерти имама Гусейна и описанию траурных религиозных событий по случаю его смерти. Большая часть стихов, помещённая в этом сочинении, носит религиозный характер, ибо созданы они в ранней молодости, когда Бакиханов находился целиком под влиянием религиозного воспитания. Местами он украсил это сочинение интересными лирическими стихами.

Отдельные религиозные стихи Бакиханова были весьма популярны на мусульманском Востоке. Рассказывают, будто «в Ардебиле правоверные мусульмане, узнав о том, что религиозные стихи, читаемые им ахундом с мечедских кафедр, принадлежат перу Бакиханова, полковника русской армии, крайне удивились, а затем устроили ему овацию».¹

Очень привлекательны в этом отношении газели Бакиханова, продолжившего традиции прославленных на Востоке поэтов средневековья – Хагани, Саади, Хафиза и в особенности Физули, чьим литературным наследием неустанно вдохновлялся Гудси. Под непосредственным влиянием творений Физули были написаны «Риазуль-Гудс», «Китаби-Аскерие» и преобладающее большинство его газелей, в которых мы встречаем немало строк, содержащих религиозные суждения поэта.

¹ См.: Керемов Н.К. Путешествие Гудси. М.: Мысль, 1977, с.39.

Ey deyən ki, kəsilib kuyi-dilaramə yolun,
Allaha yol tapar hər kəs ki, tuta rahə-fəna.
Кто сказал, что отрезан мой путь к душевному покою,
К Аллаху путь найдёт каждый, кто уходит в небытие.

Или же:

Uyub sən Zahidə, Qüdsi, bu dünya, dini tərək etmə,
Yolundan azmışa bəzən budur irşad söyləyərlər.
Не поддавайся захиду, Гудси, не отвергай этот мир,
религию,
Таков истинный путь тому, кто порой сбивается с него.

Служение религии – это прежде всего чистосердечное и искреннее служение Аллаху, стремление постичь его, возвыситься, с тем, чтобы приблизиться к нему и достичь совершенства согласно популярной на Востоке философской концепции «вахдати-вуджуд», нашедшей своё отражение в средневековой азербайджанской поэзии.

O adam ki, bu vilayətdə verib dinə rəvac,
Ürəyi sidq ilə tək Allaha müncər oldu.
Тот, кто в этом краю благоденствовал религии,
Тот искренне служил одному Аллаху и постиг его.

В поэтическом воображении Гудси это служение истине, стремление к совершенству безраздельно связывается с чувством любви, которая правит вселенной.

Eşq salmış aləmə həyəcanları,
Eşq zəncirə salıb aslanları,
Eşqdir su, torpağı odlandıran,
Eşqdir göy xərməninə yandıran.
Любовь сеет в мире страсти, волнения,
Любовь заключает в цепи львов,

Любовь воспламеняет воду, землю,
Любовь разжигает небосвод.

(Из месневи «Эшг»)

Без любви ни одна вещь не может существовать и без неё ни одно дело не может свершиться. И только бескорыстная любовь может приблизить человека к богу.

Нравственная философия, основанная прежде всего на учении священных книг, обогащённая учением арабских, греческих и европейских философов, находит своё отражение в таких сочинениях Бакиханова, как «Тахзиб ал-ахлак» («Воспитание нравственности») и «Китабе-насаех» («Книга наставлений»). Стремясь избавиться от всех порочных и недостойных человеческого облика качеств, к улучшению воспитания и образования молодого поколения, Бакиханов создаёт как бы «моральный кодекс» человеческого поведения и общения. Как отмечает один из наиболее объективных исследователей творчества А.Бакиханова Ф.Гасымзаде, «в этих наставлениях повествуется о религиозном отношении к Аллаху, пророку, имамам. Основная цель этих наставлений – укрепление религиозной веры».¹ Одним из ведущих и основных наставлений Гудси является уважение и почитание учёных-богословов, ибо для основательного изучения законов шариата мы нуждаемся в них и они нам могут помочь в этом деле. Все религии, даже буддизм, как отмечает Гудси, учат, что человек в ответе за свои поступки и что каждый поступок соответственным образом оценивается, и тот, кто действует плохо, должен быть наказуем за содеянное зло. Сотворение добра должно быть девизом каждого из нас. Думается, в этой связи следует несколько пересмотреть незаслуженную оценку религиозных воззрений Бакиханова, в особенности конечную установку, дан-

¹ Qasimzadə F. XIX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Bakı: Maarif, 1966, s.124.

ную в предисловии к «Избранным произведениям» Гудси: «Религиозность поэта следует рассматривать с двух позиций. Те, кто считает его абсолютно религиозным человеком, глубоко заблуждаются. В научных трудах и стихах Бакиханова присутствуют такие мотивы, в которых он, подобно Хайяму, противопоставляет всем мирским благам райское наслаждение и вместе с тем он призывает всех не упускать случая, пользоваться всеми прелестями жизни.

Выступая против всяческих утешений и упований на религию, он призывает их также распоряжаться своей судьбой, занимать активную позицию в жизни».¹ Тут следует раз и навсегда признать, что не утешения и не благ искал он в упованиях на бога и религию, а благотворного духовного воздействия на все дела и помыслы своих соотечественников-мусульман.

По мнению Гудси, следуя шариату, человек может сделаться просвещённым. «Умный человек, – заявляет он, – украсит свою внешность нарядом шариата, а своё духовное зеркало полирует блеском просвещения», чему он следовал и сам, рассматривая догмы ислама не только как божественные предписания, но и придавая им глубокий философский смысл. Он полагает, что Коран есть богооткровенная книга, сочинённая пророком благодаря всевышнему вдохновению. Именно Коран, как нам думается, помог ему разобраться в сути вещей, понять умозрительный характер мусульманской науки и выдвинуть тезис о её практическом изучении, т.е., если можно так выразиться, «Бакиханов пришёл в науку через Коран», твёрдо уяснив себе, что человек с помощью науки и знания может познать «скрытые тайны» природы.

В этом отношении нельзя не согласиться с предположением Э.Ахмедова о том, что в понимании Бакиханова «наука и религия могут совмещаться друг с другом, религия

¹ Bakıxanov A. Seçilmiş əsərləri. Müqəddimə M.Sultanovundur. Bakı: Yazıçı, 1984, s.12-13.

утверждает в конечном счёте то же самое, что доказывает наука».¹ Ссылаясь на труд того же исследователя творческого наследия Бакиханова, следует отметить, что среди ряда содержательных сочинений по истории, географии, астрономии, этике, логике и филологии, которые большей частью остались в рукописях, особое значение имеют сочинения «Кашф ал-караиб» («Открытие диковин»), «Асрар ал-малакут» («Тайны царства небесного») и «Всеобщая география», показывающего глубокое знание им современной астрономии и географии.²

Далее Э.Ахмедов также сообщает о том, что «рукопись «Асрар ал-малакут» на арабском языке была преподнесена Бакихановым в октябре 1846 г. турецкому султану Абд ал-Маджиду во время поездки в Мекку через Стамбул... О приёме, оказанном Бакиханову турецким султаном и в особенности о его астрономическом сочинении в тогдашних турецких и немецких газетах появились сенсационные сообщения».³ В своих космографических сочинениях Бакиханов популяризирует в основном гелиоцентрическую систему мира Коперника и открытие Колумбом Нового света – вопросы, которые были в то время для стран Ближнего Востока новыми и «диковинными».

В заключительной части рукописи «Асрар ал-малакут» Бакиханов пытается согласовать достижения астрономии с догмами ислама и тем самым заставить мусульманское богословие невольно проповедовать материальное единство и множественность миров. Здесь Бакиханов разъясняет нам вопрос о том, «как упорядочены миры в просторах возможного бытия» и какие стихи Корана, хадисы пророка подтверждают это.⁴

¹ Бакиханов А. Сочинения (Записки, письма). Вст. статья Э.Ахмедова. Баку: Элм, 1983, с.39.

² Ахмедов Э. Изложение космографических воззрений А.-К.Бакиханова. Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1967, с.6.

³ Там же.

⁴ Там же, с.32.

В своём астрономическом трактате он доказывает совместимость с Кораном системы Коперника. В книге «Тайна небес», сравнивая системы Птолемея и Коперника, он отдаёт предпочтение системе Коперника. «Справедливость последней теории, помимо математических доказательств и астрономических наблюдений, А.Бакиханов пытается подтвердить также словами Корана».¹

Все исследователи творчества А.Бакиханова (М.Рафили, Г.Гусейнов, Ф.Гасымзаде, Э.Ахмедов) говорят об ограниченности мировоззрения Бакиханова, очевидно, вкладывая в это понятие и его увлечение историей мусульманской религии и следование им принципам Корана. Так называемая ограниченность мировоззрения Бакиханова, являясь, на наш взгляд, весьма относительным явлением, оставалась как бы всегда в завуалированной форме, а между тем религиозная тенденция и направленность в сочетании с рационалистическими познаниями и опытом формировали уникальную творческую личность Бакиханова, который явился первооткрывателем во многих сферах общественной жизни Азербайджана. И своими разысканиями в области отечественной истории, географии, астрономии, философии, первопричиной которых служило раскрытие им зашифрованных догм ислама и стремление постичь истину и суть вещей, событий, Бакиханов способствовал формированию национального самосознания азербайджанского народа.

Усердно работая над историей Азербайджана и Дагестана, Бакиханов совершает громадную работу в области лингвистики и археологии, чтобы ближе ознакомиться с историей своей родины. В своём историческом сочинении «Гюлистан-Ирем», придавая большое значение памятникам древней материальной культуры, в числе которых много и культовых сооружений, он отмечает: «Дух времени и образованность каждого народа отражаются всегда в лите-

¹ Гусейнов Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Баку: Гос. Изд-во, 1958, с.78.

ратуре и других памятниках. Бесчисленные развалины городов и селений, разбросанные по всему пространству восточной части Кавказского края, святые гробницы апостола Симеона в городе Арране в Карабаге, трёх потомков имамов в городах Шамахе, Гяндже и Барде и четвёртого их потомка в деревне Бюльбюля, святой Биби-Хейбат (Хунеймы) – сестры восьмого шиитского имама Ризы в Баку, могила суфи-Хамида в ширванском Гобыстане и многих других сейидов, шейхов и учёных людей показывают, что этот край был всегда местопребыванием важных как в духовном, так и в учёном отношении людей».¹

Таким образом, нетрудно заметить, что религия сыграла важную и определяющую роль в формировании и развитии уникальной творческой личности Бакиханова. Более того, она пронизывает целиком и полностью все его помыслы и устремления, лежит в основе его мировосприятия. Даже в политических воззрениях Бакиханова усматривается связь между устоями государства и религией. Придавая большое значение деяниям великих личностей, их интеллектуальному и нравственному превосходству, он вместе с тем полагал, что только богобоязненный, умный и справедливый монарх в состоянии представлять интересы всего народа. По его убеждению, монарх не должен злоупотреблять властью, угнетать народ, ибо угнетение не только несправедливо, но и аморально, оно разрушает устои государства и религии.

1999

¹ Бакиханов А. Гюлистан-Ирем. Б.: Элм, 1991, с.197.

ВЫСОКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Кто-то мудро сказал: «Восток – дело тонкое...». Тут всё необычно, как необычны и пути его развития. И обусловлены они прежде всего традиционной формой жизни. Традиции всегда, везде и во всём. Строго соблюдаются они и в истории азербайджанской литературы, прослеживаются в судьбах азербайджанской творческой интеллигенции.

Выдающийся классик азербайджанской литературы Абдулла Шаиг в отцовском завете (стих. «Ata öyüdü») наставляет сыну быть лучезарным в жизни, жить и действовать по законам нравственности и совершенства, привнося благородными начинаниями и деянием свою лепту в служение родному отечеству. И да святится имя отца – носителя светлых и высоких помыслов, предсказавшего и предвидевшего таким образом судьбу своего сына, будущего учёного, новатора, преобразователя азербайджанской литературно-критической мысли.

Камал Талыбзаде – истинный представитель аристократической интеллигенции века, человек высокого интеллекта, всегда остающийся верным своим убеждениям и принципам, неутомимый труженик, сподвижник науки и культуры. С этих качеств и устремлений и начинается соблюдение традиций. И что очень важно – они передаются и дальше, живут сейчас в тех, чьим устатом и духовным наставником является Камал муэллим. Сочту за нескромность и вместе с тем за счастье причислить себя к тем, кто формировался под воздействием творческой личности Камала Талыбзаде и кто гордится высоким и славным именем своего учителя и наставника.

Для меня Камал муэллим прежде всего – образец интеллигентности, организации ритмичного научного труда и профессионализма. Мне близко и трогательно признание учёного в том, что на протяжении долгих лет творческой деятельности он всегда старался помочь постижению наци-

ональной сущности своего народа, выявить его причастность к большой истории, преследуя одну цель – верно и объективно оценить национальные особенности родной азербайджанской литературы и утвердить её. Примечательны и ценны также слова учёного о том, что для завоевания всенародной любви и бессмертия важное и решительное значение имеют нравственные качества творческой личности.

Много тёплых и искренних, поистине отцовских советов и наставлений молодым исследователям, литературным критикам и всей творческой молодёжи можно найти в его беседах, диалогах, встречах с ними. «Наше поколение, – говорит о себе Камал муэллим, – приступало к учёбе в очень сложное время». Формирование его, как явствует из воспоминаний учёного, происходило под воздействием здоровой духовной семейной атмосферы, на фоне трудных социально-общественных условий жизни, в ужасную эпоху сталинизма и Великой Отечественной войны.

Будучи представителем третьей волны, третьего поколения азербайджанских литературоведов, в ряду которых Азиз Мирахмедов, Камран Мамедов, Габиб Бабаев, Панах Халилов, Мирали Сеидов и др., он всегда придерживался традиций азербайджанской литературоведческой школы, основа которой была заложена первыми азербайджанскими литературными критиками и учёными – Али Назимом, Эмин Абидом, Б.Чобанзаде, Х.Зейналлы, А.Мусаханлы и продолжена их учениками М.Арифом, М.Рафили, Г.Араслы, Ф.Касымзаде, Мир Джалалом, Али Султанлы, М.Джафаром, Дж.Джафаровым и др. Продолжая неукоснительно соблюдать принципы историзма и национальной специфики в изучении истории азербайджанской литературы, выдвинутые литературной критикой 20-30-х годов, К.Талыбзаде своими многочисленными, последовательными и логичными поисками в этом направлении, можно сказать, поднял на новую ступень развития национальную художественно-эстетическую мысль, создав свою школу и направление в

науке и обогатив её современным теоретическим и практическим опытом.

Начав свою научную стезю с успешной защиты дипломной работы на тему «М.Хади и азербайджанский романтизм», К.Талыбзаде заявил о себе как смелый и серьёзный исследователь, опирающийся на факты и умеющий ещё в 40-е годы – эпоху усиления социологических указов и решений сказать своё слово в защиту отвергнутых тогда официальной наукой творческой личности Хади и азербайджанского романтизма в целом. По мере утверждения в науке расширяется круг научных интересов молодого исследователя. Объективность и принципиальность – характерные черты научных разысканий учёного. Он остаётся верен своей позиции и принципам и в отношении оценки творчества Аббаса Саххата (монография «Жизнь и творчество А.Саххата»), А.Гусейнзаде, А.Агаева, А.Топчибашева, Ф.Кочарли, С.Гусейна и др. Новаторским было и решение темы «Горький и Азербайджан» в одноименной книге (1959). Это перспективное исследование, заложившее основу новому направлению в области литературных связей, получило высокую оценку со стороны учёного-эмигранта Ахмеда Джафароглу и многих других азербайджанских учёных и учёных Москвы, в частности А.Л.Дымшица, который прочитав книгу «Горький и Азербайджан», изданную в 1970 г. на русском языке, отметил, что «К.Талыбзаде как высокий и авторитетный профессионал свободно владеет материалом, не только относящимся к истории азербайджанской литературы, но и материалом, обогащающим горьковедение».

Фундаментальным трудом учёного и самым любимым, как признаётся он сам, является «Азербайджанская литературная критика XX века» (1966). Это концептуальное исследование – результат многолетних поисков и решений. В нём прослеживаются исторические корни азербайджанской литературной критики, уходящие в глубь веков, на основе чего выявляется, что литературно-эстетическое мышление азербайджанского народа формировалось параллельно с

развитием национального литературно-художественного опыта, изучаются основные направления азербайджанской литературной критики, национальные особенности и проблемы её развития. Примечательно, что основные положения и тезисы учёного вытекают из художественно-эстетических суждений и оценок азербайджанских писателей, критиков и литературных деятелей начала XX века. Усматривая предназначение литературной критики как науки, «раскрывающей красоту и убожество искусства и литературных произведений» (А.С.Пушкин), азербайджанская литературная критика, начиная с М.Ф.Ахундова, наметила себе верный путь её развития, ясно осознав, что благодаря критике прогрессирует общество и развивается литература.

И.Ф.Кочарли, и С.Гусейн, и другие азербайджанские писатели, следовавшие традициям М.Ф.Ахундова, считали, что критика имеет большое значение и для развития эстетического вкуса народа, и боролись против низкопробной и слабой литературы, отстаивая основные принципы реализма.

В этом свете интересны и ценны наблюдения и выводы, к которым приходит автор книги, в частности его утверждение, что «азербайджанская литературно-эстетическая мысль XX в. поднялась на новый этап своего развития и литературная критика по сравнению с критикой прошлых лет качественно обогатилась».

Как известно, долгое время критика находилась не на должном научно-теоретическом и методологическом уровне. И первым, кто обратил на это внимание и выдвинул перспективные планы её дальнейшего развития стал Камал муэллим. Так родились книги «Заметки о нашей критике» (1987), «Критика и критики» (1989). Наряду с вопросами литературной критики учёный занимается проблемами литературного наследия, творческой личности. Широкую известность в литературных кругах приобрели его книги «Литературное наследие и наследники» (1974) и «Личность художника» (1978).

Камал муэллим, занимаясь практикой и теорией классической и современной азербайджанской литературы, вместе с тем уделяет особое внимание и подготовке квалифицированных научных кадров, активно участвует в проведении и организации научных мероприятий. Долгое время он являлся бессменным руководителем отдела «Азербайджанская литература XIX-XX вв.».

С именем Камал муэллима связана долголетняя научная организация труда, определения основных направлений и проблем в азербайджанском литературоведении, конкретных тем, путей их решения и методологических разработок. С основным предметом исследований К.Талыбзаде связан 2-й том фундаментального 3-томного труда по «Истории азербайджанской литературы». Он является автором и одним из редакторов данного тома. Работая заместителем директора Института Литературы имени Низами Гянджеви по научной части в разное время, а в 1968 г. исполняя и обязанности директора данного Института, К.Талыбзаде одновременно читал лекции по азербайджанской литературе начала XX в. и литературной критике в вузах республики. Продолжая свою педагогическую деятельность, Камал муэллим ведёт курс по истории азербайджанской литературно-эстетической мысли в «Вышем общественно-политическом колледже», является профессором кафедры философии.

С 80-х годов академик К.Талыбзаде является руководителем группы отдела «Азербайджанской литературы Нового периода» по сбору и изданию материалов азербайджанской литературы, ведёт большую текстологическую работу. В 1991 г. по инициативе Камал муэллима был создан дом-музей Абдуллы Шаига, директором которого назначен он сам.

Велики заслуги учёного в литературно-научной и общественной жизни республики. С 1957 по 1976 гг. он руководил Координационным Советом республики «Закономерности развития мировой литературы на современном эта-

пе», являлся членом учёного совета по общественным наукам Научно-информационного центра и по подготовке научных кадров Президиума АН АР (с 1973 по 1974 гг.), членом учёного совета Института Литературы имени Низами Гянджеви, с которым его связывает полувековая творческая деятельность. С 1960 по 1981 г. К.Талыбзаде являлся зам. председателя по защите докторских и кандидатских диссертаций при данном институте. Длительное время он состоял членом Союза Писателей Азербайджана (1965-1976 гг.). С 1957 по 1975 гг. руководил отделом критики и литературоведения Союза, являлся членом редколлегий целого ряда литературных и научных органов печати, членом редакционного совета Азербайджанской Энциклопедии и прочих советов такого типа.

Много титулов и званий присвоено Камалу Талыбзаде: профессор, академик, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной Премии республики, а совсем недавно он был награждён орденом «Славы».

Проследивая многогранную творческую деятельность учёного можно смело и с уверенностью отметить, что в лице К.Талыбзаде мы приобретаем редкую возможность общения с живым классиком. Основное же качество классика – его востребованность и актуальность во все времена и эпохи. И грядущий век духовного возрождения, как предсказывают, вбирая все ценности национальных достояний, ещё не раз будет обращаться к духовной культуре народов. Согласно мировоззренческой концепции уникального азербайджанского учёного и мыслителя А.Бакиханова: «Дух времени и образованности каждого народа отражаются всегда в литературе и других памятниках». Именно литературе и её деятелям отводится в этом процессе первостепенная роль. И Камал Талыбзаде – один из тех деятелей, чьё творчество представляется бесценным гарантом приобщения к высокой культуре на пороге XXI века.

“LƏPƏLƏRİN NAĞILI”

Ömrünü uşaqlara həsr eləyən və həmişə öz poetik inciləri-lə onları sevindirən istedadlı uşaq şairi Xanımana xanım Əlibəy-li bu gün də öz lirik düşüncələrini onlarla bölüşür. O, yüksək mənəvi keyfiyyətlər tərənnüm edən, onlarca şeir və poema ki-tablarının, həmçinin bir neçə maraqlı pyesin müəllifidir. “Cun-quş”, “Dovşanın ad günü” (1957), “Aycan”, “Durnalar lələk sa-lır” (1977)...

Adi məişət anlarının, həyat lövhələrinin incə təsviri onun kövrək və həssas qəlbinin təzahürünə çevrilir.

Uşaqlar üçün qələmə alınan hər bir əsər lakonik, konkret və sadə olmalıdır. X.Əlibəylinin şeirləri aydın və sərrastdır, mü-əyyən ideya, ictimai-tərbiyəvi, mənəvi səciyyə daşıyır. Sabir, Mirzə Cəlil, Abdulla Şaiq, Süleyman Sani Axundov və Abbas Səhhət ənənələrindən bəhrələnərək o, özünəməxsus rəngarəng, balalarımızın ürəyinə yol tapan gözəl şeirlərilə Azərbaycan uşaq ədəbiyyatında yeni tarixi səhifə açmışdır.

Xanımana xanım ixtisasca uşaq həkimidir. Kim bilir, bəl-kə də ona görə o uşaqlara yaxın və doğmadır, onların psixoloji xüsusiyyətlərinə dərinədən bələddir. Onun bədii istedadı qüvvətli bir şəkildə “Mərcanqulu əfsanəsi” nağıl-poemasında da üzə çıxmışdır.

– Dəniz vardır dünyada
Mavi sular aləmi...

Bu dəniz əfsanəsi uşaqları sanki ovsunlayaraq öz dibinə çəkib aparır. Elə hadisələr də burada baş verir.

Bu poema əsasında uşaqlar üçün səhnələşdirilmiş “Ləpələ-rin nağılı” adlanan yeni tamaşa bu günlərdə “Kukla teatrında” çox böyük uğurla keçmişdir. Əsərin quruluşçu rejissoru, Əmək-dar incəsənət xadimi Rəhman Əlizadə yarısı insan, yarısı balıq-dan ibarət olan personajların üzərində xüsusi iş apararaq, bu na-ğılın səhnə həllini tapmışdır. Tamaşanın bəstəkarı Cahangir Zül-füqarovun və rəssamı Sənubər Səmədovanın işi rejissor fikrini

tamamlayır. Bunun nəticəsidir ki, tamaşaının milli koloriti hamını – böyükləri də, kiçikləri də razı salır.

Teatrın aktyorları professionallıq nümayiş etdirərək nağılvari qurulmuş səhnədə sehrli misralara uyğun (“ağ dalgalar elə bil bir ağ donlu rəqqasə”) əhvali-ruhiyyə yaradır və ağ dalgaların hərəkətinin təbii ifasına nail olurlar. Dəniz gah küləkli, gah sakit, onun sahilində gah xəzri, gah gilavar əsir.

Mərcanqulu rəngbərəng qumlara səpələnir...

– Biri vardı, biri yox
Dənizlərin dibində
Hər kirpiyi iti ox,
Qanlı əli cibində
Dəniz qulduru vardı...

İlk sətirlərdən bu mənfi personajın pis, xoşagəlməyən, hamıya bəla gətirən hərəkətləri ifşa olunur. Müəllif elə bil öz balaca dostlarını Dəniz qulduru ilə görüşməyə hazırladır.

Şər qüvvənin timsalı Dəniz qulduru bir gün xəbər tutur ki, “MİRvari döngəsində Mərcan adlı mələk var” və o, öz nişanlısı qoçaq və igid Qulu ilə toya hazırlaşır. Bu şad xəbər tezliklə sulara yayılır və hamı toy məclisinə tələsir. Toy mərasiminə görə bəy və gəlinin ətrafına dostları yığışır, gəlini tərifləyir, xoş sözlərlə ona müraciət edirər, böyüklər isə onlara xeyir-dua verir. Bu şadlığa dözməyən Dəniz qulduru suları yara-yara qılınc əlində toyxanaya hücum edir.

– Öz atını o quldur
Birbaş məclisə sürdü.
Qopdu hay-küy, vurhavur.
Qoşun gəldi töküldü,
Toy məclisi söküldü.

Böyük marağa səbəb olan bu dinamik hərəkətlər bir anda dənizin dibindəki hadisələri göz qabağında canlandırır və balaca tamaşaçıları heyretə gətirir.

Dəniz quldurunun bu bəd əməli uşaqlarda ona qarşı nifrət hissi oyatsa da, onlar bu şər qüvvəyə fikir vermir, çünki sehrli dünya onları hey çəkib aparır...

Dəniz quldurunun hiyləsi baş tutmur, çünki igid Qulu “atına mindi, çapıb, çatdı düşməyə” və öz sevimli Mərcanını Dəniz quldurundan xilas edir. Kiçik bir nağıl tamaşa öz milli poetik ruhu etibarilə gözəl və təkrarolunmaz bir məhəbbət əfsanəsinə çevrilərək uşaq ədəbiyyatının parlaq nümunəsi kimi yadda qalır.

Tamaşanın diqqəti çəkməsində aktyorlardan Elşad Rəhmanoglunun, Elnarə Heydərovanın, Elnarə Hüseynovanın, Yaqut Bədəlovanın, Cəmil Allahverdiyevin, Rəhim Rəhimovun, Təmillə Bünyadovun da payı var. Onlar dramatik anları, situasiyaları elə təbii canlandırırlar ki, istər-istəməz uşaqlar fikir və düşüncələrini tamaşadakı hadisələrdən ayıra bilmirlər.

Biz bu yazıda fürsətdən istifadə edib uşaqlara sevinc bəxş edən əsərin müəllifinə və bütün yaradıcı heyətə uğurlar arzulayırıq.

2002

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ РУМИ

В истории мировой литературы Мёвлана Джалаладдин Руми (1207-1273) занимает исключительное место. Религиозно-философское и художественно-поэтическое мышление этой яркой личности, ставшей легендой уже при жизни, требует должного восприятия и постижения.

Руми жил в эпоху средневековья, когда господствовала единственная форма идеологии – религиозная. «Мировоззрение средних веков было по существу теологическим» (Ф.Энгельс).

Одной из разновидностей этого мировоззрения стал мусульманский мистицизм – суфизм, представители которого считали возможным непосредственное духовное общение, соединение человека с божеством (вахдат ал-вуджуд), достигаемое путём экстаза или внутреннего озарения, как результат нравственного очищения, совершенствования человека. «Чтобы понять причины появления в мусульманском мире такого сложного явления как суфизм, нужно прежде всего составить себе ясное представление о состоянии общества, в котором он зародился» (1, 13) – пишет известный русский востоковед-иранист Е.Э.Бертельс, вложивший много труда в исследование суфизма и суфийской литературы.

Движение это шло из кругов обездоленных и было резко оппозиционным по отношению к новым общественным порядкам, проникнуто стремлением остановить превращение власти халифата в светскую власть, уйти в прошлое, отойти от реальности и обратиться в самоуглубление, отдавая предпочтение отшельничеству и аскетизму. Окутываясь туманом мистики, оно вскоре переросло в мистическое движение, одним из ярких представителей которого и был Джалаладдин Руми.

Теологические взгляды Дж.Руми, сформировавшиеся под влиянием отца, Бахааддина Веледа, известного знатока мусульманского богословия, Корана и преданий о пророке

Мухаммеде, позволили Джалаладдину, усердно штудировавшему его труд «Ал-Маариф» («Познания»), после смерти отца занять его место в медресе и войти в круг местных религиозных авторитетов.

В Конье, где с раннего детства обосновалась его семья, вокруг Джалаладдина собрались все влиятельные и известные ученики и последователи его покойного отца, чтобы поддержать словом и делом сына своего учителя. Духовным наставником Руми был также единомышленник отца Сеид Бурханаддин, раскрывший перед ним сущность суфизма, основанного на идее достижения скрытого смысла и значения, тайн бытия.

Вскоре, с целью получения полного и систематического религиозного образования, которое обеспечило бы ему материальное обеспечение и твёрдое положение в конийском обществе, Руми отправляется в Сирию, где в Алеппо и Дамаске, центрах мусульманской учёности и религиозного знания, провёл около семи лет. По возвращении в Конью он читал лекции в медресе, проповеди в мечети. Его часто можно было видеть на улицах Коньи, когда он степенно выступал или восседал на муле в почтительном окружении учеников-мюридов, облачённый в традиционную одежду знатока мусульманского вероучения – широкую, просторную мантию, с внушительной чалмой на голове. Ведь недаром его называли Мевлана Руми – так в средние века на Востоке с почтением обращались к мусульманскому учёному и поэту. О себе он писал:

Аскетом был, в молитвы погружённым,
С минбара людям говорил слова,
По приговору сердца стал влюблённым,
Рукоплескающим, завидевши тебя...
Из дланей я не выпускал Корана,
Теперь рубаб с любовью обнимаю,
Твердил я имя бога неустанно,

А имя теми же безгрешными устами
Стихи слагаю и рубаи распеваю.

Немалую роль в формировании мировоззрения Руми сыграла встреча с странствующим суфийским проповедником Шамседдином Тебризи, которого он признал своим духовным наставником. Шамс, как он любовно и ласково называл своего друга, олицетворял для него целый мир. Проповедуя идеи суфизма, он отрицал любые ритуальные и культовые предписания, призывал к духовной чистоте. Идеи и взгляды Шамседдина оказали сильное влияние на формирование творческой личности Руми, в силу природной экзальтированности тонко и обострённо воспринимавшего окружающий его мир. Его увлекла идея о совершенном человеке. В понимании Шамседдина Тебризи – это человек, познавший себя и забывший о себе. Священно стремление человека к самоотдаче, самозабвению в любви, в поклонении совершенному человеку.

В творчестве Дж.Руми человек воспевается и прославляется с единственной целью: развив своё духовное «я», он должен приобщиться к божественной природе и таким путём добиться слияния с божеством и вечностью – Мевлана и все средневековые мыслители, имеющие дело с постижением Аллаха, стремились внушить человеку и человечеству этот священный долг. В суфийских воззрениях Руми Гегель усматривал «философию духа». В человеке самым ценным признаётся его душа, сохранение человеческого достоинства.

О высоком достоинстве человеческой души и этике «просветления», человеческом совершенствовании и познании себя с принципом: Ты видишь Бога, если себя видишь. «Без проникновения во внутренний смысл нечего стремиться [к познанию Божества]» писал А.Крымский, изучающий теософию суфизма, мистических стадий совершенствования и приближения к Богу.

Стихи Руми, полные мистической символики, отличаются образностью, красочностью, искренностью и пронительностью. Но самое главное, они проникнуты любовью к человеку и верой в его силы и возможности. Будучи музыкально одарённым, Руми отличался необыкновенным чувством ритма. Его газели распевали под музыку. Биографы отмечают, что впоследствии Руми ввёл в этот ритуал и танцы, символизирующие для него поиски исчезнувшего Шамса, надежду на встречу с ним и крушение этих надежд. Подобные радения получили название сема. Руми первым ввёл музыку и танец в ритуал общих собраний дервишей Коньи и первым же применил её в медресе. Он считал сема одним из лучших средств для достижения состояния экстаза, который, согласно мнению суфиев, является высшей ступенью познания и совершенства. Экстаз – это утрата сознания своего «я» и растворение или слияние человека с божественным началом. Разум даже открыл человеку способ достижения этого состояния. Он указал ему в светилах небесных путь уподобления богу, научил в кружениях забывать земное и в безмолвном оцепенении в глубине пещеры подниматься ввысь. Вся жизнь человека – это путь к истине, стремление к истине через «чистилище любви», то есть его нравственное самоочищение. Человек, по Руми, таит в себе безграничные возможности и может уместить в себе весь мир.

Ты – копия божественной книги,
Ты – зеркало красоты (того) шаха (Аллаха).
В мире нет ничего, что было бы вне,
Всё, чего ты взыскуешь, найдёшь в себе.

Относясь к человеку как к возвышенному духу, Руми пишет:

Он (человек) – не Бог, но предписание Бога,
Идущее к тайнам (Его) величия.

В понимании суфиев самым большим врагом человека является нафс, как живучий в нём злой и жадный дух, ведущий его к порочным поступкам и делам. Руми неоднократно утверждает, что человек часто не замечает свои пороки, а о чужих пороках охотно рассуждает. Главная цель этического воспитания заключается в том, чтобы человек воспринял пороки других людей как свои. Постигая нравственно-этическую природу человека, Руми приходит к выводу о том, что человеку уготован сложный путь морального совершенствования, в результате чего он возвышается, становится человеком с большой буквы. Возвеличение личности есть одновременное самоувечивание, обретение им бессмертия, как итог всепобеждающей и торжествующей любви.

О, все, кто рождён!
Когда смерть постучит в вашу дверь, не пугайтесь!
Смерть – второе рождение для тех, кто влюблён.
Так рождайтесь, рождайтесь!

Преодоление страха перед смертью является одной из установок суфийского учения. Смерть тела хотя и вызывает определённую боль, но зато заново рождает душу человека, дарует ему свободу и вечность. Тот, кто умирает за высокий идеал, будет жить вечно в памяти людских поколений. Это вполне материалистическое толкование логики жизни ассоциируется с излюбленным в восточной поэзии образом мотылька, сгорающего в огне свечи. «Умри и возродись» – это, следуя суфийской терминологии, – переход от состояния «фана» в состояние «бака».

Распространённой формой психоанализа в поэтическом творчестве Руми становится дидактический жанр и характерная для восточной литературы форма эпической поэзии – маснави, дарующая поэту свободу мысли, духа, свободу выражения, свободу ассоциаций. Помимо великой

поэмы «Маснави», как яркого образца суфийской дидактической литературы, содержащей, по словам биографов, 26.640 бейтов (научное издание которой, предпринятое в 1925-1940-х годах известным английским востоковедом Р.Николсоном в восьми томах, содержит 25.632 бейта). До нас дошли: «Диван-и Шамс», изданный крупнейшим иранским знатоком творчества Руми Фарузанфаром в Тегеране в восьми томах в 1957-1963 годах и содержащий около 60.000 строк, три прозаических сочинения, бережно записанные сыном высказывания «Фихи ма фих» («В нём то, что в нём»), «Маваиз-и маджлис-и саба» («Наставления, произнесённые во время семи меджлисов») и «Мактубат» («Письма»). Эти сочинения были изданы в Тегеране и Стамбуле в разное время.

«Китаб ал-маснави» («Книга двустий») или просто «Маснави» – это эпическая поэма о сокрытом смысле тайн бытия. Постигая Истину (Бога), человек одухотворяется, обретает новые, видоизменённые качества и возвращается в мир людей, чтобы их наставлять, просвещать и служить им. Такова логика постижения жизни по Руми. «Маснави» – это книга о единстве, многообразии и бесконечности мира и человека, о пороках и слабостях, о любви и ненависти, о величии совершенного человека. Это яркий и красочный калейдоскоп из сказок, притч, преданий, легенд и пословиц различных народов, сочетающихся с назидательными рассказами и как бы обрамляющих их.

Аллегорически толкуя стихи Корана, прибегая для подкрепления своих положений к хадисам, Руми раскрывает перед нами тайный смысл отдельных стихов Корана и легенд о пророках на основе суфийских воззрений и символики. В большинстве притч и рассказов Руми заложена идея о том, что человек несёт полную ответственность за свои поступки и дела, в каждом частном случае, в каждой конкретной ситуации человек действует по своему желанию и выбору, а Бог определяет его поступки. Все человеческие

поступки предопределены, поскольку каждый человек с его характером и возможностями создан Богом.

Руми отдаёт предпочтение умственным и духовным способностям человека, осуждая в аллегорической форме плотскую чувственную душу (нафс) («Рассказ о хозяине дома, его жене и о свершённом гостеприимстве»).

В «Рассказе о том, как султан Махмуд посредством жемчужины испытывал своих приближённых» заключена идея о Страшном суде над властителями, охваченными мирскими страстями. По суфийским понятиям, аналогичным кораническим мотивам и предписаниям, власть имущие и сильные мира сего, жестоко нарушая законы правопорядка и справедливости, идут в мечеть с грузом злых и преступных деяний, чтобы очиститься («Притча об истинном благочестии и о зле, наряженном в одежды набожности»).

В «Маснави», где наиболее полно выражены гуманистические идеи и нравственно-этические воззрения Руми, нашла своё яркое отражение его концепция человека: вера в его разум, воспевание совершенства и красоты свободы духа, дружбы и мира между людьми различных вероисповеданий и осуждение произвола властей.

2002

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ И АЗЕРБАЙДЖАН

Общественно-публицистическая деятельность Олжаса Сулейменова (род 18 мая 1936 г., Алма-Ата), выдающегося русскоязычного казахского поэта, прозаика, историка, учёного немыслима без изучения его творческих взаимосвязей с Азербайджаном. Разнообразна и содержательна библиография, отражающая их. Прежде всего это статьи, интервью и выступления самого поэта, являющиеся ярким свидетельством контактных связей с азербайджанской литературно-общественной средой и азербайджанской действительностью, статьи азербайджанских авторов, посвящённые творческой деятельности Олжаса Сулейменова, а также поэтические посвящения Олжасу и художественные переводы его произведений на азербайджанский язык.

Трудно сказать, когда в душе казахского поэта зародились симпатии и любовь к Азербайджану, однако знакомство с этим краем, как утверждает сам поэт, «началось со школьной парты, с того дня, как я начал читать Низами, Физули, Сабира, Джалила Мамедкулизаде. Любовь, начавшаяся с Низами, вскоре распространилась и на творчество С.Вургунa, Р.Рзы. О безграничном уважении и любви к Баку и бакинцам, к Азербайджану и азербайджанцам я говорю не только в Баку. Я с гордостью заявляю об этом и в самых больших аудиториях».

Олжас – частый гость в Баку. Многое связывает казахского поэта с нашим городом. Здесь живут его студенческие друзья А.Айлисли, Ф.Годжа, С.Мамедзаде и др., встречи с которыми доставляют поэту огромную радость. И нет такого торжества, праздника или исторического события, где бы Олжас не принимал активного участия. В беседе со своими азербайджанскими друзьями он искренне признаётся в том, что всегда испытывает большое моральное удовлетворение оттого, что выполняет чью-то просьбу, помогает тому, кто нуждается в его участии. Цена подобного поступка, по мнению поэта, ничуть не меньше цены стихотворения и даже

книги. «Если уподобить все процессы землетрясению, то эпицентром явится душа поэта. Я думаю, что каждый человек имеет высокую должность – его предназначение заключается в служении своему народу». Как считает сам поэт, он – дитя не только своего народа, но и всего человечества. Это он ощутил уже с первых дней своего прихода в литературу, когда написал поэму, посвящённую полёту в космос первого человека.

Развивая свою мысль об отношении общества к духовным ценностям, Олжас отмечает: «Недавно мне в руки попала книга Шиллера, изданная в 1941 г. в Москве. Следовательно, отечественная война шла не против немецкого народа, немецкой культуры, а против фашизма. Или же возьмём другой случай: когда американские самолёты бомбили Вьетнам, то там в это время готовилось к изданию собрание сочинений Марка Твена. Очень хотелось бы, чтобы таким отношением к любому народу и национальному искусству было проникнуто всё человеческое общество».

Когда затрагивается вопрос о двуязычии писателя, Олжас очень просто поясняет: «У меня, как и у Ч.Айтматова, Ю.Рытхэу, у азербайджанского поэта Низами Гянджеви, два родных языка. И если я отдаю предпочтение одному из них, то это вовсе не означает, что я принижаю другой. В моём приобщении к мировой культуре роль русского языка намного выше».

Олжаса, как интересного и неповторимого человека, яркого поэта и «следопыта истории», любят и ценят его друзья из Азербайджана. Творчество Олжаса Сулейменова находит свою достойную оценку в азербайджанском литературоведении. Представителями современной общетюркской литературы в мировом масштабе воспринимаются азербайджанскими учёными Ч.Айтматов – в прозе, О.Сулейменов – в поэзии. Оба художника родом из Средней Азии – самого богатого тюркского историко-культурного региона, оба, к сожалению, как отмечают азербайджанские литературоведы, пишут в основном на русском языке (наря-

ду с сожалением, приходится признать и историческую логику данного явления), вместе с тем эстетическое мышление каждого из них является непосредственным проявлением тюркской культуры, имеющей древнюю историю.

Олжас Сулейменов обладает богатым этнографическим потенциалом мышления:

Степные дороги – летописные строки.

Я умею читать эти тропы.

Караваны тянулись, траву приминали таборы,

Миновали кочевья, оставив на глинах метафоры.

Думается, что тут прежде всего следует обратить внимание на подсознательную тягу к этническому восприятию жизни, генетически обусловленный стереотип мышления. Дух степи и тюрков-кочевников принижает творчество Олжаса на всех этапах его развития. В нём сильны традиции богатой и древней культуры тюркского эпоса.

В Азербайджане издано два поэтических сборника Олжаса Сулейменова, а также его книга «Аз и Я» в переводе Натика Сафарова. Среди азербайджанских переводчиков поэзии Олжаса Сулейменова известные художники слова: Х.Рза, Дж.Новруз, А.Кюрчайлы, М.Араз, И.Исмаилзаде, М.Алиев, Э.Бахыш, М.Искендерзаде. Даже при беглом визуальном знакомстве с первым, довольно скромным поэтическим сборником, зримо ощущаешь духовную близость автора-казаха и переводчиков-азербайджанцев. Именно этим духом и предопределён выбор характерных для казахского поэта стихов из его поэтического калейдоскопа идей и образов, стремительность и динамичность которых азербайджанские поэты стараются по мере возможности сохранить при переводе.

Знаменательно название второго поэтического сборника на азербайджанском языке – «Дух степей», вышедшего спустя почти десять лет после издания первого. В нём собраны стихи и поэмы Олжаса Сулейменова в переводе од-

ного азербайджанского поэта – Джабира Новруза. В переводах в основном сохранены структура и ритмика поэтической речи Олжаса. Идентичны стилистические особенности, художественно-изобразительные средства подлинника и азербайджанского варианта, скажем, в стихотворении «Айналайн», где смысловое значение казахского слова «айналайн», как обращения к дорогому человеку, трансформируется в глобальное понятие по отношению к родной земле.

Особый интерес к качеству перевода вызывает неоднократное обращение азербайджанских поэтов к одному и тому же стихотворению О. Сулейменова. В этой связи заслуживает определённого внимания стихотворение «Догони», в котором находит своё яркое воплощение очень распространённая у казахов национальная игра «Кызкоу», по правилам которой на скачках всадник должен догнать скачущую на коне впереди него девушку и поцеловать её. Художественный перевод этого стихотворения был осуществлён несколькими азербайджанскими поэтами: М.Искендерзаде, Дж.Новрузом, Х.Рзой и А.Ахмедовым. Следует отметить, что из всех имеющихся переводов этого стихотворения наиболее удачным, полнокровным является перевод Х.Рзы, которому в силу своего природного темперамента и искромётного поэтического таланта удалось достичь наибольшей художественно-эмоциональной силы воздействия сулейменовского стихотворения на читателя.

С таким же возвышенно приподнятым настроением Халил Рза переводит и вступительную часть поэмы «Земля, поклонись человеку!». Ту же поэму уже целиком переводит Джабир Новруз. Отдавая должное цельному и довольно выдержанному переводу второго, отметим, что именно ему обязан азербайджанский читатель приобщением к яркому, ассоциативно-образному поэтическому миру Олжаса Сулейменова.

Чрезвычайным событием в жизни нашей республики явилось издание в Азербайджане массовым тиражом некогда запрещённой и подвергшейся нападкам цензуры, вла-

стей и учёных мужей книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Перевод опальной книги осуществлён Натиком Сафаровым – автором ценных литературно-художественных и документальных произведений.

Неудачно складывалась с самого начала и судьба перевода книги. Из воспоминаний Натика Сафарова, автора перевода, мы узнаём о том, что в конце 80-х годов, когда он работал в Азербайджанском Центре художественного перевода и литературных связей, то уже основательно вернулся к переводу этой книги, начатому ещё в 70-е годы по просьбе и настоянию друзей и знакомых (как признаётся сам переводчик, тогда он перевёл частично самые интересные места, приблизительно 80 листов машинописи). Руководитель Центра языковед Айдын Мамедов обещал быть редактором этой книги, но, к сожалению, он не дожил до её выхода в свет. Она была издана после его трагической смерти. Турки, узнав о переводе книги на азербайджанский язык, закупили один экземпляр и в течение четырёх месяцев, изящно оформив, издали её на турецком языке. А у нас она была издана в «Азернешре» после того, как долго (несколько лет) пролежала там. На вопрос журналиста, знает ли сам Олжас об этом переводе, Натик Сафаров отвечает: «В трагические январские дни 1990 года, когда Олжас приехал в Баку, Айдын Мамедов познакомил нас. И я спросил его, интересуется ли он, как будет издана книга. Ведь сейчас политические конфликты сделали читателей равнодушными даже к самым интересным изданиям. На что Олжас ответил следующим образом: «Равнодушие преходяще. К тому же это естественно. Так долго продолжаться не может. Человечество держится на познании, на реализации и приумножении системы знаний. Следовательно, не читать – невозможно. Я думаю, что «Аз и Я» найдёт своих читателей».

В ходе беседы Олжас затронул и проблемы перевода, говорил о необходимости и важности подготовки на государственном уровне целевой программы и о том, что большие народы давно уже проделали эту работу, а у нас она

находится в плачевном состоянии. Наши издательства обращаются к низкопробной литературе, к рынку с дешёвым вкусом. Давно уже назрела необходимость подготовки профессиональных кадров переводчиков по отдельным языкам. Многое ещё предстоит перевести из мировой классической литературы; кроме того, у нас отсутствует большинство произведений античных гениев, представителей литературы Возрождения Востока и Запада.

Исторические проблемы, поднятые Олжасом в книге «Аз и Я», его ценные суждения и мысли, связанные с литературными памятниками, и прочие вопросы имеют органическую связь и с историей азербайджанского народа.

Спустя десять лет после перевода на азербайджанский язык этой книги, издание которой, как было указано выше, долго не осуществлялось, а рукопись перевода тем не менее была распространена среди друзей и товарищей её переводчика, в азербайджанской периодической печати появилась вторая часть книги, «Шумернаме», в том же переводе с предисловием Айдына Мамедова. Азербайджанский учёный А.Мамедов рассказывает о состоявшейся в октябре 1989 г. встрече и беседе с О. Сулейменовым в гостинице «Москва», откуда они отправились в Ленинград на встречу с Л.Н.Гумилёвым, с которым Олжас должен был участвовать в передаче «За круглым столом». По дороге в Ленинград Олжас рассказывал азербайджанскому другу о нелёгкой судьбе своей книги, о том, как правда, наконец, восторжествовала, и она получила право на издание в Казахстане.

«Каждая книга имеет свою судьбу» – гласит древняя поговорка. По словам Айдына Мамедова, «Аз и Я» – величественный памятник, сокрушающий устоявшиеся и окаменевшие стереотипа евроцентризма, являющийся выражением оригинальной концепции древней истории Евразии, абсолютно нового взгляда на древнюю историю тюркоязычных народов. Многотрудной оказалась судьба этой «инакомыслящей» книги. Однако и в те трудные дни нашлись сторонники её, кто с честью и мужеством защищал и отстаивал

книгу и её автора. Среди них был и Л.Н.Гумилёв, который беспредельно и трогательно радовался, когда опальная книга получила, наконец, реабилитацию. Это было не только оправданием книги, но и торжеством всего тюркского мира, как считал А.Мамедов. С изданием этой книги в Азербайджане, несомненно, должно было исчезнуть недовольство Олжаса, некогда выраженное им по поводу издания в Азербайджане первого сборника с его стихами. «Эта книжечка не соответствует той большой любви, которую я испытываю к Азербайджану» – отметил тогда Олжас.

В 1989 г., будучи участником праздника азербайджанской книги в Казахстане, поэт Чингиз Алиоглу беседовал в Алма-Ате с многими казахскими поэтами и писателями. Среди них был и известный поэт, председатель СП Казахстана Олжас Сулейменов, который просил передать через газету сердечные слова и пожелания азербайджанскому народу. В сущности, это было не только пожеланием, но и тонким, проникновенным анализом чрезвычайно напряжённой ситуации, которая сложилась накануне распада Союза; более того, каким-то предвидением или предостережением от нависшей опасности и вместе с тем призывом к единению, сохранению и приумножению национально-духовных ценностей. Вот как выглядело в целом это историческое (позволим себе так определить его) обращение Олжаса к родному по духу азербайджанскому народу:

«В настоящее время азербайджанский народ переживает самый бурный, самый напряжённый, драматический и сложный период своей истории. Национальное самосознание и самопостижение народа приобретает широкий размах. Сейчас с высоты усиливающегося национального достоинства лучше видится большое прошлое и будущее народа. В этот решающий миг важно правильно осознать общенародную программу – не утрачивать, а приумножать накопленное. В наш трудный XX век нужно восстанавливать забытые национальные богатства и ценности, не упуская при этом приобретённое. Беречь, как зеницу ока, каждую пядь

родной земли, не нанося ущерба ни одному народу, а также дружбе и добрососедству людей. Пусть это время само объединит всех нас! Настоящая культура и искусство жить – не унижаться и не унижать. Сейчас мы все начинаем постигать это искусство, постигая, растём и укрепляемся как братский союз равноправных наций. Всей душой, сознанием и разумом я желаю своим сёстрам и братьям, друзьям, проживающим в родной для меня республике, солнечной, доброй судьбы. Пусть в наступающем 1989 году воцарятся мир и благополучие на земле! Будьте счастливы! Всегда ваш Олжас Сулейменов».

Олжас старался поддержать азербайджанский народ и в трагические январские дни 1990 года. С болью и негодованием анализируя чрезвычайную ситуацию в Баку, призывал весь азербайджанский народ проявить мужество, не падать духом и не терять веры в будущее, учесть горький опыт последних дней и думать о своём завтрашнем дне. Олжас уверял всех, что надо приступить к работе, ибо только работой можно активизировать начатую борьбу за будущее. Из разговоров с друзьями, писателями, поэтами, философами, психологами, художниками Олжас понимал, что в Азербайджане началась разработка гуманистической стратегической программы развития общества. Он ясно осознавал, что силой и оружием нельзя добиться разрешения возникших проблем, надеялся, что азербайджанский народ в скором времени выйдет из состояния растерянности и шока, сплотив воедино все свои чистые и светлые помыслы.

В конце своего выступления Олжас выразил надежду на то, что после скорбной зимы непременно наступит светлая весна, но никогда не забудутся эти трагические дни. Эта тяжёлая, страшная страница жизни должна быть закрыта.

В связи с обсуждением чрезвычайного положения в Баку и подготовкой проекта закона о чрезвычайном положении Олжас Сулейменов срочно выезжает в Баку, чтобы на месте уяснить для себя происходящие тут события. По мнению Олжаса, учитывая сложность исторической обста-

новки и специфические местные факторы, различными должны быть формы демократизации национальных республик. Общий кавказский дом также требует особого отношения к себе и оптимального решения вопроса мирным путём, ибо кровопролитие никогда не приводит к добру. В суждениях Олжаса интересными представляются также его мысли о сложившейся постсоветской обстановке в союзных республиках, в частности тюркоязычных. «Растёт уровень взаимоотношений. Мы начинаем постигать друг друга. Наше национальное самосознание неизмеримо выросло. Будущее нашей федерации я вижу как органическую связь, неотъемлемую составную часть одного общего организма. Как народы одного региона, мы неразделимы, никто нас не может спасти, кроме нас самих. Необходимы взаимоуступчивость и взаимопонимание, взаимосогласие. На Кавказе же, как мне представляется, должна укрепляться идея общего дома для серьёзного диалога». Не случайно на высоком форуме, именуемом «III диалог Евразийской платформы», среди деятелей науки, литературы, искусства и политики, принимавших участие в этой международной конференции, находился и Олжас Сулейменов. В центре внимания Олжаса в этот момент было важное событие, которое произошло в жизни азербайджанского народа, – переход на латинскую графику. В эксклюзивном интервью азербайджанскому корреспонденту Олжас прежде всего рассказал об исторических связях между тюркоязычными народами, о своём интересе к общественно-политическим событиям, происходящим в нашей республике. В частности, он отметил, что переход на латинскую графику – довольно-таки непростой вопрос. Принятие и издание такого постановления Президентом требует смелости, решительности, политической воли. Это значительный шаг в истории развития Азербайджана, в деле сохранения духовных и культурных ценностей. В условиях интенсивной и набирающей скорость глобализации, охватившей весь мир, под угрозой могут оказаться и

наши национальные ценности, традиции, культурное наследие.

Многое связывает Олжаса Сулейменова с Азербайджаном. Эти связи находят своё отражение как в публицистических статьях самого Олжаса, так и в статьях и высказываниях о нём азербайджанских писателей, поэтов, критиков.

Будучи «следопытом истории», Олжас долго шёл к истине, которая раскрывалась по мере углубления его поисков. В одной из статей, опубликованных в Азербайджане в середине 70-х годов, на вопрос корреспондента, что побудило его обратиться к науке, стать историком и лингвистом, Олжас отметил, что прежде всего история живущих на Севере тюркоязычных кочевых племён, к тому же каждый человек обязан изучить историю своей родины, свои национальные корни, и нередко в этом деле на помощь истории приходит поэзия, издревле объединяющая и сочетающая в себе искусство с наукой. Таковы, например, традиции средневековой восточной поэзии. Олжас усматривает определённую и в то же время закономерную связь между своим поэтическим творчеством и научными поисками. В сущности, как считает мыслитель, исследовательская работа отнюдь не мешает работе поэта, и он не отходит от неё, напротив, научные поиски наиболее приближают его к поэзии. И, руководствуясь тезисом, что «история народа живёт веками в его языке», Олжас высказывает очень интересное авторское мнение о книге «Аз и Я», в которой, по его признанию, он старался представить диалог старославянского «я» и современного «я». И тут факт о тесной и неизбежной связи науки с искусством становится неопровержимым.

Небезынтересным представляется и ответ Олжаса на вопрос корреспондента по поводу его впечатлений об Азербайджане, его настроения от встреч после пребывания на этой земле. «Давно я не писал стихов. Некую пустоту ощущал внутри себя. Сейчас, будучи на древней земле Азер-

байджана, я переполнен и охвачен поэтическим вдохновением. Нависла туча – быть дождю».

По просьбе азербайджанских друзей – Анара, Эльчина, Намика Камала, Олжасу представилась возможность поделиться своими соображениями в связи с этимологией лексем Гороглу (Короглу) и Горгуд на страницах журналов «Литературный Азербайджан» и «Улдуз».

Примечательно, что в итоговом году нашего тысячелетия каждый народ, выявляя свои корни и исторические ценности, старается осознать свой вклад в общечеловеческую цивилизацию. Как мыслит Олжас, степень национального самосознания ряда народов, подвергшихся тяжёлым испытаниям в этом столетии, зависит от результатов их исследований. «Каждый раз, когда обращаешься к таким широкомасштабным фигурам, как Горгуд и Гороглы, к историко-культурному контексту их бытования, открываешь неожиданные причинно-следственные связи», – говорит Олжас. Сейчас, как известно, литературные и археологические источники практически исчерпаны. Однако зачастую имена персонажей древних легенд и мифических сюжетов остаются невостребованными и неизученными. А ведь в них, как считает учёный, заложена кодированная информация, она таит в себе историческую связь со своими архетипами и первоначальными значениями и графическими изображениями (консонантными корнями). Как считает учёный-лексикограф и этимолог, слова не могут исчезнуть бесследно, они могут выпасть из словарного состава языка, могут быть заменены синонимами, но сохранить какие-то следы своей жизни.

Из разысканий О.Сулейменова выявляется, что прототюрки принимали активное участие в пропаганде одной из последних теорий, существующей до иудаизма и христианства. Она была связана с древнеегипетскими солярными мифами. Культ Солнца, зародившийся в Египте в начале III тысячелетия до н.э., распространившись на берегах Средиземного моря, вскоре дошёл до Малой и Перед-

ней Азии и дальше до места восхода солнца. Этот культ вдохновлял племена на переселение их в восточном направлении – на родину почитаемого ими Солнца (так как на Западе, месте его захода, меркли его божественные лучи). Там, на Востоке, дети Солнца надеялись овладеть способностью возродить и добиться его бессмертия. Наиболее уверенные из них дошли до Тихого океана.

История семейств языков, их письмен не должна изучаться в отрыве от истории религий, а с учётом развития их взаимосвязи. Общий культ объединял многие племена, а это, в свою очередь, приводило к зарождению культового родства и близости. Известно, например, что тюркские языки находятся в родственной связи со многими языками (арабским, фарсидским, малайским и др.). Во всяком случае, во всех этих языках слово алла (аллах) является общекорневым с одинаковым написанием и произношением. С точки зрения Олжаса, любопытна этимология консонантных корней. В качестве примера он приводит слова алим «учёный», мукалим «учитель» и другие производные слова с общей основой «лм» как семитский консонантный корень. Любопытно, что семиты (аккады) переняли у шумеров не только письмо, но и эпические традиции. Они, как и шумеры, именовали главного эпического героя Гильгамешом.

В лингвистическом труде О.Сулейменова «Язык письма» раскрываются этимология и консонантные корни многих слов и терминов, некоторые из которых в качестве отдельных примеров приводит автор в вышеуказанной статье как факты, подтверждающие взаимосвязи древних цивилизаций. Последовательная и системная цепь поисков и наблюдений в этом направлении подводит пытливого исследователя к решению основной проблемы, выдвинутой в данной статье, – выявлению консонантных корней имён тюркских эпических (дастанных) героев Кёроглу и Деде Горгуда.

Так Азербайджан входил в творческое сознание поэта-публициста, общественного деятеля, истинного учёного Олжаса Сулейменова, находя достойное отражение в его многогранной творческой деятельности.

2003

СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ СВЯЗИ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ОЦЕНКЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Неоднозначное осмысление истории Древней Руси, предвзятое отношение к историческим событиям, политическая тенденциозность их освещения внесли много путаницы, искажений и неясностей в историю древнерусской литературы, в славяно-тюркские взаимоотношения и их отражение в литературных памятниках русского Средневековья.

Между тем многовековые исторические связи славянских и тюркских народов, следы зарождения которых были отмечены в трудах П.Мелиоранского, К.Г.Менгес, Ф.И.Эрдмана и других исследователей середины XX – начала XX вв., нуждаются в объективном изучении в силу неостребованности многих тайных её страниц в последующие периоды развития литературоведческой науки, что и прослеживается в трудах русских, европейских и евразийских учёных.

Евразийская концепция русской истории находит своё наиболее полное отражение в монографии Тельмана Джафарова, посвящённой целостному анализу литературных памятников Древней Руси, славяно-тюркским связям, их периодизации, выявлению синтеза фактов материальной и духовной жизни славянских и тюркских этносов. Экскурсы и поиски часто уводят автора к национальным (азербайджанским) источникам. Немалый интерес вызывают пути проникновения тем, мотивов, сюжетов и образов произведений восточных авторов в древнерусскую литературу, в частности использование Низами в поэмах «Семь красавиц» и «Искендернаме» сообщений о древней культуре, воинском искусстве и мировоззрении русов – восточных славян, их контактов с тюркскими народами.

Аргументируя актуальность предмета своего исследования отсутствием систематизации большого количества научно-исследовательских работ по славяно-тюркским

культурным и литературным связям неизученностью в литературоведении тюркской тематики в русской литературе X-XVII вв., автор руководствуется тезисами и основными положениями видного исследователя древнерусской литературы А.С.Дёмина, его классификацией и форм и типа культурных связей Руси с тюркоязычными народами Востока. Поиски и наблюдения А.С.Дёмина в этом направлении способствовали уяснению своей позиции, своего отношения к историческим фактам и анализу тюркской тематики, этапов её эволюции как «постоянно действующего фактора истории древнерусской литературы».

Известно, что тюркский фактор в истории, культуре и литературе Древней Руси не обошли вниманием первые русские историографы: В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин, С.М.Соловьёв, В.О.Ключевский, евразийцы – Г.В.Вернадский, Н.С.Трубецкой, Н.И.Костомаров и др. Проблемы восточных лексем в древнерусских произведениях разрабатывались русскими и зарубежными учёными, в числе которых особенно отличались труды В.В.Радлова, В.В.Бартольда, А.А.Шахматова, С.Е.Малова, Н.А.Баскакова, А.Н.Кононова, Д.С.Лихачёва и др.

По справедливому замечанию автора, фальсификация фактов и событий официальными научными кругами, академическими изданиями и вузовскими учебниками, тенденциозные суждения и выводы противников тюркского присутствия в русской истории и культуре порождали ошибочную точку зрения.

Внимание автора привлекают исследования последних десятилетий и поиски современных учёных, вызванные исторической неизбежностью пересмотра и переоценки исторических фактов и событий, лежащих в основе древнерусской литературы, в частности изысканий Л.Н.Гумилёва, О.О.Сулейменова, М.Э.Аджи, Л.Ю.Тугушевой, С.А.Плетнёвой и др.

Примечательно, что в монографии Т.Джафарова, подробно прослеживающего историографию вопроса, исполь-

зуются также диссертационные исследования русских (А.С.Дёмин, В.Н.Рудаков, П.Н.Савицкий), зарубежных (Зеки Велиди Тоган, Б.Эрсанлы, Кришна Пал, Р.Пиккио, Э.Хара-Даван) и азербайджанских (М.Т.Тагиев, Я.М.Махмудов, Ф.М.Асадов, С.Ахмедов, Ч.Эфендиев и др.) авторов.

Данное исследование, посвящённое восприятию и оценке литературных памятников Древней Руси на основе герменевтического принципа изучения историко-художественного материала, нацелено на восполнение пробела в науке, образовавшегося в связи с отсутствием официального научного мнения о тюркском факторе в жизни и культуре славянских народов, в частности русского, а также с разобщённостью мнений по этому вопросу.

Комплексное исследование тюркской тематики в русских литературных памятниках X-XVII вв. и их систематизация потребовали от автора обращения к произведениям самых различных жанров: летописям, летописным сводам, историческим, воинским повестям, причём как входящим в хрестоматию по древнерусской литературе, так и не входящим в вузовскую программу; наряду с ними – к посольским повестям, хождениям, путевым очеркам и пр.

Ретроспективное изучение проблемы позволяет автору выявить ранние контакты восточнославянских и тюркских народов, а также определить степень их отражения в произведениях указанного жанра. Условная периодизация исторических и культурных связей славянских (русских) и тюркских народов Древней Руси, совпадающая с периодизацией развития древнерусской литературы, предложенной акад. Д.С.Лихачёвым, представлена автором как дополовецкий (IX-XI вв.), половецкий (XI – начало XIII вв.), татарский (XIII-XV вв.) и турецкий (XV-XVIII вв.) периоды славяно-тюркских контактов.

Как подмечено азербайджанскими исследователями, переписчики «Повести временных лет», начальной летописи Древней Руси, всячески старались «утопить в обширном художественном полотне летописи тюркское присутствие...

Но это им не удалось, ибо исключение из летописи всех тюркских элементов означало бы уничтожение собственно истории Древней Руси, тесно сплётённой с народами Великой Степи» (с.21).

Наблюдения автора, опирающегося на текст «Повести временных лет», дают возможность «обнаружить историческую последовательность противоречивых взаимоотношений русов – восточных славян и тюркских народов. Доводы автора в основном аргументируются суждениями и выводами учёных, отходящих от официальной позиции русской историко-филологической мысли (С.А.Плетнёвой, Н.В.Трофимовой, Л.Н.Гумилёва и др.).

Исходя из текста памятника, автор строит свои суждения на основе анализа эпизодов, повествующих о совместных походах русских князей и половецких ханов на поляков и венгров в самый разгар русско-половецкого противостояния, и выявляет присущее «Повести...» детальное описание хода боя, как зарождение элементов батальных сцен, характерных для будущих воинских повестей.

Величайший памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», представленный как русско-половецкий, в отличие от «Повести временных лет», избежал излишних переделок, являясь высокохудожественным отражением русско-половецких отношений. Его восприятие в качестве общего культурного достояния восточнославянских и тюркских народов, как отмечает автор рецензируемой книги, содействовало расшифровке и раскрытию некоторых «тайных» мест памятника. В истории изучения этого памятника, являющегося отражением симбиоза культур, не оценимы заслуги всемирно известных тюркологов Н.М.Мелиоранского, П.М.Гордлевского, И.Г.Добродомова, А.Н.Кононова, Н.А.Баскакова и др.

Научные изыскания, связанные с именами Л.Н.Гумилёва, О.Сулейменова, С.А.Плетнёвой, серией книг Мурада Аджи, положили конец бессмысленному противостоянию двух лагерей – противников и сторонников тюркского

фактора «Слова о полку Игореве» и открыли новые перспективы изучения не только «Слова...», но и целого ряда воинских, исторических и публицистических повествований X-XII вв., обнаруживающих славяно-тюркские контакты. Думается, что монография азербайджанского учёного – достойное продолжение перспективных научных поисков в этом направлении.

Рационально воспользовавшись идеей О.Сулейменова о возможной типологической общности «Слова...» и тюркского эпоса, намеченной им в книге «Аз и Я», Т.Джафаров выявляет типологические параллели между «Словом...» и азербайджанским эпосом «Книга отца нашего Коркута», где им обнаруживается совпадение мотивов борьбы с внешним врагом, славы и плача, междоусобиц и т.д. «Типологическая и тематическая близость азербайджанского героического эпоса и русской воинской повести, – пишет автор, – заключается не только в схожести тем, идей и характеристике героев, но и в употреблении воинской лексики, описании природы, гибкости, динамичности и многозначности поэтических средств, отражающих языческие элементы памятников» (47-48). Автор, усматривающий в истории взаимоотношений Древней Руси и Великой Степи процесс взаимопроникновения и взаимообогащения культур как наиболее существенный и важный, очевидно, при определении сходства между двумя национальными памятниками не учёл хронологическую последовательность и время написания «Книги отца нашего Коркута» (X век) и «Слова о полку Игореве» (XII век). Тут, скорее всего, общность между ними предопределена влиянием первого на последующий памятник, что даёт нам право судить о привнесении тюркских эпических традиций в древнерусскую литературу.

В истории развития древнерусской литературы наблюдается литературная преемственность тем, идей, образов, сюжетов и мотивов. Наиболее это характерно для монголо-татарского периода истории Древней Руси. Произведения монголо-татарского цикла объединяет художе-

ственное видение исторических событий, отражение духовной жизни общества и интересов человека Древней Руси, встающего на защиту родных земель и городов во имя объединения русских княжеств. Как известно, такая ориентация была присуща художественной литературе и в половецкий период её развития. В этот период славяно-тюркские связи качественно отличаются от предыдущих традиционных контактов Древней Руси и Великой Степи. Судя по летописям и произведениям древнерусской литературы, описание одних и тех же исторических событий в них весьма отличается друг от друга. На это неоднократно в своих трудах указывал Л.Н.Гумилёв, констатируя отсутствие «критической сводки сведений».

Разная направленность источников, их политическая (идеологическая) тенденциозность очевидна. Не случайно пытливые устремления учёного, нацеленные на выявление «тайной» и «явной» истории монголов XII-XIII вв., были в центре научных поисков Л.Н.Гумилёва, считающего, что «единственной надёжной опорой для обобщения является логика событий, когда их последовательность и взаимосвязь установлены. Только этим способом могут быть исключены предвзятые точки зрения авторов XIII вв., до сих пор создающие почву для бесплодной полемики о причинах и значении описанных ими событий». (См. его статью «Тайная и явная история монголов XII-XIII вв.» в книге «Татаро-монголы в Азии и Европе» // Сб.статей. М.: Наука, 1977, с.484-502). Думается, что подобный тезис русского историка сыграл немаловажную роль в зарождении идеи о реконструкции русской истории IX-XIV вв., которую акад. Д.С.Лихачёв признал и одобрил как «опыт, имеющий все права на существование».

Подвергая переоценке славяно-тюркские взаимоотношения в литературе Древней Руси при татаро-монгольском присутствии, азербайджанский исследователь делает свой вывод относительно объективного восприятия историче-

ских событий на Руси и считает, что «в подобной реконструкции нуждается вся русская история».

Проследивая концепции заслуживающих внимания дореволюционных украинских исследователей и опровергающего их объективные суждения о монголо-татарском присутствии на Руси русского исследователя Г.Ю.Ивакина, а также выражая своё отношение к противоречивым выводам последнего, автор пытается внести ясность в несостоятельность таких утверждений. Он всецело поддерживает позицию ряда учёных, в числе которых особо представлена концепция Г.В.Носовского и А.Г.Фоменко. Руководствуясь их высказываниями о едином государственном устройстве Руси и Орды, автор акцентирует внимание на уточнении положительных результатов монголо-татарского завоевания Руси, заключающихся в том, что золотоордынские ханы, не вмешиваясь во внутренние дела княжеств, «ограждали Русь и русскую церковь от посягательств Польши и Литвы, которые, в отличие от Золотой Орды, старались присоединить русские земли к своим территориям и насаждать там католицизм» (с.74).

Автором приняты во внимание и заслуги евразийских учёных Н.С.Трубецкого, Г.В.Вернадского, П.Н.Савицкого и Э.Хара-Давай в изучении роли и значения татаро-монгольского нашествия для Древней Руси. На основе объективных научных доводов евразийских учёных и концепции историков С.М.Соловьёва, Н.И.Костомарова, а также А.С.Дёмина, существенно отличающихся от господствующих в науке воззрений и устоявшихся традиций предвзято отображать ордынцев как дикую, свирепую и беспощадную массу людей, автор приходит к важному обобщающему тезису о необходимости беспристрастной оценки и правильной интерпретации исторического хода событий при осмыслении монголо-татарского нашествия. «Необходимо учесть тот факт, – пишет автор, – что именно благодаря Чингисхану и его последователям впервые стали возможными политическое единство, торгово-экономическое сотрудничество и

духовная близость Европы и Азии, реальность которых до создания единой монголо-татарской империи была далёкой исторической перспективной» (с.76).

В целом ряде литературных памятников Древней Руси, прослеженных автором, выявляются характеризующие татаро-монголов качества, их моральный облик, высокий культурный уровень этого воинственного народа, обладавшего своеобразными обычаями, богатыми материальными и духовными ценностями. Вместе с тем «летописи и воинские повести, – как отмечает автор, – сообщают о свирепости и зверствах татаро-монголов, происходивших в результате неподчинения русских князей законам империи, заветам Чингисхана, неуважительного отношения к поверьям и обычаям ордынцев» (с.86).

Текстологический анализ всего цикла повестей выявляет неоднозначное отношение древнерусских авторов к событиям так называемого трагического века в истории Руси. Автором прослеживаются идейно-тематические и жанровые особенности воинских повестей монголо-татарского периода. Причём внимание уделяется не столько их стилю, сколько тематике, отражающей военное противостояние русских князей и монголо-татарских ханов («Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о приходе Темир-Аксака» и др.).

Отмечая своеобразный синкретизм тем, идей и мотивов фольклора и литературы на примере конкретных произведений, автор пытается определить уровень их художественности, в чём несколько затрудняется, поскольку «снижение художественности» вызвано «смешением жанров», как полагает он, а смешение жанров, – в частности использованием в данных воинских повестях элементов житийного жанра. Очевидно, не следует забывать, что художественность, светский и мирской характер стали присущи древнерусской литературе после процесса секуляризации, т.е. отделения её от церкви, с чем, кстати, и связана дальнейшая эволюция жанра.

Определённый интерес вызывает подробный анализ «Повести о приходе Темир-Аксака», что способствует выявлению соотношения между исторической правдой и художественным вымыслом, оценке характеристики образа Темир-Аксака неизвестным русским автором, исследованию произведения в контексте других литературных памятников средневековья, прочтению некоторых мест и географических названий, имеющих отношение к Азербайджану.

Подвергается критике и восприятие русской наукой образа Темир-Аксака, как предвзятое и одностороннее отношение к врагу. И, как точно подмечено автором «подобное описание злой (вражеской) силы находим не только в фольклорных произведениях. Это становится традиционным для многих письменных памятников древности». Темир-Аксак представлен в повести не как воин, полководец, добившийся неоднократных побед на исторической арене средневековья, а как разбойник и грабитель.

В монографии проливается свет на историю освещения вопроса как неверного, искажённого освоения русской литературой стран мусульманского Востока. В ней веско констатируется, что «подчёркнутая религиозная окраска летописных и воинских повестей XIV – середины XV века, произвольное величание в них Мамай, Тохтамыша, Тимура, Едигея, Ахмата «погаными», «бусурманами», «измаильтянами» и т.д. имеет ощутимое расхождение с политикой золотоордынских ханов по отношению к христианской религии» (с.126).

В книге особое значение придаётся воинским повестям, созданным в XV-XVII вв. «Это прежде всего связано, – как полагает автор, – с образованием централизованной Руси вокруг Москвы и превращением Московского царства в наследника некогда величайшей империи Чингисхана» (с.134).

Знаменательное событие XV века – взятие Константинополя турками способствовало превращению Московского государства в одну из сильных держав Европы, в центр ми-

рового христианства. Осада и взятие Константинополя становится злободневной темой русских воинских и исторических повестей. По правомерному утверждению автора, «падение II Рима – Константинополя, столкновение мировых цивилизаций и религий – важнейшие исторические события средневековой истории, оставившие заметный след в сознании средневекового человека, представителей разных культур, литератур и верований. Это – логическое завершение превосходства «степи» над «лесом», Востока над Западом, молодой Османской империи над одряхлевшей и издыхающей Византией, растерзанной распрями и внутренней борьбой разных партий и групп» (с.140). Им прослеживается обусловленное этим событием смещение акцентов в сторону освещения фигур предводителей защищающейся и наступающей сторон.

В отличие от предыдущих исследователей, автор проявляет наибольший интерес к размышлениям публициста Ив.Пересветова, трезво и объективно оценивающего истинную причину падения Константинополя, из которого следовало бы «брать уроки». На основе своих наблюдений в этом направлении автор приходит к выводу, что «сочинения Ивана Пересветова подготовили благодатную почву для появления поистине величайшего творения древнерусской литературы – «Казанской истории» (с.175). В её историко-литературную оценку русскими учёными и евразийскими исследователями приносятся и результаты собственных наблюдений автора, сводящихся к необходимости правильного и объективного литературно-художественного осмысления русской истории. На основе интерпретаций мыслей и суждений предыдущих исследователей «Казанской истории» и результатов своих наблюдений азербайджанский учёный определяет историко-литературную значимость «Казанской истории».

Тесное переплетение исторических фактов с художественным вымыслом и мировосприятием их авторов прослеживается в цикле повестей об Азове, ставшем подлинной

энциклопедией истории казачьего движения на Дону. В отношении бытующих в истории древнерусской литературы трёх версий (исторической, поэтической и сказочной) хотелось бы отметить, что тут усматривается прежде всего разновидность, трансформация жанра, эволюция же прослеживается на уровне литературно-художественного освещения исторических событий, в поэтике азовских повестей. И тогда представляется правомерным выявление художественных особенностей этой эволюции. Думается, тут уместно было бы обратить внимание автора и на допущенное им неверное определение «жанра писем и посланий» (с.214), поскольку такой жанр отсутствует, но есть понятие «эпистолярная литература», «эпистолярный стиль».

Раздел, где определены правда и вымысел в повестях об Азове, содержит и аргументации автора на труды Д.И.Яворницкого, А.Н.Робинсона и др., проливающих свет на историю донского казачества и его незавидную судьбу, а также ссылки на соответствующие исторические материалы.

Примечательно, что на протяжении всего исследования автор строго придерживается текстологических наблюдений. Герменевтический анализ в этом разделе книги представляется доминирующим.

Цельное и систематизированное изучение автором цикла повестей об Азове, наглядно демонстрирующее преемственность и традиционность древнерусской литературы, свидетельствует о её демократизации, художественном развитии и идейно-тематическом обогащении.

Обогащённость древнерусской литературы тюрко-татарской тематикой наблюдается и в последней главе, где к анализу привлекаются русские хождения и посольские повести XV-XVII веков. Их содержание говорит о возрастающем интересе к Востоку, к тюркскому и восточному миру.

Отличительной особенностью данной главы является прежде всего переосмысление и переоценка русских хождений, выявление их новаторской ориентации как реалистиче-

ского изображения действительности. Историческая миссия хождений и посольских повестей, по определению автора, проявляется в «стремлении авторов разных поколений создать представление о едином торговом пространстве России с восточным миром».

Определённое место в данной главе занимает освещение азербайджанской тематики как составной части тюрко-татарской. В связи с этим автор обращается к трудам предыдущих азербайджанских исследователей, имеющих отношение к данной проблеме, обобщая и оценивая содержащуюся в русских хождениях, путевых очерках и посольских повестях XV-XVII вв. информацию для Московской Руси, придающей важное значение торговым и дипломатическим связям с Азербайджаном.

Глубокий интерес к изучаемому предмету, серьёзное и тщательное исследование вопроса на основе скоординированного и хронологически выдержанного материала, прослеживание большого научного арсенала, историко-аналитическое изучение проблемы в сравнительно-сопоставительном аспекте способствует воссозданию целостной картины славяно-тюркских связей в древнерусской литературе, выявляющей негативные моменты, пробелы и упущения в их восприятии и осмыслении.

«Славяно-тюркские связи в литературе Древней Руси» в оценке азербайджанского исследователя Тельмана Джафарова – ещё один решающий шаг в пользу присутствия, состоятельности и перспективности тюркского фактора в древнерусской литературе. Монография явится достойным вкладом в тюркологическую науку как новый взгляд на устоявшиеся научные положения.

2004

«ЯЗЫКОВИДЕНЬЕ» АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО УЧЁНОГО

Живые языки – хранители самых архаичных корней и формантов, применявшихся в языках эпохи Начала. Массированное исследование в этом направлении, убеждён, подтвердит наше предположение...

...Зреть в корень языка, увидеть и услышать строение первых слов – вот что требуется от лингвиста.

О. Сулейменов

«Взгляд в доисторию» азербайджанского языка автора монографии «История азербайджанского языка с древнейших времён до XIII века» («Azərbaycan dilinin tarixi». Bakı: Təhsil, 2003) известного азербайджанского учёного-лингвиста Газанфара Казымова, продиктованный псевдонаучным освещением учёными истории азербайджанского народа, утверждающими, что тюркские племена начали появляться на территории Северного и Южного Азербайджана в начале новой эры, что азербайджанский народ и его язык начали формироваться в XI веке с приходом сельджуков, в XIII веке – с приходом монголов на Южный Кавказ, и что до XVI-XVIII вв. азербайджанский язык не отличался от языка анатолийских турок, явился веским и аргументированным ответом фальсификаторам истории, опровержением их несостоявшихся версий, отрывающих азербайджанский народ от его истинных корней и навешивающих ему чуждые ярлыки ираноязычного и кавказоязычного происхождения.

Гражданская позиция Г.Казымова определяется с первых строк данного капитального исследования, начинающегося с авторских строк, проясняющих его основную цель и направленность. Согласно выдуманной концепции, как отмечает автор, предполагается, что колыбелью турков была Центральная Азия, турки якобы родились и размножились

на Алтае, откуда и распространились на территорию Европы, Южного Кавказа и Передней Азии. Между тем античные источники, археологические и антропологические факты и сведения дают в определённой степени исчерпывающий материал для изучения вопроса об истинной родине праязыка человечества, времени и мете расселения тюркских племён, их первой миграции и пр. Археологической культурой, а также этимологическими разработками современных учёных-тюркологов уже доказано, что «колыбелью человечества» является Древняя Передняя Азия, откуда и началась первая миграция тюркских племён на Восток.

Последние десятилетия прошлого столетия, как отмечается в монографии Г.Казымова, были ознаменованы важными научными достижениями, связанными с решением проблемы тюркского присутствия, тюркского фактора в Древней Передней Азии в III-I тыс. до н.э., когда на основе тщательного анализа многочисленных этнонимов, топонимов и антропонимов, сохранившихся в клинописных источниках, была выявлена тюркоязычность аборигенов Азербайджана.

Как известно, в 70-80 гг. шумеро-тюркские лексические разыскания О.Сулейменова, А.Мамедова, Т.Гаджиева и других исследователей-первопроходцев науки, в лице которых впервые была обретена тюркскость, вызвали большой интерес у научной общественности к древнему азербайджанскому тюркскому языку. Последующие этимологические наблюдения Ю.Ю.Осифова, Г.Гейбуллаева и правильная ориентация в изучении истории азербайджанского народа и формирования азербайджанского языка ряда других азербайджанских учёных – З.Буниятова, А.Демирчизаде, С.Алиярова, Т.мамедова, К.Алиева, Э.Алибейзаде, З.Гасанова, В.Габибоглу, Ч.Гарашарлы и др. сыграли важную роль в дальнейшем выявлении шумеро-тюркских связей. Как выясняется, практически шумерские и тюркские тексты сопоставимы. Основываясь на схожести и близости шумерских и тюркских лексических единиц, автор просле-

живает историю азербайджанского языка, уводящую в глубь веков (III-I тыс. до н.э.), период протоазербайджанского языка, находящегося на ранней стадии своего развития в соседстве и в сообществе с мировыми языками, выявляет его грамматические (фонетические и морфологические) и лексические особенности на каждом этапе исторического развития.

В книге Г.Казымова рассматривается формирование протоязыка, распад протоязыков на диалекты и зарождение семейств языков, шумеро-тюркское наследие, путь развития протоазербайджанского языка в III-I тыс. до н.э., этнический состав Азербайджана и вопросы языка, прослеживаются факторы, обуславливающие формирование общенационального азербайджанского языка (III-V вв.), азербайджанского устного литературного языка на последующем этапе (VI-VIII вв.) его развития.

В книге впервые широко исследуется синтаксическое строение языка бессмертного и уникального памятника периода формирования азербайджанского языка – «Китаби-Деде Коркуд». Завершается она периодом зарождения азербайджанского письменного литературного языка (IX-XII вв.).

Как известно, одной из неразрешённых проблем лингвистической науки является вопрос о происхождении мировых языков. Мнение современных учёных всё больше склоняется к версии моногенеза, доказывающей их происхождение от единого корня. В настоящее время сторонники этой версии руководствуются неопровержимыми фактами, приобретёнными в результате расширяющихся и углубляющихся этимологических исследований, сравнительно-типологического анализа и сопоставления родственных языков, в том числе и тюркских. Тюркский материал, нашедший своё отражение в лингвистическом труде Г.Казымова, служит большим подспорьем в решении проблемы моногенеза и окончательным вердиктом противникам последнего.

Опираясь на опыт и положительные начинания предыдущих учёных и по достоинству оценивая заслуги Н.Я.Марра, В.М.Иллич-Свитыча, Н.Д.Андреева, А.С.Мельничука и др. в этом направлении, азербайджанский учёный привносит много нового в практику и теорию данной проблемы. Логичны и убедительны утверждения автора, наглядно представляющего модели архетипов языковых семейств путём их сравнительно-типологического анализа и выявляющего их близость и родство.

Главная и самая существенная отличительная черта лингвистического исследования – это профессиональное чутьё автора и «виденье» им языка, корней слов, в которых сохранились рудименты древнего языка, родственных протоязыков, восходящих как бы к одному общему знаменателю. Как явствует из лингвистических наблюдений, с течением времени в процессе учащающихся миграций протоязыки начинают распадаться на диалекты и размножаться, отличаясь своими словообразовательными формами. Конечным результатом этого длительного распада, изменения и дальнейшего развития протоязыков является образование языковых семейств.

Интересны обобщения и тезисы Г.Казымова по поводу близкого родства шумеров и тюрков, живших по соседству друг с другом на территории нынешнего Южного Азербайджана. В них нашли своё отражение в виде синтеза основные положения и взгляды на данный вопрос учёных-тюркологов, занимающихся историей шумеро-тюркских связей. Одним из таких неумолимых исследователей является Тариель Вели Нуведили, по твёрдому убеждению которого шумеры были предками народа азербайджанцев. К такому выводу он пришёл в процессе продолжительной работы над шумерскими текстами, сравнительно-сопоставительного анализа шумерских и тюркских лексических единиц и формантов.

Отдавая должное перспективным устремлениям Т.В.Нуведили и вместе с тем подвергая критике и сомнению неко-

торые его утверждения, Г.Казымов подводит нас к той непреложной истине, что языки всех народов мира, равно как и их религии, произошли от одного корня, в чём, кстати, усматривается определённая связь с концепцией Олжаса Сулейменова о взаимозависимости древних культур, объединённых общей верой – солнцепоклонничеством, породившей в итоге тенгрианство, зороастризм, буддизм, синтоизм, иудаизм, христианство и мусульманство. По предположениям некоторых азербайджанских учёных, в частности проф. Ю.Юсифова, «период распада пратюркского языкового сообщества датируется VIII-VII тыс. до н.э. и в этот период наблюдалась взаимозависимость его с индоевропейскими языками. Лексическое взаимопроникновение происходило на прародине тюрков в Передней Азии». Автор приносит в эту идею о лексическом взаимодействии праформ и языковых семейств свою корректировку, мотивируя это взаимоосвоение не контактом, а их происхождением от общего корня, распадом единого языка.

В книге Г.Казымова, в отличие от трудов предыдущих учёных, в частности С.Н.Крамера, И.М.Дьяконова, И.Т.Каневой и др., нашли в наибольшей степени своё отражение шумеро-тюркские связи как неразделимый этнический симбиоз. Прародина шумеров, как пишет автор, – земля, именуемая ими Аратта, т.е. Азербайджан, куда они вернулись после того, как потеряли свою независимость, но сохранили свой язык.

Чрезвычайно интересна глава, посвящённая периоду распада пратюркской общности и шумерскому языку. Многие из шумерских героических дастанов, как сообщает автор, связаны с древним Азербайджанским государством – Араттой. Зачастую их героями являются исторические лица – Ен Меркар, Лугалбанда и Билгамыс. Один из них так и называется «Ен Меркар и верховный жрец Аратты», другой – «Урук и Аратта». Следует отметить, что шумерские мифы и дастаны дают исследователю богатый материал для определения широких и тесных исторических связей государств

Урук и Аратта, общности их языка и культуры, этногенетического родства их жителей – тюрков и шумеров.

Обеспокоенность азербайджанского исследователя вызывают переводы шумерских текстов, неудовлетворительная передача их смысла по причине затруднительного прочтения шумерских клинописных таблиц с многозначными условными знаками. В этом отношении, действительно, заслуживают внимания новые переводы Тариеля Вели Нуведили шумерских текстов на тюркский язык. Самым действенным и убедительным ориентиром для Г.Казымова на этом пути представляется выявление фонетических, морфологических и синтаксических особенностей шумерского языка. Анализ шумерских единиц и прослеживание автором грамматического и лексического строения шумерского языка, в чём явно усматривается шумеро-прото-азербайджанское тюркское единство, наглядно убеждают нас в связях Шумера и Аратты.

Особого внимания заслуживает взгляд автора на этническую историю азербайджанского народа и азербайджанского языка, к сожалению, до сих пор являющейся предметом извращённых толкований и реакционных идей, всячески отрицающих и не признающих факт расселения на территории Азербайджана коренных тюркских племён, пытающихся доказать, что тюрки впервые появились в Азербайджане в III-V вв. н.э. и что формирование протоазербайджанского языка началось с приходом в XI-XIII вв. сельджуков-огузов. Очевидно, их гипотезы основываются на убеждении, а не на фактах. В борьбе с такими псевдонаучными утверждениями книга Г.Казымова приобретает большую значимость.

Следует принять во внимание, как отмечено автором, что в шумеро-аккадских источниках сохранилось немало сведений об основных племенах, населяющих территорию Азербайджана, – кути, луллуби, кассии, сулары, турукки и др. Кроме того, в касс-аккадских глоссариях собрано около 50 слов – все они тюркского происхождения. На основе вы-

явленных фактов, полученных в итоге наблюдений учёного над морфологическими и синтаксическими признаками ономастической лексики, основательно доказано их восхождение к древним корням, этническая связь с проязыком тюрков-автохтонов Азербайджана, преемниками которых были созданы в первой половине I тыс. до н.э. такие мощные государства, как Манна и Мада (Мидия), расположенные на территории Азербайджана. Как отмечает автор, эти государства, отличающиеся консолидацией племён и развитой экономикой, издавна находились в поле зрения историков Востока. Он прослеживает этнический состав и вопросы языка Манна и Мады. Весь привлечённый им к исследованию ономастический материал говорит в пользу преобладающего присутствия там тюрков. Системное прослеживание автором топонимов, этнонимов и антропонимов, выявление их грамматических особенностей и тюркских корней, а также случаев употребления слов с тюркским происхождением в других протоязыках свидетельствует о взаимозависимости протоязыков.

Автором затронуты и освещены неостребованные уникальные страницы истории, к примеру, связанные с Авестой, с мудрыми и чудотворными магами, оставившими миру слово «магия» в память о своём высоком искусстве.

Не случайно также обращение лингвиста к истории Албанского/Арранского государства, к его этническому составу и формированию языка в IV в. до н.э. – V в. н.э. Им раскрывается ошибочность и несостоятельность суждений азербайджанского историка И.Алиева как безосновательных и нацеленных на иранизацию албанских племён, якобы наиболее связанных с ираноязычными племенами.

Сравнивая и обобщая все версии по этому поводу, автор приходит к выводу о том, что «самым большим и ведущим племенем правящей империи были албаны – древнее население Северного Азербайджана. На местах их расселения проживали рядом с тюркоязычными племенами и дру-

гие, часть из которых – кавказоязычные, а часть – ираноязычные этносы».

Научно обоснованные и аргументированные выводы и тезисы автора проливают свет на многие запутанные и спорные вопросы относительно этнической истории Азербайджана. В том числе и на этимологию слова «Азербайджан».

В заключение хотелось бы отметить то, что богатый лексический материал, источники и научный арсенал исследования Г.Казымова сыграли немалую роль в позитивном решении им многих теневых вопросов, связанных с историей народа и его языка. В книге множество важных и интересных наблюдений, анализов, идей, размышлений и выводов. «Формирование азербайджанского языка происходило не на основе языка пришедших на территорию Азербайджана тюркских племён, а на основе языка тюркоаборигенов». Этот тезис автора уводит историю нашего языка в глубь веков. Подтверждением тому служит язык совершенного образца тюркского эпоса, тюркских эпических традиций «Китаби-Деде Коркуд». События, о которых повествуется в его дастанах, уходят своими корнями в доисторию – в конец I тыс. до н.э. Следовательно, эти дастаны, как пишет автор, в течение продолжительного времени способствовали формированию общенационального языка и в последующие столетия активно участвовали в развитии азербайджанского литературного языка.

Основное достоинство и ценность лингвистического труда Г.Казымова «История азербайджанского языка» заключается в насыщенности и перспективности тюркского материала, связанного с изучением истории азербайджанского тюркского языка. Данное монографическое исследование как новое решение вопроса, последовательное аналитическое изучение истории и этапов формирования и развития одной из ведущих ветвей тюркского семейства языков – азербайджанского языка явится достойным вкладом в науку, обогащая её новыми фактами, научно-

теоретическими идеями и обобщениями. Думается, что тюркологи-компаративисты должны непременно координировать предмет и проблемы своих исследований. В этой связи хотелось бы отметить, что азербайджанским тюркологам следует принять во внимание и цельную концепцию Олжаса Сулейменова по той же проблеме моногенеза и родства языков, наиболее полно представленную им в книге «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей» (Алматы, 2002, 319 с.), удостоенной премии имени Куль-Тегина. В ней можно обнаружить много интересных лингвистических фактов, доводов и аргументов, обогащающих тюркский материал, и пересекающихся параллелей.

2004

МИРОВЫЕ («ВЕЧНЫЕ») ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.ДЖАВИДА

Кроме злобы и неволи, ничего не видел я...

Г.Джавид

Глобальное, общечеловеческое звучание монументального творчества одного из корифеев азербайджанской литературы поэта-драматурга Г.Джавида (1882-1941) требует вдумчивой и объективной интерпретации художественно-эстетического наследия великого художника.

Основные этапы жизни и творческой деятельности, отразившие идейно-духовный рост, формирование личности, философско-эстетического идеала, предопределили особенности творческого дарования Г.Джавида как мастера «драматических характеров и страстей».

Колебания и противоречия, присущие его героям, связаны с духовными поисками самого поэта, начинавшего как лирик, но вскоре обратившегося к драме. В первых произведениях драматурга (он автор пятнадцати драматических произведений, семь из которых – трагедии) герои ещё не видят подлинных корней тёмных страстей, гнёта и зла, господствующих в обществе.

Проблема «я и мир», противостояние этих двух начал занимают ведущее положение в них. Таков, например, Шейда – герой одноименной пьесы, задумывающийся над всеобщими и вечными вопросами, которые занимают людей во все времена. Его мучает абсурдность и опустошённость жизни, интересуется смыслом бытия, цели и задачи человечества. Мотив беспокойной личности, пребывающей в поисках истины и справедливости, прослеживается в трагедиях «Шейх Санан», «Иблис» («Демон»), «Пророк», «Хромой Теймур», «Хайям», мотив кризиса феодально-буржуазной морали – в драмах «Марал», «Афет», «Пропасть», социаль-

но-классовых коллизий – в пьесах «Шейда», «Сиявуш», «Князь».

Примечательно, что герои Джавида – представители различных национальностей. Наряду с азербайджанцами в его драмах выведены образы грузин, армян, русских, лезгин, персов, турок, арабов, узбеков, немцев, французов и др. И это не случайно. Ещё в юности поэт близко ознакомился с жизнью различных народов, ему случалось побывать во многих странах, почти полтора десятка лет он провёл вдали от родины, жил в Грузии, Дагестане, Турции, Иране, путешествовал по Европе. Известно, что побывав в 1926 году в Берлине с целью изучения современной европейской литературы и для лечения, он возвратился с большим количеством произведений. Эта поездка оказалась весьма полезной для творчества Г.Джавида, и впечатления от Европы ещё более обострили в нём ненависть к буржуазному обществу. В результате этой поездки были созданы многие части поэмы-дастана «Азер», в которой поэт с большой художественной силой и выразительностью заклеил буржуазную мораль, империалистический и колониальный гнёт. Знакомясь с жизнью народов как Востока, так и Запада, Азер видит, что везде в мире наблюдается разделение общества на два противоположных полюса: мир бедных и мир богатых. Для угнетённых народов есть лишь один путь – борьба, как мыслит поэт и его герой.

В поэме «Азер» важное место отводится впечатлениям Азера от поездки в Европу. Взаимоотношения империалистического Запада и колониального Востока находят своё яркое отражение в главе «Дитя Нила», где повествуется о трагедии арабской девушки, разлучённой с родиной. Отец Сельмы восстаёт против английского гнёта и оккупации, за что английский лорд ссылает его на «Остров смерти». Сельма, преследуемая врагами, вынуждена покинуть родной Египет и переехать в Германию. На чужбине её постигает трагическая участь. Убив лорда и отомстив за смерть своего отца, она попадает в тюрьму.

Азер близко знакомится с жизнью и бытом европейских городов, времяпрепровождением и развлечениями пресыщенных богачей и аристократов (глава «Вкус черепахи»). Важное место в поэме «Азер» занимает антивоенная тема, борьба против подготовки новой войны, грозящей человечеству новыми страданиями и кровопролитием.

Г. Джавид гневно и взволнованно писал о том, что ещё не залечены раны, нанесённые первой империалистической войной. Поэт с болью говорит о трагической судьбе людей, которых война сделала на всю жизнь несчастными. Большой силой эмоционального воздействия отличаются главы «Дочь художника», «Дикая женщина», «Солдаты на учении», в которых выведены образы искалеченных войной людей. Причину общественных бедствий и катаклизмов Г. Джавид видит в кровопролитных войнах.

О тяжёлой жизни немецких рабочих – шахтёров рурских рудников повествует глава «На угольной шахте». Автор называет эти шахты «кладбищем, не отличающимся от ада Данте». Избавление от рабства и насилия, от захватнических войн, мир и спокойствие, как размышляет романтический герой Г. Джавида, могут быть достигнуты путём борьбы.

Азербайджанский поэт-гуманист был далёк от идеализации Востока или Запада, призывал к их единению, диалогу и сотрудничеству между ними, служению всему человечеству, разумным и рациональным действиям во имя мира и прогресса. Тревожные и мучительные раздумья о судьбе своей разобщённой родины, горестная участь Южного Азербайджана, изнывающего, с одной стороны, под гнётом иранского деспотизма, а с другой – под владычеством английского империализма и русского царизма, приводили прежде всего к мысли о том, что корнем всех зол и бедствий человечества является несправедливый общественный строй. Будучи просветителем по духу и направленности ума, Джавид был твёрдо убеждён в том, что отставание от

современного уровня культуры – единственная причина угнетения, рабства иранцев и кавказцев.

Размышления о судьбе родины подвели его к размышлениям о судьбе всего человечества, став основой для зарождения мировых идей и устремлений к решению общечеловеческих проблем и поискам пути спасения человечества от злых и пагубных страстей. Недаром он избрал для себя псевдоним «Джавид», что означает «вечность», ассоциирующийся с вечными проблемами человеческого бытия.

Тревога за всё человечество никогда не покидала поэта-гуманиста, пристально следившего за развитием международных событий. От прежних нигилистически-пессимистических размышлений поэта, связанных с историческими судьбами человечества, и идеалистических убеждений о непостижимости мира, приближающих его к теории агностицизма Канта, не осталось и следа. История человечества теперь воспринимается Джавидом как история борьбы добра и зла, разума и невежества, света свободы и тьмы рабства. Даже семейно-бытовые проблемы он рассматривал под углом зрения вечных моральных ценностей, Добра и Зла (пьесы «Мать», «Марал», «Афет», «Шейда»). Трагедия обманутых надежд оторванного от своих корней художника, выходца из стамбульской аристократической семьи, талантливого живописца, живущего мечтой о совершенствовании своего мастерства, обогащении жизненных наблюдений, пагубное воздействие европейского образа жизни и тщетность его стремлений вернуться на родину, к родным истокам изображена в пьесе «Пропать».

В Европе есть и свет, и тьма,
Там есть и распутство, и добродетель,
Это океан – очень страшный,
Человек там или жемчуг находит, или тонет...

И только бдительность и разумность действий могут указать человеку истинный путь приобщения к свету и знаниям.

Следует отметить, что трагедии Г.Джавида отражают основные узловые моменты духовного роста самого поэта. Сильное влияние на формирование мировоззрения Г.Джавида оказало разрешение волновавшего его вопроса о религии, разобщавшей народы и разжигающей между ними вражду. Религиозный фанатизм, против которого всегда выступал в своих произведениях Г.Джавид, был далеко не единственной причиной острых противоречий и конфликтов между народами.

В период идейно-творческих исканий им была написана трагедия «Шейх Санан», являющаяся выражением пантеистических воззрений автора, направленных против религиозной догмы и религиозного фанатизма. Шейх Санан трагическая личность. Своим образом жизни и противоборствующими идеями он не вмещается в окружающий мир, избегает других шейхов, старается быть подальше от них, живёт одиноко вдали от общества, в пустыне. Он наделён критическим умом и «философским духом», обладает глубокими научными познаниями и способностью подвергать всё сомнению. В фантастических видениях Санан находит какие-то черты, хотя и туманные, той подлинной истины, которую давно ищет.

Шейх Санан недоволен всем обществом, в котором живёт, делами людей, духовно искалеченных несправедливым строем. В сцене со слепыми, просящими помощи и исцеления, Шейх Санан, не обладающий возможностями избавления их от физической слепоты, помогает их духовному прозрению.

Что вы хотите видеть, два безумца?!

Весь мир в огне, в крови, сердца мнутся...

За то, что вы не зрите чёрных дел,

Хвалите Бога, он вас пожалел!

Шейх Санан ищет абсолютную истину, в поисках которой идёт дальше своего духовного наставника – Дервиша, сторонника идей, широко распространённых на Востоке, суть которых сводится к тому, что «высшая истина – это я», т.е. сам человек. Понимая, что религии разъединяют людей и народы, порождают всевозможные несчастья, козни, интриги, Шейх Санан и Дервиш сомневаются в правомерности существования различных религиозных учений. Однако, в отличие от своего учителя, Шейх Санан ищет единую веру, такую, которая могла бы объединить, сблизить людей, народы и нации друг с другом, сделать их братьями по духу, ибо «Бог един, различны лишь сужденья».

Рассматривая своё личное заблуждение как нравственный просчёт всего человечества, Шейх Санан отвергает всяческие религиозные догмы, в чём усматривается нравственный подвиг: победа свободной мысли и разума над фанатизмом. Символичен и возглас его: «Йа Аллах!» перед тем, как он бросился в пропасть, ярко свидетельствующий о его твёрдой уверенности в том, что Бог – в возвышенной любви, человечности, свободомыслии, самопожертвовании, а не в религиозных догмах.

Свободолюбивыми идеями проникнуты и исторические драмы Г.Джавида «Сиявуш», «Хромой Теймур», «Пророк».

Для драматического творчества Г.Джавида характерны широта и масштабность географического охвата действительности – от Азербайджана, Турции и Ирана до границ Китая и от Востока до Запада.

Полководец туранской армии Гершивез, завидуя героизму и славе Сиявуша, решает вероломно погубить его. В это время Сиявушу сообщают о том, что в большом вилайете у границ Китая вспыхнуло восстание и подавить его поручается Сиявушу. Он принимает это поручение и отправляется к границам Китая, но здесь выясняется, что вилайет топят в крови не повстанцы, а самодур-губернатор и чинов-

ники-грабители. В результате их произвола страна покрыта виселицами, голод и нищета окончательно изнурили крестьян. А китайские крестьяне-бедняки, бежавшие от гнёта своего хагана, объединившись с тюркскими крестьянами, подняли восстание против гнёта правителей. Сиявуш становится на сторону повстанцев и защищает их. Он всюду выступает в защиту угнетённых и в конце концов гибнет от рук угнетателей.

Близок ему по духу и свободолюбивый Хайям – герой одноимённой трагедии, бичующий зло, выражающее общечеловеческое горе и недовольство. Став своим творчеством ещё ближе к угнетённым массам, Хайям выступает как воинствующий поэт, выражающий настроения мятежных крестьян, рабов, общенародную ненависть к халифату, дворцу, феодальному засилью.

«Хайям» – произведение, воспевающее прежде всего любовь к жизни и счастью. Оно воссоздаёт образ замечательного поэта-гуманиста Хайяма, всем сердцем привязанного к жизни, всеми своими помыслами устремлённого к светлому, счастливому будущему человечества.

Гуманистические, свободолюбивые идеи пронизывают и драму «Пророк». Следует отметить, что в истории мировой литературы часто обращались к образу пророка Мухаммеда. Корифеи мировой литературы Низами, Вольтер и Гёте каждый по-своему трактовал образ и личность мусульманского пророка. В идеализированном воссоздании мы видим его в творчестве Низами, жестоким он предстаёт в атеистическом изображении Вольтера, мыслителем-гуманистом – в восприятии Гёте.

Несколько в ином ракурсе – «обыкновенным человеком», проповедником высоконравственных идей, справедливости и равноправия, свободы женщины, борцом против всяких суеверий и невежества, приверженцем науки и культуры, идеи всеобщей любви и мысли о том, что «только борьбой мы добъёмся своих прав», представлен пророк у

Г.Джавида. Он является выразителем поэтического идеала общечеловеческой любви и счастья.

В исторических драмах Г.Джавида прослеживается органическая связь мировых идей: осуждение несправедливых кровопролитных войн, жестокости монархов и правителей, их произвола и беззакония, гнёта и бесчинства, утверждение идеи мира, всеобщей любви и братства.

«Если и есть сила, способная спасти человечество, то это только «сверхчеловеческая любовь» – этот тезис лежит и в основе исторической драмы «Хромой Теймур», заканчивающейся словами «Долой завоевательские войны! Да здравствует любовь!». Устами своих героев Г.Джавид выражает свою творческую позицию в решении проблемы войны и мира. Он считает, что одной только идеей любви и милосердия не спасти человечество, не поставить мир на верный путь, ибо среди людей немало «двуногих тварей», с которыми предстоит ещё долго бороться.

Напряжённое размышление о судьбах человека и человечества пронизывает пьесу «Иблис». Это, в сущности, пьеса о пагубных страстях человека. Финальный обличительный монолог Дьявола, осуждающего порочные страсти и зло, таящиеся в человеке, звучит как проклятие и вызов всем человеческим злодеяниям, среди которых самым страшным и недопустимым является война.

Пока царит коварство, до тех пор
И злу, и гнёту полный дан простор,
Вселенная – что бойня,
Вся в крови...

И причиной всех бед и всех зол является не Дьявол, а сам человек. Войны, по мнению поэта, являются самым большим преступлением против человечества, и виновны в них преступные шахи и короли, религиозные фанатики и «неистовые правители». Могущественный образ Дьявола, издевающегося над несовершенством человека и челове-

ства, возвышается в пьесе над всеми реальными героями. Автор использует его, чтобы раскрыть сатанинскую составляющую сущности человека.

Главный герой этой романтической трагедии – Ариф, оказавшись в плену необузданных страстей и став убийцей жены и брата, обвиняет во всём Демона, рассматривает свои преступления как горький плод коварных интриг, злодеяний этого «врага Аллаха». Демон же, вводя Арифа в различные искушения, доказывает ему, что причиной гнусных, мерзких дел человека на земле являются его собственные страсти.

В отличие от известных мировых образов Демона и Сатаны, созданных Гёте, Байроном, Лермонтовым, Гофманом, Бодлером и Булгаковым, образ падшего ангела – Сатаны превращается у Г.Джавида в сильное художественное средство для разоблачения всей многогранной человеческой подлости.

Антивоенная направленность этой трагедии получила дальнейшее и наивысшее развитие в агитационной пьесе азербайджанского драматурга «Месть Демона». Если первая пьеса была написана в конце первой мировой войны – 1918 г., – как протест против участия Турции в империалистической войне, то вторая, направленная против немецких, итальянских и японских фашистов, была посвящена важным международным событиям, волновавшим в 1936-1937 годы весь мир.

Герои первой трагедии о Демоне («Иблис») Ариф и Рена участвуют и в этой пьесе, однако тут они представляют совершенно иные силы – являются сторонниками мира. К ним присоединяются Фея мира и солдат мира Тунджар. Демон символизирует выдвинутую фашизмом идею войны. Он окружён различными бесами, олицетворяющими японских, итальянских, испанских и других фашистов. Эти бесы – фашисты, норовящие свергнуть мир в пучину новой бойни, покорные исполнители злой воли Демона, его рабы. Объединившись, Ариф, Фея мира и Тунджар отправляются

в Испанию, чтобы помочь героическим республиканцам в их освободительном движении против режима Франко. Написанная в полусимволическом-полуреалистическом плане эта драма Г.Джавида знаменует собой веру в конечную победу Добра над Злом. В Лиге наций раздаются голоса сторонников мира, разоблачающих захватнические планы фашистов. Устами советского делегата выражается основная идея этой первой в азербайджанской литературе антифашистской пьесы как апофеоз идейно-духовного становления поэта-гражданина Г.Джавида: «Желающие мира на земле сильнее сторонников войны, потому что за ними стоят народы, питающие ненависть к войне».

2004

К ВОСПРИЯТИЮ И ПОСТИЖЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ М.ХАДИ

Жизнь азербайджанского поэта Ага Мухаммеда Абдулсалимзаде (Хади) (1879-1920) полна драматизма. Одиночество и крайняя материальная нужда преследовали поэта всю жизнь. К художественно-поэтическому творчеству Хади пришёл через педагогическую и публицистическую деятельность. Часто печатаясь в газетах, он вскоре приобрёл славу талантливого журналиста. А спустя некоторое время (в 1906 г.) по приглашению старого учителя Мустафы Лютфи переехал в Астрахань для сотрудничества с ним в газете «Бюрхани-тэрэгги» («Осознание прогресса»). Став редактором газеты, Хади призывает на её страницах всех мусульман к наукам, прогрессу, просвещению. С просветительских мотивов, в частности со стихотворений, посвящённых школе, начинается и последнее собрание сочинений (издания 1978 г.) поэта. Поэт утверждает, что будущее родины всецело зависит от степени образования и воспитания подрастающего поколения.

Чтобы обучить у нас сына родины,
Надобно школы открыть и дать ему научный разум!
(здесь и далее подстрочный перевод наш. — А. Ф.)

Хади рано осознал ту истину, что жизнь— борьба: борьба идей, борьба против несправедливости, гнёта и бесправия. Причем, в этой борьбе побеждают сильные, а слабые терпят поражение или гибнут. Его поэзия— океан страстей и чувств, философских размышлений. Творческая личность Хади сама по себе выражает непримиримость, бунт против существующих порядков и законов.

Мир мой охвачен бурей революции,
Страшна её стихия.

Поэт охвачен ужасом происходящих событий и вопиющих противоречий самой жизни. Его мучает горечь глубокого постижения зла.

Глаза мои не смеются с тех пор, как увидел эти земные стоны,

Душа не веселится с тех пор, как я увидел эти невесёлые сцены.

Не случайно поэт избрал себе псевдоним Хади, что означает в переводе с арабского «верно указывающий путь». Поиск истины и путь к ней был девизом жизни поэта. Раздумья о судьбе родины, частицей которой он мыслил себя, не покидали его и на чужбине. Будучи на фронте в годы I мировой войны, он написал целый цикл стихотворений «Из карпатских воспоминаний», которые были изданы в Баку уже позже, по окончании войны. В фронтовых стихах поэта ярко прослеживается тема родины, тоски по ней.

Стою над Карпатами, но обращаюсь лицом,
Душой и взором в твою сторону, о, славная родина!
Становлюсь твоим поклонником, о, славная родина!
И если хоть раз я послужу тебе,
То счастлив буду я.

Философской глубиной и поэтическим накалом, ритмичностью и динамикой отличается лиро-эпическая поэма «İnsanların tarixi faciələri, yaxud Əlgəhi intibah» («Исторические трагедии людей, или Картины возрождения»).¹ В ней отражаются исторический путь развития человечества, двуединая связь и взаимоисключение добра и зла в жизни человека, несовместимость созидания и разрушения.

¹ В поэтическом переводе С.Мамедзаде – «Беды рода человеческого, или Картины возрождения» /См. «Литературный Азербайджан», 1999, № 4-6, с.3-8.

Ты возвысился до небес, хотя низок по природе,
Прекрасные дороги соорудил, хотя сам непутёвый,
Воздвиг светлые города, сам же покорился темноте,
Утверждаешь, что необходимо почитание,
Сам являешься воплощением дикости и страха.
О преданности пытаешься завести речь, сам же лжец и
не верен,

Пока истина не сойдёт с языка твоего, ты поклонник
силы.

При том характере, что у тебя, поверь, несчастлив ты.

Так поэт усматривает причину сосуществования добра
и зла. Она лежит в самом характере человека, в его проти-
воречивой способности созидать и разрушать, и продикто-
вана его нравственным несовершенством.

Как известно, Хади сильно увлекался классической
литературой Востока. Произведения восточной литературы
он читал в оригинале. Через турецкие источники он посте-
пенно приобщался к Западу, ибо увлечение западной куль-
турой в XIX в. не миновало и Турцию. Необычный и свое-
образный путь духовного и творческого развития был уго-
тован для него – человека с роковой неустроенностью, вы-
нужденного скитальца. Он был лишён всех тех благ, кото-
рые выпали на долю его сверстников, имевших материаль-
ную помощь и поддержку для получения высшего образо-
вания в центральных городах России, для выезда за пределы
родины с благими намерениями служить в будущем словом
и делом прогрессу своего народа. Получив высшее духов-
ное образование в медресе, он упорно и целенаправленно
продолжает работать над своим духовным ростом, идейно-
творческим формированием.

Хади активно вторгнулся в научную сферу жизни, изу-
чал историю, философию и религию как Востока, так и За-
пада. Творческое отношение к культурному наследию во-
обще направляло и двигало его интеллект от Востока к За-
паду. Подобно восточным мыслителям и мудрецам, Хади

стремился в условиях самодержавного деспотизма к завуалированному, символическому изображению жизни, к поискам новых форм её художественного воплощения.

Своеобразна архитектура поэтических творений Хади, их композиционно-структурное решение. В основном Хади творил в классическом стиле аруз. Следование традициям классической поэзии, использование им различных сложных форм лирического жанра (газелей, касыд, рубаи, терджи-бендов, теркиб-бендов и пр.) в зависимости от характера и содержания стихов, их общественно-философской проблематики и создавали определённые трудности в восприятии его поэтического «я».

По силе воинствующего духа он был близок ко многим восточным поэтам и мыслителям и не случайно он так увлечённо переводил и Низами, и Физули, и Омара Хайяма, и Саади, и Хафиза и многих других классических поэтов Востока. Они были близки ему по душевному настрою и глубине философского постижения жизни. В отличие от дидактических принципов европейских и русских просветителей, Хади придерживается критического отношения к действительности, защищает и пропагандирует общественную сатиру. Жанровые решения его творчества оправданы именно этими художественно-эстетическими поисками и задачами.

Обычно в каждой поэтической строке Хади присутствуют арабские и фарсидские слова или выражения, несущие, как правило, глубокую смысловую нагрузку. Это язык Хади, его стиль, выражающий мир его мыслей, образов, неповторимость его поэтического голоса. Как считают исследователи творческого наследия Хади, при том жанровом изобилии и пестроте, какими отличается его творческая палитра, той гамме чувств и красок, которыми она полна, усложнённостью своего словесно-образного мышления Хади лишает себя возможности ясного прочтения и восприятия, должного эстетического воздействия на читателя. Между тем творческая личность Хади представляет собой

нераскрытую сокровищницу, к которой следует подобрать заветные ключи. Мы до сих пор продолжаем постигать тайны творческого мастерства Низами, Физули, Насими и других корифеев мировой поэзии. Так почему же не решаемся вплотную подойти к творческому наследию Хади, заглянуть в тайники его изломанной поэтической души, оценить его по достоинству?

Поэт, жалуясь на безысходность судьбы угнетённого народа, обращается к богу:

Кровавые слёзы проливает народ, изранены души,
Не улыбнётся ли, о боже, вновь твоё благословенное
чело?

Поэт хочет надеяться на милость божью, на то, что бог не оставит народ в беде и поможет ему. Эта вера, несомненно, исходила от чистоты души и помыслов поэта. Концепция мировой скорби ясно прослеживается в творчестве Хади, однако опять-таки претерпевает определённую дифференциацию, ибо заключает в себе оптимизм и присутствие силы духа, веру в общественный идеал и свободу. Не случайно Хади принадлежит мысль о том, что «жизнь в такой же степени прекрасна, как и горька». Жизнь не сводится у него к смерти и обречённости, к трагичности бытия и страху, когда одиночеству человека придаётся экзистенциальный смысл. Страдания и лишения, одиночество и скитания, сомнения и разочарования хотя и накладывали свой неминуемый отпечаток, болезненно преломляясь в нём, но не сломили и не растоптали его прекрасную душу, не разрушили его высокие идеалы. Ведь жизнь, как мыслит Хади, не становится мрачнее оттого, что кто-то одинок и нищ, отвергнут и забыт. И, конечно, поэт не теряет надежды на светлое будущее своего народа. «Я влюблён в жизнь,—страстно признаётся он в стихотворных строках, написанных накануне первой мировой войны. — ...Смерти желают лишь те, кто не способен жить, кто бессилен...». Однако в

удушающей и гнетущей атмосфере зла и насилия, гнёта и бесправия, наблюдая ужасающие картины жизни и быта как у себя на родине, так и во всей России, он проникается состраданием ко всем страждущим, ненавистью к поработителям и деспотам, клеймит позором политику царизма, сеюшего национальную рознь и вражду в угоду имперским замыслам и планам. С большим воодушевлением он пишет о национально-освободительной борьбе, развернувшейся во многих регионах Востока, в том числе и на Кавказе, в Южном Азербайджане, восторженно отзываясь о героических подвигах Саттархана и его войска.

Наблюдения за развитием творческой личности Хади подводят нас к той неопровержимой истине, что поэт-мыслитель всегда отстаивал идеи национальной свободы и независимости и приветствовал любые формы её проявления. В этой связи заслуживает внимания и вопрос об отношении Хади к Азербайджанской Демократической Республике, извращённо истолкованный, ибо непонятым оставался прежде всего сам Хади, представленный в истории азербайджанской литературы как буржуазный поэт. Оказавшись одной из жертв правящей идеологии и вульгарного социологизма, Хади постоянно подвергался крайне тенденциозным нападкам и преследованию (как при жизни, так и после смерти), что, несомненно, нашло печальное отражение в его и без того нелёгкой, драматической судьбе. Но какой бы суровой ни была жизнь поэта, он не отступал от своих идей и не предавал своих идеалов. За смелость и мужество его и любили мусаватисты, будучи сами такими же отважными и свободомыслящими, как Хади, и предоставили ему почётную миссию активно печататься в парламентском органе печати – газете «Азербайджан». Хади, мечтающий об идеальном свободном обществе, построенном по законам демократии, впервые стал очевидцем такой независимой республики у себя на родине и был беспредельно тронут и взволнован, посвящая стихи освободителям своего народа. Основным смысл его стихов сводится к тому, что каждый

человек должен самоотверженно бороться за свободу своей отчизны. Такими национальными героями в его представлении и были члены независимого мусаватского правительства, обращаясь к которым поэт писал:

Ждёт от вас победы
Наше будущее, наша свобода.
Славных дел, рвения,
Славной отваги ждёт.
И, чтобы уберечь от врага
Нашу цветущую родину,
Отчизна от вас сегодня
Высоких помыслов ждёт.

И надо суметь выстоять не только в борьбе за свободу родины, но и приложить все усилия, чтобы сохранить её от посягательств и вражеских нападений.

Народ воздвигнет в честь тебя,
Если умрёшь, памятник.
Не дай прикоснуться к отчизне своей
Чужой руке.

Армяно-мусульманская резня 1918 года, организованное истребление мусульман, напоминающее современные национальные конфликты, совпадающие по типу и характеру своих сценариев, служили причиной яростного поэтического протеста, бунта против притеснения и порабощения азербайджанского народа, лишения его независимости и суверенитета.

Используя в основном лирический жанр и публицистику, Хади всегда оставался верен своей идейно-тематической направленности, своим светлым идеалам добра и справедливости, свободы и независимости. И только с течением времени, с развитием мировых исторических событий, и в особенности в эпоху войн и революций, меняется кон-

цепция человека Хади. Земля стонет под ногами, горит в огне, и всё это дело рук человеческих. Если на раннем этапе творчества Хади воспевал человека, проникался любовью и уважением к творениям людским, гуманностью по отношению ко всем людям и рад был служить им своим пером, то теперь он вынужден жестоко клеймить и осуждать тех же людей. И вскоре он приходит к философскому умозаключению о том, что человек в такой же степени жесток, зол и разрушителен, в какой добр и созидателен.

Многое из того, что написано Хади, либо не сохранилось, утеряно, либо ещё не обнаружено. В частности, неисследованным остаётся его участие в турецкой печати. И, несмотря на то, что избранные произведения Хади трижды изданы (в 1936 г., составитель А.Музниб, в 1957 г., составитель А.Заманов, и в 1978 г., составитель А.Мирахмедов), творчество М.Хади ещё не полностью охвачено. Последнее 2-томное издание избранных произведений Хади, подготовленное Институтом литературы им. Низами АН Азербайджана, снабжено обширным предисловием, замечаниями и комментариями составителя.

Как известно, одной и самой главной, на наш взгляд, причиной недоступности творческого наследия Хади является наличие в его произведениях арабизмов и фарсизмов, затрудняющих и усложняющих их язык. Этот текстологический барьер может быть устранён благодаря имеющемуся «Словарю арабо-фарсидских слов», а также неплохо было бы подумать и об издании в будущем словаря языка таких поэтов, как М.Хади, Г.Джавид с тем, чтобы облегчить восприятие их творчества.

2004

РУССКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1970-1990-е годы)

Основы тюркологии как науки были заложены в России во второй половине XIX века. Занимаясь исследованием вопроса о зарождении и развитии русской тюркологии, мы условно подразделили её на несколько этапов, определяющих её общее состояние, основные направления и пути традиционного развития. При анализе современного состояния тюркологии следует отметить исключительно важную роль учёных, стоящих у её истоков, в частности, талантливого организатора востоковедческой науки в России нашего соотечественника М.Казембека, патриархов русской классической науки В.В.Бартольда, В.В.Радлова, С.Е.Малова, А.Н.Кононова, В.М.Жирмунского.

Точкой отсчёта современного этапа развития русской тюркологии правомерно было бы признать время кардинальных изменений в ней. Переворот в науке произошёл тогда, когда состоялось опровержение устоявшейся в ней истины. Знаменательным и ярким событием в истории русской тюркологии явились исследования Олжаса Сулейменова и как итог его долгих и кропотливых поисков и наблюдений – книга «Аз и Я», изданная в Алма-Ате в 1975 году. В ней впервые был опровергнут принцип непротивления злу, подвергались обоснованной критике многие устоявшиеся в науке тенденциозные и предвзятые суждения таких учёных, как Б.Д.Греков, Б.А.Рыбаков, Д.С.Лихачёв, – главных специалистов по древнерусским памятникам, по Киевской Руси, в угоду русификаторской политике или же европейским связям решительно и преднамеренно обрывающих нити, соединяющие их с Востоком, с тюркским миром. По их общему мнению, Русь никогда не вступала в культурное взаимодействие со степняками и кочевниками. Вместе с тем в русской историографии выделялись отдельные работы, в которых проглядывали признаки новаторско-

го отношения к тюркской проблеме. Первые опыты обзора политической жизни хазар и анализа их своеобразного социального устройства были даны в статьях замечательного востоковеда В.В.Григорьева или же в обширном труде «История хазар» другого специалиста-хазаролога М.И.Артамонова.

Новое поколение тюркологов в лице В.Д.Аракина, А.Н.Кононова, Н.А.Баскакова, Э.Р.Тенишева, Х.Г.Короглы, Л.Ю.Тугушевой, О.Сулейменова, М.Аджи и многих других учёных тюркского происхождения резко отличается новаторскими тюркологическими разысканиями. С их научно-теоретическими статьями мы часто встречаемся на страницах журнала «Советская тюркология» (начал издаваться с 1970 г.) – первого всесоюзного научно-теоретического академического органа, издание которого вполне обоснованно поручено филологам и журналистам Баку, известного своими тюркологическими и востоковедческими традициями. И не случайно именно здесь в 1920 году проходил первый съезд народов Востока, а в 1926 году – Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. Журнал постоянно информирует своих читателей о научных сессиях, конференциях, семинарах, чтениях тюркологического профиля. Журнал «Советская тюркология» не раз поднимал вопрос об изучении языков древних и средневековых письменных памятников, а также о более интенсивном изучении тюркских литературных языков, особенно ранних периодов. В этой связи заслуживают внимания статьи Х.Короглы. Одна из них и посвящена актуальному вопросу – изучению древних тюркских памятников, многие из которых недостаточно изучены или же вовсе преданы забвению. «Древние тюрки, – пишет автор, – имели широко развитую литературу, берущую начало в глубокой древности. Например, в древнекитайских источниках обнаружены тюркские стихи, переведённые на китайский язык ещё до II в. до н.э. Те же китайские источники сохранили для нас легенду об убийстве гуннским царевичем Модэ своего отца с целью захвата власти. Это слу-

чилось ещё во II в. до н.э.» «Как нам представляется, – пишет далее Х.Короглы, – этот исторический факт впоследствии превратился в огуз-наме об Огуз-хане... Доисламская тюркская литература не подпала под влияние арабо-персидской культуры» [1].

С этой точки зрения, конечно, целесообразней было бы рассматривать тюркскую культуру как региональную, подобно арабоязычной, персоязычной и т.п.

Далеко не удовлетворительно состояние современной тюркологии, хотя при нынешнем положении дел, когда тюркологические кадры пополнились специалистами непосредственно из тюркского региона, следовало бы ожидать более действенных и положительных результатов, научно-практических решений и достижений.

Со времени распада Союза наблюдалось всё большее замыкание тюркологической мысли, т.е. отсутствие условий и возможностей для её широкого распространения. Журнал «Советская тюркология», где в своё время публиковались интересные сообщения, обсуждались важные и актуальные проблемы тюркологии, в настоящее время выходит нерегулярно, испытывает большие материальные затруднения в своём издании. Проследивая все вышедшие со времени его публикации номера, мы убедились в бесценности и непреодолимом значении этого органа печати. Нас радуют своей объективностью и цельностью научные труды профессора В.Д.Аракина, Н.А.Баскакова, динамичного и последовательного учёного в сфере тюркологических изысканий [2].

Интересной представляется статья Н.А.Баскакова о мугамах. Следует сказать, что в 20-30-х годах исследования в области мугамов тюркских народов только зарождались и ограничивались в основном анализом конкретных произведений народной музыки. Подлинное систематическое изучение мугамов тюркских народов СССР в теоретическом аспекте началось только в 60-70-х годах. Одним из первых исследователей уйгурских мугамов был С.Е.Малов, записавший фонографом Эдисона значительное количество раз-

личных музыкальных произведений уйгуров Синьцзяна, отражающих всю систему уйгурских мугамов. В статье, посвящённой роли мугамов в развитии музыкальной культуры тюркских народов, Баскаков прослеживает историю зарождения этого шедевра в тюркском музыкальном искусстве, рассматривает двенадцать уйгурских мугамов и отмечает, что азербайджанские мугамы имеют разнообразные наименования, из которых основными являются: 1. Раст, 2. Шур, 3. Сегах, 4. Шуштар, 5. Чаргах, 6. Баяты-Шираз, 7. Хумаюн.

Примечательно, что ещё в 1990 г. на XV пленуме Советского комитета тюркологов отмечалось, что журнал значительно улучшил свою работу. Однако недостаточно концептуальных статей, мало материалов о тюркских народах, живущих за пределами СССР. Желательно улучшить распространение журнала... Мы плохо информированы о тюркологических изданиях за рубежом. Нужна рубрика «Над чем работают учёные».

В этой связи следует также отметить, что важно было бы обратить внимание на подготовку национальных кадров по тюркологии. Думается, что вопрос о национальных кадрах имеет для дальнейшего развития тюркологической науки определяющую и существенную роль, ибо перефразируя известную мысль А.Бакиханова, можно с уверенностью отметить, что «преобразователи тюркологической науки должны выйти из самих тюрков». Поскольку нас больше интересовал фактор филологический, то мы в основном обращали внимание на состояние и задачи в сфере изучения литературы и фольклора тюркоязычных народов. Усилиями большого отряда литературоведов и фольклористов проделана значительная работа по изучению литературного наследия. Собран основной фонд фольклорного богатства, много сделано для изучения образцов фольклора каждого народа в переводе на другие языки народов мира. Такие выдающиеся памятники тюркоязычного фольклора как «Китаби-Деде Коргуд», «Манас», «Алпамыш» и др. давно стали достоянием не только тюркоязычных народов.

Заслуживает внимания работа, проводимая в последние годы по сравнительному изучению тюркских народов. Продолжение исторических исследований находится в прямой зависимости от разработанности тюркского лингвистического источниковедения, основная задача которого заключается в выявлении, археографическом описании, изучении и издании по строго определённой единообразной схеме памятников тюркской письменности всех жанров: поэзии, прозы, исторических хроник, словарей, глоссариев, грамматических трактатов. При подготовке к изданию рукописных памятников встаёт проблема тюркской текстологии.

Продолжается разработка грамматического строя языка и палеографии тюркской руники. В конце 80-х годов вышла в свет «Грамматика языка тюркских рунических памятников» А.Н.Кононова. Ведётся текстологическое изучение древних памятников на основе выявления закономерностей их организации как текстов определённых жанров.

Интерес к литературному наследию постоянно возрастает. Однако большинство рукописей практически недоступно для исследователей: одни памятники давно стали библиографической редкостью, другие до сих пор не издавались и украшают лишь рукописные фонды.

Имеющиеся издания не всегда отвечают уровню современной филологической науки. Как ни прискорбно отметить, но древнетюркские памятники до сих пор не вошли в фонд мировой культуры. Наскальная древнетюркская эпиграфика, топонимика являются предметами частых разговоров и обсуждений, творческих поисков и разысканий тюркологов. Неоднократно О.Сулейменов поднимал вопрос о создании музея древнетюркской рунической письменности, призывал взять под защиту древнетюркские письменные памятники [3]. Идентична, кстати, и судьба нашего Гобустана, древние наскальные изображения которого продолжают оставаться не внесёнными в число памятников мировой культуры.

Появление в истории тюркологии таких имён, как Олжас Сулейменов, Л.Н.Гумилёв и Мурад Аджи, означало новую веху, новый этап в развитии тюркологической мысли, когда кардинально изменилось её направление. Такие серьёзные и концептуальные тюркологи как Лев Гумилёв и Мурад Аджи, изучив этническую историю тюркоязычных племён и народов, посвятили себя выявлению исторической истины. По Гумилёву, этногенез – природный процесс; этносы рождаются, развиваются, умирают не по своей воле и не по воле «цивилизованного человека, у них свои жизненные циклы, свои фазы развития». Этнос подчиняется законам биосферы.

С социально-этнической историей Евразии связаны и научные разыскания проф. Марада Аджи. В отличие от Л.Н.Гумилёва, он в своих трудах особое внимание уделяет Великой Степи и её вкладу в русскую и европейскую культуру. Статьи и книги Мурада Аджи, как и научные труды и разработки Л.Гумилёва, на первых порах встречали сопротивление и подвергались ожесточённым нападкам цензуры и критики. Однако с течением времени ситуация изменилась коренным образом: труды Гумилёва начали выходить грандиозными для книг научного содержания тиражами, завоевав в короткий срок небывалую читательскую аудиторию. Очевидно, такая же судьба от «категорического неприятия и поругания до постепенного нарастания интереса» ожидает и «исторические парадоксы» Мурада Аджи.

Как нам представляется, система взглядов Мурада Аджи в основном научно обоснована и вызывает чрезвычайный интерес. А вся концепция учёного, изложенная в двух его изданиях, весьма познавательна и является заметным вкладом в тюркологию вообще и в русскую в частности. В ней находит своё отражение история тюркского кипчакского народа, который «подарив миру великую культуру, потерял себя сам». Кроме того, в этой научно-исторической системе взглядов ярко прослеживаются «культуры великого синтеза культур, зародившегося в далёкие

времена, когда закладывались основы евразийства и Кавказ служил опорой моста между Западом и Востоком».

В плодотворных поисках современного тюрколога есть ещё одно важное обстоятельство. И заключается оно в том, что рациональное зерно, посеянное им, всё сказанное о «дикий», «азиатской» культуре, древней тенгрианской религии тюрков постепенно входит в сознание мировой общечеловечности, хочет ли она того или нет. «Вспоминаю в этой связи, – пишет М.Аджи, – реакцию Ватикана на одну из моих статей. После долгого её изучения мне передали короткое устное сообщение, которое запомнил на всю жизнь: мы знаем, что православиию предшествовала какая-то религия, но какая – мы не знаем».

В настоящее время, когда русская тюркология развивается в новых исторических условиях распада союза национальных республик, суверенитета и независимости тюркских народов, ранее входящих в его состав, наблюдается некая разобщённость в работе Тюркологического центра и нарушение в координации и консолидации национальных кадров тюркологов.

Как быть в такой ситуации? В этой связи заслуживают внимания размышления Ч.Айтматова о проблемах и перспективных задачах современной тюркологии. «Ведь это реальный неоспоримый факт, что тюркоязычные народы имеют древнейшую историю, хотя окончательное формирование и развитие тюркологии как самостоятельной и многоотраслевой науки в основном следует отнести к советской эпохе.

...Отдельные тюркские языки не так уж далеки друг от друга, просто между ними возникла какая-то преграда, и тоже по нашей вине, и поэтому они по отношению друг к другу попали в полосу отчуждения. Надо, чтобы эти языки потянулись друг к другу, чтобы взаимообмен терминами, словами между ними стал гораздо интенсивнее.

...Мы должны регулировать развитие языков сознательно, уделяя больше внимания, больше средств культур-

ной работе, нам необходимо попытаться вернуть малым народам их самобытность, поднять у них внутренне национальное самосознание. Этому должны содействовать и школы, и детсады, и телевизионные и радиопередачи, и театральные постановки.

От своей первоосновы мы отошли слишком далеко, некоторые нравственные качества опоры окончательно утрачены. Что утрачено, то утрачено. Сейчас же надо во что бы то ни стало сохранить оставшееся» [4].

Возврат к своему культурному наследию, прошлому, корням, как считает Ч.Айтматов, – тот верный путь, который мы должны для себя избрать.

Использованные источники

1. Короглы Х. Древнетюркская литература // «Советская тюркология», 1988.
2. Аракин В.Д. О тюркизмах в языке новгородских грамот на бересте // «Советская тюркология», 1980, № 5; О некоторых тюркизмах в русских былинах Киевского цикла // «Советская тюркология», 1984, №1; Баскаков Н.А. Тюркизмы в названиях московских улиц // «Советская тюркология», 1979, №2; Тюркизмы в русской лексике // «Советская тюркология», 1979, №6; Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве» // «Советская тюркология», 1982, №4; О тюркских лексических заимствованиях в русском языке // «Советская тюркология», 1984, №4; Огузский ареал в истории консолидации тюркских народов // «Советская тюркология», 1987, №1; Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства // «Советская тюркология», 1989, №1; Мукамы в развитии музыкальной культуры тюркских народов // «Советская тюркология», 1990, №1; К изучению тюркских языков в Японии // «Советская тюркология», 1994, №1.

3. Актуальное интервью // «Советская тюркология», 1989, №6.
4. Актуальное интервью с Ч.Айтматовым о проблемах культуры малых народов // «Советская тюркология», 1988, №3.

2004

чтение-штудии «НАУКА ПРАВСТВЕННОСТИ» Н.ТУСИ

В ряду славных и ярких имён учёных и мыслителей Востока, корифеев мировой науки, таких как Ибн Сина, Фараби, Бируни, Бахманяр и др. Насиреддин Мухаммед Туси (1201-1274) по праву занимает достойное место как учёный-энциклопедист, как «шах страны науки».

Существуют весьма противоречивые версии по поводу места рождения Туси. Однако ясно одно, что по происхождению он тюрок, родившийся в Иране. Получив первоначальное образование в самом культурном центре Хорасана г.Тусе, будущий мыслитель, следуя традициям, заветам и наставлениям своего отца, всю свою сознательную жизнь посвятил поискам истины.

Под руководством первого духовного наставника – отца, знатного законоведа и богослова, очень образованного для того времени человека, Туси приобщался к наукам. Усердием и старательностью, а также своей любознательностью он вызывал к себе уважение преподавателей, удивляя их способностью быстро усваивать и запоминать, выражать своё отношение к сложным, противоречивым суждениям. Научными познаниями и мировосприятием Туси заметно отличался от своих современников. Темой его последовательных научных интересов были религия, философия, медицина, культура, логика, искусство, история, поэзия, музыка, из точных наук – астрономия, математика, тригонометрия и пр.

Жажда познания заставила его переехать в государство исмаилитов, в их столицу Кухистан. Историки пишут, что будучи в Кухистане, Н.Туси был приглашён во дворец правителем государства исмаилитов Мохташамом. Здесь он стал одним из первых советников правителя. Во дворце высоко ценились его талант, государственность, ум и гений предвидения. Однако на чужбине Н.Туси ожидала страшная участь. Вскоре политическая обстановка в стране крайне

обострилась и накалилась, когда к концу 1235 г. в государстве обозначился сильный рост имущественного неравенства, что привело к возмущению и протесту низов. В тяжёлом положении оказался и Туси, который, будучи свидетелем политического террора государства исмаилитов, высказал своё недовольство и несогласие с неограниченной политической и духовной властью правителей государства, за что и поплатился жестоко. В том же году он был арестован и заключён в крепость Аламут, где ему пришлось томиться и мучиться в течение 20 лет. И только исторические события воздействовали на его дальнейшую судьбу. Монгольские войска во главе с внуком Чингис хана Хулагу ханом завоевали Иран и в 1256 г. разгромили ослабленное внутренними противоречиями государство исмаилитов. Н.Туси был освобождён из заточения. Под властью Ху (1258-1265) оказались все страны от Аму-Дарьи до Средиземного моря и от Дербента до Персидского залива. Так образовался новый, пятый монгольский улус – государство Хулагуидов.

Правители его носили титул эльхан (владыка народа). Столицей эльханов вначале была Марага, а затем Тебриз. Разбив государство Аббасидов в Иране, Хулагу вселил туда 200 000 тюрок. О достоинствах Хулагу хана упоминал в своём историческом труде и А.Бакиханов. В «Гюлистане-Ирем» он также отмечал, что пользующийся большим доверием и расположением Хулагу хана Насиреддин Мухаммед Туси добился по его приказу и при содействии построения знаменитой Марагинской обсерватории. Умением хорошо разбираться в вопросах политики и государственных делах Н.Туси сразу привлёк внимание нового правителя Ирана. Став первым советником Хулагу хана, вскоре способствовал изменению его политики и предотвращению новых массовых истреблений.

Большое значение Н.Туси придавал внутренней политике государства, считая, что сила государства в его правильной, разумной политике. И долговечность государства зависит от того, насколько справедлива его основа.

С философией права, политики и государственности связаны его нравственно-этические воззрения, изложенные в трактате «Ахлаги Насири» («Этика Насира»)¹, принесшем ему мировую известность. В этом произведении прослеживается стройная, системная и последовательная концепция Н.Туси о человеке, обществе и государстве, о воспитании чувств и формировании гармоничной личности, его мысли и афоризмы о законах мироздания. Предметом мудрых толкований и рассуждений Туси служит в основном человек и общество в целом.

В центре внимания учёного чистота помыслов и деяний человека как созидательной силы. В этом деле особое значение придаётся им «нафсу» (араб.), причём в понятие «нафс» Туси вкладывал широкий смысл и боролся за очищение и оздоровление духа человека. Воспитание чувств и нравственное совершенствование человека – вот «*alma mater*» этики Насира, как называл себя сам Туси. Именно «нафс» служит причиной многих преступлений. Некоторые совершают их из-за неполного использования своих знаний и возможностей, некоторые – из-за слабости сопротивляться препятствиям, часть – из-за увлечения животными чувствами и чувствами гнева, некоторые – из-за высокомерия, в силу занимаемой должности... При вынесении наказания необходимо не ущемлять права других, не допускать возможность, когда в дальнейшем приходится просить извинения за допущенные ошибки. Нужно действовать как врач, который начинает лечение больного органа с целью сохранения здоровья всего организма. Плохие деяния необходимо держать под постоянным контролем. Конечно, не надо стремиться к казни, ибо немыслимо не верить в исправление и перевоспитание преступника...

Вера в человека, его силу и разум пронизывает всё творчество Туси. Отвергая полностью идею о том, что нравственности не учатся, а с ней рождаются, идею о невозмож-

¹ Хасә Нәсирәддин Туси. Өхлақи Насири. Бакı: Elm, 1989.

ности перевоспитания человека, он резко критиковал тех, кто отрицал силу воли человека, силу обучения, внушения, убеждения, принуждения, поощрения. Рассуждая как истинный педагог, Н.Туси верил в благие начинания, заложенные в человеке природой, и в потенциальные человеческие способности, которые следует развивать. В «Ахлаги Насири» целая глава посвящена вопросам перевоспитания нравственности («О возможности перевоспитания нравственности»). В ней основное внимание уделено формам и методам перевоспитания. Придавая важное значение человеческому труду, Туси усматривает в нём основной путь к совершенству.

Многое в перевоспитании нравственности зависит от умения человека остановиться вовремя, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность и разумно относиться к удовольствиям и развлечениям. Каждый человек имеет свой внутренний голос совести и это очень важный фактор нравственности, как считает Туси.

Этические воззрения Туси в наибольшей степени связаны с Востоком и восточной средой. Одна из его этических статей посвящена домоводству – вопросу семьи, её основам и определяющим качествам: обязанностям и правам мужа, жены, их отношениям друг к другу и к своим детям, методам воспитания детей, также правилам восточного этикета. Согласно Туси, очень важно, чтобы сам воспитатель, если он хочет добиться положительных результатов, был бы воспитанным человеком.

Следует отметить также, что на Востоке эти правила поведения в быту и обществе, переходя из поколения в поколение, приобретали традиционный характер. И, хотя эти традиции иногда и нарушались, однако в основном они сохранены. Сам Туси допускал, что соответственно времени и среде эти правила могут подвергаться определённым изменениям и что в любой ситуации необходимо их разумное соблюдение.

Важное значение в воспитании человека Туси придавал навыкам, их последовательной выработке. Его учение о нравственности распространяется и на общество в целом. От соблюдения норм морали и связи с просвещёнными людьми зависит процветание государства и укрепление его могущества. И неудивительно, что одним из предметов этических размышлений, гуманистических идей Туси является государственность, благоустройство государства, принципы управления государством. Для сохранения своего могущества и достоинства правитель должен опираться в своих поступках на просвещённых людей, придерживаясь при этом требований справедливости, обладать мудростью и храбростью.

Основное предназначение человека Туси усматривает в его постоянном стремлении к самосовершенствованию, исключаящую всякую склонность к накоплению богатства. Совершенство человека, его благородность подлежат последовательному формированию, которое зависит от условий его жизни, т.е. занимаемого общественного положения, умственных способностей, проницательности и воли. Таким образом, многое зависит от способностей человека, от его воли и трудолюбия.

Лучшим способом воспитания благородных качеств с детства является обогащение духовного мира ребёнка. Нравственные устои общества зависят от правильной постановки нравственного воспитания детей, т.е. они находятся в прямом соотношении.

Следует отметить, что Туси приходилось работать в условиях абсолютного господства религиозной идеологии. Выдвинутые мыслителем идеи, их прогрессивные тенденции и сегодня не утратили своего значения.

2005

ВОСТОК И ЗАПАД В МИРОВОСПРИЯТИИ А.ГУСЕЙНЗАДЕ И А.АГАОГЛЫ

В зарождении и формировании восточно-западного фактора в истории азербайджанской литературы, в частности в творчестве азербайджанских писателей XX века, важную и определяющую роль сыграли прежде всего древнетюркские традиции цельного восприятия Вселенной, лежащие в основе развития всей азербайджанской тюркской литературы и культуры.

Гуманистическими тенденциями переполнена древнетюркская поэзия в целом, вся восточная средневековая, в том числе и азербайджанская классическая. Своё достойное проявление они находят в творчестве корифея азербайджанской литературы Низами Гянджеви (1141-1209), поэзия которого направлена на постижение сущности бытия и общечеловеческих ценностей, тайн природы и общества.

Традиции мировосприятия и мироощущений Низами получили дальнейшее развитие в азербайджанской литературе нового периода. Полосу широкого, органического синтеза восточно-западных творческих ориентаций представляет азербайджанская просветительская литература.

Мировоззрение ранних азербайджанских просветителей А.Бакиханова (1794-1847) и М.Ф.Ахундзаде (1812-1878) отличается противоречивым переплетением светского и духовного, старого и нового, восточного и западного интереса в их сознании и творческой деятельности.

Традиции восточно-западного мировосприятия, продолженные А.Бакихановым и М.Ф.Ахундзаде, эволюционировали в истории дальнейшего развития азербайджанской литературы. Наиболее ярко эта тенденция находит своё отражение в творческих судьбах отдельных представителей азербайджанской литературы начала XX века, в идейно-творческой ориентации таких писателей и поэтов, историков, публицистов и учёных, как А.Агаоглы, А.Гусейнзаде, М.С.Ордубади, Ю.В.Чеменземинли, Г.Джавид, М.Хади.

Наличие восточно-западного фактора в творческом сознании и преломлении азербайджанских писателей сыграло определённую роль в жанровом и стилевом многообразии национальной литературы. Это прослеживается в многогранной деятельности каждого из указанных авторов. Тут прежде всего, думается, возникает необходимость серьёзного изучения творческой судьбы азербайджанского мыслителя, философа, поэта и прозаика, публициста и переводчика Алибека Гусейнзаде (1864-1941) – трагической личности энциклопедического размаха и диапазона, в основе идеологии которого лежала целая система прогрессивных начинаний и действий в направлении европеизации», исламизации и туркизации. «Великий мыслитель призывал к сближению с Европой, с учётом того, чтобы не отделять Азербайджан, весь тюркский мир от Востока» (Я.Караев).

В таком ракурсе А.Гусейнзаде и воспринимал Европу: с одной стороны, как сотворившую Ренессанс, с другой – как создавшую позорную и преступную инквизицию, т.е. различал в ней прогрессивный и регрессивный факторы. Он более, чем кто-либо из азербайджанских писателей был проникнут тюркскими идеями. Его художественные произведения, литературоведческие труды, романы, трактаты и повести в основном были изданы вне пределов Азербайджана и получили широкое распространение и признание в мировом контексте.

В Баку было издано несколько произведений выдающегося азербайджанского писателя и учёного: «Siyasəti-fürusət», «Qırmızı qaranlıqlar içində yaşıl işıqlar», «Türklər kimdir və kimlərdən ibarətdir», «Qərbin iki dastanında türk». В них А.Гусейнзаде открыто выступал против колониаторской политики царизма, против враждебного отношения к Востоку, ко всему тюркскому миру, против агрессии и рабства, призывал к национально-освободительной борьбе, особое внимание обращал на пропаганду общечеловеческих идей, старался осмыслить богатые традиции азербайджанской литературы в контексте мировой литературы.

В восточно-западном русле развивалась многогранная творческая деятельность А.Гусейнзаде – внука кавказского шейх-уль-ислама, «философа по натуре» (М.Ф.Ахундзаде), очень образованного и прогрессивного человека.

В 1875-1985-е годы он учился в Тифлисской гимназии, где стал изучать русский, фарсидский и арабский языки, и вскоре в совершенстве овладел ими. Любовь к литературе и искусству привела его в Россию. Он намеревался поступить в столичную Академию искусств, однако ему суждено было учиться на факультете физики и естествознания. Тут он слушал лекции знаменитых профессоров Менделеева, Вагнера и наряду с этим часто посещал лекции на восточной факультете университета. Он был в восторге от лекции профессора Жуковского, посвящённой творчеству О.Хайяма. Известно, что через несколько лет в Каире в журнале «Турок» были изданы его переводы из Омара Хайяма.

В годы учёбы в университете А.Гусейнзаде читал в оригинале произведения Гомера, Данте, Вергилия, Шекспира, Шиллера, Байрона. В эти годы вместе с кавказскими студентами он принимает участие в студенческих революционных волнениях. В связи с этим студент из Азербайджана вынужден был, не завершив своего образования в России, покинуть Петербургский университет и, по настоянию своего деда-шейх уль-ислама, А.Гусейнзаде был переведён для продолжения учёбы в Стамбульский университет. И это послужило, как отмечает А.Мирахмедов в своём очерке, посвящённом жизненному пути А.Гусейнзаде, началом перелома в мировоззрении будущего «буржуазного идеолога».

В последние годы учёбы в Стамбульском университете у А.Гусейнзаде вновь усиливается интерес к политике. Однако, в отличие от революционной ситуации, которая сложилась в Петербурге, где он был рядовым участником студенческого бунта, в Стамбуле он стал одним из руководителей буржуазно-националистического движения против деспотического правительства султана Абдулгамида, а так-

же одним из организаторов буржуазно-националистической партии «Союз и прогресс».

Именно с этой миссией А.Гусейнзаде вскоре приезжает в Баку, где совместно со своим единомышленником и соратником А.Агаоглы (1869-1939) издаёт газеты «Хаят» и «Фююзат» на средства известного бакинского нефтепромышленника Г.З.Тагиева. Эти органы печати открыли новую страницу в истории национально-освободительного движения и прежде всего в пробуждении национального самосознания азербайджанского народа.

Идеи А.Гусейнзаде и А.Агаоглы о сплошной туркизации под эгидой «Туранской империи» послужили причиной их определённой отдалённости и отхода от родной азербайджанской литературы, недооценки ими творчества некоторых азербайджанских писателей. Чаще непонятыми они оказывались у себя на родине, где их не воспринимали должным образом, и, не находя тут понимания и поддержки, превращались в «чужих среди своих».

Неровной, сложной и противоречивой представляется творческая судьба двух незаурядных мыслителей Азербайджана – Алибека Гусейнзаде и Ахмедбека Агаоглы. Уходя от задач первостепенной важности, выдвигаемых эпохой, предвидя кровопролитный исход вооружённых столкновений, они старались увести народ от «страшной пропасти» и распространяли идеи о духовно-нравственной эволюции. Не случайно одна из статей А.Гусейнзаде призывала к спасению через любовь. Выдвигая лозунг «Спасение в любви», он считал, что свобода и независимость могут быть достигнуты мирным путём – путём нравственного возрождения, просвещения и прогресса общества.

Реальные жизненные наблюдения за стремительно развивающимися социально-политическими событиями в мире, начавшееся в Иране национально-освободительное движение под руководством Саттархана, действовавшее на весь мусульманский Восток, служат началом идейного пробуждения А.Гусейнзаде и А.Агаоглы. Они приходят к

мысли, что путь к свободе лежит через вооружённую борьбу, революцию. Идеино-духовные искания и концептуальные перемены находят своё отражение и в их трудах.

Величие и историческая роль А.Гусейнзаде, как полагает исследовательница его жизни и творчества О.Байрамлы, заключается в том, что в произведениях выдающегося публициста, критика, поэта и прозаика, переводчика и философа объектом критики становится колониальная политика царского самодержавия, направленная против национально-освободительного движения восточных народов, пробудившихся под воздействием первой русской революции.

В этой связи следует отметить и важное благородное начинание самой Офелии-ханум Байрамлы, её огромную заслугу в деле нашего приобщения к богатому научно-художественному и социально-политическому наследию Алибека Гусейнзаде, на которого был навешен несправедливый и оскорбительный ярлык «буржуазный, реакционный идеолог», «враг нации», в извращённом свете представлялись жизнь и творчество выдающегося мыслителя.

В научно-художественное наследие А.Гусейнзаде входит и его книга «Зелёные огни в красной тьме», где собраны и представлены в хронологической последовательности статьи, напечатанные им при жизни в 1906-1907 гг. в журнале «Фююзат». В одноименной статье, напечатанной впервые в журнале «Фююзат» в 1906 г. (№ 5), А.Гусейнзаде открыто указывает, что единственный возможный путь к развитию и прогрессу — «Зелёные огни», т.е. мусульмане, которые должны использовать ислам как прогрессивный фактор, несущий свет и просвещение во тьму невежества.

Произведения А.Гусейнзаде, изданные на его родине в Азербайджане в 90-е годы XX века, являются ярким отражением оригинальной системы взглядов и мировосприятия этой уникальной творческой личности. В них отчётливо прослеживается образ истинного прогрессивного деятеля, борца за свободу и независимость не только Азербайджана, но и всего тюркского мира, его историческая роль в расши-

рении национально-освободительного движения в Турции и среди мусульман России.

В произведении «Тюрки в двух дастанах Запада» на основе двух поэм, взятых из западноевропейской литературы, – «Спасённый Иерусалим» итальянского поэта Тассо (1544-1595) и «Лузиада» португальского поэта Камозенса (1524-1580), думается, автор намеренно обращается к образам западноевропейской литературы в целях её пропаганды в Азербайджане и шире – на Востоке. Им воспеты бунтарские идеи, направленные против колониального деспотизма европейских империалистов.

Многое роднит и сближает А.Гусейнзаде и А.Агаоглы, человека интересной и сложной судьбы, такой же трагической личности, учёного-востоковеда, публициста, критика, общественного деятеля, слава которого доносилась из Парижа, Петербурга и Москвы, позднее – Стамбула и Анкары. Он автор научно-теоретических и публицистических произведений по истории, философии, экономике и истории религий, литературе, праву, обществоведению и пр. К сожалению, до сих пор ещё остаются нераскрытыми глубинные пласты его многогранной творческой деятельности. «По причине разбросанности и бессистемности сотен его трудов на азербайджанском, русском и французском языках в различных органах печати, его творчество не стало ещё предметом специального изучения» – так начинает свой очерк, посвящённый творческой судьбе А.Агаоглы, один из патриархов азербайджанской науки проф. А.Мирахмедов, прослеживая неровный жизненный путь этого «буржуазного идеолога»: тифлисская гимназия, поездка в Петербург, несбывшаяся мечта поступить в Петербургский Инженерно-технический институт, учёба в Париже, изучение истории религий в Сорбоннском университете.

В университете он слушал лекции Э.Ренана и Ж.Дармстетера, а также начал журналистскую деятельность в различных французских органах печати: в журнале «Ле дебат», «Ревю Веен», «Нуове ревю». В эти годы он много

печатались на европейских языках. В 1893 г., в связи со смертью отца, по дороге в Карабах он остановился в Стамбуле, где состоялась его встреча с лидером панисламизма шейхом Джамаледдином Афгани (1838-1897). Этот факт, который просто отмечен А.Мирахмедовым, думается, является судьбоносным и определяющим в дальнейшей жизни и творческой деятельности А.Агаоглы, а также в истории развития демократических и свободолобивых идей на всём мусульманском Востоке, в том числе и в Азербайджане.

Познакомившись с этим уникальным человеком ещё в годы учёбы в Париже, вскоре А.Агаоглы становится учеником и единомышленником гениального мыслителя мирового масштаба, более того, превращается в тайного «сеятеля идей и начинаний» великого шейха – одного из корифеев Востока, сыгравшего историческую роль в духовном развитии и формировании нескольких поколений.

В своём дневнике Ахмедбек Агаоглы записал дословно признание самого Афгани о своём происхождении: «Мои отец и мать были родом из Мараги, хотя позже переселились в Хамадан. Я родился в Хамадане. Когда дела отца были нарушены, мы оказались перед необходимостью эвакуации в Афганистан». Из этой записи выясняется, что Афгани был тюрком и говорил на родном азербайджанском языке. Как явствует из источников, Афгани побывал в Америке, затем вернулся в Париж, занимался публицистикой, принимал участие в борьбе за свободу Индии, в результате чего в глазах западных империалистов предстал страшным и опасным врагом.

Несмотря на то, что в 1878 г. за антиимпериалистические лекции Афгани был изгнан из Турции, в 1892 г. он вновь вернулся в Турцию по приглашению султана Абдулгамида и оставался там до конца жизни. Как приверженец ислама, отдающий предпочтение наукам, Дж.Афгани считал, что без наук нет и не может быть прогресса. В единении мусульманских народов Востока под эгидой ислама он видел путь к их спасению. Вместе с тем он пропагандировал

и европеизацию, т.е. приобщение к европейской культуре и прогрессу. Его политическая модель преследовала, во-первых, идею избавления восточных стран от европейского ига, во-вторых, идею внедрения европейских новшеств на Востоке, повышения национального сознания, и, кроме того, – синтеза восточно-западных культур. Считая самодержавие врагом прогресса, Дж.Афгани был сторонником демократии и демократических преобразований. Согласно ясной и конкретной социологической системе Афгани, сила и мощь всякого государства заключаются прежде всего в справедливости и гуманности.

Статьи и выступления Афгани отличались свободолобивыми, демократическими и реформаторскими идеями. Он мечтал претворить в Иране идеи братства и равенства, провозглашённые французскими революционерами. В своих лекциях он пропагандировал восточную философию, в особенности наследие Ибн-Сины, комментировал и трактовал Коран, основные положения ислама в соответствии с требованиями современного ему общества.

Прогрессивные идеи Дж.Афгани – защитника и пропагандиста ислама, борца за свободу, национальную независимость и демократизацию государства нашли свою реализацию и обрели бессмертие в Иране и Турции, в Европе и Индии. Они нашли своих сторонников и продолжателей также в Азербайджане в лице единомышленников и учеников шейха, одними из которых были А.Агаоглы и А.Гусейнзаде.

Демократические и прогрессивные идеи Афгани оказали положительное воздействие на формирование мировоззрения азербайджанской интеллигенции в 1917 г. И тем не менее творческий образ «бродячего воинствующего философа», как называют его азербайджанские учёные, не нашёл ещё должной оценки и объективного изучения в азербайджанской науке. Идеи панисламизма и пантуркизма выдвигались им в сочетании с европеизацией. Это триединое начало и составляло основную суть его концептуальной

системы. Афгани однозначно полагал, что исламская религия должна опираться на новейшие достижения современной науки. В этом также заключается общечеловеческое значение его концептуальных взглядов и утверждений.

Восточно-западный фактор, лежащий в основе мировосприятия А.Гусейнзаде и А.Агаоглы, исходил, как видно, из первоисточника – идей и учения Джамаледдина Афгани. В своих исследованиях проф. Шамиль Курбанов, касаясь вопроса о взаимоотношениях А.Агаоглы и Дж.Афгани, характеризуя и оценивая их, отмечает преемственную связь в духовном развитии азербайджанской просветительской интеллигенции.

Философские и социально-политические идеи Джамаледдина Афгани нашли полное понимание и поддержку со стороны А.Агаоглы, ставшего их активным и последовательным пропагандистом на страницах печати. В центре внимания его многочисленных публицистических статей стояли вопросы национальной независимости, единения всех тюрков, единство национального языка под эгидой исламской религии, приобщения к западной цивилизации.

В кругу этих проблем важное значение и роль придавались женщине, её духовно-нравственному развитию, правильному воспитанию ею будущего поколения, её активной позиции и участию в общественной жизни. Как известно, Коран возвысил женщину, провозгласив её «хозяйкой рая» в знак вознаграждения её за добрые дела и благие начинания.

Лозунги «Нам нет спасения вне ислама» и «Нельзя обрести счастье вне своей нации», выдвинутые Дж.Афгани, стали программными и жизнеутверждающими для продолжателей и сподвижников этих высоких идей. Основными факторами для осуществления и претворения в жизнь этих идей являются прежде всего чистота родного языка, развитие науки и культуры народа на национальном языке, восстановление (реформа) первоначальных прогрессивных тенденций ислама.

Ахмедбек Агаоглы был твёрдо уверен в том, что для того, чтобы избавиться от национальной отсталости и косности, восточной апатии и лени, необходимо обратиться к мировым наукам, мировой культуре. И только просвещением и, самое главное, борьбой за независимость и свободу народа, как мыслил А.Агаоглы, можно добиться успеха и осуществления прогрессивных и демократических преобразований в общественной жизни.

На рубеже веков А.Агаоглы был самым активным учёным-исламоведом и публицистом. По убеждению А.Агаоглы, исламская религия в силу своей толерантности и гуманности является единственным фактором, способствующим прогрессу мусульман. В то же время, будучи «западником» по духу, А.Агаоглы призывал всех своих сограждан обратиться к Западу с целью их приобщения к общечеловеческим идеям, которыми переполнена западноевропейская литература, передовая мировая культура, как полагал азербайджанский писатель-публицист.

Неустойчивость и противоречивость взглядов и убеждений Ахмедбека Агаоглы объясняется, несомненно, его духовными поисками, вынужденными переездами и скитальческим образом жизни. Известно, что переехав в 1909 году в Стамбул, он включается там в бурную политическую и просветительскую деятельность, постепенно отходит от исламистских позиций. И вскоре, как отмечает А.Мирахмедов, становится одним из лидеров тюркского движения, членом тюркского парламента, участвует в организации тюркских кружков, в издании журнала «Тюрк йурду».

В пропаганде своих просветительских идей, на наш взгляд, как определённой системы идей исламизма, тюркизма и европеизации (в смысле модернизации) А.Агаоглы был наиболее устойчивым и последовательным, иначе он не состоялся бы членом Азербайджанской Демократической Республики (АДР), действующей именно под этим девизом.

Просветительская деятельность А.Агаоглы, помимо пропаганды западноевропейской литературы и культуры,

была связана и с пропагандой русской литературы. Будучи профессором Стамбульского университета, он читал там и курс русского языка и истории русской литературы.

Основная причина духовных срывов, колебаний и изгибов А.Агаоглы усматривается нами, во-первых, в состоявшихся неоднократно контактах как с русской, так и с западноевропейской социально-общественной и литературно-художественной средой в сложный исторический период «бури и натиска», а во-вторых, в идейно-нравственной несовместимости изучаемых и сравниваемых им контекстов (западного и восточного), «недооценка» им азербайджанской просветительской литературы, идейно-художественного мышления азербайджанских писателей (тут следует оговориться, что эта «недооценка» включает в себя и мысль об отсутствии у азербайджанского народа философского мировосприятия и ощущений, низкого уровня национально-го сознания, в силу чего он не способен воспринять должным образом произведения литературы и искусства. Причину отсталости своего народа А.Агаоглы видит в отсутствии в целом на Востоке прогресса и модернизации, а порой и в нигилистическом отношении вообще ко всему мировому культурному наследию).

О мировоззренческих умонастроениях и определённых переменах во взглядах А.Агаоглы мы судим по произведениям писателя, написанным им в разные годы: «Три культуры» (Стамбул, 1927), «Индия и Англия» (Стамбул, 1929), «В стране свободных людей» (Стамбул, 1936), «Государство и личность» (Стамбул, 1936), «Тюркская организация – ассоциация» (Анкара, 1925-1929), «История тюркского права» (Стамбул, 1931-1933), «Кто я» (Стамбул, 1936), «Иран и его революция» (Анкара, 1941-1942), «Нельзя без души» (Анкара, 1941-1942), «Захват и революция» (Анкара, 1941-1942), «Воспоминания свободной партии» (Стамбул, 1950).

Примечательно, что куда бы ни забрасывала его судьба, А.Агаоглы всюду старался быть полезным и дельным

человеком. Он работал без устали, издавал газеты, сотрудничал в журналах, занимался публицистической и педагогической деятельностью. Чувство повышенной ответственности, патриотический долг никогда не покидали его.

Все прогрессивные начинания А.Агаоглы были связаны с просветительскими устремлениями этого неутомимого труженика и одержимого человека. особого внимания, на наш взгляд, заслуживает то обстоятельство, что западный фактор присутствовал в мировосприятии, мироощущениях, духовных поисках и эволюции азербайджанского писателя в течение всей его сознательной жизни. В этом деле неоценимую помощь, безусловно, оказывают нам не только произведения писателя, но и архивные документы, проливающие свет на духовные искания выдающегося мыслителя А.Агаоглы, вынужденного скитальца, дважды покинувшего свою родину. Из них мы узнаём о том, что «Ахмедбек Гасанбек оглы Агаев был известен как учёный-востоковед, публицист, критик, идеолог и общественный деятель не только на Ближнем и Среднем Востоке, но даже в России и Западной Европе». Его творческая ориентация была как бы предопределена с самого начала его жизненного пути.

Благодаря своему отцу, представителю прогрессивной интеллигенции Шуши, он в совершенстве овладел арабским и фарсидским языками. Получив среднее образование в 1-й Тифлисской гимназии, он вскоре (1895 г.) отправляется для получения высшего образования в Париж, известный своими демократическими традициями. В 1885-1894 гг. он учится там в «Колледж де Франс» и Школе политических знаний.

Наряду с этим молодой Ахмедбек заканчивает и факультет теологии одного из древних и аристократических университетов мира в известной Сорбонне. За эти годы он овладел греческим, латинским, французским, английским, немецким и русским языками (мог свободно писать и говорить на них).

Вскоре А.Агаоглы становится известным учёным-исламоведом среди европейских востоковедов. В 1892 г. он принимает участие в международном конгрессе востоковедов в Лондоне, работает в знаменитой библиотеке Британского музея, изучает древние рукописи. Кембриджский университет печатает на нескольких европейских языках его доклад, сделанный на конгрессе в Лондоне и вызвавший своей новизной большой интерес у европейских востоковедов.

Источники сообщают, что 16-21 августа 1906 г., с разрешения царского правительства, А.Агаоглы участвует на III Общероссийском съезде мусульман в Нижнем Новгороде.

В 1919 г., будучи в составе Азербайджанского парламента (одним из заместителей его председателя), он отправляется в Париж для участия в Версальской мирной конференции, однако ему не суждено было прибыть в столицу Франции, так как по дороге туда он был задержан англичанами, обвинившими писателя в организации кружка «Молодые турки» и отправившими его в ссылку на о.Мальта. Сохранилось историческое письмо А.Агаоглы из ссылки (Италии), адресованное Н.Нариманову и датированное 21 мая 1921 г. Это то самое исповедальное письмо, в котором выдающийся мыслитель излагает, как после долгих поисков истины он приходит к революционно-демократическим идеалам.

Таким образом, восточно-западный фактор, лежащий в основе мировосприятия и творческого сознания азербайджанских просветителей Алибека Гусейнзаде и Ахмедбека Агаоглы, сыграл важную и определяющую роль в творческой судьбе каждого из них.

2006

ВОСТОЧНО-ЗАПАДНОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ М.С.ОРДУБАДИ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Сложное, эпохальное художественное наследие М.С.Ордубади (1872-1950) требует проблемного изучения и оценки его творческого дарования, отхода от традиционного восприятия этой самобытной творческой личности. В этой связи представляется актуальной проблема изучения восточно-западного фактора в творчестве писателя, в результате чего можно проследить и выявить отражение Востока и Запада в концепции М.С.Ордубади как проявление масштабности его мировидения.

Как известно, М.С.Ордубади был не только автором просветительских романов, но и основоположником исторического романа в азербайджанской литературе. Обращение к прошлому, к истории было вызвано потребностью изучить историю своего народа. Без прошлого, как мыслил писатель, нет будущего. В исторических романах М.С.Ордубади, и прежде всего в романе «Табриз туманный», заключён богатый материал для определения восточно-западного мировосприятия азербайджанского писателя XX века.

В романе «Табриз туманный» М.С.Ордубади вводит нас в сферу восточно-западных соотношений, возникших на основе политического и коммерческого интереса Запада к Востоку и нашедших своё выражение в повествовании, суждениях и высказываниях автора, в беседах и взаимоотношениях героев, в процессе чего, наряду с оценкой иранской действительности, проявлением глубоко знания жизни и быта Ирана, исторических событий, имеющих место в романе, выявляется истинная сущность, политические интересы и цели западных держав – Америки, Англии и России по отношению к Ирану. Посредством авторских размышлений, интерпретаций, действий и поступков героев выявляются восточно-западные мироощущения и взгляды автора на

многие вопросы социальной и культурной жизни как Востока, так и Запада. Автору очень часто удаётся через взаимоотношения своих героев, олицетворяющих Восток и Запад, выразить их интересы и духовную сущность, взгляды на жизнь, счастье и свободу.

Для раскрытия восточно-западного мировосприятия М.С.Ордубади очень важны и существенны встречи и диалоги главных персонажей романа «Табриз туманный» Абульгасан-бека и Нины, как основного стержневого сплава в его сюжетостроении. Абульгасан-бек – истинный сын Востока, знаток восточной среды, культуры. Он активно вмешивается в жизнь, принимает самое непосредственное участие в происходящих событиях, руководит деятельностью подпольного комитета, печатает прокламации и листовки, в которых разоблачается колониальная политика Англии, Америки, Германии, а также продажность местного правительства, лицемерие, ханжество реакционных религиозных служителей и пр. Через взаимоотношения героев часто даётся оценка происходящим событиям и фактам, раскрываются особенности, достоинства и недостатки, присущие Востоку, через призму восприятия его героями-европейцами. Мисс Ганна, например, считает, что «у Востока свои особенности, которых не знает ни одна страна в мире. Эти особенности – гостеприимство, любезность, дружба, доброта, снисходительность к младшим и уважение к старшим. Все эти черты, свойственные Востоку, не встречались мне ни в одной стране», – говорит она. – У нас в Америке, желая подчеркнуть любезный приём и гостеприимство хозяина, говорят, что такой-то принял гостя как истинный сын Востока».

Абульгасан-беку часто приходится вести разговор с мисс Ганной в неприкрытой и обличительной форме: «Европейцы приезжают на Восток как колонизаторы, жаждущие наживы, захвата новых земель, рынков, концессий и т.д. Для оправдания себя и своего поведения эти колонизаторы описывают Восток диким, варварским, мятежным вра-

гом цивилизации, культуры и прибирают его к рукам, прикрываясь щитом «защиты жизни, интересов культурных европейцев», живущих на Востоке «культурных наций». В романе, по нашим наблюдениям, убеждения Абульгасан-бека раскрываются и выявляются в спорах о любви, религии, воспитании, миссионерских и национальных школах и пр. Порой это строится в сопоставительном западно-восточном духе, т.е. на уровне двух идейно-нравственных начал. И в силу того, что по идейной направленности и убеждениям Нина ближе и как-то роднее Абульгасан-беку, с ней он более откровенен и лоялен, нежели с мисс Ганной. И ей открыто, не таясь, он может довериться и даже признаться в том, что революционная работа нуждается в её помощи и что её секретные сообщения оказывают в этом деле огромную услугу.

К мисс Ганне у него отношение отчуждённое. Возможно, поэтому в диалогах они часто вступают в пререкания, возражая друг другу. К примеру, мисс Ганна считает, что «американские школы – большие культурные очаги на Востоке». Можно только «сожалеть, что иранцы не пользуются ими». «Особенно жалеть не о чём, – возражает Абульгасан-бек. – Не надо забывать, что человек, и особенно молодое существо, не может забыть впечатлений, полученных в детстве: школа имеет огромное влияние на формирование ума и характера... Ребёнок не может остаться свободным от влияния школы. Если возьмём педагогические приёмы и методы, применяемые в иностранных школах Ирана или других странах Востока, и внимательно присмотримся к ним, мы убедимся, что там помимо религиозной опасности кроется опасность более грозная: помимо миссионерского гипноза в этих школах налицо и все условия колонизаторской политики». Говоря о негативном воздействии американских школ на воспитание молодого поколения, Абульгасан-бек с твёрдым убеждением отмечает, что «эти школы препятствуют развитию местной национальной культуры».

Как истинный сын азербайджанского народа, Абульгасан-бек ратует за развитие национальной культуры, что должно осуществляться самим народом без чьего-либо вмешательства со стороны. В этой связи заслуживает особого внимания и отношение М.С.Ордубади к судьбе восточной женщины, «не осознавшей своего общественного бытия».

В романе «Табриз туманный» прослеживается целая система женских образов, благодаря которой познаётся психология западной и восточной женщины, её участие и роль в социально-общественной жизни в период зарождения национально-освободительного движения на Востоке, в частности в Иране, в том числе в Южном Азербайджане, проблема её духовных исканий и роста, европеизации и т.п. Многоаспектное историческое произведение «Табриз туманный» является ярким историко-художественным проявлением восточно-западных соотношений сквозь призму их восприятия азербайджанским писателем.

Систему взглядов М.С.Ордубади нетрудно проследить в речах, диалогах, беседах и размышлениях, дипломатических суждениях Абульгасан-бека, этой незаурядной личности, в силу своего блистательного ума, высокой культуры, смелости и решительности вхожего в правительственные и дипломатические круги Ирана, что помогает ему в раскрытии их задач, личных планов и интересов, а также в частом предопределении дальнейшего хода событий в романе, принятии им своевременных решений и действий. Он добивается расположения к себе представителей иностранных держав – русского консула, американца Фриксона, входит в доверие полковника Березовского и многих других, искусно выдаёт себя за купца, торгующего драгоценностями, и скрывает свою истинную профессию. Работая на два фронта, он как бы выполняет миссию – борьбу с внутренними и внешними врагами. В этом деле ему помогает знание Востока не по книгам, от чего он часто предостерегал мисс Ганну, а по жизни. Его борьба с внешними врагами – пред-

ставителями западного мира – это незримая, умственная борьба, носящая просветительские цели и замыслы, заключающие в себе объективную оценку всех ценностей Востока, его жизни, быта, истории, культуры, религии и т.п.

Мощный интеллектуально-духовный пласт М.С.Ордубади в наибольшей степени раскрывается через самовыражение Абульгасан-бека. Принципам историко-художественного отражения действительности М.С.Ордубади остаётся верен и в трилогии «Подпольный Баку», «Сражающийся город», «Мир меняется».

Писателя давно занимала революционная борьба бакинского пролетариата в начале XX века. Осуществлению авторского замысла не помешали даже ограничения и отсутствие доступа к засекреченным и запрещённым документам, связанным с национально-освободительным движением и революционной борьбой в Азербайджане. Как в научных, так и в художественных произведениях, написанных по определённой модели в соответствии с господствующей большевистской идеологией, в основном извращалась и искажалась история народа. В силу этой веской причины и в историко-революционных романах М.С.Ордубади не всегда находит своё объективное отражение эпоха, в которой жил писатель. Трилогия М.С.Ордубади начинается со стихийных действий рабочих в знак протеста против тяжёлых условий труда и быта, однако с развитием событий они приобретают более организованный характер.

К концу XIX – началу XX в. Баку, о котором повествуется в произведении М.С.Ордубади, превращается в центр революционного движения, направленного против царского самодержавия и местных властей, буржуазного правительства. В романе «Подпольный Баку» изображена напряжённая классовая борьба двух враждебных миров, противостоящих один другому, постепенное развитие классового сознания интернационального бакинского пролетариата.

Соблюдая определённую схему, в рамках дозволенного историко-художественного воспроизведения действительности, М.С.Ордубади, лишённый возможности представить в реальных красках сложный, противоречивый и многотрудный путь, выпавший на долю бакинского пролетариата, вынужден был преувеличивать деятельность революционеров Л.Кецховели, П.Монтини и др. в соответствии с историческими документами. Нетрудно догадаться, что именно по причине идеологического запрета и недозволённости писателю не удалось выразить объективное отношение к национально-освободительному движению. Однако живописное, образное, высокохудожественное изображение действительности и событий в произведении не может не вызвать чувство восхищения мастерством великого художника. На протяжении всего романа соблюдается принцип автора держать в напряжении читателя, заинтересовывая его силой художественного слова и мышления в процессе развития сюжета.

М.С.Ордубади правдиво воссоздаёт картину реальной жизни азербайджанского народа в 90-е годы XIX века:

«Рабочие кварталы являли собой унылую картину, низенькие лачуги с крошечными кособокими оконцами, из которых на улицу падал неяркий, желтоватый свет. Окна напоминали собой тусклые человеческие глаза. Каменные заборы возле домов то были низкие, чуть ли не на уровне земли, то вдруг сменялись высокими, глухими стенами, выложенными из неотёсанного известняка. Стены всех плоскокрыших домов, которые то и дело попадались на глаза, казались чёрными и будто росли в землю.

На фоне нефтяных вышек и заводских труб приземистые дома рабочих выглядели особенно невзрачными, если не сказать убогими. На порогах этих домов стояли женщины с измождёнными безразличными лицами – в ожидании своих кормильцев. Тут же у лачуг бегали или копались в земле дети – полуголые, рахитичные, худые – кожа да кости».

Кроме того, исторически достоверны и многие факты, имевшие место в его жизни. К примеру, массовый наплыв из Ирана голодных и безработных крестьян, прибывших в Баку с целью найти тут работу на нефтяных промыслах и компаниях, принадлежащих бакинским нефтепромышленникам и иностранным капиталистам. Их использовали как дешёвую рабочую силу.

«Ради куска хлеба они проделывали долгий путь из Ирана в Баку и с радостью работали с утра до вечера за фунт хлеба. Иранцы не знают, что такое рабочий день и условия труда, не думают о большом заработке. Они затемно, рано утром идут на работу и возвращаются домой ночью, и довольны своей жизнью».

Кроме иранцев в Баку из центральной России, с берегов Волги стекаются обездоленные люди в поисках заработка. Обилие рабочих рук даёт возможность бакинским предпринимателям и нефтепромышленникам срезать заработную плату рабочих, увеличивать трудовой день. Рабочие, сломленные нищетой и безработицей, вынуждены покорно сносить эти несправедливости.

Несколько однопланово выглядят и образы бакинских нефтепромышленников, среди которых центральное место в романе занимает образ Гаджи Зейналабдин Тагиева с сатирическим изображением. Между тем, в исторической хронике и документах, а также в воспоминаниях современников о Г.З.Тагиеве сохранилось много информации, на основе которой воссоздаётся полнокровный и цельный образ этой светлой и благородной личности, за плечами которого много добрых начинаний. Не случайно его называли «отцом нации». Этот уникальный человек оставил о себе память как благотворитель-меценат. Он открыл школу для азербайджанских девочек, проявляя заботу о национальной молодёжи, на свои средства отправлял юношей с целью получения высшего образования в центральные города России и Европы, оказывал материальную помощь и поддержку в издании газет и журналов и пр. Обо всех благотворительных

делах и прогрессивной деятельности Гаджи в то время умалчивалось.

Очевидно, в силу идеологических установок и требований азербайджанскому писателю не всегда удавалось оставаться верным принципам историзма в воссоздании действительности и истинного положения дел, требующих объективной интерпретации и оценки событий и героев. Несомненно, идеологические ограничения мешали свободомыслию писателя.

Невзирая на все эти отклонения, имеющие под собой исторические обоснования, роман-трилогию азербайджанского писателя XX века следует признать ценным художественным творением, отличающимся национальным колоритом и оставившим заметный след в истории развития азербайджанской национальной литературы как художественное отражение исторических событий, имевших место в жизни многонационального бакинского пролетариата. Не случайно советская литературная критика, высоко оценивая прозаические произведения М.С.Ордубади, считала, что отличительными чертами их являются умелое сочетание автором глубокого психологизма с сюжетной занимательностью, превосходный юмор и несравненный национальный колорит в обрисовке человеческих характеров.

Следует отметить, что и в этом историческом романе прослеживается двойное воздействие западно-русского фактора, с одной стороны, на умонастроения бакинской буржуазии, в частности нефтепромышленников, которых поддерживает царское правительство в лице министра внутренних дел Плеве, с другой стороны, на развитие национально-освободительного движения под руководством прибывших из России социал-демократов, получивших там революционную закалку и впоследствии занимающихся активной революционной деятельностью, – Петра Монтина и Ладю Кецховели – организатора подпольной бакинской типографии «Нина», в которой печатались прокламации и прочая революционная литература, распространяемая затем во

многих губерниях России, главным образом в Тифлисской и Бакинской. Более того, разоблачается коварная политика царских властей, их действия, спровоцировавшие разжигание вражды между армянами и мусульманами-азербайджанцами, с тем, чтобы утопить революционное движение в крови двух народов, а также подославших бакинскую группу меньшевиков во главе с Глебовым в целях решительного наступления на большевиков и подавления революционного движения в Баку. Вместе с тем их двуличная политика по отношению к азербайджанцам и армянам (дашнакам), за которой проглядывается скрытая ненависть к мусульманам (азербайджанцам) и явная поддержка армян.

Во второй части трилогии – романе «Сражающийся город» М.С.Ордубади в строгой хронологической последовательности воссоздаёт последующие исторические события, связанные с армяно-мусульманским конфликтом, а также с развернувшейся борьбой между партиями и планами присвоения империалистами бакинской нефти.

В романе с большой достоверностью изложены и факты, разоблачающие истинное лицо как армянских дашнаков, так и английских империалистов, которых они усердно приглашали в Баку и с таким же усердием прислуживали им. В лице доктора Араратяна – этого типичного представителя армянских националистов и злостного врага азербайджанского народа – М.С.Ордубади создал характерный образ дашнака, известного подстрекателя и зачинателя армяно-азербайджанских кровавых столкновений ещё в 1905 году, «прославившегося» своими гнусными делами, в результате чего вызвал ненависть как азербайджанского, так и армянского народов.

И в последней части трилогии – в романе «Мир меняется», как известно, сохранившемся в архиве писателя, находят своё отражение исторические события, происходящие в 1919-1920 годы в Азербайджане.

Традициям исторического романа М.С.Ордубади следовал и в последнем историческом романе «Меч и перо».

Шла продолжительная и серьёзная подготовка к его написанию. Им изучались эпоха, среда, творения великого Низами, а также отношение современников к поэту. М.С.Ордубади, как выявляется из собственных воспоминаний писателя-классика, специально занялся изучением поэтического наследия Низами. В результате глубоких и плодотворных научных исследований появился цикл статей о Низами, в котором нашли своё отражение эпоха гениального поэта из Гянджи, среда, в которой он жил, а также литература эпохи Низами, оказавшая сильное воздействие на развитие классической восточной поэзии, в том числе и азербайджанской литературы в целом.

М.С.Ордубади при написании своих исторических романов творчески осваивал традиции как восточной, так и западной литератур. Как известно, в западноевропейской литературе авторы исторических романов, придерживаясь принципа исторической достоверности, избегали извращения фактов и событий, допуская при этом и художественный вымысел.

М.С.Ордубади заложил основы историзма в азербайджанской литературе, как в своё время великий шотландец Вальтер Скотт (1771-1832) «приобщал читателей к познанию истории, захватывая их воображение сложнейшей и увлекательной интригой, яркостью и обстоятельностью описаний, психологической тонкостью человеческих персонажей, реальных исторических деятелей разных эпох», явившись основоположником исторического романа в Европе.

Создав исторический роман, В.Скотт установил принципы жанра и блестяще воплотил их на практике. В его произведениях показаны в действии огромные массы людей, конфликты, определяющие перевороты в судьбах целых сословий и классов, отражено движение истории. Скотт вывел роман за узкие рамки, связав даже семейно-бытовые конфликты с судьбами нации и государства в целом. Он

впервые показал образцы того, как можно воспроизвести национальные особенности характера.

Исторический роман стал одним из наиболее популярных жанров в эпоху романтизма. В.Гюго, А.Дюма-отец, А.Виньи, П.Мериме, Ф.Купер и другие создали свои варианты исторического жанра, зачинателем которого явился В.Скотт. Если эти писатели развивали его романтические мотивы, то О.Бальзак, Ч.Диккенс, У.Теккерей повернули развитие исторического романа в направлении реализма. Романы В.Скотта открывали европейскому читателю правдивую картину исторического развития Западной Европы, несмотря на консервативную ограниченность и романтическую идеализацию монархического строя, свойственные мировоззрению писателя.

Следует отметить также, что недостатки, связанные с ограниченностью Скотта-консерватора, отнюдь не сказываются на высокой художественности его выдающихся творений, отличающихся большой силой художественного мастерства и не утративших и сегодня своего познавательного значения. Как видно, ограничения мировоззренческого характера, присущие тому или иному художнику, порой, очевидно, в силу его таланта, вовсе не умаляют художественного мастерства его творений.

Различия во взглядах, иногда крайне противоречивых, и сближающие поэтов и писателей общие художественные принципы – с этих позиций воспринимаются нами исторические романы М.С.Ордубади, в которых приоритетным оказывается высокий критерий художественности. И тем не менее всё же как отличаются писатели, в том числе европейские, обратившиеся к историческому прошлому своей родины и народа! История для Дюма-отца (1802-1870), по его словам, являлась «гвоздем, на который он вешал свои картины». У него была одна цель – забавить читателя, как он сам признавался.

У М.С.Ордубади же, в отличие от европейского романиста, исторические события, лежащие в основе художе-

ственного произведения, тесно переплетаются с судьбами реальных или вымышленных героев, и самое главное, с судьбой народа («Табриз туманный», «Меч и перо» и др.).

В Гюго, восстанавливающий в памяти многие страницы национальной истории, стремится показать несостоятельность фанатизма, насилия, отдавая предпочтение вечным общечеловеческим ценностям, которые должны быть выше всех антагонизмов и способствовать изменению человека и общества, торжеству справедливости и свободы. Возьмём на себя смелость утверждать, что «реставратором» подлинных исторических событий часто оказывался и азербайджанский писатель М.С.Ордубади – автор исторических романов, написанных по принципу историзма и по законам красоты, эстетического отношения искусства к действительности. Ещё Вальтер Скотт и Виктор Гюго понимали, что поступь истории – это исполненный глубокого смысла социальный процесс, а отнюдь не только придворные интриги и заговоры, столкновение страстей, тщеславие, ревность, зависть или фамильная вражда. Понимал это и азербайджанский писатель, обратившийся к истории азербайджанского народа.

М.С.Ордубади достиг своей творческой вершины в популярном романе «Меч и перо», где так же, как и в европейских исторических романах, изображены дворцовые сплетни, интриги, заговоры, покушения, коварные замыслы и планы, войны, междоусобицы и пр. Прекрасно владея историческим материалом, он создаёт в романе широкую картину общественно-исторических событий, происходивших в средневековом Азербайджане, с особой чуткостью и душевной болью изображает положение угнетённого народа. Автор символично соединяет меч полководца Фахреддина и перо великого поэта Низами – защитников родины от арабских завоевателей. Эти исторические герои символизируют союз меча и пера, разума и силы, необходимый в борьбе с врагами родины. «Свобода сама не приходит, её завоёвывают. А для этого нужны и сила рук, и сила ума. А потому да

здравствуют меч и перо!» – говорит Мехсети-ханум. Образы поэтессы Мехсети, Кызыл Арслана, Хюсамеддина, Эмира Инача, Гатибы и др. составляют галерею запоминающихся героев.

«Над Азербайджаном сгустились грозовые тучи. Мы переживаем трудные дни. Родина в опасности! Наши недруги внутри страны широко распахнули двери султаната перед иноземными врагами.

...Сейчас мой ум настолько занят мыслями о судьбе нашего государства, что я не в состоянии отдаться научным и литературным темам. И всё-таки мне хотелось бы сказать несколько слов о дастане «Фархад и Ширин», который Тогрул просил вас написать для него. По моему мнению, этот дастан следует назвать иначе: «Хосров и Ширин». Согласитесь, тема любви Фархада и Ширин гораздо уже и беднее.

Я считаю, если Вы расширите тему, это даст Вам гораздо больше возможности для проявления своего таланта. В большой теме Вы ярче и искуснее проявите своё мастерство. Вы доказали это на примере своих предыдущих дастанов. Дастан «Хосров и Ширин» даст Вам возможность развить тему гражданства и патриотизма. Вы сможете писать о тирании владык, к чему приводит их гнев, и о многом другом.

Вы расскажете об искренней любви, об этом удивительном даре природы, которым не обладало сердце Хосрова, но который жил в душе несчастного и в то же время великого Фархада» (Из письма Кызыл Арслана – атабека Азербайджана – Низами).

Чтобы превратить восточные государства в цивилизованные страны, недостаточно иметь в них сильные правительства, – нужны также сильные, мудрые, энергичные реформаторы, как считает Кызыл Арслан, придавая важную и определяющую роль гению Низами.

По широте эпического изображения общественных противоречий, полувековой летописи эпохи, роман «Меч и перо» может служить непревзойдённым образцом художе-

ственного мастерства. В нём ярко прослеживается социально-эстетическая позиция великого поэта-мыслителя из Гянджи, наиболее связанная с его общественной деятельностью и патриотическим служением родине и народу. Наше внимание привлекают его мудрые советы и наставления, неоднократные обращения к своим землякам и народу Азербайджана в трудные и решающие моменты жизни, что говорит о его близости интересам и бедам народным, героическому прошлому и свободолюбию азербайджанцев. Поэт-гражданин призывает сынов своей родины к единению, сплочённости и героизму во имя защиты государства и чести азербайджанского народа.

Ярко запечатлён в романе и образ отважного и бесстрашного полководца Фахреддина – друга и единомышленника Низами. Славный и доблестный воин, он свято чтит традиции, героическое прошлое Азербайджана, этой древней, плодородной земли, отличающейся несметными подземными и наземными природными богатствами.

В романе «Меч и перо» М.С.Ордубади, остро ощущающий трагическую судьбу своей родины, обращается к страницам её истории. Находясь на пересечении караванных путей, Азербайджан, как богатая и культурная страна, всегда привлекал к себе купцов из разных стран и испокон веков подвергался нашествию иноземных завоевателей. Но никогда не терял своего мужества и достоинства азербайджанский народ.

В своём последнем романе М.С.Ордубади ярко и впечатляюще воссоздаёт сложную общественно-политическую обстановку и основные исторические события, имевшие место в XII веке в Азербайджане, когда наступила эпоха правления династии атабеков, способствующих усилению границ своей страны, её процветанию и могуществу, развитию поэзии, искусства и культуры Азербайджана.

Захватывающий сюжет, держащий читателя в напряжении, сильные и драматические характеры, глубокие и интересные художественно-философские размышления, рас-

крывающие мировосприятие М.С.Ордубади, связанное с его интересом и отношением к истории Востока и в частности Азербайджана, дают нам основание со всей объективностью отнести к довольно неоднозначным и противоречивым суждениям азербайджанской литературной критики о данном романе. Прежде всего следует отметить, что разночтения и субъективные оценки романа «Меч и перо» возникли, на наш взгляд, в результате стереотипных интерпретаций в период господства вульгарно-социологической тенденции в литературе и искусстве. Вопреки предыдущим историческим произведениям, в романе «Меч и перо» исторические события, связанные с эпохой раннего средневековья, наиболее подвержены художественному вымыслу и «модернизации» в соответствии с запросами и веяниями времени написания романа, хотя писатель стремился сохранить верность исторической правде, использовал документальные материалы, древние рукописи и многие другие источники.

М.С.Ордубади, как мастер крупных эпических полотен, завоевал заслуженную любовь не только азербайджанских читателей, но и любителей литературы, читающих на русском языке, благодаря великолепным переводам его исторических романов на русский язык. Идеи гуманизма, борьбы добра со злом, красочный язык, стремительно развивающееся действие, занимательный сюжет, искусное развитие интриги говорят о художественном мастерстве и высокой культуре азербайджанского писателя. М.С.Ордубади, писатель с широким мировидением, силой и мощью своего таланта давно достоин мирового признания. Масштабные творения Ордубади во многом отражают процессы, происходившие в мире, и судьбы людей, брошенных в водоворот мировых событий.

Исторические романы М.С.Ордубади сильны тем, что в них отражены события, которые писатель изучал и оценивал не только на основе архивных материалов, но и сам был очевидцем зарождения революционно-демократической атмосферы как в Иране, так и в России и в самом Азербай-

джане. В эпопее «Табриз туманный» писатель воссоздаёт живую и широкую картину происходящих на его глазах важных исторических событий, национально-освободительное движение, принявшее большой эпохальный характер. Таковы обобщения и выводы, к которым мы приходим на основе текстологического анализа исторических романов писателя, творчески осваивающего традиции европейского исторического романа, в результате чего можно выявить широту и масштабность мировосприятия М.С.Ордубади.

2007

О ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Ю.В.ЧЕМЕНЗЕМИНЛИ «ГЫЗЛАР БУЛАГЫ» («ДЕВИЧИЙ РОДНИК»)

В произведениях Ю.В.Чемензеинли (1887-1943), наделённого самобытной творческой манерой письма, нашли своё реальное отражение история развития азербайджанского народа, его жизнь, своеобразие быта, традиций и обычаев, мироощущение. Сложным для восприятия представляется историко-философский роман писателя «Девичий родник». Исторические корни этого весьма оригинального литературно-художественного творения восходят к глубокой древности. Как выясняется из самого текста произведения, для его написания писателю пришлось поднять большой исследовательский материал. Ахмеду, от лица которого ведётся повествование, т.е. автору-рассказчику, как члену клуба работников просвещения, поручили прочесть лекцию о зарождении цивилизации. С этой целью он намеревается ознакомиться с соответствующей литературой по истории цивилизации, книгами западных и восточных авторов. Так определяется и выявляется поисковый объект и сфера историко-научной деятельности по изучению вопроса.

В романе заметно прослеживаются следы вышеуказанных источников, пропущенных сквозь призму авторского восприятия и осмысления национально-исторических сведений и фактов, отражающих образ жизни наших предков, типы и характеры племён, их обычаи, традиции, мифы, легенды, предания в единой системе их взаимосвязей. В этом отношении роман азербайджанского писателя и учёного служит прежде всего ярким образцом подтверждения научной мысли о взаимодействии цивилизаций, в частности Мидии, Арана и Албании, народов, проживавших на их территории, с племенами и народами других климатических зон. Историческая связь народов, обосновавшихся в семи климатических зонах, о которых писал «отец истории» Геродот, нашла своё наглядное отражение в семи сказах муд-

рецов-ариев, занимавшихся обучением и воспитанием аранских огнепоклонников.

Исторический роман Чемаземинли вместе с тем отличается богатством художественного вымысла писателя и захватывающим сюжетно-композиционным построением. Ученики вместе со своим учителем Кебусеем читают рунические письма, клинописи на глиняных кирпичах, в которых изложена история возникновения общины Петуха. Основателем общины, первым, заселившим эти края, был мидиец Джамасп. Его биография – история возникновения общины. Он сам занёс эти записи на кирпичи. «Джамасп был заратусцем, но восстав против некоторых законов Заратустры, вынужден был покинуть родину» (с.21).

Древнетюркские руны повествовали в форме вопросов и ответов о сосуществовании на земле двух противоположных и взаимоисключающих друг друга сил Добра и Зла. В этих записях была изложена изначальная диалектика жизни. Они знакомят нас с биографией философа Джамаспа, отец которого был хранителем огня, выходцем с Мугани, т.е. магом. Так как духовное звание считалось наследственным, Джамасп следовал по стопам отца – ребёнком вступив в храм, стал прислужником, пройдя обряд очищения и посвящения.

Законы Заратустры и традиции огнепоклонников свято хранились и почитались, передаваясь из поколения в поколение. Однако с некоторых пор семейные отношения стали тягостными и невыносимыми для Джамаспа, когда он узнал, что его любимая сестра Жиндукт должна была стать женой отца, ибо по закону Заратустры женитьба на сестре и дочери почиталась как святое и богоугодное деяние.

Джамасп был в ужасе и полной растерянности, не зная, что предпринять и как помочь сестре. Трагическая участь и смерть Жиндукт решили дальнейшую судьбу Джамаспа. Он покидает свою ненавистную родину и переходит из Мидии в Урарту, где женится на дочери одного богача. Но вскоре внутри страны вспыхивают беспорядки и война.

Условия жизни ухудшаются, и Джамасп, собрав семью и ближайших родных, переходит в Аран, где и создаёт общину Петуха – в память о петухе Жиндукт.

Изображение общинной жизни занимает в романе центральное место. Община, основа которой была заложена Джамаспом, живёт по законам материальной жизни. Лекция учителя Хамбурабия, знакомящая молодёжь новой общины с основными принципами и законами жизни, нацелена на усвоение ею цели и смысла жизни, неразрывной связи человека с обществом, истины о реальной, земной и вечной жизни.

«Жизнь человека, жизнь животного, жизнь растения. Все они тождественны. Отрыв и падение с ветки листа, увядание цветка, околевание животного, смерть человека имеют один и тот же смысл. Уход из жизни есть начало вечности. Умерший не оживает, но ожившее будет не той же материей, а иной. Жизнь постоянна, меняются лишь виды. Трава увядает – на её месте прорастает другая, человек умирает – рождается другой».

И поскольку человек живёт в обществе и зависит от него, то личные интересы должны быть подчинены общественным.

«Личность живёт и развивается в обществе, она не изолирована; работая, она живёт на пользу общества, ибо общество есть коллектив, индивидуум же единичен. Коллектив сильнее личности» (с.35).

Философ Джамасп, отвергший ряд положений и догматов Заратустры, обрёл верных и преданных последователей своих новаторских идей и убеждений в лице мудрого учителя Кебуса, философа Ильюса, учителя-философа Хамбурабия, развернувших их широкую пропаганду среди своих молодых воспитанников и учеников.

Достигнув совершеннолетия, молодёжь, получающая воспитание и образование в общине Петуха, получала право на бракосочетание.

«По обычаю общины Петуха, молодёжь, подвергшись осмотру врача, получала разрешение на бракосочетание и затем уже отправлялась в общину Овна на поиски невесты» (с.37).

В общине Петуха действуют законы нравственного воспитания, уважения и почитания старших, любви к труду, к природе и пр.

«После осмотра врача было решено отправиться на поклонение могиле Джамаспа... В память Жиндукт, недалеко от могилы Джамаспа, содержали несколько белых петухов. Паломники приносили им корм. ...По приходе первым долгом мы накормили петухов.

Кроме того, по обычаям общины, юноши, ежегодно отправляющиеся в общину Овна, обязаны были посетить бездетных женщин, оказать им помощь по домашнему хозяйству, чтобы получить их благословение.

Согласно обычаю, также они обязаны были помочь и мужьям бездетных – работали на поле и ниве.

Прежде чем навсегда покинуть общину, молодёжь должна была оставить по себе какую-либо память. Предшествующие нам поколения прорыли каналы, соорудили какризы (оросительная система колодцев), построили мосты; находящийся с северной стороны общины лесок был также делом их рук.

Поразмыслив немного, мы решили положить начало фруктовому саду» (с.43).

Как было указано выше, писатель-учёный Ю.В.Чемензеинли, глубоко и серьёзно изучающий древнюю культуру своих предков, живущих на территории Двуречья, – благоприятной земли между Курой и Аразом, часто обращался к историческим памятникам в поисках ответа на многие интересующие его вопросы. В романе «Гызлар булагы» («Девичий родник»), целиком построенном на большом научно-историческом материале, охватывающем как памятники Древнего Востока, так и труды западных (европейских) учёных, историков и философов, присутствуют, помимо

обычаев и обрядов, легенд и преданий, и важные элементы, связанные с космогоническими воззрениями древних, описанными в Авесте и выраженными священной цифрой 7, символизирующей 7 частей вселенной или 7 планет. Считая их священными, наши предки часто повторяли в своих действиях приметы и поверья, связанные с этой цифрой.

Со священной цифрой 7 связан и храм Семи петухов с семью каменными колоннами и лестницей, состоящей из семи ступеней, куда вступают юноши прежде чем отправиться в соседнюю общину Овна. В основе 7 рассказов старых мудрецов на каждой из 7 ступеней также заключены исторические факты и сведения, проливающие свет на нелёгкую и сложную судьбу племён и народов, быстротечность их жизни и вечность силы и борьбы за существование и многие другие идеи, связанные с силами взаимодействия Добра и Зла, доброго и злого начала, заложенного в человеке, что лежит в основе многих легенд, преданий и сказок восточных народов, говорящих о родстве и типологии мотивов и сюжетов с общечеловеческими (мировыми) мотивами, порой даже принадлежащими народам этнически несовместимым и разным.

Роман интересен и ценен ещё и тем, что в нём жизненный опыт наших предков перекликается с философией, мировоззрением, обычаями и традициями ряда восточных народов, духовно питающихся из одного источника. Эти идейно-духовные связи прослеживаются прежде всего в повествованиях семи мудрецов – слугителей храма огнепоклонников. Несомненно, эти повествования связаны с основным сюжетом данного произведения и органически вплетаются в его художественную ткань, помогают его идейному раскрытию.

Повествование первого мудреца уводит нас в доисторию, «когда были Солнце, Луна и семь братьев – семь планет, когда говорили о величии движущихся небесных сфер, царство Мидийское владствовало над Землёй, перед силой оружия его войска трепетали, Вавилон, Эллам, Сузы

просили пощады, и скифы не смели ступить за пределы Дербента».

Это было время соблюдения основной триады зороастрийской этики – служения благой мысли, благому слову, благому делу, когда всё вокруг блаженствовало и процветало, был мир на этой земле и радость бытия.

Но вот нарушаются заветы верховного бога зороастрийской веры Ахурамазды, позднее Ормузда – бога Добра.

Как известно, «на протяжении своей трёхтысячелетней истории зороастризм претерпевал серьёзные изменения, отражавшиеся и в его доктринах и на обрядовой практике. Сформировавшись на основе религии пастушеских племён, он не знал поначалу ни храмов, ни каких-либо вообще культовых сооружений. Молились под открытым небом, на вершинах холмов и гор, перед огнём домашнего очага, на берегу ближайшей реки или водоёма.

Став официальной религией громадных государственных образований – парфянских царей Аршакидов, могущественной империи Сасанидов, зороастризм обзавёлся и грандиозными храмами с великолепными статуями, и многочисленным духовенством.

Во дворцах уже жизнь иная: пиры и наслаждения туманят головы. Начинают забываться законы Заратустры.

При последнем мидийском царе Астиаге, как повествует история, могущество Мидии пошатнулось, когда на неё напали соседние персы, давно с завистью следившие за её мощью, страну охватил ужас войны. Сады превратились в пустыри, жилища – в развалины. Маги не остановились, они искали пути выхода. Волны восстания захлестнули Персидское царство. Атырван по имени Смердис, захватив Хамадан, садится на престол. Огни в храмах запылали, лица огнепоклонников озарились улыбкой.

«Но ничто не вечно под солнцем, – читаем в романе. – И владычество Смердиса продолжалось недолго. Представители семи древнейших родов Персии, являющиеся стол-

пами дворца, не пожелали подчиниться магам, и вооружившись, свергли Смердиса» (с.47).

Вскоре персидским царём был провозглашён Дарий. При нём страна огнепоклонников была разорена, храм Кейнессара разрушен. Дарий окружил себя небывалой роскошью и великолепием. В столице Персии он решил построить невиданный доселе в мире дворец.

«Но вскоре выяснилось, что задуманный Дарием храм никто, кроме Кейнессара, выполнить не в состоянии. Стали разыскивать Кейнессара, но не нашли. По всей стране были разосланы гонцы и глашатаи, искали по городам и сёлам, никто не видел Кейнессара и не знал где он» (с.47).

И вот однажды на охоте царь встречает «обёрнутого в различные шкуры длиннобородого старца, лежащего на спине и созерцающего небо». Это и был одичавший в лесу Кейнессар. Дарий обещает старику-отшельнику всевозможные дары и золото, говорит о своём желании построить дворец и предлагает ему поехать в Истахр. Непреклонного старца насильно доставляют в столицу Мидии. Там ему снова предлагают заняться постройкой дворца. Но он вновь отказывается. Тогда по приказу Дария его поднимают на крепостную башню и сбрасывают вниз.

...Кейнессар не погибает, стоящие под стенами крепости атырванцы подхватывают его и прячут. Видя разрушение созданного его трудами и вдохновением храма, отрешившийся от мира Кейнессар возвращается в мир и, перебравшись с отрядом огнепоклонников на север, прибывает в общину Петуха.

«Ничто не вечно под солнцем! Лишь вечны сила и борьба за существование – этим мудрым изречением завершает свой рассказ первый старец».

Этот рассказ как полубыль-полулегенда заключает в себе важное морально-смысловое значение. В нём выражена идея уважения к созидательному труду, а также жажда деятельного добра и творчества, сила воли и непреклонность человека-творца в лице Кейнессара, бросившего вы-

зов злодеяниям царей и властителей, разрушительным войнам дворцов в лице персидского царя Дария.

Главными действующими лицами во втором рассказе, в отличие от других, являются женщины. Одна из них достойна уважения и любви, другая же, совершившая чудовищное преступление – детоубийство – ради своей похотливой жизни, была жестоко наказана.

«Чтоб вырвать с корнем и навсегда уничтожить в мире вероломство, следует всех женщин утопить в Евфрате» (с.52), – так решил разгневанный царь Вавилона. Но услышав от своего визиря рассказ о достойной женщине, царь, отказавшись от мысли утопить всех женщин, приказал бросить в Евфрат лишь одну, совершившую тяжкий грех.

Так в рассказе учитывается роль женщин и её высокое предназначение в жизни общества.

Весьма интересно идейно-смысловое содержание третьего рассказа, где представлены все мировые религии, начиная от идолопоклонничества и многобожия до единобожия. Между людьми разного вероисповедания – пророком-семитом и эллином – завязывается жаркий спор, в который пытается внести ясность купец из Хамадана.

«Нельзя единством объяснять мировые явления. В мироздании существует двойственность, и в то время как одна из сил стремится к справедливости, другая – уничтожает её. Наряду с сиянием Мазды, существует мрак Аримана. И жизнь состоит из двух борющихся сил» (с.55).

Основная идея, заложенная в этом рассказе, заключается, на наш взгляд, не в превосходстве и доминирующей роли одного из вероисповеданий, а в священной вере человека в избранное им божество во благо собственной жизни.

Эта идея находит своё дальнейшее развитие в четвертом рассказе, посвящённом вечности и бессмертию душ. Казалось бы, это мистическое утверждение, однако под бессмертием души следует понимать бессмертность творений человека. Для современного человека, живущего в эпоху сближения и тесной связи науки с религией, когда многие

религиозные явления и понятия становятся научно объяснимыми, религиозно-философское обобщение, которым подытоживается четвёртый рассказ – «Личность временна, душа вечна», находит себе вполне обоснованное философское толкование – «И эта цветущая община есть плод труда этих душ. Личность умирает, но деяния её, став вечными, живут» (с.58).

Пятый рассказ повествует о трагической судьбе юноши-пастуха по имени Маригери, о его печальной любви и коварстве, роскоши и тирании, царящей во дворце египетского фараона, о горькой участи тысячи рабов, работавших на постройке грандиозной пирамиды и восставших под предводительством своего главаря Маригери. Там, где нет свободы и равноправия, где господствует гнёт и насилие, нет и не может быть счастливой любви – такова основная идея данного рассказа.

В рассказе шестого старца события уводят нас в далёкую Индию, где очень сильны были традиции жертвоприношений божествам и молитвы, обращённые к богу огня и солнца, богу дождя и неба, богу времён года, в особенности во время засухи.

В одной из деревень Индии как-то раз случилась засуха. Народ трижды в день выходил на молебны, совершал жертвоприношения и ждал помощи богов.

«Не раз выходил народ на молебствия, но ни капли влаги не послали в ответ небеса. Хлеб сгорел, и голод вверг людей в пучину бедствий.

С наступлением зимы все разбежались по окрестностям. Грабя встречные по пути сёла, голодающие продвигались вперёд. Присоединившись к ним, голодные из других областей образовали целую шайку. Уничтожив скот и всё живое, люди стали пожирать друг друга и даже детей. Мать, чтобы спасти своего единственного девятилетнего сына, в полночь, привязав мальчика к доске, опустила его в воды Ганга. Мальчик выжил, его спасли факиры, фокусники и волшебники, поведавшие ему тайны своих действий».

Так благодаря приобретённому искусству мальчик добывает себе пропитание и постепенно привыкает к новым жизненным условиям. Он становится бродячим факиром, которому судьба уготовила и неожиданную встречу с родной матерью после долгих лет разлуки.

Только труд и усердие могут спасти человека в экстремальных ситуациях – такова авторская идея, выраженная в этом рассказе.

Весьма поучителен и седьмой рассказ, где также прослеживается философское осмысление жизненных принципов рабовладельческого государства. В лице опытного коммерсанта по имени Нестор, известного в Афинах своим богатством и роскошью, изображён типичный представитель господствующего класса, думающего лишь о личной выгоде и богатстве, придающего важное значение блеску и великолепию своего пышного особняка, пиршествам и увеселениям, в то время как на принадлежащих ему серебряных рудниках «производимая работа не давала благоприятных результатов. Всюду были следы лени, обмана и злоупотреблений.

Тяжёлую атмосферу труда усугубляли и суровые телесные наказания, которым подвергались провинившиеся рабы. Трагический исход – убийство Нестора в разгар веселья на пиру одним из рабов воспринимается как закономерный факт расплаты со своим господином за содеянное им зло.

В рассказе седьмого мудреца, где даётся подробное описание пира и гостей, присутствующих в доме Нестора, мы становимся невольными наблюдателями большого спора о любви, вносящего ясность в характерные для того времени оценочные критерии этого эротического состояния человека.

Как отмечается в рассказе, «среди гостей были лучшие поэты, философы и мудрецы Афин.

...Начались музыка и танцы. Чарующая гармония звуков, сливаясь с пьянящим наслаждением, рождённым ви-

ном, создавала вокруг юных музыкантов возбуждающую атмосферу. Гости попали под власть Эроса (бога любви).

Опьянённый Анакреонт обратился к находящемуся рядом Федру: «Друг мой! – сказал он, – думаю, что я не ошибаюсь. В жизни главная сила – любовь. Эрос самый древний и самый юный, самый светлый бог. Клянусь Зевсом, он выше Зевса!».

Федр улыбнулся.

–Верно. Однако что такое любовь? Не есть ли она его пламя и естественная болезнь души?

Но в это время Диотим, прервав его:

–Нет, Федр, назвать любовь болезнью нельзя, потому что любовь бессмертная и вечно живая сила. Но любовь бывает двоякая. Небесная, взлелеянная Афродитой, и другая – земная, царящая меж невежд и грубых людей».

Думается, что с греческими философами в принципе можно согласиться, если учесть, что под «небесной» они подразумевали любовь возвышенную и совершенную, близкую толкованиям восточных философов и поэтов.

Рассказы, выслушанные в храме Семи петухов молодёжью из общины Петуха, отправляющейся в общину Овна с целью избрания невесты на девичьем роднике и создания семьи, поучительны, призваны воспитывать в молодом поколении уважение к честному труду и пронизаны философским содержанием и смыслом. Действия в них происходят в разных странах мира – Мидии, Вавилоне, Урарту, в стране фараонов, в Индии и др. и связаны с жизнью, обычаями и традициями, нравами и законами племён и народов, проживающих в них. И даже среди рабов, которых перекупщики привезли на продажу, были люди различных племён и рас: курчавые, большеглазые айсоры, веснушчатые, с мясистыми носами израильтяне, изящные, с тонкими благородными чертами лица мидийцы, косоглазые скифы, негры, пёстро разодетые жители Кападоссии, лидийцы и островитяне.

Да и в самой общине Петуха жили представители различных стран и племён. Всё это говорит о том, что в те да-

лёкие времена жизнь наших предков не была изолированной. В процессе текстологического анализа выстраивается авторская концепция о взаимозависимом развитии древних этносов, живших по соседству друг с другом.

Всё произведение целиком проникнуто этой идеей. Учитель Кебусей рассказывает молодёжи о жизни других народов:

«Их обычаи ещё тяжелее. В то время как наши обычаи исходят из материального мира, у них дело обстоит совершенно иначе. Истину они видят и объясняют вне материи, и этот мир фантазии не поддаётся восприятию и познанию пятью чувствами».

В авторскую композицию входит и выявление причин переселения древних племён и народов и обновления древних цивилизаций. Один из главных героев романа Джейнис, человек с новаторским духом и устремлениями, осуждая своего друга Чопо, консерватора и приверженца застойного уклада жизни, старается убедить его в том, что в мире существует один закон: жизнь, застыв в старых рамках и формах, застаивается подобно воде (с.45).

Джейнис берётся объяснить ему причину переселения людей и обновления условий жизни.

«Причина ясна: условия жизни на родине становились невыносимыми. Отчаянный гнёт войны, внутренние волнения и мятежи, кровопролития во имя веры, неукротимый аппетит сильных мира сего довели народ до отчаяния. Жизнь становилась всё тяжелей и тяжелей. Слабых, угнетённых, лишённых возможности пользоваться плодами своего труда она принуждает к бегству. И люди, бросая всё, лишаются облика человеческого и, несмотря на это, всё же бегут и в результате достигают счастья».

Дорога истины ведёт молодёжь в роскошный храм Семи петухов, где торжественно у алтаря собралась вся община для совершения обряда прощания со своими сыновьями.

Самый верный путь к познанию истины указывают молодым их родители своими мудрыми житейскими советами и наставлениями. Они составляют морально-нравственную систему взглядов автора, придающего важное значение труду в жизни человека и общественному благу.

«— Чопо, завтра ты расстанёшься с нами. Для родителей самое большое благо – это счастье и здоровье детей. Иди, будь счастлив, и да достигнет нас весть о твоём благополучии! Но знай, что жизнь – чудесная, необычайная вещь. Она достояние умеющих работать и дерзать! Нетрудящиеся, беспомощные лентяи и люди с дурным характером в жизни многого не достигнут. Знай это! Переход к вопросам семейной жизни – это непонятная и странная вещь. Она не поддаётся долгим измерениям и вычислениям – это как удастся. ...Запомни, у Девичьего родника при выборе подруги жизни не слишком увлекайся внешней красотой. Внешность временна: сегодня есть, а завтра её может не стать. Внутренняя красота и устои – сила неизменная и твёрдая. Уметь её безошибочно определить и найти, значит открыть дверь счастья» (с.70-71).

Наставляя сына, отец особо подчёркивает роль общества в жизни человека, говорит о деятельном участии человека в развитии общества.

«— Человек – создание, не всегда владеющее своей волей. И если, движимый желаниями, ты будешь измят в жизненном водовороте, отчаиваться не следует: примкни к обществу и постарайся изменить условия.

Лишь общество может помочь личному бессилию.

Благо общественное ставь выше блага личного».

Зачастую, как считает отец Чопо, семейные отношения зависят от самого человека:

«— Если ты захочешь, то сумеешь найти общий язык с твоими будущими тестем и тещей. Надо иногда считаться и с желаниями стариков. Иначе они отравят вам существование. У каждого свой нрав и надо постараться отыскать путь к человеку.

Человеку свойственно волноваться, выходить из себя, терять голову. Воздержись от принятия серьёзных решений в эти минуты. Правильный путь тебе укажет лишь твёрдый разум, спокойный дух».

Во второй части романа вопросы семьи и брака получают ещё большее развитие. Причём решаются в свете традиций и новаторства. Осмысление Ю.В.Чеменземинли исторического материала относительно традиций древних племён и народов, проживавших в семи климатических зонах, шло одновременно с восприятием и новых общинных обычаев и прав, способствующих как бы раскрепощению сограждан общин, слепо соблюдающих и свято оберегающих устои и правила общинной жизни.

«В общине произошёл невиданный доселе случай. Девушка по имени Нахура, полюбив юношу своей общины Мурдада, отказалась выйти на Девичий родник. Среди молодёжи нашлись и сторонники нового отношения к жизни.

– Взаимная любовь – основа всего, – говорил Джейнис. – Раз два существа полюбили и выбрали друг друга, все обычаи и традиции общины должны отступить пред ними.

...Во-первых, чтоб иметь правильное суждение о случившемся, не следует возбуждать страсти; во-вторых, чтоб действительно доказать, что совершенный поступок является грехом, необходимо поручить вопрос комиссии из нескольких человек. Необходимо вызвать Мурдада и Нахуру, чтобы выяснить мотивы их действий».

Нарушителей древней традиции вступления в брак решили изгнать из общины. Изгнанники создали улус под названием «Ель». В улусе целиком господствовали новые обычаи и нравы. Среди многих, перешедших в новую общину, находился и Джейнис.

«– Необходимо сбросить с себя путы тяжёлых обычаев и традиций, мешающих свободе личности. Надо жить согласно свободному разуму! – говорил он».

Однажды Джейнис организовал даже открытое сопротивление традициям общины.

«В общине Овна мертвецов не предавали земле, труп клали на поле и высушивали. Но, чтоб оберечь его от нападения хищников, организовывали охрану из молодёжи.

...Подстрекаемая Джейнисом молодёжь отказалась от несения охраны.

...Перед созывом общего собрания Джейнис устроил тайное совещание молодёжи. Были детально обсуждены и раскритикованы все отжившие и утерявшие смысл обычаи и традиции общины, и все голоса поднялись за отмену прежних обычаев и обрядов».

Убежавшая от консервативных обычаев молодёжь спланирует в новом улусе – общине Ель (Ветер), название которой символизирует новое, свежее дуновение ветра. В общине Ель устанавливаются новые жизненные принципы. Каждому тут представляется спокойная, счастливая жизнь.

В целях обновления и оздоровления улуса ежегодно несколько человек отправляются в путешествие и, пробыв в разных краях некоторое время, возвращаются обратно.

Если в жизни других народов имеются полезные новшества, то их стараются перенимать. Так обучались, например, ковроткачеству, кузнечному ремеслу и т.п. Так закладывались основы взаимосвязей и взаимообогащения древних племён и народов.

Общинная жизнь совершенствуется с каждым днём. Однако для мирных общин большую угрозу и опасность представляли воинственные скифы. С целью предотвращения надвигающейся опасности была создана чрезвычайная комиссия, по решению которой на Чопо возложили новую обязанность: узнать побольше о скифах, об их обрядах, обычаях, их материальной основе и физической силе, ибо если неприятель будет всесторонне изучен, победа достанется легче.

Привыкший к оседлой жизни, Чопо, которому предоставили полную свободу действий, сначала попадает в стан гордых, непреклонных и мужественных амазонок, с чего и

начинается его выход в свет и встреча с необыкновенными людьми.

Много нового, интересного и познавательного довелось увидеть Чопо у скифов. Сначала Чопо собирает обширные сведения и подробную информацию о скифах. Он узнаёт о том, что все духовные обряды выполняются гамами (шаманами). У гамов бывают бубны с начертанными на них изображениями черепов. Ударяя в бубен, гамы начинают кружиться и впадают в экстаз. В этом состоянии они якобы общаются с богами, получают от них откровения и проникаются тайнами потустороннего мира.

«После состояния полузабытья каждый подходит к гаму, вопрошая: «Что мне предопределено? Беспрерывный поток ответов гама кого радует, а кого повергает в печаль. Авторитет гама выше авторитета хагана» (с.106).

Вскоре Чопо изучил манеры гама, и скифы решили, что он гам. Его авторитет увеличивался с каждым днём. Став верховным гамом, Чопо решил использовать дворцовые интриги, безумство скифов, их борьбу за престол и постоянные распри и войны между собой с целью перессорить всех влиятельных лиц и тем самым ослабить скифов и оттянуть время их нашествия на юг.

Как выясняется из дальнейшего повествования, Чопо, стремясь избавить от бедствий и страданий жизнь тысяч скифов, подготавливает план действий по устранению главной причины их бед – хагана, чтобы добиться счастья для народа. И как не вспомнить тут основную заповедь Заратустры «молюсь за счастье я», нашедшую своё отражение в священной Авесте?!

Ценой больших усилий удалось Чопо внушить скифам прелести мирной и свободной жизни и мысли о ненужности и пагубности войн.

«– В одеждах гама я бродил среди войска. Каждый раз после свершения обряда я рисовал картины мирной жизни, говорил о её прелестях, об ужасах битв.

...Чтоб заслужить полное доверие к своим словам, я совершил данный обряд. Ударяя в бубен, я неистово кружился, впал в экстаз и, очнувшись, заговорил:

– Да будут коровы и стада ваши в теле! Да резвы будут кони, да не заплачут дети! Рок милостив к вам. Счастье на вашей стороне. Перед нами видны земли, полные вод, лесов и тучных пастбищ. Осев там, вы заживёте покойно и счастливо с детьми, жёнами и стариками» (с.130).

Эти строки производят впечатление священных писаний. Несомненно, они навеяны авестийским текстом, содержащим триаду жизненного принципа «благая мысль, благое слово, благое действие» как основные заповеди Заратуштры.

«– Свободный в действиях, я старался претворить свои мысли в жизнь и готовился к путешествию».

Чопо, главный герой романа Ю.В.Чеменземинли «Гызлар булагы», пожертвовавший личным счастьем во имя родной общины, испытывает радость труда и благого действия, необходимого для общинной (общественной) жизни.

Единение и союз общин, переселение к ним племён кочевников с целью оседлой жизни, организованное Чопо и его друзьями-новаторами, символизирует, на наш взгляд, сплочение древних племён и народов, проживавших в семи климатических зонах, взаимопознание, взаимообогащение, способствующее их социально-общественному развитию и прогрессу. Не случайно в сюжетно-композиционном и идейно-художественном решении этого историко-философского произведения важное место отводится повествованиям семи мудрецов, содержащим в себе истории и легенды народов, проживающих на разных географических территориях. Для молодого поколения они чрезвычайно познавательны и ориентированы на их будущие благие действия во имя обновления общественной жизни.

Инициатором и проводником прогрессивных идей в социально-общественную жизнь является передовая молодёжь, чутко воспринимающая свежие мысли и интересные

новшества, начинающие внедряться в жизнь и господствовать в мире, и соответственно этому стремящаяся избавиться от устаревших и консервативных устоев и обычаев, препятствующих совершенствованию общинной социально-культурной жизни.

2008

MÜTƏRCİM CƏFƏR CABBARLI BARƏDƏ YENİ SÖZ

Cəfər Cabbarlı sənətini yüksək qiymətləndirən M.Ə.Rəsulzadə “Çağdaş Azərbaycan ədəbiyyatı” əsərində yazırdı: “... Cabbarlı dramaturqluğu Azərbaycan dramaturgiyasında mühüm bir mərhələdir” və dövrünün gənc tənqidçilərindən birinin (adını çəkmir, çox güman ki, M.Arifin – A.F.) C.Cabbarlı haqqında dediklərinə istinad edərək bir daha xatırladırdı ki, bu böyük sənətkar “Azərbaycan klassik dramaturgiyasının ən gözəl cəhətlərini davam etdirməklə bərabər, dünya dramaturgiyasının da nailiyyətlərindən faydalanıb, İbsen kimi aktual, qəti və cəsarətli, Şiller kimi əngin və rəngarəng, Qorki kimi ideyalı olmağa çalışan, öyrənən, arayan Cabbarlı Azərbaycan dramaturgiyasında sosial realizmin əsasını qoydu”.

Təsadüfi deyil ki, dünya ədəbiyyatına bu böyük maraq, müəyyən tərcüməçilik təcrübəsi olan C.Cabbarlıda klassik ədəbiyyatın incilərini ana dilinə çevirmək həvəsini və cəsarətini getdikcə artırdı. Asif Rüstəmlinin elmi axtarışlarından məlum olduğu kimi, tərcüməçilik sahəsində böyük təcrübə məktəbi keçmiş C.Cabbarlı (ilk dəfə rəsmi olaraq mütərcimlik fəaliyyətinə Cümhuriyyət dövründə “Azərbaycan” qəzetində başlamışdır) bu çətin və məsuliyyətli yaradıcılığın incəliklərinə yiyələnərək, həqiqətən çox qiymətli və zəngin irs qoyub getmişdir.

Yazıçının geniş imkanlarından, qüdrətindən, onun dünya-görüşündən xəbər verən ədəbi-bədii yaradıcılığı ilə yanaşı, tərcüməçilik fəaliyyətini də, şübhəsiz, nəzərdən qaçıрмаq olmaz.

Tədqiqatda C.Cabbarlının yaradıcılığının bir qolunu təşkil edən mütərcimlik əhatəli şəkildə öyrənilir və dəyərləndirilir.

C.Cabbarlının dünya ədəbiyyatından yüksək sənətkarlıqla ana dilinə çevirdiyi klassik əsərlər (Şekspirin, Şillerin, Bomarşenin, A.Ostrovskinin, L.Tolstoyun, M.Qorkinin, F.Qladkovun və s.) çox maraqlı və diqqətəlayiqdir.

Mütərcimin rus dilindən müxtəlif tərcümələr əsasında Azərbaycan dilinə çevirdiyi ilk irihəcmli əsər U.Şekspirin “Hamlet” faciəsidir.

Məlum olduğu kimi, C.Cabbarlıya qədər “Hamlet”i görkəmli yazıçı-dramaturq Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev, Abdulla Cövdət bəy və Ağalar Əlverdili dilimizə sətri tərcümə etdiklərinə görə, bu əsər səhnə üçün yarırsız idi. C.Cabbarlı isə dahi ingilis dramaturqunun əsərinin “poetik axımını” ruhumuza yaxınlaşdıraraq bədii tərcüməsinə nail olmuşdur. Tərcüməçilik prinsiplərinə əsaslanan yaradıcı şəxsiyyət kimi o, hərfi tərcümədən uzaqlaşaraq milli ruhumuza və dilimizin ahənginə daha yaxın və uyğun sözlərdən, təbir və ifadələrdən istifadə edərək klassik Avropa ədəbiyyatının şah əsəri olan “Hamlet”i bizə doğmalaşdırmışdır. Bunu dönə-dönə etiraf edən müəllif öz fikrini sübuta yetirmək məqsədilə əsərin rus və Azərbaycan dilinə çevrilmiş poetik misraları və mətnlərini müqayisə edir və C.Cabbarlının mütərcimlik bacarığını, bənzərsiz poetik tapıntılarını nümayiş etdirərək yazıcının yalnız tərcüməçilik sənətinə deyil, eyni zamanda teatr və səhnə qaydalarının incəliklərinə dərinləndən bələd olduğunu da göstərir. Bu mənada Hamletin məşhur “To be or not to be” (rusca “Быть или не быть – таков вопрос”) dilemması mütərcimin dilində “Olum ya ölüm” bədii-fəlsəfi düşüncə seçimi kimi çox orijinaldır və tərcümə məharətinin nümunəsi kimi öz tərəvətini saxlamaqdadır. Tərcümə tarixinə düşən bu əlamətdar faktı bir daha diqqət mərkəzinə çəkən müəllif yazır ki, “C.Cabbarlı özündən əvvəlki tərcümələri bir yana qoyaraq mənaya, vurğuya yeni baxış nümayiş etdirdi, fikrin yığcamlığını və dərinliyini saxlamaqla, ən uğurlu poetik tərcüməyə nail oldu”.

Lakin bu tapıntılarla yanaşı, bəzən itkilər də müşahidə olunurdu.

Milli teatr tariximizə nüfuz edən müəllif, Cabbarlının mütərcim və rejissor kimi novatorluğundan, cəsarətli addımlarından söhbət açır və qeyd edir ki, “Hamlet” faciəsinin tərcüməsi uğurlu alınsa da, tamaşa üzərində aparılan kosmetik əməliyyatlar, klassikaya yersiz müdaxilə (əsərdə obrazları Şərq mühitinə ya-

xınlaşdırmaq məqsədilə adlarının Şərq adları ilə əvəzlənməsi – A.F.) müvəffəqiyyətli alınmamışdır.

Bununla yanaşı, şübhəsiz, nəzərə alınmalıdır ki, yaradıcı tərcümə sənətinin inkişafında xüsusi xidmətləri olan böyük ədibin səhnə dilinə, teatr sənətinə münasibəti və ümumiyyətlə, milli təəssübkeşliyi onun tərcüməçilik fəaliyyətinə xas olan əsas keyfiyyət olaraq çoxsaylı elmi-nəzəri mülahizələrində də öz əksini tapmışdır.

“Hamlet”in uğurlu tərcüməsinə gəldikdə isə qeyd etməliyəm ki, Hamletin daxili aləminin və faciəsinin dərinə dərk olunması çox vacib məsələdir ki, ilk Şekspirşünaslardan sayılan məşhur rus alimi A.Anikstın tədqiqatında (А.Аникст. “Гамлет, Принц Датский”. Послесловие к “Гамлету” У.Шекспир. Полное собрание сочинений – в 8-ми тт., т.6. Москва, “Искусство”, 1960, с.571-627) öz həllini tapmışdır. Alim Hamleti “əsrinin vicdanı” adlandırır, onu faciəli fərd kimi səciyyələndirərək, qəlbinin dialektikasına diqqət yetirir.

Əvvəllər harmonik həyat tərzini yaşayan Hamlet həyatı və insanları sevir. Atasının öldürülməsindən sonra onun dünyagörüşü tamamilə dəyişir. Anasının və qatil əmisinin timsalında onun qəlbində haqsızlığa və bütün şəxslərə, ətrafdakı mühitə və mənəviyyatsız həyatın dözülməz ziddiyyətlərinə qarşı qəzəb və nifrətini getdikcə artır. Lakin o, tərəddüdlər içində boğulur, ölümdən qorxur və üsyan qaldırmağa cəsarəti çatmır. Zəif və iradəsiz görünən və tərəddüdlər keçirən Hamlet tədricən daxili axtarışlar və mübarizədən sonra yüksəlir və üsyan edir, atasının qatilindən intiqam alır.

Fikrimizcə, tərcümə prosesində mütərcimin uğuru kimi, bu məqamlara diqqət yetirmək yerinə düşərdi. Konkret olaraq Hamletin faciəsinin sirləri və onların izahı nəzərə alınmalı amillər-dəndir.

Dahi Şekspirin irsinə növbəti müraciət C.Cabbarlının “Otello” faciəsindən bəhrələnməsi ilə bağlıdır.

“Otello” faciəsinə xüsusi maraq və məhəbbətlə yanaşan və onu dəfələrlə oxuyan yazıçı bu əsərin təsiri altında “Trablis müharibəsi” və ya “Ulduz” faciəsini yazmışdır. Müəllif geniş izah

və təhlillər əsasında bu iki əsər arasındakı oxşar və fərqli cəhətləri nəzərdən keçirərək, Cabbarlının iqtibasının əsas fərqlərini əsərin məzmununda görür: “Şekspirin “Otello”sunda italyanlar Kipr adası uğrunda türklərə, Cabbarlının “Ulduz”unda türklər Trablis uğrunda italyanlara qalib gəlir”.

“Otello”nun ilk tərcümələri zəif və qüsurlu, yabançı, qəliz sözlərlə dolu olduğundan, Cabbarlını çox düşündürür və narahat edirdi.

Tərcümə prosesində fikrin aydınlığına, sərrastlığına və dəqiqliyinə xüsusi diqqət yetirən “Cabbarlı “Otello”nu dilimizə adi bir tərcüməçi kimi çevirmirdi. O, şair, dramaturq, rejissor, bəstəkar, rəssam həssaslığı, tamaşaçı zövqü ilə “Otello”nu azərbaycanlaşdırırdı, türkləşdirirdi”.

C.Cabbarlının tərcüməçilik fəaliyyətini yüksək dəyərləndirən müəllif mütərcimin peşəkarlıqla yaratmış olduğu poetik sənət nümunələrini təhlil edir və aşkarlayır, onların əksəriyyətinin çap olunması zəruriyyətini qeyd edir.

Öz müşahidələrində və təhlillərində incə duyum və açıqlama qabiliyyətinə və məntiqli düşüncəyə malik olan Asif Rüstəminin Cabbarlı dühası ilə yaradılmış Otellonun, Yaqonun, Dezdemonanın mənalı və təsirli monoloqlarının təhlili bizim bu fikrimizi təsdiq edə bilər. Xüsusilə, Otellonun rus dilində sərbəst nəzmlə səslənən son monoloqunun qafiyəsiz misralarını Cabbarlının klassik məsnəvi janrında “şahə qalxmış əsəb gərginliyinin, hiss və həyəcanın tərcümanına çevrilməsi”ni olduqca tutarlı və inandırıcı arqumentlərlə oxucularına çatdırma bilmişdir.

Tədqiqatda C.Cabbarlının F.Şillerin “Qaçaqqlar” faciəsinə müraciəti də müəllifin maraqlı təhlil və mülahizələrində öz əksini tapmışdır.

Məlumdur ki, Cabbarlı alman dramaturqunun əsərindən özünəməxsus şəkildə faydalanmışdır.

Müəllif yazır: “Karl Moorun sevgilisi Amaliya ilə görüş-düyü və onun köksünə xəncər vurduğu səhnəni Oqtay Eloğlu öz sevgilisi Firəngiz ilə oynayır və bıçağı doğrudan da onun köksünə sancır”.

Həm Karl Moorun, həm də Oqtay Eloğlunun mübarizəsi zəmanəsinin haqsızlığına, ədalətsizliyinə, mühitin qaranlığına qarşı tuşlanmış mübarizədir.

“Şillərin Karl Mooru həyat həqiqətlərini bədii həqiqətə, C.Cabbarlının Oqtay Eloğlu isə bədii həqiqəti həyat həqiqətinə çevirən qəhrəmanlardır...”

Tərcüməyə gəldikdə isə Cabbarlı digər tərcümələrində olduğu kimi bu əsərdə də mahnı mətnlərinə xüsusi diqqət yetirmiş və nəzm parçalarının şeiriyyətini, ahəng və musiqisini qoruyub saxlamışdır.

Səhnə sənətinin incə bilicisi olan Cabbarlının səhnə üçün nəzərdə tutulmuş bu tərcüməsinin milli ruha və düşüncə tərzinə yaxın olması, bu tərcümədə yabançı terminlərin böyük ustalıqla dilimizdəki ekvivalentlərlə əvəzlənməsi, frazeoloji ifadələrdən, aforizmlərdən və atalar sözlərindən faydalanması, yerli mühiti nəzərə alaraq pyesin finalında uğurlu əlavələr etməsi, bəzən ixtisarlara yol verərək sərbəst tərcümə üsuluna əl atması müəllif tərəfindən məntiqli əsaslandırılmışdır.

C.Cabbarlının uğurlu tərcümələrindən biri də XVIII əsrin fransız dramaturqu Bomaşenin “Fiqaronun toyu” əsəri sayılır. Komediyanın Azərbaycan dilinə çevrilməsi mütərcimin yeni yaradıcılıq keyfiyyətlərini üzə çıxarır: Azərbaycan folklorundan, doğma dilin leksikasından, saf gülüş elementlərindən, incə yumoradan geniş istifadə olunur.

Müqayisəli tekstoloji təhlil zamanı müəllif belə bir nəticəyə gəlir ki, “Cəfərin özünəməxsus üslubu ağır və çətinidir. Onun çevirməsi orijinal əsər təsiri bağışlayır. Cəfər Cabbarlının tərcümə yaradıcılığının başlıca qayəsi çevirdiyi əsəri doğma dilimizdə xalqımızın malına, mənəvi sərvətinə çevirməkdir”.

C.Cabbarlının tərcümə etdiyi əsərlərdən bəzilərinin böyük sənətkarın biblioqrafik göstəricilərinə daxil edilməməsi müəllif tərəfindən təəssüflə qeyd olunur. Ədibin M.P.Pavloviçin “İranda siyasi mübarizə” və S.İranskiyənin “İranda milli-azadlıq hərəkatının yolları” adlı iki tarixi əsərindən ibarət olan ilk tərcümə kitabının elmi mənbələrdə xatırlanmaması, müəllifin etirafına görə,

böyük haqsızlıqdır, halbuki məhz bu kitab “ən aktual tarixi mənbələrdən sayıla bilər”.

Adlarından da göründüyü kimi, bu əsərlərdə dünya imperializminin şərq ölkələrinə, ilk növbədə isə İrana qarşı işğalçılıq və müstəmləkəçilik siyasətinin nəticəsi olaraq yaranan milli-azadlıq hərəkatının tarixi əhəmiyyəti üzə çıxarılır.

Bu hərəkatın Azərbaycan xalqının milli azadlıq mübarizəsi ilə sıx bağlılığı C.Cabbarlını bu əsərlərə müraciət etməyə sövq edir.

“C.Cabbarlının ilk irihəcmli tərcümə işi olan “İran istiqaliyyət mübarizəsi uğrunda” kitabının seçilməsində, keyfiyyətlə və sürətlə çevrilməsində parçalanmış və işğal edilmiş Azərbaycanın dünəninə, ağrılarına diqqəti yönəltmək əsas amil olmuşdur”. O zaman üçün bu, olduqca cəsarətli bir addım sayıla bilər. Təsadüfi deyil ki, milli-azadlıq ruhuna malik olan “Şeyx Şamili və Hacı Muradı sovet dövründə ilk dəfə bədii ədəbiyyata gətirən (məhz – A.F.) böyük dramaturqumuz Cəfər Cabbarlı olub”.

Tədqiqatdan aydın olur ki, C.Cabbarlı L.Tolstoyun “Hacı Murad” povestini təbdil edərkən sərbəst tərcüməyə üstünlük vermiş və səhnənin tələblərini nəzərə alaraq öz “Hacı Murad” pyesinə mahnı mətnləri əlavə etmişdir. Bu mahnılardan biri tədqiqatda cəlb olunur. Onun mübariz və nikbin ruhunu yüksək qiymətləndirən müəllif yazır: “İndiyədək çap olunmayan və elmi araşdırmalardan kənarda qalan bu mahnı mətni bədii səviyyəsindən asılı olmayaraq, Şeyx Şamilin rəhbərliyi ilə bütün Qafqazı bürümüş milli-azadlıq hərəkatının sıradan sərkərdəsinədək hər bir nəfərinin xalqa və torpağa bağlılığını, əqidəsinə sadıqlığını, haqq işi uğrunda apardığı mübarizəsinə əminliyini, nikbin ruhunu özündə əks etdirən döyüş marşı, zəfər nəğməsidir”.

C.Cabbarlının tərcümə etdiyi nəsr, dramaturgiya əsərləri ilə yanaşı, poeziya nümunələrinə də rast gəlinir. Onun məşhur “Rövşən bəy – Koroğlunun atlanışı” irihəcmli şeiri “Lirik şeirlər” bölməsində orijinal əsər kimi yer almış və əsərlərinin mövcud nəşrlərinə salınmışdır. Maraqlıdır ki, başqa tərcümələrindən fərqli olaraq C.Cabbarlı bu şeiri orijinaldan, yəni XIX əsrdə yaşamış Amerika əsilli ingilis şairi, folklorşünası, Harvard Univer-

sitetinin professoru Henri Uodsuort Lonqfellowun bilavasitə ingilis dilində olan şeirindən çevirmişdir.

Bu şeirin yaranma tarixinə nüfuz edən müəllif uğurlu tekstoloji təhlillər nəticəsində C.Cabbarlının “Rövşən bəy – Koroğ-lunun atlanışı” şeirinin yüksək poetik səviyyədə tərcümə etməsi-ni, xalq şeirinin özünəməxsus məziyyətlərini, milli koloritini, qəhrəmanlıq pafosunu böyük sənətkarlıqla qoruyub saxlaya bil-məsini qeyd edir. Bütövlükdə ədəbiyyatımızın və mədəniyyəti-mizin dahi sənətkarı Cəfər Cabbarlının dünya ədəbiyyatının klassiklərindən böyük peşəkarlıqla Azərbaycan dilinə çevirdiyi nümunələr (məlum olduğu kimi onların sayı tədqiqata cəlb olu-nan əsərlərlə məhdudlaşmır və daha çoxdur – A.F.) tərcümə mə-harətinin və məktəbinin milli təzahürüdür.

C.Cabbarlının ədəbi irsinə ciddi maraq göstərən, onun ar-xivinə, yaradıcılıq laboratoriyasına, mühitinə və bununla əlaqə-dar dövrü mətbuat tarixinə yaxından bələd olan A.Rüstəmli-nin mənəvi sərvətlərimizi üzə çıxarmaq, onları geniş təbliğ etmək məqsədilə yazılmış bu əsəri, haqqında yeni söz dediyi mütərcim-sənətkarın fəaliyyəti kimi çox aktual və diqqətəlayiqdir.

C.Cabbarlını mütərcim kimi işıqlandıran müəllif onun tə-rçüməçilik mədəniyyətini və məharətini tekstoloji təhlillər vasitə-silə sübuta yetirir.

Beləliklə, o, C.Cabbarlının tərcümə prinsiplərindən səmə-rəli istifadəsini və eyni zamanda milli tərcüməçilik məktəbinin varlığını, tarixi inkişafını ilk dəfə sistemli şəkildə öyrənmiş olur.

2011

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Магический реализм как художественный метод вступил в свои права в середине XX века (50-60-е годы), когда латиноамериканский роман ворвался в жизнь миллионов людей: мировую известность получили книги Алехо Карпентьера, Мигеля Анхеля Астурласа, Карлоса Фуэнтеса, Хулио Кортасара, Габриэля Гарсиа Маркеса и других латиноамериканских писателей, оказавших сильное влияние на европейский бум эпического жанра.

Элементы магического реализма, выражающие основные тенденции европейских иррационалистических философских течений, прослеживаются в азербайджанской литературе XX века, в том числе и в современной национальной литературе, начиная с 60-х годов.

В современном литературоведении обозначены следующие признаки магического реализма: 1. Фантастические элементы могут быть внутренне непротиворечивыми, но никогда не объясняются; 2. Действующие лица принимают и не оспаривают логику магических элементов; 3. Присутствуют многочисленные детали сенсорного (чувства, ощущения) восприятия; 4. Часто используются символы и образы; 5. Эмоции и сексуальность человека как социального существа описаны очень подробно; 6. Искажается течение времени, так что оно циклично или кажется отсутствующим. Ещё один приём состоит в коллапсе (аномалии) времени, когда настоящее повторяет или напоминает прошлое; 7. Меняются местами причина и следствие; например, персонаж может страдать до трагических событий; 8. Содержатся элементы фольклора и/или легенд; 9. События представляются с альтернативных точек зрения, т.е. голос рассказчика переключается с третьего на первое лицо, часты переходы между точками зрения персонажей и внутренним монологом относительно общих взаимоотношений и воспоминаний.

Наличие этих элементов, их яркое проявление прослеживается в романе Юсифа Самедоглу «День казни», который, по выражению Анара, является «вершиной новой азербайджанской прозы».

Для романа характерны необычное, сложное сюжетно-композиционное и идейно-образное решение, сочетание реального и ирреального, фантастического и необъяснимого, коллапс времени, смещение и связь времён, когда настоящее напоминает прошлое, роковые и символические сны как одно из таинств жизни, символические образы, помогающие раскрытию вечных вопросов добра и зла, справедливости и долга и освещению социальных и нравственных проблем. Обилие метафор, сравнений и богатая символика, свойственные роману в целом, лежат в основе магического воздействия стихийных сил природы, идущих как бы из небытия, в частности символический образ древней и роковой Пещеры Дедов – обителица ветра, проснувшегося для возмездия и упокоения людских душ.

«Безветренно, но в кроне двуствольного граба время от времени слышится тревожный шелест, напоминающий шум прибоя, он наводит на мысль о близости моря.

Но это не море, это ветер просыпается в Пещере Дедов и потягивается на своём ложе; он выползает и влачится по земле, он готовится к нападению, и вот-вот, собравшись с силами, заполнив горы и реки гулом и рёвом, ринется на людей. Э-эй, твари двуногие, да пресечётся род ваш навеки!».

Это состояние грозного предостережения и возмездия людям, утратившим человечность и превратившимся в чудовищ и двуногих тварей, передаётся и волку – тотему и прародителю и предку тюркских племён и народов. Согласно древнетюркской мифологии, волк – символ добра, удачи и изобилия. Волк часто упоминается на страницах романа по ходу развития сюжета.

«На откосе горы в редколесье стоял, наострив уши, старый, матёрый волк. Он учуял своим облезлым носом

странный запах, сложный запах железа и крови, его томило дурное предчувствие, он понимал, что сегодня лучше не соваться в ущелье, где эти непостижимые двуногие разбили свой лагерь, и его волчье сердце замирало в тревоге и страхе.

Старый волк слушал как там били молотом по наковальне, подковывали боевых коней, и в этих звуках железа об железо было грозное предостережение».

В этом отношении человек настоящего мало чем отличается от человека прошлого. В разговоре с фельдшером Махмудом татарин Темир, характеризуя современных людей, замечает: «Вот ты говоришь – война, воюют, стреляют, друг дружку истребляют. А я говорю – поделом, к дьяволу! Мне что, больше всех дела до вселенского горя, а? Я так понимаю, дорогой, что рано или поздно и Темира в могилу сволокут, и все друг дружку прикончат, и на этом точку поставят. И сказать тебе, почему? Потому, что человек должен быть человеком. А мы все, и большие и малые, мы человечность свою утратили. Я хочу вот что сказать – мы все превратились в гулябаны (мифический дикий человек, чудовище)».

В романе находит яркое отражение нравственный конформизм, в особенности в дневнике Сади эфенди, в лице коварных и жестоких «уполномоченных» Мухтара Керимли и А.Г.Салахова, приспособившихся к господствующему режиму, ярых защитников правящей идеологии, и диссидентов, инакомыслящих, вроде самого Сади эфенди, избравших путь сопротивления. Не случайно Сади эфенди снится роковой сон, предвещающий его трагическую судьбу: будто он стоит в длинном коридоре вагона с наглухо закрытыми купе, и за дверью одного из них слышится плач мужчины, а женский голос пытается его утешить словами: «Не плачь, всё будет хорошо милостью Аллаха...».

Нравственное убожество, опустошённость общества, лишённого моральных устоев, высмеиваются благодаря аллегорическому образу фантастической крысы Кирликир,

наделённой магической силой и сенсорными способностями выявлять безнравственные поступки и действия героев, предсказывать их судьбы и состояние здоровья.

Тема нравственного очищения и национального катарсиса лежит в основе творчества азербайджанского писателя, нашего современника Мовлуда Сулейманлы. Она находит широкое освещение в особенности в эпических повествованиях писателя – романах «Köç» («Кочевье»), «Ceviz qurdu» («Ореховый червь») и «Səs» («Голос»), написанных в 80-е годы. Духовно-генетические корни азербайджанского народа, лежащие в основе мифов, наиболее связанных с нравственными нормами и традициями, определяют творческие поиски писателя в этом направлении.

Художественно-мифологическое миропонимание писателя в романе «Кочевье» по глубине мысли и поэтическому накалу образно-метафорического языка воспринимается нами на уровне необыкновенных и неподражаемых творений латиноамериканских писателей. Классический южноамериканский «магический реализм» имеет свою специфику. Кубинец А.Карпентьер – создатель концепции «чудесной» или «магической реальности», как способа отражения действительности, в предисловии к повести «Царство небесное» сформулировал своё видение «чудесной реальности» Латинской Америки, в основе которой лежат девственность континента и особое мифологическое сознание населяющих его народов. Эта повесть – яркий образец латиноамериканского мифологического видения мира и истории Гаити на рубеже XIX века, когда бывшую французскую колонию сотрясали восстания рабов, через призму языческой религии. История Гаити посредством такого «чудесного» и «магического» восприятия действительности приобретает мифологический характер.

В центре знаменитого романа «Сто лет одиночества» (1967) колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса – история шести поколений семьи Буэндиа, живущей в маленьком городке Макондо. На примере одной семьи писа-

тель создал образ всей Латинской Америки от эпохи конкистадоров до наших дней. А в знаменитом романе писателя «Осень патриарха» представлена вся история континента в лице диктатора-патриарха. Образ героя строится Маркесом на фантастическом гротеске. Генерал – собирательный образ-кариатура латиноамериканского диктатора, которых в истории континента имелось предостаточно.

Не исключено, что необыкновенные и оригинальные творения латиноамериканских писателей оказали благотворное воздействие и на дальнейшее развитие современной азербайджанской литературы, всегда проявляющей глубокий интерес к мировой литературе и новым веяниям в ней.

Возвращаясь к мысли о восприятии нами романа М.Сулейманлы «Кочевье» на уровне творений мастеров современного латиноамериканского романа, следует отметить прежде всего новизну разработки национально-этнической темы в духе так называемого магического реализма в условиях господствующего советского режима, что несомненно стало явлением в азербайджанской литературе. Эфемерное, призрачное изображение далёкой азербайджанской действительности, связанной с периодом кочевья древних племён и народов, предопределяет смысловое содержание эпического повествования, начинающегося с таинственных снов и загадочных видений маленького Имира – сына последнего потомка племени Гаракялля.

Два племени Гаракялля и Ганлыг, между которыми в течение 300 лет шли кровавые столкновения, символизируют противоборствующие силы Добра и Зла. А кровь, часто упоминаемая в романе, – символ кровной памяти. «Кочевье» – этнопсихологический роман с мифологическим сюжетостроением и мышлением, с архаичным, стилизованным языком, гармонично соответствующим историческому содержанию произведения. В романе прослеживается преемственная связь древнетюркских эпических и духовно-нравственных традиций, исходящих из дастана «Китаби-Деде Горгуд». Они важны и актуальны во все времена, в

особенности же, когда в социально-общественной среде властвуют силы зла и господствуют жестокие законы, происходят этнические разделы, люди утрачивают национальный образ жизни, отдаляются от национальных корней и национальных ценностей, что находит своё реальное отражение в событиях последнего столетия, которые представлены в романе в сочетании с ирреальным воображаемым миром наших предков, их обрядов рождения, свадеб и захоронения, загадочных, таинственных снов, мистических ритуалов, связанных с шаманизмом, магией, ясновидением. Вот один из многих живо изображённых и чудодейственных эпизодов:

«Среди танцующих только одна женщина и одна девушка постепенно впали в состояние экзальтации.

Женщина с бахромой на голых щиколотках была неслгораема в огне, она сунула руки в пламя костра, вытащила из него обгорелое полено, рассыпала на голову горящие угли. Выпила кипящую воду из кипящего на очаге казана.

...Женщина уже не дышала, вдохнув, она била себя по груди, и в таком состоянии, с закрытыми глазами подошла к костру, и взобравшись на большие, пылающие поленья, стала танцевать.

...Потом, икая, она вышла из костра, медленно опустилась на траву».

В романе «Кочевье» широко используется и символика образов: Деде – символ родного дома, очага, Нене – воплощение и символ древних обычаев, обрядов, Бекил и Чичек – символизируют семейный оплот и оседлый образ жизни, шестилетний Имир – символ чудодейственного (магического) восприятия реальности. Алай из племени Гаракялля, воспитанник старухи из племени Гашгар, обладавшей шаманскими способностями и познанием древних, символизирует преемственность и новизну племенных традиций. «За многие годы оседлой жизни Гашгары от мала до велика стали тяжёлыми на подъём, они выросли как скалы, с года-

ми им уже стали неведомы летающие птицы, веющие ветра, текущие воды, рождающееся солнце. Кладбищ у них было в сто раз больше, чем лачуг в горах, чёрных крыш на Аране, они размножались, пуская корни».

Единственный оставшийся в живых представитель племени Гаракялля Ардыдж (продолжатель) является символом преемственности поколений. Ему суждено жить уже при новом социально-общественном укладе жизни, в скрывающей и подавляющей атмосфере, в условиях голода и нищеты, преследования, изгнания и ссылок. Отстранение и отрыв народа от своих духовно-генетических корней в советский период национально-исторического развития приводили к обезличиванию и духовной деградации нации.

В романе «Кочевье» ставится и решается жизненно важная проблема возврата к духовному истоку и обретения кровной памяти как единственного пути спасения от нравственного убожества и пустоты. Успешное решение проблемы осуществляется писателем посредством изображения «чудесной реальности» (определение «магического реализма» в восприятии латиноамериканских писателей) прошлого и суровой реальности настоящего. Присутствие ирреального в сюжетостроении произведений современной азербайджанской литературы обусловлено и объяснимо двойственностью мировосприятия – реального и ирреального.

Магический реализм, как чудесное восприятие реальности в произведениях латиноамериканских писателей, наиболее связанное с мифологическим мышлением, исходит из культовых, религиозно-мистических представлений и магических верований индейских племён Южной Америки – генетических корней южноамериканского мифологического сознания. Думается, что не случайно в азербайджанской литературе, с аналогичной приверженностью духовно-генетическим корням, наблюдается такая восприимчивость и склонность к мифологическому мышлению и литературно-художественному сюжетостроению. Это вполне естественно и логично.

Наиболее яркое проявление это находит отражение в творчестве Мовлуда Сулейманлы, с характерным мифологическим мышлением и образно-метафорической поэтизацией изложения. Писатель очень часто отождествляет общественные явления с природными с помощью художественных аналогий и символов. Образно-метафорический стилевой рефрен в романе «*Ceviz qurdu*» («Ореховый червь»), обращающий внимание читателя на такой незаметный факт природного явления, как ореховый вредитель, оказывается важным литературным приёмом для раскрытия художественного замысла автора, усматривающего аналогичный процесс, происходящий в современном обществе. Ореховый червь уподобляется общественным вредителям, вторгающимся в духовный мир людей и разрушающим людскую добродетель. Утрата духовно-нравственных корней, как правило, ведёт к деградации человека и общества в целом.

Эта идея лежит и в основе другого социально-психологического романа «*Səs*» («Голос»). В нём находят своё наглядное отражение все пороки азербайджанской социально-общественной жизни последнего десятилетия советского периода. Шестиэтажный дом с порочными жильцами – людьми разных профессий – символизирует порочное общество. Разрушение же дома в финале символизирует деградацию общества.

«Здание разрывалось, как натянутый нерв, слабели балки и бетонированные устои, на самом же деле это были его стоны.

Халея как будто тянули за локти, боли в суставах уменьшались, внутри возникала некая невесомость, он успокаивался от блаженства...

«Аааххх!» стонал, разрываясь, дом...».

Образно-метафорическое изображение реальной жизни, трагической азербайджанской действительности, где господствует чуждая национальному духу идеология и властвует зло, необходимо автору для решения беспокоя-

щей его важной и актуальной проблемы духовно-нравственной деградации общества. «Голос» – обобщённый символ внутреннего голоса человека, давно утратившего его и живущего в мире чужих, посторонних голосов. Мифическая сила денег лишила человека этого внутреннего голоса, и он стал духовно искалеченным, убогим и зависимым. Человек, а значит, и общество в целом, лишённое памяти и корней, становятся обезличенными, они теряют право на жизнь – таков логический вердикт писателя.

Единственным героем, живущим своим внутренним голосом, является в романе Халей – настройщик пианино, отличающийся богатым духовным миром. Национальное духовно-нравственное очищение немыслимо без сохранения исторической памяти, возврата к духовно-нравственным истокам. Неразрывную связь между ними подспудно чувствует и Халей. Примечательно сюрреалистическое изображение исторического события, восстановленного в памяти героя посредством его пылкого воображения. Это акт кровавой расправы с имперским генералом Цициановым, требующим ключи от города Баку.

«Двести лет тому назад в такое же время, как сейчас, Халей стоял напротив главных крепостных ворот и искал глазами вдоль крепостных стен то место, где был убит Цицианов...

...Изредка слышатся стоны изнутри, потом внушительные голоса старых мужчин подавляют боязнь и страхи, наступает безмолвие, из крепостных бойниц смотрят сотни и тысячи глаз.

...В такое же время, в таком же месте Халей стоял лицом к крепостным воротам и, как ни старался, не мог определить то место и соорудить могилу».

И он продолжает мысленно осуждать своего брата Кямала – государственного человека, допустившего историческую ошибку в замечании следов «честной истории».

Единственный путь спасения от морального падения, как мыслит автор, это очищение души. Молитвы Халея зву-

чат как таинства и откровения души, исцеляющие человека, указывающие путь к добру и свету. Они напоминают нам древние заповеди Авесты, мысль великого «мистагога» (определение американского учёного Джексона) огня Заратустры «Молюсь за счастье я...».

Возвышенные молитвы Халея взывают к добротворчеству, они проникнуты гуманным отношением к человеку.

«В тебе есть и что-то от Танры, одна капля в тебе от Танры. Ты тоже можешь почувствовать и познать все тайны.

Через тебя проходит самый длинный, самый трудный путь мира, эта дорога может привести тебя к истине.

Познай себя, чтобы познать мир... Ночь находится меж двух дней, в самый безнадёжный момент не теряй надежду. Считай свои руки сыновьями, приучай их к работе, работа самый большой учитель. Ты тянись к добру, как трава тянется к свету... Работай, проливай пот, проходи через боли-горести, придёшь к очищению».

Современные социально-психологические и нравственные проблемы, отношения человека и общества, духовная неудовлетворённость, попытка достичь независимости от реальности, обретение духовной свободы и неприятие общества, в котором довелось жить, поиски смысла своего существования пронизывают творчество аргентинца Хулио Кортасара, который использовал гораздо в большей мере, чем другие латиноамериканские писатели, литературный и культурный опыт Европы. В предисловии к знаменитому роману «Игра в классики», одного из лучших произведений латиноамериканской прозы, Кортасар концентрирует внимание на сущности вселенской морали в форме развёрнутой метафоры:

«От порока до падения телесного и морального один шаг, и коли покатился по роковой наклонной плоскости к дурному поведению во всех смыслах, так уж никто на белом свете не спасёт тебя от помойки людской, и никто тебе руки не протянет, чтобы вытащить из вонючего болота, в кото-

ром барахтаешься, это почитай как с кондором: пока молод, парит-летает по горным вершинам, а как состарится, падает камнем вниз, чисто бомбардировщик пикирующий, у которого моральный мотор отказал».

Сочетание реальности с фантастикой, стремление к необъяснимому характерно для начального этапа творчества поэта-символиста и прозаика (сборники рассказов «Бестиарий», «Конец игры», «Тайное оружие», «Все огни – огонь»). Так, персонаж «Другого неба» живёт одновременно в двух эпохах и в двух городах – в Париже конца XIX века и в Буэнос-Айресе 1940-х. А герой новеллы «Ночью на спине, лицом кверху» одновременно умирает в больнице современного европейского города и на алтаре ацтекских жрецов доколумбовой Америки.

Новая, необычайная манера письма, калейдоскопичность происходящего, смешение стилей, многослойная символика, игра воображения и чисто кортасаровское интеллектуальное пространство и экспериментаторство отличают романы зрелого периода творчества: «Игра в классики» (1963), «Модель для сборки» (1968). В них писатель постоянно нарушает временную последовательность повествования или же не соблюдает причинную связь, утверждая простор для комбинаций («Модель для сборки»).

По ходу романа «Игра в классики» игра героев-двойников – и в прямом, и в переносном смысле – идёт по нарастающей. Чтобы добраться до Неба, нужны камешек и носок ботинка – таковы правила детской игры в классики. Достижение Неба как духовное возрождение оказывается особенно притягательным для Оливейры. Потеряв Магу и пытаясь её найти, Оливейра (Орасио), оставаясь наедине с собой, признавался, что любовь к Маге и была для него самой последней, возвышенной, искомой клеточкой, Небом. Однако после безуспешных поисков Маги, Оливейра вдруг понимает, что их встреча возможна лишь в ином измерении, уже не с ней, а во имя неё, и теперь он может жить без Маги, но ради неё, догоняя её и придумывая. С помощью игры

герои Кортасара пытаются преодолеть абсурдность окружающего мира.

Все случайные явления, связанные с жизнью главного героя романа «Модель для сборки», приобретают мистические смысловые ассоциации, нарушениями временного порядка и символическими аналогиями, которые сплавляются в нечто единое для Хуана. В сознании и памяти героя – комбинации воспоминаний о «зоне», подобные призракам магического круга. То был сон, в котором смешались разные пласты времени. Сны героя – сюрреалистические видения города со страшными и безлюдными отелями и лифтами, где бродят призраки враждебных встречных и лошадей, и слышится запах беды, ощущается приближение страха и ужаса, связанных с потерей и утратой любимой девушки, заблудившейся в этом городе.

Признаки магического реализма, нашедшие наибольшее (среди латиноамериканских писателей) и глубоко своеобразное отражение в творчестве Хулио Кортасара, характерны для отдельных произведений Анара. Подробное описание эмоций, переживаний и ощущений человека как социального существа прослеживаются в повести «Номер в отеле», где события представляются с альтернативных точек зрения, наблюдаются частые переходы между точками зрения персонажей и внутренним монологом относительно общих взаимоотношений и воспоминаний. Персонаж может страдать до трагических событий. Вспомним страдания и мучения Керима Аскероглу, предвещавшие его трагическую смерть в гостиничном номере, ассоциирующемся в сознании героя с могильным склепом. Трагическая судьба главного героя в каком-то смысле – символ краха многих иллюзий.

Главный герой рассказа «Наваждение» Орудж, психиатр по профессии и атеист по воспитанию, считал все разговоры о потусторонней жизни, даже те, которые одеты в научные одеяния, – химерой, сказкой.

«Всё это миф, пустые мечты, суеверие и только. Есть только этот мир, который мы видим, слышим, чувствуем», – так мыслит герой до определённого времени... Общественная жизнь – митинги, забастовки, война в Гарабахе, грызня за власть, смена государственного строя оказали влияние и на профессию Оруджу. Увеличивалось число душевнобольных, появились новые виды различных маний и нервных отклонений. «Пятьдесят процентов пациентов были больны карабахской проблемой», – читаем в рассказе.

Среди пациентов, записавшихся на приём к доктору Оруджу, был некто Балами, встреча с которым оказывается роковой для героя. Мысль о возврате собственной дачи неожиданному посетителю, пытающемуся предъявить свои права на неё, как принадлежащее ему ранее имущество, сильно тревожит Оруджу, лишает его покоя. Перенесённый им стресс, галлюцинации и наваждения, вызванные воображаемым им убийством сына своего противника Балами, ускоряют трагическую смерть психиатра.

Сюрреалистичен эпилог романа с абсурдным названием «Шестой этаж пятиэтажного дома», в котором повествуется об иллюзорно-призрачных видениях Заура – неоднократных мистических встречах с Тахминой спустя много лет после её смерти и внезапных исчезновениях любимой то в метро, то в лифте, поднимающемся на шестой этаж пятиэтажного дома. Ирреальное и мистическое приключение героя, находящегося в состоянии душевного потрясения, – проявление подспудного сознания утраченной любви. Думается, что такой финал романа обусловлен авторским замыслом для верного осмысления идейно-образного решения. Тахмина, наделённая независимым, свободным духом, присущими ей правилами поведения, оставляет после себя светлую память и добрые, тёплые воспоминания о себе как независимой личности. Не случайно Заур ищет её на воображаемом шестом этаже пятиэтажного дома, что является символом нравственного возвышения героини.

Ирреален и финал повести «Круг» с белой гаванью и красными кораблями, которые сняты той же Тахмине и Немату, как символ их светлой мечты о счастье.

Нарушение временной связи, коллапс времени прослеживаются в повести «Контакт». Необыкновенные приключения студента – главного героя повести, ведущего уединённый и замкнутый образ жизни и попавшего в поисках жилья в невообразимый лабиринт, в странную атмосферу загадочного двадцатизэтажного дома, являются причиной душевных смятений, невроза и страха, сомнений и навязчивых идей молодого человека. Случайные встречи с психиатром и его фантастическое перевоплощение в астрофизика вносят определённую ясность в сложный сюжет повести с нарушением связи времён. Важное значение для осмысления сюрреалистического повествования придаётся научным поискам астрофизика, пытающегося установить контакт с Галактикой, с жителями дальних неизведанных миров.

Необъяснимые и фантастические элементы, мотив лабиринта, предчувствия страха как важные признаки магического реализма, магического восприятия действительности, присутствуют в рассказе «Красный лимузин». Машина преследует героя О., и тогда непонятная тревога, грозящая перерасти в кошмар, в панику и переходящая в неуловимое предчувствие беды, овладевает им. Долго тянется тягостная мистика красного лимузина. Наяву и во сне она преследует героя, затаившись в его подсознании. От судьбы не уйти – порой это представляется ирреальным. Однако жуткое предчувствие смерти и небытия не покидают героя, превращаясь в роковую игру с трагическим завершением.

Рассказы «Красный лимузин», «Наваждение» и повесть «Комната в отеле», которые объединяет чувство смутной тревоги, ужаса перед непредсказуемыми событиями, страшное предчувствие смерти и небытия, определены трагическими событиями близкого прошлого и бедами, которые обрушились на азербайджанский народ, вызвав психологический шок и стрессовое состояние.

Проблема национального пути развития, наиболее связанная с поисками духовности и национальным возрождением азербайджанского народа, нашли своеобразное отражение и решение в утопической повести «Белый овен, чёрный овен». Использование сказочного сюжета и символических образов белого и чёрного оводов (сядешь на белого овна, выйдешь в светлый мир, сядешь на чёрного – попадёшь в тёмный и мрачный мир), сочетание реального с ирреальным, воображаемым миром способствуют воссозданию утопической и антиутопической сказки. Писатель воссоздаёт две модели будущего своей родины – Азербайджана. Счастливой, благополучной, свободной, демократической страны, в которой решены все территориальные, национальные, социальные, духовные проблемы в первой части, и страшную версию во второй – та же страна, разделённая на три фактически оккупированные зоны – в одной царит чудовищный религиозный фанатизм, регулирующий и регламентирующий даже семейные отношения, в другой – коммунистическая система в самой худшей форме – форме духовного подавления личности, фарисейства и догматизма, в третьей – дикий капитализм, с поклонением золотому тельцу и с попранием всех моральных, культурных ценностей.

Полное пробуждение азербайджанского народа немыслимо без достижения целостности Азербайджана, когда национальный гимн будет звучать по всем каналам национального телерадио от Дербента до Хамадана, от Газаха до Газвина, как представляет себе автор.

Трагические события 20 января, символизирующие национальное возрождение и восстановление национальной государственности, находят своё наглядное отражение в историческом памятнике «Возрождение», воздвигнутом на Национальной площади в виде огромного танка, вставшего на дыбы от силы сопротивления народа.

Идеалы азербайджанства, определяющие принципы жизни, морали, поведения писателя-гражданина обозначены

им пятью словами – Свобода, Независимость, Равенство, Братство, Дружба. Они лежат в основе будущего общества, так цельно и продуманно, ярко и образно спроектированного автором посредством исторической символики.

Утопия Анара питается сугубо идеями азербайджанства. Здесь нашли выражение думы большого гражданина Азербайджана, глубоко знающего историю общества, мир национальной духовности, думы о государстве, обществе, нации, народе. Примечательно, что в утопическом повествовании Анара с безудержной феерической фантазией прослеживается сочетание двух диаметрально противоположных типов мышления: возвышенно-приподнятое, романтическое, радужно-эйфорическое восприятие действительности и пессимистический, экзистенциальный образ мышления, связанный с философскими размышлениями об одиночестве, эфемерности счастья и быстротечности жизни, неминуемой смерти и мрачным восприятием реальной жизни.

Подводя итог сравнительно-историческому исследованию элементов ирреального воспроизведения действительности в форме сказочных, фантастических сюжетов, мотивов, расширенных метафор, символов, аллегорий и других необычных метафизических, мистических форм художественного изображения жизни в азербайджанской классической литературе, следует отметить, что характерной особенностью современной азербайджанской литературы, начиная с 60-х годов, является повышенный интерес к человеку, его чувственно-образному мировосприятию посредством новых форм художественного изображения, отличающихся от старых, традиционных, смелым активным и широким использованием ирреального, магического и сюрреалистического как в сюжетостроении, так и в идейно-образном решении художественных произведений. Нами выявлены признаки магического реализма в творчестве современных азербайджанских писателей, в частности в романе «День казни» Ю.Самедоглу, в романах «Кочевье»,

«Ореховый червь» и «Голос» М.Сулейманлы, в отдельных произведениях Анара – романе «Шестой этаж пятиэтажного дома», в повестях «Номер в отеле», «Круг», «Белый овен, чёрный овен», в рассказах «Контакт», «Красный лимузин», «Наваждение».

2012

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ АФАГ МАСУД

В современной азербайджанской литературе яркое проявление магического реализма прослеживается в творчестве Афаг Масуд, произведения которой давно уже привлекли внимание необычным, новаторским стилем и формой художественного повествования. В одном из своих многочисленных интервью Афаг ханым высказывает своё отношение к литературе, утверждая, что литература – не сюжет событий, а сюжет чувств, и обнаруживает при этом своё видение сюжетостроения. Чрезвычайно интересные структурно-композиционные решения, изобилие метафор и сравнений, ярко и образно раскрывающих психологическое состояние героев и персонажей, глубокое проникновение в их внутренний мир свидетельствует о чутком и тонком восприятии и постижении человека и окружающей действительности, литературно-художественном таланте писателя.

Сюрреалистические мироощущения присущи почти всем произведениям Афаг Масуд. Интересны и впечатляющи рассказы «Qəza» («Происшествие»), «Sərçələr» («Воробы»), «Bekar» («Бездельник»), «Uydurma» («Воображение»), «Tək» («Одинокая»), «Dovşanın ölümü» («Смерть кролика»), «Gecə» («Ночь»). Обратимся, к примеру, к рассказу «Воробы», где сюжет строится на детском восприятии семейных отношений и в основном отношений матери, занятой творческой работой, к дочери-школьнице, обделённой родительским вниманием, заботой и абсолютно лишённой материнской ласки и любви, что тяжёлым бременем ложится на душу отстранённого ребёнка, озлобляет и калечит её.

«В прихожей промелькнуло искажённое от нервов лицо матери. Оно становилось страшным, и когда она нервничала, у человека чуть сердце не обрывалось.

С таким страшным лицом мать снилась ей через день. С тем же чудовищным лицом, грозными глазами и желез-

ными шагами, она, как буря, надвигалась на неё... И тогда от её громадного туловища опускалась тень, всё вокруг покрывалось густой тьмой.

Под этой страшной тенью матери, в этой тьме она оставалась одна, от страха и ужаса сердце, обрываясь, сжималось и превращалось в маленькую капельку воды...

Вдруг душа её заныла, затосковала по бабушке. Свернувшись всем своим туловищем в комочек, ей захотелось спрятаться в её утробе. Она подумала, что если ей удастся проникнуть туда, то уже оттуда она не выйдет.

Так бы она и осталась, делала б уроки, читала и писала бы, спала и вставала... Живот бабушки был большим и глубоким, как океан. Там, если ей захотелось, можно было бы даже кататься на велосипеде...».

В сновидениях маленькой героини отражаются горькие и безрадостные детские впечатления от повседневной жизни, кратких встреч и общений с матерью, загадочные и необъяснимые действия которой остаются для неё неразгаданными до конца рассказа, завершающегося опять-таки загадочным исчезновением этой непонятой, постоянно что-то пишущей женщины, улетевшей вместе со своими любимыми питомцами-воробьями.

В отличие от отчуждённого образа матери, изображённого в страшных и тревожных снах маленькой девочки («Воробьи»), в рассказе «Тэк» («Одинокая») выведен образ любящей, внимательной, заботливой и ревливой матери, после смерти которой её уже взрослая дочь впадает в состояние невыносимого одиночества. Это неопишемое состояние скорби и опустошённости передаётся через размышления героини.

Ощущение духа матери внутри себя помогает дочери разобраться в своих чувствах, а также точно и правдиво оценить поведение матери в неоднократных сновидениях, которые, как ни удивительно, не давали покоя не только ей, но и её мужу.

«После смерти матери, когда речь заходила о ней, глаза мужа расширялись, лицо его менялось. Как будто муж чему-то ужасался...

Возможно, это было вызвано тем, что после своей смерти мать не давала им покоя, через день она снилась им, то обижалась, то плакала во сне, то молчала, отворачиваясь лицом к стене...

К тому же, в последнее время мать, кажется, начала сниться и мужу. И он, вставая среди ночи, проходил в кухню, включал свет и начинал курить, или же, проснувшись, лёжа в постели, смотрел в потолок...

И потом целый день говорил о потустороннем мире, о духах...».

В творчестве Афаг Масуд сны, как проявление всевозможных чувств и ощущений, находят наиболее широкое и характерное отражение, им придаётся важное и определяющее значение в развитии сюжета произведения.

Думается, что это не случайно, так как сны составляют определённую часть жизни человека, указывают на его пребывание в ирреальном состоянии, являясь мостом и связующим звеном между реальным и ирреальным миром. И в силу этого обстоятельства они должны служить одним из средств художественного отражения жизни и, вполне логично, предметом глубокого научного изучения.

В сюрреалистических творениях Афаг Масуд знаменательным и роковым сном и ирреальным, фантасмагорическим видением, лежащим в основе сюжетостроения, придаётся существенное значение. Они являются важным средством необычного художественного выражения внутреннего состояния героев, характерных психологических особенностей их поведения посредством ирреального восприятия действительности. Примечательно в этой связи предисловие автора к поэме «İzdiham» («Толпа»), где отмечается, что «это произведение чуждо не только азербайджанской литературе и нравственности, но, в целом, и миру, в котором мы живём...».

Это оригинальное литературно-художественное произведение, построенное на автобиографических впечатлениях и написанное в форме страшных и чудовищных видений и фантасмагорических картин в духе сюрреалистических полотен в живописи, кажущихся, на первый взгляд, плодом больного воображения. Они вызваны сложными, трагическими обстоятельствами жизни (как семейными, так и социально-общественными). В них ярко и образно отражаются отдельные этапы и страницы жизни героя: свадьба, рождение детей, ранняя утрата родителей, воспоминания о школе и вызванные ими чувства неприязни и отвращения к жестоким и бездушным учителям и пр., которые изображаются посредством гиперреалистического восприятия действительности, порой доведённого до гротеска.

Со страшного символического сна, предвещающего печальный конец и смерть героя, начинается и рассказ «Гесэ» («Ночь»). Он строится на нежном и трогательном диалоге двух одиноких стариков – Талыб киши и его больной старушки, оторванных от мира по причине длительной пурги, лишившей население города воды, электричества и газа.

«Ещё до того, как началась метель, Талыб киши увидел во сне лучезарного старца в белой плащанице.

Этот человек, взяв его руку, поднял с постели и повёл за собой на бесконечно простирающуюся странную равнину...».

И дальше страшная картина, представшая перед ним во сне:

«Внезапно старец исчез, и он остался один посреди необъятной степи. В это время земля задрожала, и Талыб киши оказался на сцене, внизу – большой симфонический оркестр, которым он приготовился дирижировать, но это ему не удаётся – оркестранты, отбросив в сторону свои музыкальные инструменты, стали поспешно рыть яму посреди зала.

Затем несколько человек из них, взбравшись на сцену, схватили его своими железными руками, потащили вниз и сбросили в яму. Потом побросали на него множество скрипок и виолончелей и закопали. Рот наполнялся землёй, смычки скрипок прокалывали его тело насквозь, он начал задыхаться, и последнее, что он увидел, это был падающий хлопьями снег...».

Этот роковой сон очень важен для раскрытия характера героя, покоряющего нас силой духа, мужеством и стойкостью в противоположность беспомощности, предсмертному страху больной и угасающей жене.

Сны, как средство художественного изображения, часто используются в произведениях, посвящённых президенту (роман «Азадлыг», рассказы «Гений» и «Президент»). И не удивительно, что в творчестве Афаг Масуд именно они становятся предметом философско-психологических размышлений, особенно в романе «Азадлыг».

В 1999 году в интервью, напечатанном в газете «Hürriyyet» («Свобода»), Афаг ханым, характеризуя этапы своего творчества, отмечала, что большая часть её предыдущих произведений была путешествием в свой внутренний мир, однако путешествия не завершаются этим, ибо события, разворачивающиеся на её глазах, затрагивают её гражданскую честь и достоинство.

На вопрос: «Возможно ли, что ваше обращение к теме «правителя» непосредственно связано с влиянием переведённого вами романа Г.Г.Маркеса «Осень патриарха», Афаг Масуд, допуская такую возможность, вместе с тем указывает и на то, что большая литература, кроме способности совершать изменения в сознании, чувствах, обладает и другими таинственными, чудодейственными и даже опасными силами и сферами влияния.

Всецело отвергая политический характер своих произведений, связанных с президентом, писательница утверждает, что последние годы её всё больше интересует закулисная жизнь и внутреннее состояние политиков, исполняю-

щих миссию главного героя в общественно-политической жизни страны. В отличие от Маркеса, изображающего внешнюю жизнь патриарха, она пишет о внутреннем, скрытом мире правителя и считает, что всех правителей объединяет страсть к власти и страх смерти.

Внутренняя свобода, присущая Афаг Масуд, позволила ей смело и дерзновенно коснуться тех пластов подсознательного постижения жизни, которые оставались в тени и считались запретными для художественного отражения, как не соответствующие нормам и не вмещающиеся в рамки азербайджанской литературы. В этой связи следует обратить внимание на философскую сущность произведений писательницы, и прежде всего, романа «Азадлыг», который часто воспринимается как исторический роман. По собственному признанию писательницы, в романе в свете исторических событий изображено внутреннее состояние героев, затерявшихся в своих страшных и необъяснимых снах под воздействием подсознательной памяти.

Неоднозначное оценочно-аналитическое восприятие национально-освободительного движения, завершившегося трагическими январскими событиями, оставившими неизгладимый след не только в истории народа, но и в сознании людей, служит как бы фоном и роковой предпосылкой для дальнейшего развития сюжета с мистическим содержанием и духом. Им проникнуты страшные и загадочные сны профессора Н.А.Вейсова – главного героя романа, таинственно переплетающиеся с абсурдным образом лидера национально-освободительного движения, странного и романтического человека, а также образом Отца нации – человека, обладающего легендарными способностями и таинственной силой воздействия, аналитическим мышлением и гениальностью.

Профессор, психиатр по профессии, никак не может избавить себя от кошмарных сновидений и преследующего его во сне человека в короткой куртке. По наблюдениям профессора, в последнее время стремительно росло число

душевнобольных. В клинику стали обращаться даже известные и солидные люди, странные и необъяснимые действия и ощущения которых не соответствовали их возрасту и природе.

Одним из пациентов профессора становится 71-летний академик К.Н.Сираджев с диагнозом старческий психоз. Как выясняется, академика и профессора объединяют мистические сновидения одного и того же содержания и страх затеряться и заблудиться в тёмных переулках сна навсегда. После встречи с академиком сны для профессора приобретают ещё большую значимость и загадочность. Одно было ясно – в их общих и одновременных снах заключалась какая-то тайна.

После внезапной и скорой смерти академика, так и скончавшегося во сне, профессора охватывает ужас от ожидания той же участи.

Таинственная встреча с очередным пациентом – исследователем древних рукописей, работающим в Институте рукописей, вносит определённую ясность в тайну страшных и мучительных сновидений профессора. Как выясняется, нервное расстройство у пациента возникло в результате перевода чрезвычайно интересной древнеегипетской рукописи под названием «Среда сновидений», относящейся к IV-V вв. до н.э. Посвящая профессора в содержание данной рукописи, пациент – исследователь и переводчик летописи – вносит полную ясность в тайну снов, как единственного моста, связывающего человека с потусторонним миром. Они происходят в определённой среде (зоне), и человеку запрещено их запоминать, иначе он считается тогда оторванным от реальной жизни. Следовательно, запрет заключён в самом человеке. Согласно рукописи, человека, запоминающего сны, всегда будет тянуть к зоне сновидений, так как там в основном он чувствует себя свободным от всех повседневных рамок и канонов жизни. Сохранение в памяти таких снов чревато опасностью оказаться во власти этой среды, что, в

свою очередь, означает приближение к потусторонней жизни и переход во власть дьявола.

Предстаёт в романе и бывший президент – лидер национально-освободительного движения, фанат свободы, который изображается как романтический человек, далёкий от материального мира и земных страстей, живущий своим внутренним духовным миром, и не случайно, обратившегося к психиатру. По мере дальнейшего развития событий, профессор-психиатр становится востребованным и для патриарха – Отца нации, тревожные и необъяснимые сны которого вынудили обратиться за помощью к профессору Н.Вейсову.

Внутренние монологи как раздумья и аналитические раздумья Патриарха в свете его отношения к народу, оценки бывшего президента со стороны его команды, бывших министров, представляют большой интерес для выявления сложных и противоречивых ощущений безнадёжности, непонятности и недоверия, страха перед надвигающейся старостью и мнимым покушением на жизнь.

При помощи энергетических сеансов на основе древних тибетских рукописных текстов и таблиц с изображением определённых точек мозга профессору удаётся научиться управлять и регулировать, приглушать или активизировать биологические точки подсознательной памяти и, раскрыв тайну сна и страха, вместе найти способ избавления и спасения от него.

Авторское решение темы свободы в данном произведении с философской ориентацией предопределяется двумя пластами художественного изображения – реальным и ирреальным восприятием свободы, как социально-общественного явления и как индивидуального качества человека, его внутренней энергетической силы, закладывающей основу независимого духа.

ПОСТМОДЕРНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (Взгляд на творчество Камала Абдуллы)

В современной азербайджанской литературе заслуживает особого внимания творчество известного поэта, прозаика и драматурга, лингвиста по профессии Камала Абдуллы, отличающегося многогранностью творческой деятельности. «Неимоверное влечение и тяга к тайне», по искреннему признанию самого писателя, думается, и предопределяет его творческие поиски и ориентацию.¹ Скажем, в романе «*Sehrbazlar dərəsi*» («Долина магов»), в котором даже визуально находит своё отражение влечение автора к тайнам природы и человека. Оно связано с волшебной долиной, притягивающей к себе путников таинственным миром обосновавшихся тут чудотворцев, старающихся держать втайне секреты и смысл своего отшельничества, уединения и медитаций.

Долина – это уникальная среда обитания магов, впадающих в «пору уединения» («*təkcənəlik vaxtı*») – определение самого писателя), в состояние вознесения, полного отключения от земной жизни, времени и среды.

В высокопарных, однако истинных суждениях Айдына Талыбзаде по поводу данного романа сказано, что это «произведение написано в стиле классических восточных сказок: в нём одно повествование вплетается в другое, как в ажурном орнаменте, не нарушая при этом общего ритма и звучания.

В конечном итоге эти рассказы упираются в так называемую карму, так как колесо фортуны непредсказуемо...

Однако, как ни верти, последняя стоянка каждого пути – смерть. Всё остальное, находящееся за пределами нашего сознания, – царство и игра воображения».²

¹ К.Аbdulla. *Yarımçıq əlyazma* (roman). Bakı, 2004, s.6.

² А.Талыбзаде. Из вступ. статьи к роману «*Sehrbazlar dərəsi*». Баку, 2006, с.6-7.

Мир магии и духов, в котором живут герои К.Абдуллы, продолжает вызывать неизменный интерес к своему познанию и изучению. Отшельничество, суфийский образ жизни магов-дервишей не мешает им изредка оказывать свои услуги горожанам, нуждающимся в их магических способностях.

К Долине магов движется караван. Его предводитель Караванбаши одержим идеей найти среди чудотворцев того, с чьей помощью он сможет вызвать дух отца – палача Мамедгулу, чтобы связаться таким образом с ним и выведать у него кое-какие интересующие его важные обстоятельства.

Уже при приближении к чудесной и загадочной долине, расположенной у подножия таинственного «Невидимого холма», выглядевшего во все времена года как цветущий и вечнозелёный райский уголок, страх начинал овладевать всеми путниками.

Караван, входя в зону невидимости, начинал постепенно исчезать как в тумане. Люди же, пытающиеся подняться на загадочный холм, не ощущали под ногами почву и как будто впадали в состояние космической невесомости.

Один из отшельников по прозвищу *Səyyah sehrbaz* (Странствующий маг) обещает исполнить желание Караванбаши. По возвращении каравана в город, он устраивает тайную встречу с духом палача Мамедгулу, некогда с большим рвением и усердием выполнявшего свои обязанности при дворце любимого и высокочтимого им падишаха.

Чудотворным в романе «Долина магов» представлен и незримый персонаж – Дух мамедгулу. Сложный для восприятия и неадекватный в своих грубых и гневных выпадах и заявлениях, Дух, постепенно входя в роль отца Караванбаши, начинает проявлять озабоченность судьбой сына, вплоть до наставлений и жизненных советов.

Дух палача признаётся в том, что первой жертвой его греха была мать самого Мамедгулу, а второй стала мать его родного сына прекрасная Перниса.

Родной сын Мамедгулу, зачатый от его единственной, пламенной любви, теперь, как некогда и он, Мамедгулу, преданно служит шаху, но уже не прежнему, а новому.

Своими дальнейшими откровениями Дух вносит ясность в ход трагических последствий в жизни героев.

«— Почему убили твоего брата, то есть, моего приёмного сына? Тебе этого не понять. Из-за тебя это сделали. Из-за тебя. Ты появился на свет. И я после этого привязался к тому дому, очагу, к тому городу, хотел остаться с твоей матерью, на самом деле я совершил грех — нарушил указ Шаха. Я должен был вернуться с армией, но не вернулся и остался в городе. Это было моей ошибкой и грехом. Твоё зло сорвали на нас. Знай, что и твоя мать оказалась жертвой этого греха».

Таковы неожиданные и откровенные признания Духа палача Мамедгулу, жившего, как выясняется из этого спиритического эпизода, горечью воспоминаний о трагических последствиях принятых им решений о мести.

Классический литературный образ палача Мамедгулу представлен в рассказе писателя «Qəraq» («Решение»), где герой изображается в реальном мире.

С большой тонкостью и проницательностью излагается в нём сложное психологическое состояние, раскрывается внутренний мир этого сильного и мужественного, «железного» человека, подчас подвергающего себя стихийным и неосознанным действиям.

Семейная трагедия, месть родной матери за поруганную честь отца, призрак которого долго преследовал его во сне, наложили неминуемый и тяжёлый отпечаток на его дальнейшую жизнь вынужденного отшельника и скитальца, пока он не принял твёрдое решение устроиться на работу и по распоряжению судьбы стал верно и преданно служить шаху.

В словах старого негра, подручника и советчика Мамедгулу, кроется тайна рвения и страстного отношения к своим обязанностям палача, с большим удовлетворением

подвергающего виновных и невинных жестокой смерти, – «это помогает ему забывать своё горе и трагическую участь». Она усугубляется и приобретает всё больший размах по мере развития дальнейших событий, когда в жизнь Мамедгулу на склоне лет неожиданно-негаданно врывается любовь, по восприятию самого героя, «как божья кара и наказание».

Трагически завершается романтическая любовь этого нелюдимого и угрюмого силача, вызывающего обычно страх у окружающих, и впервые в жизни познавшего прелесть любви и непостижимость её тайны. По необъяснимому велению сердца им было принято роковое решение, ускорившее трагический финал.

Образ Мамедгулу дан в реальном и ирреальном изображении. Границы между реальным и ирреальным миром оказываются размытыми. Так автору удаётся через ирреальные откровения персонажа проникнуть в тайный внутренний мир своего героя и ярче раскрыть сложное психологическое состояние и причину трагической судьбы палача.

Философская сущность мировидения современного писателя-драматурга проявляется прежде всего в решении избранной им основной и важной философской проблемы – изначально непостижимой тайны Бытия, Человека и Духа на художественно-эстетическом уровне посредством игры воображения. Все чудодейственные сюжеты произведений Камала Абдуллы как бы переплетаются и сходятся в едином русле, образуя единую систему сюжетостроения, цельную творческую концепцию.

Непостижимость тайны и тщетность поисков истины мастерски выражены в магических пространственно-временных определениях Зари и Горизонта, «вселенских печалей» в нетрадиционном философско-поэтическом осмыслении, служащих, на наш взгляд, эпиграфом не только к одноактной пьесе «Ангел». Они могут быть применимы ко всем сценическим творениям писателя, более того – его многожанровой литературно-художественной деятельности в целом.

Зарю свою настиг сегодня поутру...
Заря на горизонте задержалась.
Я слов не находил, какая жалость!
Заря сама неспешно принялась делиться
Со мной своей печалью предрассветной...
Мы лицами касались,
Коленями касались,
Никчёмными казались на горизонте
Все мои печали.

Только «в ракурсе предельно спрессованного на горизонте Времени», согласно удачной и убедительной «расшифровке» стихотворного эпиграфа Камала Абдуллы, данной талантливым режиссёром Вагифом Ибрагимоглу,¹ можно судить о качестве двух измерений, где нет разделения на «реальное» и «ирреальное», на «правду» и «вымысел» (пьеса «Ангел» строится на равномерном диалоге действующих лиц; благодаря линии горизонта могут говорить между собой (по линии телефонной связи) обитатели двух временных измерений («Ты – плохой мальчик»)).

С помощью озарения на горизонте мы ясно осознаём сокровенный смысл бытия. И стоит, действительно, всего лишь дойти до своего горизонта, чтобы убедиться в том, что «все сказки – ложь» и «кто вам сказал, что птица Симург бывает на самом деле?!». В этом риторическом вопросе заключено философское постижение двуединого начала и конца брэнного мира. У каждого человека своя сказка, ибо человеку свойственно вынашивать в себе надежду и веру в сказочные чудеса, и вместе с тем ему не под силу и не суждено овладеть страшной тайной перехода из реальности в небытие.

С именем Камала Абдуллы связаны философско-мифологические трансформации, импровизации, новое про-

¹ Вступ. статья «Сокровенный театр Камала Абдуллы» / К.Абдулла. Все мои печали... Пьесы. Баку: Мутарджим, 2009.

чтение дастана «Китаби-Деде Горгуд» и «виденье» тайны Мифа и Слова, Мифа и Письма. «Все смотрят, но не все видят, – а понять увиденное могут совсем немногие».¹ Камал Абдулла – один из немногих, возможно, единственный, кому это удалось. Противостояние двух пластов – явного, поверхностного и невидимого, тайного; противопоставление двух миров, временных срезов, разных нравов и образов мировосприятия, лежащих в основе текста дастана, как полагает учёный, является самым ярким и заметным, хотя далеко не единственным. Именно с противопоставления Письма Мифу и Истории, т.е. письменного варианта устному варианту дастана и начинается дальнейшее выявление тёмных пятен и загадочных художественно-изобразительных зарисовок и повествований, сотворённых воображением писца, ибо «никому из живших и живущих на земле не удалось заглянуть за занавеску, скрывающую тайну Бытия и Небытия», – как мыслит гениальный философ и поэт всех времён и народов Омар Хайям.²

Непостижимы тайна Любви, Человека и Духа, а также тайна Мифа и Слова. Они настраивают мыслителя на игру воображения и служат импульсом к новым шагам на пути к поиску Истины и Прозрения.

Чудесное художественное преломление и оригинальная интерпретация дастана в романе «Неполная рукопись» рассматривается прежде всего как проявление новаторского, нетрадиционного отношения к историческим фактам и событиям, отказа от всяких условностей и канонов в решении научных проблем, что проливает определённый свет на многие загадочные вопросы, связанные как с памятником, так и с эпохой правления Шаха Исмаила Хатаи, его тайного двойника, как рокового предначертания и таинственного исчезновения выдающегося Шаха с арены исторических событий.

¹ Омар Хайям. Древо бытия. Афоризмы и изречения (сост. и научный ред. В.П.Бутромеев). М: Олма Медиа Групп, 2011.

² Там же.

В классической азербайджанской литературе, склонной к модерну (вспомним творчество М.Ф.Ахундаде, Дж.Мамедкулизаде, А.Хагвердиева), проявление постмодерна на новом независимом этапе её развития, в частности в творчестве Камала Абдуллы, вполне закономерно. Придерживаясь лексико-семантической структуры и архитектоники языка, образно-метафорического изложения, присущего огузскому эпосу, писатель всецело вводит нас в мир и среду огузов, проникает в подспудные пласты дастана, заново осмысливает неоднозначные, завуалированные действия и взаимоотношения героев – огузских правителей, ханов и беков, живущих на страницах древней рукописи. «Всё мыслимое и немыслимое можно встретить и увидеть в этом бренном мире», – подумал и ответил мудрый Деде Горгуд главному предводителю огузов Байандыр хану, когда тот пытался вызвать его на откровенный разговор и узнать его мнение по поводу недостойного поведения огузских ханов и беков, что сильно подрывало устои и традиции огузской общины, служило причиной разобщения и ослабления огузов. Огузские беки перестали думать о судьбе огузов, как считает Байандыр хан.

Их истинное лицо, присущие им интриги, уловки и хитросплетения, безволие и малодушие обнаруживаются и выявляются в особенности на допросе, который устроил им Байандыр хан. Его мучает и терзает вопрос, кто сеет вражду между огузами, вносит разногласия в их среду, при каких условиях и кем был обнаружен шпион среди огузов и кто освободил его из заточения. По его твёрдому убеждению, виновник должен быть наказан, что послужит уроком для всех огузов.

Сложная и запутанная цепь событий, нашедших своё отражение в дастане, приводит к возникновению неоднозначного отношения к его героям, далёким от идеализации и наделённым характерными для них слабостями и недостатками, напоминающими нам, несмотря на глубокую временную отдалённость, современных людей, как мыслит ав-

тор, а вслед за ним и читатели. Такое восприятие героев дастана обусловлено очень важным обстоятельством – социально-культурологическим переходом, нашедшим своё цельное отражение в «Деде Горгуде» как воплощение идеи перехода от Мифа к Письму. Вначале было Слово и сказание, прежде чем спустя столетия и века появилась рукопись, а затем книга «Китаби-Деде Горгуд». В книге отражается переход от общего, изначально коллективного к единому, частному, т.е. к человеку как индивидуальной личности. В научно-художественном осмыслении, в системном видении и логическом обосновании «Тайного Деде Горгуда» в ракурсе «изобразительного» и «содержательного» восприятия дастана, широком филологическом анализе и мифологических поисках в аспекте выявления инвариантов и изучения противопоставлений, которыми полнится переходный период от Мифа к Письму, таится притягательная сила, влекущая нас, казалось бы, в незримый мир величественного и бессмертного огузского эпоса, проникнутого общечеловеческой значимостью.

Часто ключ к тайным, завуалированным информациям лежит в других эпических текстах (греческом, германском и др.). И все они взаимосвязаны, в силу чего расширение круга поисков скрытых мотивов обогащает наши мифологические представления на пути к проявлению истинной информации благодаря активизации «внутреннего, пассивного» составного компонента сюжета.

Как выясняется из трудоёмких и тщательных исследований Камала Абдуллы, кроме поверхностного плана выражения, в котором многое кажется неясным, дастан имеет ещё и глубинный, невидимый план содержания, который помогает обнаружить «логику алогичностей». В результате логически обоснованного восприятия текста дастана, глубокого осмысления его подспудного содержания проливается свет на многие загадочные и непонятные, вызывающие порой недоумения и вопросы, действия и взаимоотношения героев.

Помимо устоявшегося, стабильного духовно-нравственного мира огузов с характерным для него почитанием и культом Деде Горгуда, высвечивается и иной мир огузов — шпионов, предателей, недостойных людей, и таких как Тепегёз, Дели Гарджар, Яланчи оглу, Ялынджыг, приносящих горе и беды огузскому элю, разрушающих его устои и принципы.

Учёного, поисковика по натуре, всё больше привлекает жизнь героев, их «образотворчество», в особенности скрытые и неуловимые мотивы загадочной трагической судьбы Бейрека, единственного, казалось бы, подвергнутого смерти положительного героя, как образец жестокого и неизбежного наказания за нарушение этических норм, внутренних законов и запретов огузского общества, и воспитание молодого поколения в духе неукоснительного соблюдения последних и преданности им.

Обращение к мифологическому опыту и «странствующим сюжетам», по определению специалистов, дают основание мифологу также утверждать, что ряд известных эпизодов из древнегреческого эпоса обнаруживает свои параллели в древнетюркском (огузском) эпосе. В Древней Греции, отмечает исследователь, боги по своему усмотрению решали судьбы героев. В огузском мире жизнь людей тоже могла быть устроена или разрушена где-то вдали от них и без них... Это предположение Камала Абдуллы, на наш взгляд, наиболее приемлемо к судьбе Бейрека.

«Языковиденье» и логика познания знаков явлений в системном изучении вопроса — немаловажный фактор, обеспечивающий творческий успех. «Явлений знак познай — и властен будешь», как сказал другой поэт и учёный Олжас Сулейменов («Глиняная книга»). Текст дастана с глубинным подтекстом, находящийся во власти его истинного знающего и ценителя, талантливого и опытного лингвиста Камала Абдуллы, предстаёт перед нами заново рождённым, в необычном, нетрадиционном изучении и философско-филологическом постижении.

С большим интересом воспринимаются мифологические варианты и параллелизмы, идентичности и расхождения, не ускользнувшие от меткого взора и профессиональной сноровки исследователя, выявленные им в контексте «бродячих сюжетов», а также логически обоснованные семантические лакуны, как скрытые причины и глубинные информации, служащие адекватному восприятию текста. Определение инвариантов, ведущих к первоисточнику, сходств и различий между сюжетными линиями, отдельными образами в греческой и тюркской мифологических системах дают возможность автору обозначить контуры дальнейших поисков в других мифологических системах – шумерской, китайской, индийской, египетской. И это очень важно. Как отмечает автор, сходства сближают эти линии в качестве вариантов, а различия между ними указывают на национальную специфику и самобытность каждой из них. «В этом сопоставлении Камал Абдулла обнаруживает весьма интересные и порой неожиданные параллели. К известному и напрашивающемуся сравнению Полифема и Тепегёза прибавляются до сих пор неизвестные Эдип и Бугач, Сельджан хатун и Елена Прекрасная, Салур Газан и Агамемнон, Бейрек и Антигона, Одиссей, Басат и Бейрек, Адмет, Геракл и Дели Домрул. Многообразие инвариантов определяет многообразие сюжетов, которые питали и продолжают питать мировую художественную литературу».¹

Таков литературный портрет, воссозданное в общих чертах новаторское решение научно-художественных тем, проблем и задач в творчестве поэта, прозаика, драматурга и учёного Камала Абдуллы.

2012

¹ Р.Бадалов. Прошлое, которое не остаётся позади // Вст. статья к кн. К.Абдуллы «Тайный «Деде Горгуд». Баку: Мутерджим, 2006.

ПУТЬ К ИСТИНЕ И СВЕТУ

Размышления о творческой личности Расима Бабаева

Лицом к лицу Лица не увидать. Большое видится на расстоянии...

Мне часто вспоминаются давно уже ставшие афоризмом эти известные поэтические строки, когда я думаю о своем брате Расиме Бабаеве – выдающемся азербайджанском художнике, ушедшем из жизни вот уж более пяти лет назад.

С течением времени я все больше осознаю величие духа этого независимого и свободолюбивого по природе человека, силу и мощь его таланта и мастерства, испытываю острую необходимость в постижении своеобразия его творческой индивидуальности сквозь призму своих воспоминаний, восприятия и оценок.

Расим был старше меня на двенадцать лет, и мне неведомо его детство. Зато очень памятны и незабываемы суровые годы второй мировой войны, отнявшей у людей нашего поколения все радости жизни. Юношеские годы Расима совпали с периодом тяжелых испытаний в военные и послевоенные годы. С юных лет он отличался твердым и непоколебимым характером. Был трудолюбивым и заботливым сыном и братом.

Вспоминаю его первые годы учебы в Бакинском художественном училище имени Азима Азимзаде, когда он заставлял нас с Чингизом (младшим братом) часами позировать, за исключением кратковременных перерывов, усаживал недалеко от своего мольберта и запрещал двигаться, чтобы не испортить задуманный им портрет.

И хотя нас это абсолютно не устраивало, мы вынуждены были слушаться. Своей серьезностью и требовательностью Расим внушал нам повиновение и даже боязнь. И мы старались вести себя достойно, чтобы не рассердить любимого брата.

В последующие студенческие годы в Москве (1949-1954) каждое лето Расим приезжал на каникулы в Баку, внося в семью оживление и радость. Несмотря на трудности, он никогда не терял своего лица, всегда был приветлив, любил шутить, рассказывал анекдоты, порой бывал ласков и весел, проявлял заботу о нас, в особенности был внимателен к матери. Никогда не забуду, как после окончания Московского государственного института имени В.Сурикова Расим, вернувшись в родной Баку, однажды получил заказ из Азернешра, согласно которому он был назначен художником-иллюстратором романа Р.Тагора «Крушение».

Получив свой первый большой гонорар, Расим решил устроить праздник для матери.

В тот незабываемый для нас день на голову нашей мамы посыпались деньги, которыми щедро одарил ее сын художник со словами:

– Мама, эти деньги твои, ты их заслужила...

Это был поступок, рожденный духом того трудного времени.

Простой, искренний и добродушный, Расим всегда бескорыстно помогал друзьям, делился с ними своим опытом и знаниями. И хотя официально он не подготавливал кадры в области искусства и живописи, однако оказывал посильную помощь молодежи, нуждающейся в его советах, приобщал любителей искусства к тайнам и секретам творческого мастерства, некоторых поддерживал даже материально, в чем когда-то сильно нуждался сам.

Диапазон и мировоззрение Расима были широкими, как и его душа. Неповторимый, интересный и содержательный человек, он производил впечатление ясно мыслящей, открытой и цельной личности, в нем личные качества и творчество дополняли друг друга.

Общение с ним всегда было отрадно и приятно, оно духовно возвышало и обогащало человека.

Его голос, звонкий смех от души, дружелюбное и заботливое отношение к нам дороги и памятны мне. Мы с ним

подолгу могли беседовать, что-то бурно обсуждать, высказывать свое мнение, а иногда даже спорить.

Очень интересным и незабываемым представляется мне выпавший однажды на мою долю счастливый период «бархатного сезона» на даче в Бильгя, когда я увлеченно работала над своей монографией, посвященной поэтической и научной деятельности поэта-тюрколога Олжаса Сулейменова.

Днем я обычно располагалась внизу на веранде, в тени и прохладе деревьев, а Расим работал наверху, у себя в мастерской.

Близился обеденный час. Расим, спустившись вниз и проходя по веранде, спросил:

– Yenə mütaliə?! (Опять чтение?!)

На что я ответила:

– Расим, согласись, что нам без этого не жить. Ведь именно благодаря чтению и новой информации и развивается человек, творческая личность в особенности.

Меня, как литературоведа, всегда интересовало отношение брата к мировой классике, к вопросам национальной литературы, а также к процессам и течениям, имеющим место как в искусстве, так и в литературе. Мы говорили о модернизме, символизме, магическом реализме и о многом другом.

Расим увлекался вопросами истории, хорошо ориентировался в географии, в классической музыке... Полемика с ним при таких обстоятельствах требовала известной смелости и решительности.

Бывало, Расим работал и одновременно слушал музыку. Его любимыми композиторами были Бах, Бетховен, Вагнер...

Иногда он проявлял интерес к моим музыкальным способностям, задавал вопросы:

– Скажи-ка, откуда это, из какого произведения и чье оно?

И только сейчас, спустя много лет, я могу сказать, что в лице своего брата я потеряла большого человека, искреннего друга и единомышленника.

В молодости Расим, как я помню, часто подвергал себя различным испытаниям, набирался опыта и экспериментировал, иначе говоря, пребывал в творческом поиске. И не случайно, находясь уже в зрелом возрасте, он поместил на двери своей мастерской мудрое изречение арабского философа Ибн Якзана Туфейли, избрав его девизом своей творческой жизни.

Ведь кто не сомневается,
Тот не ищет истину.
Кто не ищет истину,
Тот не прозревает.
Кто не прозревает,
Тот остается в слепоте и колебании.

Я – свидетель его ранних творческих поисков, когда Расим увлекался одним из ярких плодов Абшера – тыквой (balqabaq). Его увлечение, возможно, навеянное «Подсолнухами» Ван-Гога, я могу определить как «сезон тыквы». В тот период от тыквы всех форм и размеров на нашей кухне не было места (тогда еще у Расима не было мастерской). И он все рисовал и рисовал их... Потом неожиданно начинал тщательно смывать (в то время был дефицит холста) яркие мазки и краски.

В конце концов эти неоднократные сцены уничтожения «искусства» на глазах стали раздражать нас. И однажды наша мама уже не выдержала:

– Ай Расим! Почему ты смываешь то, над чем работаешь часами?! Неужели ты стал таким бездарным?!

Но это был истинный поиск самовыражения, поиск символического отражения своеобразной цветовой гаммы Абшера – края Солнца и Первородного Огня, глубокое постижение которого и привело его уже в зрелом возрасте в

сказочно-волшебный мир чудовищных и магических дивов, привидевшихся ему когда-то во сне, как он сам рассказывал, и вскоре вошедших в его реальный мир как любимые символические образы. Осмысливая сейчас этот изнурительный труд своего брата, я понимаю, что, очевидно, это и есть тот путь к истине и свету, который является важным фактором, предопределяющим развитие творческой личности.

Расим был фанатично предан живописи. В безграничной любви к искусству, организации, дисциплине труда и трудолюбию кроется секрет его необыкновенной продуктивности. В таком же духе он воспитал и своих сыновей, трудолюбивых и организованных, влюбленных и преданных тому делу, которому они посвятили себя.

Старший сын, Эльнур, – последователь своего отца – художника с генетически врожденным талантом и любовью к искусству, младший – Чингиз – тоже всецело занят созидательным трудом. Он инженер-строитель.

Не могу не отметить роль и заслуги Саиды ханым, на долю которой выпало счастье и вместе с тем ответственность, очевидно, предначертанные нелегкой судьбой, быть женой и сподвижником большого человека. Как истинная хранительница семейного очага, добропорядочная и благородная женщина, воспитанная в аристократическом духе, она была верным и преданным другом Расима, взяла на свои плечи все житейские заботы и посвятила себя семье, воспитанию детей.

Несмотря на то, что Расим формировался в условиях советской действительности, он был далек от ее идеологии, никогда ни перед кем не преклонялся. Жизнь и творчество Расима, протестанта по природе и свободолюбивого по духу человека, была, в сущности, протестом и борьбой против злых сил. Наглядным примером служит известный цикл дивов...

Не случайно он, родившийся в год Дракона, уподоблял себя последнему и на стене дачи ярко изобразил свой

символический образ в форме громадного огнедышащего дракона.

Творчество было образом жизни Расима. Он всегда предпочитал свободное творчество и твердо придерживался избранной позиции.

Неоднократно его приглашали читать лекции в Бакинский университет культуры и искусств и даже в зарубежные страны. Однако эти приглашения были чужды его природе, и он всячески отклонял их.

Говорят, что Расим, с детства увлекающийся рисованием, был противником уцелевших листов в тетрадах (как видно, в период дефицита бумаги). Вот почему он часто использовал, белую стену на заборе нашего дворового дома для своих рисунков, и наиболее – портретов.

Тяга к рисунку и привычка вынужденного художественного изображения на стене, заменяющей ему бумагу, с годами превращается в большую любовь к большому искусству. И по старой памяти на белых стенах его дачного дома находят свое отражение настоящие живописные картины, нарисованные уже не углем, как в детстве, а масляными красками – «Старый садовник», «Адам и Ева», яркие, красочные, причудливые дивы...

Не мыслящий себя без родного Абшерона, он был крепко привязан к своей родине, земле, природе. С большой любовью, без усталости он трудился на даче, получая удовольствие от этого. Он обладал редкой способностью смотреть на себя со стороны – таким образом лучше видел не только себя, но и свою нацию, свой народ. Часто вспоминал сатирические стихи М.А.Сабира, ставшие всенародными, любил юмор «молланасреддиновцев», в особенности высоко ценил творчество А.Ахвердиева и М.А.Сабира, горький юмор и смех сквозь слезы «плачущего смехача».

На полотнах Расима Бабаева открыто и явно прослеживаются элементы народного юмора, фольклорные и мифологические мотивы. «Народные мотивы, мифологические

символы занимают важное место в моем творчестве», – признавался он.

Он в равной степени, как отмечал сам, постигал культуру Востока и Запада. Любимые образы художника-живописца Расима Бабаева – неземные чудодейственные дивы, драконы и ангелы, часто изображенные в действии. Танцующие, отдыхающие, спящие, сердитые, плачущие, задумчивые, воинствующие, атакующие... – они разнохарактерны, с положительными и отрицательными эмоциями, ассоциирующимися с людскими, часто символизирующими человеческие злодеяния и беды.

В 2007 году на международной выставке рисунка в Галерее Сотби в Лондоне Расим Бабаев одолел самую высокую планку. Но к тому времени он уже давно был известен как мастер-художник во многих музеях и выставочных салонах мира.

О жизни и творчестве Расима писали многие искусствоведы, известные авторы, писатели и публицисты. Достаточно вспомнить имена заслуженного деятеля искусств Российской Федерации Григория Анисимова, писателя-публициста Эльмиры Ахундовой, члена-корреспондента НАН Азербайджана, ученого-химика Олега Нариманбекова.

Издана книга с репродукциями картин Расима, сняты и сохранились телефильмы и телепередачи, посвященные его жизни и творчеству, готовится к изданию книга о большом художнике, в Интернете на сайте Расима Бабаева помещены репродукции его многочисленных картин.

Но я особо хочу отметить большие заслуги талантливого искусствоведа, писателя-публициста Сары Назировой (известной как Сара Огуз – *Авт.*), давно и на высоком профессиональном уровне занимающейся исследованием творческой жизни Расима Бабаева, и, кстати сказать, не только его одного, а всех художников Абшерона.

В 2008 году в связи с годовщиной со дня смерти Расима на радиостанции «Азадлыг» шла передача, посвященная жизни и творчеству Расима Бабаева. В передаче принимали

участие Сара ханым, известный скульптор Фазиль Наджафов, один из близких друзей Расима и я. Никогда не забуду, как в тот день Сара ханым с такой душевной теплотой, искренне и впечатляюще рассказывала о Расиме, о прекрасных человеческих качествах, светлых помыслах и благородстве этого незабываемого человека, его страстной кисти и яркой палитре, искусстве, наводящем на размышления... Она говорила без устали, вдохновляя нас и втягивая в непринужденный разговор. Интересной и содержательной получилась наша беседа, построенная на основе воспоминаний и в форме диалога. Сохранился диск с записью той радиопередачи и памятной встрече.

В 2012 году в Киноцентре Низами состоялась успешная презентация фильма «Шагнувшие за горизонт». Автором сценария фильма, повествующего о художниках Абшерона, является Сара Огуз, режиссер – Шамиль Наджафзаде.

Думаю, этот фильм достоин вхождения в золотой фонд искусства и культуры не только Азербайджана, но и мира.

Говорят, что настоящий интеллигент должен быть слышащим ухом, видящим глазом, мыслящим мозгом народа. Бессмертен человек, который справляется с этой миссией и умеет своим трудом и благими делами служить своему народу и всему человечеству.

Я могу быть уверена, что своими творениями и большим искусством Расим Бабаев завоевал себе славу и бессмертие.

***P.S.** Громадный речной камень (глыба) на могиле Расима в поселке Мардакян является символом его величия – как человека и художника.*

2013

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Полувековая исповедь мастера перед зрителем

У человека есть высокое духовное предназначение. Сказать об этом средствами искусства, по моему, задача достойная, благородная для художника...

Расим Бабаев

Под таким названием увидела свет книга-альбом объемом в 423 страницы, посвященная творчеству народного художника Азербайджана Расима Бабаева, сопровождающая одноименную выставку, организованную Министерством культуры Российской Федерации, Государственным музеем Востока при поддержке Фонда Марджани. Выставка проходит в Москве и продлится до 10 ноября.

В книге «В поисках истины» представлено колоссальное творческое наследие выдающегося художника, состоящее из графических и живописных произведений. В каталоге представлены известные линогравюры из серии «Дашкесан», «Локбатан», «Сумгайыт», «Черный город», «Хыналыг» и свыше 300 живописных творений мастера. Это – полувековая исповедь мастера перед зрителем.

Расим Бабаев – яркий, самобытный художник XX века, неистовый и «внутренне не зависимый от стереотипов и догматов времени», сложный и трудный для восприятия. Поистине в нем ощущалась сила и непреклонность мудрого человека, натуры цельной и наделенной неподдельным интересом к жизни во всей ее полноте.

Во введении читаем: *«На протяжении всей своей жизни неутомимый новатор и талантливая, яркая личность, Расим Бабаев неоднократно подвергался критике. Но, в отличие от многих друзей и единомышленников, он уже при жизни сумел оценить, что такое слава, всеобщее признание, большой успех. Его картины украсили многие*

музеи, частные коллекции, престижные галереи Европы, его выставки проходили во Франции и Германии, в Финляндии и России. Имя художника неизменно включается в иностранные словари и энциклопедии по искусству».

Незаменимыми и важными штрихами к творческому портрету Расима Бабаева представляются его размышления о себе: *«Я не знаю счастья выше, чем закрыться в мастерской и работать. Пишу запоем, забывая о сне и еде. В это время я не думаю, поймут меня или не поймут, нужно то, что я делаю кому-то, или это будет встречено полным неприятием. Я широко использую в работах сказочные, фантастические представления о делах чисто земных».*

Композиция книги очень цельная. В ее разделах поэтапно прослеживаются и подвергаются анализу 40-50-е годы прошлого столетия – период его учебы в Бакинском художественном училище имени Азима Азимзаде, отмеченный фанатичной преданностью студента своему ремеслу, и в Московском государственном художественном институте имени В.И.Сурикова, с характерными эпизодами студенческих лет, связанными с противоборством требованиям соцреализма.

Затем периоды становления, зрелости – 1990-2000 годы рассматриваются в отдельных статьях (их авторы – Дилера Вагабова, Анета Георгиевска-Шайн, Светлана Хромченко).

Емкие и целенаправленные статьи сопровождаются многочисленными репродукциями линогравюр и картин Расима Бабаева, придающих альбому необычайную яркость, неповторимую красочность и вместе с тем свежесть восприятия и ощущений.

Чрезвычайный интерес вызывают мысли и суждения, воспоминания и впечатления, откровения и оценки самого Расима Бабаева, раскрывающие внутренний мир, личностные качества художника, познание им окружающего мира, поиск и постижения. Перед нами оживают далекие мгновения пережитого и собственных неожиданных открытий.

Полвека спустя художник вспоминал: *«Изучая живопись, я почти каждый день посещал Пушкинский музей искусств. Любовался картинами великих художников... они вдохновляли меня».*

Особое впечатление оставило и посещение запасников Эрмитажа: *«Мне открылось искусство свободных художников – Сезанна, Матисса, Шагала, – вспоминал впоследствии Р.Бабаев. Все они были в то время запрещены и считались чуть-ли не преступниками. – Их произведения сильно на меня повлияли – в сознании произошел перелом».*

Раскрытие внутреннего, психологического состояния души очень часто помогает нам в осмыслении живописных полотен и творений художника, в частности таких шедевров, как «Кровавый генерал», «Разъяренный див», «Воин», «Убийство», «Протест», «Волчица» и многих других.

Настоящей школой для Расима, как признавался он сам, были древние росписи Дворца шекинских ханов, подлинной жемчужины азербайджанского зодчества и монументальной живописи.

В 60-е годы, с наступлением перемен и появлением новых тенденций в искусстве, Расим Бабаев стал с неистовством самостоятельно осваивать различные техники резцовой гравюры, и прежде всего – линогравюры.

В итоге появились графические циклы, не имеющие себе равных не только в азербайджанской, но и в мировой графике («Сумгайыт», «Черный город», «В горах Дашкесана», «Хыналыг», «Гобустан» и другие).

Со временем неутомимый художник-поисковик полностью переключается на живопись и рисунок. Многие работы 60-х годов – «Алоэ», «Земля», «Небо», «Пробуждение» и ряд других ярких и оригинальных произведений, отмеченных печатью индивидуальности художника, находятся в крупных государственных коллекциях – в Музее искусств Азербайджана, Государственной Третьяковской галерее и других.

Легендарные герои у него всегда – сильные личности, торжественно стоящие перед зрителем. Располагающиеся в живописных и графических композициях, как правило, на переднем плане, они пронзают нас своим грозным взглядом. Лаконично, без ложного пафоса художник создал мощные образы народных мстителей поистине эпического масштаба. *«В картине «Гачаг Наби», – признавался Расим Бабаев, – я хотел воплотить лучшие черты, присущие моему народу: доброту, мужественность, твердость, мечтательную поэтичность. Исходный замысел подсказал композицию картины – фронтальную, с выдвинутыми на первый план фигурами, и цвет – интенсивный, насыщенный. Мне кажется очень важным, чтобы картина стала целостной и завершенной системой, живущей по своим собственным законам.*

... Почему меня на протяжении многих лет привлекает тема Адама и Евы? Я вижу в решении этой темы самые широкие возможности, ведь в изобразительном искусстве издавна известен прием замены одного предмета другим, – объяснял свой выбор художник. – В мусульманской мифологии первый человек – Адам – соответствует библейскому Адаму. В Сикстинской капелле Ватикана Микеланджело откровенно любит прародителями человечества. Что было, что есть и что может случиться с родом человеческим – может быть, так мог бы я кратко сказать о смысле своей серии работ...»

С годами живописец уделяет особое внимание средствам художественной выразительности. Развитие художника происходило в направлении разработки новых элементов языка живописи. Вскоре у него появляется цикл картин, созданных по одному принципу: каменные фигуры-монстры аллегорически выражают определенные эмоциональные состояния («Пробуждение», «Идиот», «Агрессия», «Истерия», «Марш экстремистов», «Воспоминание о Гобустане»). В них заключены протест и угроза.

К концу 60-х годов Расим Бабаев все больше задается морально-философскими вопросами: кто мы, чем живем, каковы наши жизненные ценности?

Подавляющее число работ, созданных в 1980-е годы, посвящено дивам – могучим уродливым чудищам, что в причудливо эпатирующей форме олицетворяет зло, разрушительное начало. Известно, что в мифологии образ дива, широко распространенный в литературной и изобразительной традиции народов Среднего и Ближнего Востока, олицетворяет не только злое, но и доброе начало.

Расима Бабаева, по собственному признанию художника, «меньше всего интересует бытовая сторона жизни человека, а больше занимает сфера нравственная, духовная, социальная». Галерея дивов в творчестве Р.Бабаева – это типология человеческих пороков. Сам художник не раз говорил, что с детства общается с дивами, видит их, повсюду ощущает их присутствие. Еще в молодые годы Р.Бабаеву довелось иллюстрировать детскую сказку «Джыртдан» (первое издание датируется 1956 годом), в которой маленькому мальчику Джыртдану удастся победить большого дива с помощью хитрых уловок.

В книге див – волосатое, страшное чудовище, которое пожирает детей. *«После этого, – вспоминает художник, – див стал символом зла в моих картинах, символом диктатуры. ... И пока в мире существует диктатура, этот див всегда будет появляться в моих работах».*

Див – вечен и вездесущ. До последних дней он будет сопровождать художника в его произведениях. Однако именно в 80-е годы этот образ приобрел у Р.Бабаева характер агрессивный, необузданный и одновременно глубоко страдающий. Это было словно предвидение. Иначе откуда эта крайняя степень экспрессии в холстах? Эти оскалы, красно-черные образы, наконец – сами мотивы, которые спустя несколько лет станут весьма актуальными.

Произведения, созданные в 90-е годы, начавшиеся с трагических январских событий в Баку, принципиально от-

личаются от всего, что сделал художник в предыдущие десятилетия. Чувства гнева и боли, обиды и унижения обрели в картинах Расима Бабаева обличие трагических образов: генерал в облике дива, волчица, дивы и вопиющие женщины, прародители человеческого рода Адам и Ева с ужасом в глазах, скорчившаяся, беспомощная лошадь, осел, лежащий на спине и бьющийся в конвульсиях, плачущий ангел, молитва, обращенная к небесам...

Наряду с этим в творчестве художника находит свое отражение и тема беженцев у себя дома, как исключительная и наводящая на серьезные размышления.

Поразительно, как посреди того политического, экономического и морального хаоса, под знаком которого проходили 90-е годы, мы вдруг находим какой-то оазис благодати, где все пребывают в полном согласии друг с другом. Как будто художник успокоился, получив, наконец, ответы на свои вопросы. Нет, мир не стал лучше. Он все так же несовершенен, и мы не в силах изменить его. Но мы можем создать гармонию внутри самих себя, в наших силах молиться – за себя и свою землю...

Примечательны композиции-письмена, созданные в этот период. Эти возгласы и слова, заимствованные из Корана, предстают как некий предел развития – духовного и художественного. Каждый холст или лист будто созданы в едином порыве, в состоянии абсолютного просветления и полного осознания раскрывшейся Истины: Аллах велик!

Основное тематическое ядро по-прежнему составляют «старые друзья» – персонажи, с которыми художник фактически прожил всю свою жизнь. Только все более безобидными становятся дивы, и мир в целом представляется менее порочным...

Год за годом художник как бы поднимается все выше и выше над мирской суетой, и то, что раньше приносило ему огорчения, теперь уже не имеет значения. Все чаще он начинает концентрировать внимание на одном герое – себе

самом. Его автопортреты последних лет, сделанные тушью или битумом, – воплощенная свобода духа.

Все большие мудрецы рано или поздно приходят к одной и той же Истине.

Ярко, полнокровно и живо представлен в книге творческий портрет Мастера, обессмертившего себя своими неповторимыми и бесценными творениями.

2013

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

В современной азербайджанской литературе особого внимания заслуживает исторический роман.

Большой интерес представляют исторические и историко-этнографические романы Азизы Джафарзаде, посвященные выдающимся деятелям литературы и искусства Азербайджана, в частности, роман «*Aləmdə səsim var mənim*» («Звучит повсюду голос мой»), в котором повествуется о жизни и деятельности азербайджанского поэта-просветителя XIX века Сеид Азима Ширвани.

В этом многоплановом романе находят свое отражение социально-общественная и духовная жизнь эпохи, борьба нового со старым, пробуждение народного самосознания, тяга простых людей к знаниям, зарождение первых музыкально-поэтических меджлисов и школ с новым типом обучения в жестких условиях господства религиозного фанатизма, от которого в особенности страдали бесправные женщины.

Роман начинается с впечатляющего эпизода. События разворачиваются в доме известного мецената и покровителя талантов, знатока азербайджанской музыки Махмуда-аги, друга и современника Сеид Азима Ширвани.

Молодой поэт, приглашенный на музыкально-поэтический меджлис в доме своего друга, был ошеломлен чарующим танцем красавицы Соны.

Сеид Азим ощущал двойственность, разлад с самим собой. В мозгу жили догмы, считающие грешным этот танец, грешной женщину, танцующую перед другими людьми.

Но разве могут такая красота и гармония быть грешными?

Сеида Азима потрясло увиденное и услышанное, сомнения смущали его душу.

«Если ты приносишь человеку радость, на время заставляешь его забыть о заботах повседневной жизни, почему, почему твое искусство, твой дар – это грех? Сона! Почему ты считаешься низшим существом?

Почему «чанги-развратница»? Почему «чанги-бесстыжая»? Почему грешно смотреть на тебя, наслаждаться твоим волшебным танцем? Чем райские гурии отличаются от тебя? Только тем, что они обещаны на том свете, а ты, Сона, здесь, рядом...

Сеид Азим понимал, что мысли его – богохульство, но не мог не сомневаться. В нем будто спорили два различных человека, противоречащих один другому».¹

Часто раздумья Сеида, находящегося на великом и тяжком пути служения народу, передаются посредством внутренних монологов, раскрывающих его волнение по поводу собственной выдержки и стойкости «если его забросают камнями», и вместе с тем – готовность к самопожертвованию во имя служения своему народу.

«Ты больше не принадлежишь себе, Сеид!

... Никаких иных ценностей, кроме моей жизни, у меня нет. И ее, как жертву, я приношу к твоим ногам, мой народ! Постараюсь вывести твоих детей на правильную дорогу знаний».²

Такова была торжественная клятва поэта, устремленного к великой цели – изучению наук:

«Постарайся достичь совершенства во всем:

Изучая науки, мы духом растем».

Эти строки поэта-просветителя стали символом и девизом духовного роста человека.

Сеид Азим придавал важное значение изучению наук, и часто говорил своим ученикам:

«Дети, мое первое вам наставление: изучайте науки. В

¹ А.Джафарзаде. Звучит повсюду голос мой. М., Советский писатель, 1981, с.1.

² Там же, с.134.

самом Коране пророк говорит: «О, Аллах! Умножь мою науку. Наука – светильник ума».

... Знайте, что красота человека не в украшениях его одежды, а в его образованности и воспитанности. Знания приобретают не состоянием, а старанием. Не хвастайтесь тем, что ваши родители беки или купцы.

Человека четыре вещи ведут к совершенству: верное слово, доброе дело, хороший характер и высокая ученость».¹

В целях полнокровного воссоздания образа выдающегося азербайджанского поэта-классика С.А.Ширвани автор, отличающийся своеобразной творческой манерой и использованием художественного вымысла в историческом русле повествования, умело вводит в общую линию развития сюжета образы Соны и Тарлана, их несостоявшуюся, запретную любовь и переписку, устроенную Сеид Азимом, их другом и покровителем, принимающим активное участие в трагической судьбе двух любящих сердец. В этих письмах находят свое яркое отражение гуманизм поэта, его надежды и мечты.

В романе «Звучит повсюду голос мой» авторский замысел не ограничивается лишь воссозданием образа прогрессивного азербайджанского поэта XIX века С.А.Ширвани. Большое внимание уделяется историческому фону – шемахинской среде, караванным дорогам и путям, торговым и культурным связям этого богатого древнего края в свете социально-общественных и литературно-культурных событий, живописных и впечатляющих этнографических зарисовок и полотен, интересных и познавательных экологических сведений и сообщений.

Под ее умелым и талантливym пером оживают страницы далекого и близкого прошлого, чему немало способствует своеобразный литературный прием – создание эффекта присутствия и участия в событиях самого автора, а

¹ Вышеуказанный роман, с.160.

также частое обращение к читателю, к своему собеседнику или спутнику, что усиливает его интерес и внимание к происходящим событиям.

Повествование А.Джафарзаде возвращает нас к прошлым векам, перед нами оживают картины прошлых и далеких дней: годы стихийных бедствий, землетрясений в Шемахе, тяжёлые голодные годы и связанные с этим трагические последствия.

Жанровое своеобразие, выраженное в преобладании художественного вымысла над исторической достоверностью, прослеживается и в историческом романе «Баку–1501», в котором неоднозначно воспринимается образ Шаха Исмаила Хатаи, нередко пытающегося разобраться в себе, в своих ощущениях и действиях как государственного деятеля и как поэта.

С детских лет не по возрасту развитый и любознательный, к тому же отличающийся смелостью и решительностью, он, по собственному признанию, неоднократно совершал ошибки на своем жизненном пути. Очевидно, и псевдоним шаха Хатаи (от слова хата – ошибка) не случайно был избран им.

Раскрытие сложного психологического состояния героя, подвергающегося противоречивым идеям и устремлениям, служит целенаправленному воссозданию сложного и противоречивого характера и образа Шаха-полководца и воина, прогрессивно мыслящего поэта и борца за единение своей страны на основе единой веры и единого языка.

«Первая кровь ослепила его, затуманила совсем еще детский разум, сосредоточив все мысли в одной точке, и стерла зародившиеся было в сердце юного поэта чувства изумления и жалости. И впоследствии эти испытанные в день первого убийства чувства, хотя и пробуждались время от времени в его сердце на поэтических и музыкальных меджлисах, беспокоили его, но на поле боя они не возника-

ли уже никогда...»¹

Сюжет романа «Баку-1501» построен на отдельных эпизодах из жизни Шаха Исмаила Хатаи – «военачальника, в 14 лет сумевшего покорить четырнадцать провинций, государя и автора утонченных любовных газелей и «Дехнаме» – поэта Хатаи.

В бесконечные часы молитв и поклонов Исмаила не покидали долгие мучительные мысли, лишаящие его покоя:

«Как, по какому праву я именем создателя уничтожал и призывал уничтожить его же творения? Меня охватывает ужас, дедушка! Я пытаюсь заглушить свое горе кубками, залить поднимающийся в сердце бунт. Вдохнови же меня на познание истины! После утреннего мороза я отвезу на родину ваши священные останки: твои и моего отца, Шейха Гейдара, чье лицо вспоминается мне с трудом.

Я клянусь до последнего вздоха убежденно распространять вашу веру, во имя которой мы безропотно приносим жертвы и погибаем! Пока рука моя в силах держать меч, не выпущу его, не вложу в ножны. Я продолжу ваше дело, но я... я объединю разрозненную родину насколько смогу, усилю ее мощь, прославлю наш язык, поэзию на весь мир, открою двери дворцов ашыгам... Не знаю, так ли вы думали, так ли хотели – ты и отец. Но я должен думать о будущем».²

Шах Исмаил оставался для многих непостижимым, как человек, божественным языком воспевающий вечную человеческую любовь, высокую, как небо, верность, и как жестокий и грубый завоеватель, проливающий невинную кровь.

После предпринятого им похода из Ардебилля в Ширван Шах Исмаил решил двинуть свои войска по направлению к бакинской резиденции Ширваншахов. В отличие от исторического романа-дилогии Ф.Керимзаде («Мост Ху-

¹ А.Джафарзаде. «Баку-1501». Баку, Язычы, 1989, с.49.

² Там же, с.99.

даферин» и «Чалдыранская битва»), в романе Азизы Джафарзаде отсутствует знаменитая Чалдыранская битва. Если Ф.Керимзаде строго придерживается исторического хода событий, задается целью в хронологической последовательности изобразить жизненный путь Шаха Исмаила Хатаи, то в романе А.Джафарзаде «Баку-1501» находит свое отражение взятие Баку и героическая осада Бакинской крепости.

Однако автор не ограничивается этим историческим фактом, старается осветить в историческом русле события, произошедшие в судьбе Шаха Исмаила со дня его прихода к власти и до конца его короткой жизни государя-полководца и поэта в виде отдельных эпизодов. К тому же она избегает односторонности в изображении образа, наделив его как достоинствами, так и недостатками.

В эпилоге же упоминается о роковой Чалдыранской битве и излагается истинная причина первого поражения в бою Шаха Исмаила, прославившегося как смелый и бесстрашный, непобедимый воин и полководец. Там же говорится, что Хатаи, возмужав, приложил много усилий к тому, чтоб не было войны.

Однако они оказались тщетными, ибо окружающие его люди, плетущие интриги за его спиной, а в лицо — льстиво улыбающиеся, пытались сравить его с соседями, особенно с Султаном Салимом, направив ему от имени Шаха Исмаила оскорбительные письма и «подарки».

Так он оказался втянутым в роковую Чалдыранскую битву со сотысячным войском Султана Селима.

«Давайте встретим Салима в пути, нападём на него внезапно, ночью, - посоветовали они.

И так как это было неприемлемо для Шаха Исмаила, то он ответил: «Я не разбойник, грабящий караваны. Мужчина должен по-мужски встретить врага на поле боя, один на один».

Кроме того, он, как выясняется из эпилога, дал врагу и возможность подготовиться к бою, за что жестоко попла-

тился, навсегда запятнав свое имя.

Примечательно, что Азиза-ханым очень тонко и проникновенно передает его чувства и ощущения как государя и как поэта – человека с трагической судьбой.

«Вот уже 14 лет минуло после Чалдыранской битвы. И ни разу до сих пор никто не увидел улыбки на моем лице, навсегда легла на него тень печали. Потому что это я, я сам, воодушевленный своими победами и завоеваниями, уверовав в свою непобедимость, выступал с меньшим по численности войском и допустил ошибки, обрекшие меня на вечные муки.

Я доживаю последние дни своей жизни, дорогие мои потомки!

За свою короткую, отпущенную мне богом жизнь, я сделал для вас все, что мог. Я старался силой меча объединить наш истерзанный край – вот на что были направлены все мои завоевания».

Автору удается в равной степени воспроизвести как образы реальных исторических лиц, так и вымышленных героев, в основном удачно вписывающихся в историко-художественную канву произведения и обогащающих его сюжет.

Историко-этнографические романы А.Джафарзаде – неоценимая летопись как исторической, так и этнографической памяти народа.

«Со дня основания Вселенной человечество всегда стремилось к свободе, счастливой жизни и всегда жило этими идеями, во имя которых приносило бесчисленные жертвы». Эта мысль, принадлежащая самой А.Джафарзаде, могла бы стать эпиграфом ко всем творениям писателя, раскрывающим их общечеловеческую идею и направленность.

Мастером исторического романа в современной азербайджанской прозе по праву считается Фарман Керимзаде, завоевавший любовь и признание читателей и зрителей прежде всего своим историческим романом «Снежный перевал», повествующим о сложном историческом этапе –

коллективизации в деревне при советской власти.

Своей писательской интуицией Ф.Керимзаде раньше всех почувствовал пустоту и мифичность «красного табора» как «красного миража». Он показывал народу истину по ту сторону перевала, назвав «Снежным перевалом» людской поток, сползающий от бекства к рабству.

«К вам друг приехал, хозяин, – сообщает ему часовой, стоящий у порога.

Кербалаи Исмаил полулежал на мутаках – продолговатых подушках, лениво перебирал четки. В печи трещал огонь.

– Кто это мой друг? – спросил Кербалаи.

– Аббасгулубек.

Кербалаи Исмаил, успокоившись, прошелся по комнате. Узоры его шерстяных носков слились с узорами ковра, которым был устлан пол.

Так обычно бывает: впереди потока плывут щепки, куски дерева. Только сильный поток может принести огромное дерево. Теперь все наоборот: они бросили вперед огромное дерево. Видимо, хотят сказать, что приезд Аббасгулубека – только цветочки. А ягодки будут потом. Что заставило их пойти на этот шаг? Может, решили уважить меня и оттого послали Аббасгулубека. Пока я сидел тихо, никто не вспоминал об уважении. Унижали, подкапывались под меня, и только поняв, что я не раздавлен, что я осознаю происходящее вокруг, решили оказать внимание».¹

Ф.Керимзаде – художник по своему мышлению, поэт по чуткости и нежности ощущений, привнесший в современную прозу свежее и смелое по духу изображение социально-общественной жизни в 30-е годы.

Вместе со своим героем Кербалаи Исмаилом – неподдающимся беком, автор высказывает свою неприязненность к советской власти:

«Что правительство, какое правительство? Я такое

¹ Ф.Керимзаде. Снежный перевал. Баку, Гянджлик, 1988, с.17-18.

правительство не признаю!»

В истории каждого народа есть незабываемые страницы и есть люди, считающие своим гражданским долгом восстановить их в памяти своих современников и сохранить в памяти потомков, как это удалось осуществить Ф.Керимзаде, создавшему фундаментальный исторический роман-диологию “Xudafərin körpüsü” («Мост Худаферин») и “Çaldıran döyüşü” («Чалдыранская битва»), основанных на глубоко изучении исторического материала.

В романе «Мост Худаферин» изображаются годы детства и юности Шах Исмаила Хатаи, его борьба за власть. Особое внимание уделяется историческим условиям и среде, в которых формировалась личность могучего Хатаи – полководца и выдающегося поэта.

Исмаила всегда беспокоила мысль о совместимости меча и пера.

... Он всегда считал своим священным долгом продолжить путь отца и деда, претворить в жизнь их мечту.

«... Если он избавит себя от этого, испугается, то потеряет доверие всех мюридов. Станет в роду самым трусливым человеком. Нет, он не свернет с этого пути и осуществит желание своих предков. И умереть на этом пути, как его родственники, братья, не так уж страшно для него. Эта мысль, идея, так сильно укоренилась в его сознании, что никак от нее не избавиться. Но если наряду с этим он к тому же наделен поэтическим талантом, то почему бы не принять с любовью этот божий дар? А коль речь идет о единстве меча и поэзии, то в «Шахнаме» сотни человеческих голов было срублено. Сколько крови пролил Рустам Зал? Поэт же его прощает, так как Рустам боролся за освобождение своей родной земли».¹

В неравном бою, внезапно оказавшись перед мощной и зловещей армией коварного и хищного Султана Селима, не принявшего его дружеских предложений и устроившего

¹ F.Kərimzadə. Xudafərin körpüsü. Bakı, Yazıçı, 1982, s.255.

неслыханное побоище, Шах Исмаил проявляет мужество и доблесть, смелость и отвагу, и сражает своим легендарным мечом лучших полководцев и воинов противника.

«В глубине своего сознания Шах Исмаил понимал, что допустил ошибку. Он понимал, что променял полководцев на богатырство. Он должен был наблюдать со стороны и управлять этой грандиозной битвой. В данный момент же он представил все своей воле. Хотя где-то он и находил для себя и оправдание. Так как в таком неравном бою он непременно личным подвигом должен был возбудить войско. Теперь же оно проникалось чувством жалости и сострадания».¹

Трудным и мучительным был путь становления и формирования Шаха Исмаила Хатаи, с детства избравшего путь служения высоким идеалам.

Он пришел в этот мир с миссией претворить в жизнь мечты и устремления сефевидов – объединить все разрозненные земли Азербайджана и создать единую страну на основе единой веры.

Мост Худаферин, разделявший земли Азербайджана на границе, открыть заново для своих соотечественников, превратить его в действующий путь, ибо это самая важная проблема, которую выдвинула сама история. Под гызылбашским знаменем Шах Исмаил 15 лет (1501-1516) неустанно с помощью меча объединяет Ширван, Дербент, Баку и Карабах с южными областями Азербайджана и создает мощное государство.

Реально оценивая обстановку, условия жизни и мнения людей, их веру и убеждения, он видел возможность независимости своей родины лишь в шиитстве.

«Я никогда не соглашусь стать суннитом. На юге Баязид (Султан Селим) растворит нас в себе, – твердо решает Шах Исмаил, думая о независимом Азербайджане».

В романе-дилогии Фарман Керимзаде, в отличие от

¹ F.Kərimzadə. Çaldıran döyüşü. Bakı, Yazıcı, 1987, s.286.

других авторов, воссоздающих образ Хатаи или же обратившихся к мотивам загадочности и непостижимости Шаха Исмаила, наиболее полно с исторической достоверностью и подлинностью излагает основные события и эпизоды, имевшие место в жизни этого уникального человека.

В историческом романе Ф.Керимзаде прослеживается весь жизненный путь справедливого правителя, его духовно-нравственные качества, борьба со взяточничеством, с нечестностью и разбоем, с безыдейностью, нетерпимость к предательству и измене родине.

В «Чалдыранской битве» находят широкое отражение и нравственно-психологическое состояние и взаимоотношения героев, находящихся в окружении Шаха Исмаила, близких и родных для него людей, к советам которых он прислушивался и часто прибегал к их помощи, даже в вопросах личной жизни.

Благодаря идее о двойнике Шаха Исмаила во избежание опасностей и угроз и с целью сохранения и продления жизни Шаху, которую предложил дальновидный и предприимчивый Гусейн Бек Леле – преданный друг семьи и опекун Исмаила, был осуществлен план двойничества и им же найден двойник – простолюдин по имени Хыдыр, заменивший Шаха в последний момент после ранения в Чалдыранской битве.

Ярко и убедительно воссозданы в романе образы Султана Баязида, его сына, коварного и жестокого Султана Селима Баязида.

Роман-диалогия Ф.Керимзаде отличается исторической достоверностью и реалистическим отражением общественно-политической среды в эпоху Шаха Исмаила, убедительностью описания древних исторических памятников, крепостей и особенностей тех мест, где происходили исторические события.

Примечательно, что задолго до написания исторических романов Ф.Керимзаде и А.Джафарзаде, посвященных выдающемуся политическому деятелю и поэту Шаху Исма-

илу Хатаи, было написано произведение “Qızılbaşlar” (конец 60-х – начало 70-х годов) – исторический роман Алисы Ниджата.

Начинающийся с воспроизведения эпохи Хатаи – сложных и напряженных исторических событий, династийной борьбы за власть с целью объединения Азербайджана и обеспечения в нем единства веры и языка, роман отличается динамичностью сюжета, что находит свое отражение и в главах романа – Гилян, Ширван, Тебриз, Чалдыран...

Образ Шаха Исмаила Хатаи раскрывается в ходе и на фоне исторических событий, вместе с тем в романе прослеживается и углубленный психологизм в изображении характера исторического героя, формирования склада мышления и мировосприятия талантливого поэта-ашуга, целеустремленного и деятельного полководца, одержимого идеей объединения своей родины.

Обращаясь мысленно к Азербайджану, его народу, он часто повторял:

«Клянусь земле, с которой смешались кости моего отца, брата, я поведу тебя вперед. И даже насильно избивая и убивая, я поведу тебя вперед. Я верну тебе потерянное имя, потерянное имущество.

...Родина, родина... Как ты дорога и прекрасна! Клянусь, пока я жив, не останутся под пятой твоя золотая земля, цветы, колосья, сады...»¹

В романе находит свое отражение лишь первый день Чалдыранской битвы (1514), когда Султан Селим стянул свое многочисленное войско к Тебризу.

О дальнейших событиях и дальнейшей судьбе Азербайджана мы узнаем из эпилога.

Автор отмечает, что после поражения сефевидов в Чалдыранской битве, неожиданно подвергшихся пушечному обстрелу и не выдержавших атаки османского войска, Султан Селим был вынужден сразу покинуть Тебриз, так

¹ Əlisa Nicat. Bakı, Yazıçı, 1983; Azərnəşr, 1993, s.146.

как, во-первых, он остерегался гнева сефевидов, могущих заново собрать войско и подготовиться к бою, а, во-вторых, росло число его противников даже внутри его собственной армии, что заставляло его опасаться возможных покушений.

Сообщается также, что за год до своей смерти в 1515 году Султан Селим заключил перемирие с Шахом Исмаилом Хатаи, в результате которого Азербайджан в течение 30 лет жил спокойно.

В общей сложности же азербайджанское государство, созданное Шахом Исмаилом Хатаи и его знаменитыми полководцами, просуществовало почти 100 лет.

Таким образом, в рамках освещения и изучения самого жанра исторического романа наблюдается, если можно так выразиться, траектория его движения, определяющая многоаспектность развития и решения вопроса.

Это дает нам возможность для выявления жанрового обогащения, что находит свое проявление в обращении авторов к своеобразным и самобытным литературным приемам, к внутренним монологам, в новом художественно-историческом восприятии и философско-психологическом осмыслении национальной истории, полнокровных характеров национальных героев, исторических личностей, поэтов и полководцев, их высоких помыслов и идей, размышлений о добре и зле, вечной человеческой любви, независимости и свободе человека, приобретающих общечеловеческое звучание.

2014

МУДРЕЦ ИЗ ГЯНДЖИ
*Песни Мирзы Шафи звучат на языках
народов Азии и Европы*

Над миром глупость властвует, и это
Для всех столетий общая примета.
С ней не воюет ни один закон,
Хоть в рубище, хоть в шелк она одета.
Но в мир, где правит глупость, как судью
Порою посылает бог поэта.
Не только для того, чтобы он пел,
Как птица на ветвях в разгаре лета,
Но чтобы в царстве глупости и тьмы
Он был носителем ума и света.

Мирза Шафи

Эти поэтические строки как нельзя лучше определяют предназначение и миссию поэта-просветителя.

Судьба выдающегося азербайджанского поэта Мирзы Шафи Вазеха (1794-1852) – типичная по тем временам для талантливого, свободомыслящего и независимого человека, получившего образование в медресе у себя на родине, в Гяндже. Там же он провел большую часть своей жизни и прославился как поэт и педагог, а также как организатор литературного меджлиса «Дивани-хикмет».

Летом 1840 года нужда, преследующая поэта всю жизнь, вынудила его переехать в Тифлис, где друзьям с большим трудом удалось найти ему место младшего преподавателя. Так и жил он на скромное жалование младшего преподавателя Тифлисского учебного училища.

Насколько обычной была жизнь Мирзы Шафи, настолько необычна судьба его стихов. Псевдоним Вазех (*арабск. Vazeh – открытый, ясный, выявленный*), на наш взгляд, предопределил творческую судьбу «мистифицированного» поэта, завоевавшего мировую славу, благодаря

«плагиату» Ф.Боденштедта, открывшего и выявившего истинного автора «Песен Мирзы Шафи», впервые изданных им в Европе.

Нельзя не согласиться с мнением исследователей творчества великого поэта, утверждающих, что «сколь значительна ни была вина Боденштедта перед Мирзой Шафи, она невелика в сравнении с заслугой перед литературой: до нас дошли пусть не в подлиннике, а в переводе, многие прекрасные стихи, которых мы бы не узнали, не будь того «плагиата»...

Благотворное воздействие на развитие его творческой деятельности оказывала тифлисская литературная среда.

Как известно, в 1844 году в Тифлис приехал немецкий ориенталист, поэт-переводчик Фридрих Боденштедт, проявивший большой интерес к жизни Кавказа и пожелавший с этой целью брать уроки восточных языков. Так судьба свела его с поэтом и учителем Мирза Шафи.

В своей книге воспоминаний «Тысяча и один день на Востоке», в которой Мирза Шафи представлен как известный поэт и ученый, Боденштедт вспоминает: «Уроки проходили три раза в неделю, и на них присутствовали также другие ученики Мирзы Шафи. Потом начинался «диван» (подразумевается литературный меджлис «Дивани хикмет» – *Авт.*), и Мирза Шафи, взяв слово, пел, объясняя нам свою песню».

Кроме того, Ф.Боденштедт вспоминает и каллиграфические способности своего талантливой учителя. Об этом писал в своей «Автобиографии» и Мирза Фатали Ахунзаде: «В одной из келий гянджинского медресе жил человек по имени Мирза Шафи – уроженец этого края, который, в дополнение к своим обширным познаниям в различных областях наук, очень хорошо писал почерком насталик. Это тот самый Мирза Шафи, приключения которого и выдающиеся способности описаны в Германии. Я по велению моего второго отца каждый день ходил к этому человеку и под

его руководством упражнялся в писании почерком насталик».

Как явствует из источников, в Тифлисе Мирза Шафи познакомился и сблизился с преподавателем французского языка городской гимназии, талантливым немецким поэтом, переводчиком и философом Фридрихом Боденштедтом (1819-1892). Мирза Шафи учил его азербайджанскому и персидскому языкам, а тот, в свою очередь, знакомил своего азербайджанского друга с важнейшими достижениями европейской и восточной литературы. Боденштедт записал десятки стихов, которые Мирза Шафи читал и на уроках восточных языков, и на литературных меджлисах.

Записи песен своего учителя и его подарок – сборник произведений, состоящий из касид, газелей и двустиший, Боденштедт увез с собой в Германию. Благодаря его переводам, в течение десятилетий Европа проявляла огромный интерес к стихам «мудреца из Гянджи».

С увеличением числа переводов читатели, а также видные представители интеллигенции других народов все больше интересовались личностью поэта.

Жизнь и творчество Мирзы Шафи стали любимой темой не только литературоведов и переводчиков, но и некоторых поэтов, писателей и композиторов.

Мирза Шафи славился не только как поэт, но и как грамотный переводчик (*сохранились многие его переводы с русского, арабского и французского языков*), как автору редких учебников, ему принадлежат определенные заслуги в развитии азербайджанского языка и письма.

Песни Мирзы Шафи звучали на языках народов Азии и Европы. Особый интерес к творчеству азербайджанского поэта проявили русские поэты-переводчики, начиная с 30-х годов XX столетия.

Неопровержимы заслуги в этом деле поэтов В.Луговского, Е.Долматовского, Н.Гребнева, старающегося в большей мере «восстановить» Мирзу Шафи, и Л.Мальцева.

Русские переводы лирики Мирзы Шафи вошли в отдельные антологии и сборники поэзии, в том числе в книгу «Поэзия народов СССР XIX – начала XX века» (том 102, Москва, 1977) из серии «Библиотека всемирной литературы».

Мудрая и глубокая поэзия Мирзы Шафи и сегодня продолжает покорять сердца, привлекает внимание читателей и исследователей разных народов.

Автор любовных и философских стихов, коротких мудрых слов и изречений, часто обрамленных в образно-метафорическую форму классического восточного стихосложения, задолго до своей «мировой славы» был известен далеко за пределами Азербайджана и Грузии. Не случайно его называли «нынешним Хафизом Востока».

Из песен остается на века
Скорее песня та, что коротка.
Порой навечно людям остается
Короткая, но мудрая строка.
В коротком слове мудрость к нам пробьется,
Хоть век назад слетела с языка.

Храмом для поэта была поэзия, которой он был фанатично предан. Поэт никогда не стремился к публикации своих творений. Он редко записывал свои стихи, все чаще пел их, а если и записывал, то с легкостью и бескорыстно отдавал записи своим друзьям, как это было с тетрадью «Ключ мудрости».

Великий дар небес – моя работа.
Не знает счастья, кто не пролил пота.
Ты в горе утешенье мне даешь,
Ты – золото, а счастье – позолота.
И надо быть ленивцем и глупцом,
Чтоб от тебя бежать, искать чего-то.
Ты все: и посох мой, и путь прямой,

С пути сверну я – засосет болото.
Быть до могилы преданным тебе –
Вот на земле одна моя забота.

Мироощущения поэта связаны с одухотворением и рождением его второго «я», второй жизни в песне.

И то, что к небесам с земли восходит,
И что с небес на землю снизошло, –
Все у меня в душе переродилось
И жизнь вторую в песне обрело.

Поэт придает большое значение просветительской миссии человека, осведомленного и «достигшего высот»:

Если ты умен, иди к глупцам,
Если зрячий ты, иди к слепцам,
К зрячим не найдет слепец дорогу,
К мудрым глупый не приходит сам.
Даже вы, достигшие высот,
Знайте и примите то в расчет,
Что и солнце в небе не гордится,
А земле свои лучи несет.

В лирике Мирзы Шафи прослеживаются нравственные помыслы поэта, призывающего прежде всего к добру, добротворчеству, а также к щедрости души, к правде и порицанию лжи, к ясной цели в жизни, к борьбе с «земными бедрами».

Те добрые деянья хороши,
Что рождены движением души.
Что порождает добрые деянья,
Не может быть предметом порицанья.

Добро, как мыслит поэт, всегда бессмертно.

Мощь добра в его бессмертье, утверждающем дела.
Счастливец тот, кто добротой богат,
Кто сам цветет, чужому счастьем рад.
Будь щедрым, даже если смерть видна
Уже в преддверье ада или рая,
Как раковина, взятая со дна,
Что людям дарит жемчуг умирая.

Пусть будет пред тобою цель ясна
В том, что рожден ты, не твоя вина,
Твоя вина, что век напрасно прожит.
...И если счастье сам ты взять себе не мог,
Его не могут дать ни царь земной, ни бог.

Усердие и трудолюбие – характерное качество поэта
Вазеха, образно назвавшего себя «трудолюбивым шмелем».

Мирза-Шафи, трудолюбивый шмель,
Ты улетаешь за тридевять земель.
Ты собирал нектар, в себя вбирая
И сладкий хмель цветов, и горький хмель.

В ярких образных поэтических строках Мирзы Шафи
выражается его устремленность к трудолюбию и созидательному труду.

Прекрасное нам даром не дают,
Во всякой красоте борьба и труд.
Венков готовых нам земля не дарит
Из сорванных цветов венки плетут.
Алмаз и тот готовым не находят:
Его, найдя, гранят, шлифуют, трут!

У Мирзы Шафи свое понятие и метафорическое определение критерия и оценки формы и содержания художественного творения.

Для песен рифмы – сладкое звучанье,
Как для кокетки сладки одеянья.
Ни рифмой, ни одеждой не прикрыть
Удобство или скудость содержания.

Истинное отношение к творчеству, его вечное совершенствование – вот ключ к раскрытию тайны мастерства поэта.

– Мирза-Шафи, в чем тайна мастерства?
Чем заслужил ты и почет, и славу?
– Умел я мысли вкладывать в слова,
Как драгоценность в должную оправу.
Богатством слов меня дурманил мир,
Но, истинное отличая сразу,
Издавека, как зоркий ювелир,
Я радовался чистому алмазу.

И не случайно поэт был так уверен в своем бессмертии.

Хоть уплывешь за тридевять морей,
Хоть никогда не отомкнешь дверей,
Ты все равно отмечен будешь веком,
Как медяки портретами царей.

Мы обратились к наиболее примечательным, на наш взгляд, чудом сохранившимся и дошедшим до наших дней образцам поэтических творений Мирзы Шафи Вазеха с целью выявить мировосприятие поэта, его мировоззренческие взгляды и философское осмысление жизни.

Уникальные по форме и содержанию стихи выдающегося мастера азербайджанской и восточной поэзии в целом, занимающие достойное место в мировой литературе, думается, всегда будут радовать ценителей истинной поэзии и станут предметом более широкого и пристального изучения.

2014

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Штрихи к творческому портрету Олжаса Сулейменова

В 2006 году по решению UNESCO мировая общественность отметила 70-летие со дня рождения выдающегося поэта-гуманиста и философа, ученого-тюрколога с мировым именем, общественного деятеля и дипломата Олжаса Омаровича Сулейменова. После юбилейных торжеств на его родине, вылившихся в национальный праздник, знаменательная дата была отмечена и в Баку. Указом Президента Азербайджана Олжас Сулейменов был награжден орденом «Слава». Думается, это достойная награда и высокая оценка его заслуг в развитии и укреплении литературно-общественных и научно-культурных связей с Азербайджаном.

На юбилейном вечере высокого гостя приветствовали его азербайджанские друзья – поэты, писатели, художники, общественные и государственные деятели, а также гости из Казахстана, представители Посольства Казахстана в Азербайджане. Звучали прекрасные стихи поэта-юбиляра на русском и азербайджанском языках. В тот памятный вечер демонстрировался и весьма интересный документальный фильм, посвященный жизни и творчеству Олжаса Сулейменова.

Завершилось мероприятие выступлением самого юбиляра. Он тепло и искренне говорил о нашей стране как о своем большом друге и выразил уверенность в том, что в скором времени станет участником долгожданного праздника – восстановления целостности Азербайджана.

В 1981 году, когда в Азербайджане праздновали 840-летие нашего гениального поэта и мыслителя, корифея мировой литературы Низами Гянджеви (1141-1209), на торжественном вечере, посвященном этому событию, О.Сулейменов в своем выступлении сказал:

– Мы сегодня собрались по очень приятному и волнующему поводу. Знаменательно, что именно в это беспокойное для страны и планеты время, когда вновь решается

судьба человеческой цивилизации, Азербайджанская Республика и наша страна находят возможным и считают обязательным вновь вспомнить имя и дела не полководца, потрясавшего Вселенную, но человека, который соединением слов пробуждал чувства добрые и воспитывал человека мирного.

Планетарное сознание является важным и определяющим фактором гражданственности О.Сулейменова. Встревоженный сложными современными духовными конфликтами, охваченный предчувствием надвигающейся катастрофы, Олжас усматривает единственный путь к спасению человечества в единении. Идейно-нравственные принципы поэта, заключающиеся в сближении людей и синтезе культур, лежат в основе всей его творческой деятельности.

Утверждая общечеловеческие ценности, он неизбежно задумывается над тем, какая нравственная доля в этой исторической работе принадлежит его народу, судьбу которого он, как правило, соотносит с историей человечества, строго придерживаясь принципа «возвысить степь, не унижая горы».

Человек и его деяния определяют сущность бытия, и долг каждого – привнести посильную лепту в ту или иную сферу жизни:

Любая влага, влитая в кувшин,
Спешит принять его литую форму,
А слово, проникая в глушь души,
Ей сообщает соответственную форму.
Так, в мир входя, мы изменяем мир,
Он – оболочка, мы – его основа.

Автор, восхищенный бесценными картинами мирового искусства, мысленно обращается к своей родине – Азии, вспоминает ее былую славу и успехи, сетуя на последующее безмолвие и бездеятельность:

Ты когда-то дошла до Двуречья
И замолкла.
А кто нарушит
Твое медленное молчание?
Кто великий дойдет до Запада,
Завоюет,
Но не мечами,
Эти залы,
Пустые залы?..

(«Лувр», 1961)

Это – и неустроенность его необъятной родины. В одном из стихотворений поэт уподобляет себя великому русскому художнику Михаилу Врубелю, который испытывал те же чувства отчужденности и неблагополучия в удушающей атмосфере противоречивой действительности.

Для Олжаса «Русь Врубеля» – емкое и неоднозначное понятие, заключающее в себе противоположные ощущения в восприятии русской среды.

Это скорбь и тоска по утраченным идеалам красоты:

...Уходят женщины в эпоху Блока,
Там им неплохо,
Там позавидовать далеким мамам,
Прекрасным Дамам.

Образ женщины у поэта многообразен: это и образ матери, подарившей миру мастера, и образ любимой, и образ родины. Он находит свое синтезированное проявление в программной поэме «Земля, поклонись человеку!». Светлое, чистое чувство к женскому началу поэт переносит на родную почву и связывает его с высшими и священными для него понятиями. Гимном в честь женщины – созидательницы мира, вселенной и всего рода человеческого завершается

цикл стихотворений «Трансформация огня», проникнутый глубоким философским восприятием жизни:

Все – кто явился в жизнь – тобою избран,
Испытан сладостью твоей и болью,
...Все мы сотворены твоей любовью,
Тебя опять мы избираем богом,
О, женщина!

В сложной и многогранной поэзии Олжаса Сулейменова слиты воедино темы родины, истоков, истории и связи времен. Избрав своим девизом истинную свободу слова, Олжас, поэт и «следопыт истории» по призванию, видит основное предназначение в доведении своего читателя до правды и истины.

Уже с первого знакомства стихи Олжаса поражают нас своей необычностью – как содержания, так и формы, удивляют стремительностью чувств и своеобразием художественного отражения жизни. За его строками вырисовывается образ самого поэта, сильного, мужественного человека с чутким ощущением добра и зла, обостренным чувством историзма.

Стремление О.Сулейменова к познанию и постижению истории и истины, осуществляемое им в поэтическом творчестве, является ипостасью его научных поисков.

С именем Олжаса Сулейменова связано глубокое изучение и выявление роли тюркского фактора в древнерусских памятниках и в мировой истории. Книга «Аз и Я», направленная против устоявшихся в науке принципов, заложила основу инакомыслия ее автора. Неустанные кропотливые поиски опального исследователя подвели его к идее изучения вопроса происхождения письменности.

Используя археологические и антропологические данные о происхождении малого человечества применительно к археологии языка, Олжас Сулейменов выдвигает новый метод и принцип изучения истории языка – как новый

взгляд на его предысторию. Им разрабатывается тема взаимозависимого развития первой образной письменности и устной речи.

Анализ иероглифов говорит о связях Шумера, Египта, Китая и Майя (*Южная Америка*), их культур, объединенных общей верой – солнцепоклонничеством. Новые, более углубленные научные изыскания Олжаса Сулейменова должны были найти свое отражение в давно задуманной им книге «Язык письма» как взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества.

В ней объясняется метод анализа слова, отличающийся от традиционного тем, что происхождение слова рассматривается в генетической связи с графическим знаком – первоиероглифом, то есть архетипом языка и письменной речи. *«Пытаясь разобраться в грамматике символа веры наших предков, – пишет автор, – я понял, как много теряет лингвистика, изучающая древнейшее слово в отрыве от первописьменности.*

...Солнечная религия, существовавшая десятки тысячелетий по всей земле, начиналась с первоиероглифов, которые сопровождали ее до эры Пророков. От них – древнейших знаков солнца – произошло большинство символических и рисованных иероглифов, ставших основами образных письменностей человечества».

Научная деятельность Олжаса Сулейменова, начавшаяся с выявления тюркизмов в книге «Аз и Я», продолжается и поныне – как выясняется из собственных убеждений поэта-ученого, став важнейшим делом его жизни. Основные положения его первоначальной концепции со временем оказались подготовительным этапом для вхождения в глобальную проблему изучения взаимодействия древних цивилизаций и взаимозависимости этносов.

Как известно, Олжасу не дали возможности защитить кандидатскую диссертацию на тему *«Тюркизмы в Слове...»* и тогда он твердо решил защищать Истину, борьба за

утверждение которой была сопряжена с глубокими, кропотливыми и тщательными научными поисками.

Прослеживание и интерпретация цельной концептуальной системы языкотворчества, в основе которой лежит выработанный им механизм словообразования, позволяет конкретно обозначить обоснованные утверждения ученого-этимолога, сводящиеся к тому, что полная этимология возможна только с восстановлением графического образного знака. *«Ни один язык не обошелся без этого механизма. Все изначально знали первописьмо, иначе бы не состоялись».*

Взгляд на доисторию древних этносов, их язык и письменность, подробно изложенный им в книге «Язык письма» (1998), нашел свое последующее развитие в книге «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей» (2002).

В отличие от первой книги автора, вторая – кстати, удостоенная премии Куль-Тегина, – более насыщена тюркским материалом. В ней внимание акцентируется на взаимозависимости развития древних этносов, живших по соседству, в частности тюрков и славян, углубляется рассмотрение вопроса об их древнейших языковых связях. Автором выдвигается и обосновывается проект нового аспекта в языкознании – тюркославистики, специально изучающей вопросы тюрко-славянских связей и историю их развития.

Как отмечает автор, этот вопрос никогда не воспринимался всерьез и не находил своей теоретической оценки: *«Работы первых российских тюркологов носили прикладной характер и доказывали, что лексические заимствования из тюркских наречий в русский язык были возможны, но их число было достаточно ограничено».*

Тюркология рождалась в России, вступившей в борьбу с Османской Турцией за выход к южным морям. Исходная политическая ситуация сказалась на отношении имперской Академии к предмету исследований, а значит, и на состоянии самой науки. Однако материал заставлял

настоящих ученых (Мелиоранский, Кори, Радлов, Бартольд, Малов) преодолевать имперские пробуждения».

Туго шло развитие тюркологической науки в России, и основным препятствием была тюркофобия, «достигшая своего пика в советский период».

Она мешала разглядеть и заметить красноречивые факты, говорящие о тесном контакте и взаимозависимости двух этносов – тюрков и славян.

Многолетние поиски автора тюркизмов и весь накопленный материал по составлению списка тюркизмов, конечным итогом которого станет этимологический словарь «1001 слово», подтверждают факт длительного взаимодействия двух соседних этносов.

Тюркские слова-понятия дают благодатный материал для выявления этимологии как славянских, так и многих индоевропейских терминов, поскольку индоевропейские и семитские языки не предполагают ни морфологических, ни лексических оснований для этимологии. В тюркославиистике, проект которой обосновывается автором, много «пересекающихся параллелей». И это, как считает ученый, послужило бы началом совместного изучения языков двух супер-этносов, всегда влиявших друг на друга и вместе – на судьбы Евразии. А это значит, что следует поднять вопрос и тюркоевропеистики.

«Я надеюсь, что первые же шаги тюркославиистики (а далее и тюркоевропеистики) одарят нас знаниями, опровергающими догматический предрассудок и постулат «Грамматика не заимствует!» и взамен будет выдвинут противоположный – «Заимствовалось все! И лексика основного словарного фонда, и грамматика!», – говорит Олжас Сулейменов.

Все языки имеют свою системность. Научные взгляды и многолетний опыт работы Олжаса над этимологией формантов – наиболее трудной области языкознания – наглядно свидетельствуют о том, что даже языки древнего мира имели системность.

В настоящее время Олжас Омарович Сулейменов продолжает свою работу над жизненно важной для него темой, связанной с исследованием и выявлением этимологии слов.

Такова дорога жизни нашего замечательного современника – человека с мировым признанием, выдающегося поэта-гражданина, дипломата и общественного деятеля, ученого-тюрколога нового склада мышления, посвятившего себя, подобно поэтам-философам Востока, поиску истины.

«Дорогу осилит идущий» – гласит мудрое изречение древних. Да будет светел и ясен путь Мыслителя!

2014

АЛИ БЕК ГУСЕЙНЗАДЕ *в ракурсе воспоминаний*

Али бек Гусейнзаде – исключительная личность по своему диапазону, охватившему все мировые языки, в целом науку и каждую ее область в отдельности, все виды литературы и искусства, и добившаяся применения своих знаний на практике.

Юсиф Акчура

150 лет тому назад в Азербайджане, в городе Сальян, что на берегу Куры, родился выдающийся мыслитель, философ, идеолог, основоположник знаменитой триады «тюркизация, исламизация, европеизация» – матрицы и программы национального возрождения азербайджанского народа – Али бек Гусейнзаде (1864-1940).

Из воспоминаний внучатой племянницы (*внучки брата Али бека – Исмаил бека*) Джамили ханым Гусейнзаде мы узнаем о том, что с ранних лет Али бек вместе с семьей переселяется в Тифлис:

– Отец Али бека и Исмаил бека – Молла Гусейн – происходил из бекского рода, учительствовал в одной из мусульманских школ Тифлиса, – рассказывает Джамиля ханым Гусейнзаде. – Братья рано потеряли родителей, и их воспитанием занялся дед – шейхулислам ахунд Ахмед Гусейнзаде, «философ по натуре» (*М.Ф.Ахундзаде*), очень образованный и прогрессивный человек.

Персидский принц Мирза Юсиф хан в своем письме (1862) Мирзе Ахундзаде отмечал, что шейхулисламу ахунда Ахмеда Гусейнзаде он воспринимал не только как религиозного деятеля, но и как большого ученого.

Велики заслуги ахунда Ахмеда Гусейнзаде в приобщении своих внуков к мировым наукам, к идеям тюркизма и туранизма, в ознакомлении их с великими мыслителями тюркского мира. В результате Али бек с отличием окончил

Петербургский университет и продолжил свое образование в Стамбульском университете (1889-1893).

В 1908 году по просьбе друзей, организовавших среднюю национальную школу «Саадат» («*Счастье*»), он становится директором этой школы и одновременно преподает в ней турецкий язык.

В 1910-м друзья приглашают Али бека в Стамбул. Уезжая в Турцию, он передает все свое имущество вместе с мебелью и книгами в дар школе «Саадат».

В Стамбуле Али бек был избран членом правления общества «Иттифаг-и терегги» («*Союз и прогресс*»), а в Стамбульском университете занимался одновременно и педагогической, и врачебной деятельностью.

По предложению Али бека одним из учебников, используемых в процессе обучения на факультете медицины Стамбульского университета, было произведение Физули «Сяххят-и Мяряз» («*Здоровье и болезнь*»), переведенное им на турецкий язык. Известен и такой факт, что Али бек подготовил «Энциклопедический медицинский словарь».

В 1911 году в Стамбуле Али бек женился на Эдхийе ханым – дочери полевого командира Шамседдин бека – и в семье появляется трое детей (*Саида, Селим и Фейзевер*).

Как известно, в последний раз Али бек Гусейнзаде побывал в Баку в феврале 1926 года с целью принять участие в Тюркологическом съезде. Во время этой поездки он встречался с братом – Исмаил беком в Баку и Сальяне. Али бек сказал ему, что положение сейчас очень напряженное и он больше не сможет писать ему письма, поскольку это сопряжено с опасностью для жизни. Предчувствие брата оправдалось. В 1926 году, простившись с братом, Али бек возвратился в Стамбул, а Исмаил бек подвергся преследованиям и даже несколько раз был арестован.

В итоге в 1941 году в течение 24 часов Исмаил бека вместе с семьей отправляют в ссылку в Северный Казахстан. Сын Исмаил бека – Шамседдин бек – работает на золотых приисках Баладжалы.

– В 1942 году умирает Исмаил бек, – продолжает свой рассказ Джамиля ханым. – Об Али беке я узнала в период нашей ссылки из воспоминаний моего отца. Мой отец, Шамседдин бек, показывал мне обрезанную фотографию с затушеванными лицами людей, среди которых был Али бек, и делился со мной своими воспоминаниями.

В 60-е годы мы после долгих мучений, наконец, вернулись в Баку. Многие ученые часто навещали нас, встречались с отцом и узнавали об Али беке Гусейнзаде.

Вскоре отец начал искать наследников Али бека в Турции. Как выяснилось, в это время в Париже жил сын Али бека Гусейнзаде – Селим Туран. Отец стал переписываться с ним, разговаривал по телефону. Селим несколько раз собирался в Баку, но, к сожалению, его приезд так и не состоялся. Позже я съездила в Турцию и встретила там с детьми Али бека. Так стали налаживаться связи. Кстати, в Стамбуле живет дочь Али бека – Фейзевер Алпсар.

Первый и самый последовательный исследователь творческого наследия Али бека Гусейнзаде, фанатично преданная этому делу, Офелия ханым Байрамлы всегда мечтала о такой встрече. (Заслуги этого неутомимого исследователя отмечены и по достоинству оценены в моей книге «Восточный и западный факторы в мировоззрении азербайджанских писателей XX века», одна из глав которой посвящена духовной эволюции глобально мыслящих идеологов и художников слова – Али бека Гусейнзаде и Ахмед бека Агаоглу – А.Ф.).

Думаю, что все исследовательские начинания и труды Офелии Байрамлы станут важным источником изучения творческого наследия Али бека Гусейнзаде для нынешнего и будущего поколений.

Завершая свои воспоминания, Джамиля ханым выразила глубокую признательность всем тем, кто пропагандирует творческое наследие Али бека Гусейнзаде.

Одним из немногих представителей в этом благородном деле является Азер Туран – автор великолепно издан-

ной книги «Али бек Гусейнзаде. Жизнь, борьба, творчество, родословная», приуроченной к юбилею великого мыслителя и борца. В ней в хронологической последовательности наиболее полно, содержательно и интересно представлены страницы жизни и творчества Али бека Гусейнзаде.

Ценность данного издания, на наш взгляд, состоит прежде всего в том, что в нем на основе достоверных фактов и сообщений, исторически важных документов и свидетельств, а также воспоминаний близких родственников и записей самого Али бека привносятся ясность и уточнения в искаженные и тенденциозные высказывания советских ученых в адрес Али бека Гусейнзаде.

По окончании Петербургского и Стамбульского университетов Али бек возвращается в Баку с определенной целью – избавить всех кавказских мусульман от насилия и притеснений, открыть им путь к свободе, независимости и прогрессу.

С приездом Али бека в Баку меняется направление идейных устремлений азербайджанских просветителей, они обретают более осознанный характер в форме требования свободы и независимости.

– Там, где появляется Али бек, меняется история, сокрушается основа столетних империй, – пишет Азер Туран. – ...Достаточно вспомнить крушение 300-летнего царствования Романовых в России, что совпало с днями учебы 21-летнего студента Али бека Гусейнзаде в Петербургском университете.

...Человек, который в 1904 году во дворе Стамбульского университета совместно со своими соратниками организовал партию «Союз и прогресс», спустя несколько месяцев после приезда в Баку, 8 апреля 1905 года, вместе с Алимардан беком Топчубашевым, Ахмед беком Агаоглу и другими сподвижниками обсуждал вопросы организации общества «Союз мусульман России» и созыва I съезда мусульман России.

В эти исторические дни был составлен и текст Петиции кавказских мусульман с их требованиями к императору Николаю II.

Петиция была написана на азербайджанско-тюркском языке. Она стала своего рода основой для последующих административных писем и обращений в государственные инстанции. Текст петиции, очевидно, является продуктом труда трех мыслителей – А.Топчубашева, А.Агаоглу и А.Гусейнзаде. Он написан рукой Али бека, присущим ему османским стилем изложения.

Интерес вызывают первые строки текста, начинающегося с исторического факта так называемого «присоединения» народов к России: «Более ста лет прошло с тех пор, как мусульманские ханства одно за другим были присоединены к империи Российской...». И далее излагается полное содержание петиции.

Так Али бек стал автором первой политической программы Азербайджана. В ней впервые выдвигалось требование – признать мусульман и христиан равноправными гражданами царской России.

Защищая права своих сограждан, он выдвигает и требование об учреждении в Баку национальных органов печати и добивается издания первой ежедневной газеты «Хаят» (1905-1906) и журнала «Фьюзат» (1906-1907) на родном языке.

Али бек Гусейнзаде был первым идеологом, побудившим азербайджанский народ задуматься о своей национальной принадлежности и корнях.

Большой вклад в это дело внесла его статья «Кто такие тюрки и из кого они состоят?», напечатанная в газете «Хаят». Она носит историко-просветительский характер. Ею и была заложена основа азербайджанской тюркологической науки.

Али бек изучает историю тюрков в контексте «Шахнаме» великого поэта Фирдоуси, причем не останавливаясь на войнах, нашедших тут широкое отражение, он акценти-

рует внимание на том, что связано с туранским (*тюркским*) миром, интересуется все больше историей развития древнетюркской культуры.

С целью обретения более глубоких познаний в этом деле он обращается также к китайским источникам, тем самым закладывая основу синологии в Турции задолго до зарождения там официальной тюркологической науки в 1935 году.

Продолжателем традиций газеты «Хаят» следует признать «Фьюзат» (*«Благо»*). Примечательно, что имя младшей дочери Али бека – Фейзевер – происходит от арабского слова «фейз», означающего дословно «дающее благо». Не случайно Али бек завещал дочери-турчанке любить свою религию и родину, заниматься научным образованием и совершенствоваться, что находит свое отражение в свидетельстве о ее рождении с указанием ее происхождения из рода шейхов, сохранившемся у Фейзевер ханым в каллиграфической записи ее отца.

Интересны символическая трактовка и метафорические определения «фейз», означающее «благо» и в данном случае содержащее в себе права человека и демократию, и исключительный талант тюркской нации, и философию любви к светящимся «зеленым огням», излучающим свет ислама в эпоху «красной тьмы» – террора большевизма.

Идейные огни тюркского мира XX столетия зажглись в Баку – на страницах «Фьюзат» – такое образное выражение, как нельзя лучше определяет историческое значение идейной программы Али бека Гусейнзаде, нашедшей практическое применение в жизни. Идеолог туранизма был теоретиком и практиком в деле защиты прав и свободы тюркско-татарских народов, единения и прогресса всего тюркского мира.

Как известно, духовная эволюция Али бека Гусейнзаде обеспечивала ему глубокие знания и успех в работе. Он в равной мере приобщался к духовным ценностям Востока и Запада. Читал, изучал, штудировал философские труды, ху-

дожественные произведения, творения великих мастеров слова. Ведущим направлением его деятельности были литература и философия. Он изучал Запад и Восток по произведениям классиков: Саади, Физули, Л.Толстой, Шопенгауэр, Кант, Фихте и др. Отдавая предпочтение романтизму, А.Гусейнзаде разработал и заложил основу этого течения в азербайджанской литературе. Кроме того, он серьезно и увлеченно занимался художественным переводом. Известны его переводы немецкого труда Ф.Боденштедта, посвященного О.Хайяму, а также нескольких рубаи самого поэта, частичные переводы из «Фауста» В.Гете и отдельных стихов Г.Гейне. Али бек читал в оригинале Гомера, Данте, Вергилия, Мильтона, Шекспира, Гете, Шиллера, Байрона, Гейне... Еще в гимназии он пристрастился к мировой литературе, в особенности полюбил творения Гете. Это был первый европейский мыслитель, проявивший глубокий интерес к исламской религии. Как и Гете, Али бек не отторгал религию от науки. Глубокие знания и жизненный опыт способствовали изучению религии и науки в их неразрывной связи.

Гениальный мыслитель был первым на Западе, кто так близко и с любовью приблизился к Востоку, глубоко осмыслив синтез цивилизаций христианского Запада и мусульманского Востока.

Али беку Гусейнзаде, как и Гете, была уготована «судьба человека, любящего одиночество» (*Рихард Мейер*), таинственного и духовного одиночества, как отмечает Азер Туран.

Широкая и многогранная деятельность этой исключительной личности по силе ума и размаху идейно-творческого созидания находит свое яркое, чрезвычайно интересное и познавательное отражение в главах новой книги Азера Турана, посвященной жизни и деятельности Али бека Гусейнзаде – идеолога, философа и публициста, основоположника азербайджанского романтизма, азербайджанской станковой живописи (*вспомним его «Портрет*

шейхулислама», написанный во время учебы в Петербургском университете (1884-1888), главного редактора первых национальных печатных органов – газеты «Хаят» и журнала «Фьюзат», издававшихся в начале XX столетия, одного из организаторов и общества, и партии «Союз и прогресс», педагога, переводчика, профессора медицины, математика, поэта, писателя... Трудно охватить все сферы деятельности этого уникального человека.

Особого внимания заслуживают личностные качества, особенности характера, образ жизни Али бека, его отношение к родным, близким, к семье.

Это находит широкое и наглядное отражение в высказываниях о нем друзей-единомышленников, в воспоминаниях современников, в письмах близких ему людей и, наконец, в сохранившихся записях и воспоминаниях самого Али бека, в его тетради с биографическими сведениями и других рукописях.

По описаниям современников, Али бек был человеком среднего роста, с прекрасными глазами голубовато-зеленого цвета, бородой, убеленной сединой, придающей его лицу приятное выражение и подчеркивающей его благородство.

Спокойный и выдержанный человек, философ и дервиш по натуре, глубоко мыслящий, склонный к уединению, он был сторонником мира, единения и гармонии. В своей речи, размышлениях и рассказах Али бек часто использовал меткие и образные выражения, не утомляя своих слушателей и собеседников. Был внимателен и простодушен в отношениях. Высоко ценил правду и справедливость. В Стамбуле он всегда заботился о своей большой семье, где жили помимо жены и детей свекровь, золовка и другие близкие родственники. В семейном альбоме часто встречаются фотографии Али бека, находящегося в кругу своих родственников, друзей.

– На базар отец ходил сам, – вспоминает Фейзевер ханым. – Покупал несколько видов сыра, мед, гаймаг, баклажаны, рис, рыбу. Он очень любил блюда из баклажан. Плов

он съедал до последнего зернышка. Особое значение придавал ручному труду. «Сбор риса – большой и тяжелый труд, – говорил он нам во время еды. – Его надо доедать до конца».

Как известно, Али бек с детства любил рисовать и мечтал стать художником. И хотя ему не суждено было поступить в Петербургскую художественную академию, он неустанно продолжал рисовать. Занявшись самообразованием, учился художественному мастерству, приобщался к миру искусства, штудировал книги по теории живописи, красок, перспективы, портрета, пейзажа с целью совершенствования своего мастерства.

«Когда я устал от умственной деятельности и труда, – пишет Али бек в своих воспоминаниях, – я находил успокоение и большой отдых в живописи и каллиграфии».

«Дом Фейзевер ханым в Стамбуле – один из больших турецких очагов культуры, по своему содержанию напоминает музей в полном смысле слова, – пишет в своей книге Азер Туран. – На стенах множество картин. Большинство принадлежит кисти ее отца – Али бека Гусейнзаде (*Эли Турана*). «Пейзаж с натюрмортом», более современный вариант живописного полотна «Биби-Эйбатской мечети» хранятся в Бакинском музее искусств».

Один из образцов живописи Али бека – картина «Родственники», которую, по словам дочери, Али бек начал писать в Сальяне, а завершил в Стамбуле. Среди многих картин, которыми увешаны стены, портреты старшей дочери Саиды и сына Селима, «Портрет Ататюрка» (*масло*), «Дворец Топхана» (*масло*). Некоторые живописные работы Али бека хранятся в личных архивах и музеях столичных городов Европы. В этом доме-музее и картины художника Селима Турана – сына Али бека, а также художественные творения самой Фейзевер ханым.

Дочь Али бека Гусейнзаде – живая память, ценный источник воспоминаний, на основе которых зримо вырисовывается цельный и гармоничный характер ее необыкновенно

го отца – человека мирового масштаба. Приобщение к творческой личности и бессмертному наследию гениального мыслителя духовно обогащает и возвышает нас. Под благотворным воздействием этого процесса мы проникаемся оптимистическим духом, стимулирующим нас к сохранению национальных и общечеловеческих ценностей.

2014

СПАСЕНИЕ В ЛЮБВИ, *или «Туранская империя» Али бека Гусейнзаде*

Сложной и противоречивой представляется творческая судьба двух незаурядных мыслителей Азербайджана – Али бека Гусейнзаде и Ахмед бека Агаоглу. Предвидя кровопролитный исход вооруженных столкновений, они старались увести народ от «страшной пропасти» и распространяли идеи духовно-нравственной эволюции. Не случайно одна из статей А.Гусейнзаде призывала к спасению через любовь. Выдвигая лозунг «Спасение в любви», он считал, что свобода и независимость могут быть достигнуты мирным путем – нравственным возрождением, просвещением и прогрессом общества. Не скоро суждено было ему постичь путь к осуществлению «великой истины» – борьбы за единение, свободу и независимость всех тюркоязычных мусульман.

Реальные жизненные наблюдения за стремительно развивающимися социально-политическими событиями в мире, начавшееся в Иране национально-освободительное движение под руководством Саттархана, воздействовавшее на весь мусульманский Восток, стали началом идейного пробуждения А.Гусейнзаде и А.Агаоглу. Они понимают, что путь к свободе лежит через вооруженную борьбу, революцию.

Идейно-духовные искания и концептуальные перемены находят свое отражение в трудах этих азербайджанских писателей. В восточно-западном русле развивалась многогранная творческая деятельность А.Гусейнзаде – внука кавказского шейхулислама, «философа по натуре» (М.Ф.Ахундаде), очень образованного и прогрессивного человека.

В 1875-85 годы он учился в Тифлисской гимназии, когда стал изучать русский, фарси и арабский языки и вскоре в совершенстве овладел ими. Еще в гимназии он пристрастился к мировой литературе, в особенности полюбил творения Гете. Любовь к литературе и искусству привела его в Россию. Он намеревался поступить в столичную Академию

искусств, однако ему суждено было поступить на факультет физики и естествознания. Тут он слушал лекции знаменитых профессоров – Менделеева, Вагнера и наряду с этим часто посещал лекции на восточном факультете университета. Он был в восторге от лекции профессора Жуковского, посвященной творчеству Омара Хайяма. Известно, что спустя несколько лет в Каире в журнале «Тюрок» были изданы его переводы из Хайяма.

В годы учебы в университете А.Гусейнзаде читал в оригинале Гомера, Данте, Вергилия, Шекспира, Шиллера, Байрона. В эти годы вместе с кавказскими студентами он принимает участие в студенческих революционных волнениях. В связи с этим студент из Азербайджана вынужден был, не завершив своего образования в России, покинуть Петербургский университет – по настоянию своего деда, убоявшегося предпринятого решения со стороны высшего руководства российского университета избавиться от «опасного» студента, А.Гусейнзаде был переведен для продолжения учебы в Стамбульский университет. И это послужило, как отмечает А.Мирахмедов в своем очерке, началом перелома в мировоззрении будущего «буржуазного идеолога» А.Гусейнзаде.

Ведущим направлением его жизни и деятельности стали литература и философия. Он изучал Запад и Восток по произведениям классиков – Саади, Физули, Л.Толстого, Шопенгауэра, Канта, Фихте и др. Отдавая предпочтение романтизму, А.Гусейнзаде разработал и заложил основу романтизма в азербайджанской литературе. Кроме того, он серьезно и увлеченно занимался и художественным переводом. Известны его переводы с немецкого труда Ф.Боденштедта, посвященного О.Хайяму, а также нескольких рубаи самого поэта, частичные переводы из «Фауста» В.Гете и отдельных стихов Г.Гейне.

«Выход Азербайджана на мировую арену, национальная интеграция в европейскую культуру были заложены журналом «Füyuzat». Мильтон, Гете, Шиллер, Байрон,

Гейне входили в страну Али бека, можно сказать, через его дом».

В последние годы учебы в Стамбульском университете у А.Гусейнзаде вновь усиливается интерес к политике. Однако в отличие от революционной ситуации, которая сложилась в Петербурге, где он был рядовым участником студенческого бунта, в Стамбуле он стал одним из руководителей буржуазно-националистического движения против деспотического правительства султана Абдулгамида, а также одним из организаторов буржуазно-националистической партии «Союз и прогресс».

Радикальные изменения в мировоззрении А.Гусейнзаде были обусловлены националистическими планами, преследующими в основном борьбу с колониальной политикой западного (*английского*) империализма на Востоке, в восточных странах, с деспотизмом государственного устройства в них, осуществление и претворение в жизнь великой идеи сплочения всех тюркоязычных народов в единый союз и создание «Туранской империи».

Именно с этой миссией А.Гусейнзаде вскоре приезжает в Баку, где совместно со своим единомышленником и соратником А.Агаоглу начинает издавать газету «Нәуат» (1905-1906) и журнал «Füyuzat» (1906-1907) на средства известного бакинского нефтепромышленника и мецената Г.З.Тагиева. Эти органы печати открыли новую страницу в истории национально-освободительного движения, и прежде всего – в пробуждении национального самосознания азербайджанского народа. Боль за судьбу своей родины, боль от невысказанной истины была «интеллектуально-эмоциональной силой, охватившей всю его сущность и заставившей как можно больше засиживаться за письменным столом».

Произведения А.Гусейнзаде, изданные в 90-е годы XX века, являются ярким отражением оригинальной системы взглядов и мировосприятия этой уникальной творческой личности. В них отчетливо прослеживается образ истинного

прогрессивного деятеля, борца за свободу и независимость не только Азербайджана, но и всего тюркского мира, его историческая роль в расширении национально-освободительного движения в Турции и среди мусульман России.

В этой связи следует отметить патриотическое начинание Офелии Байрамлы, внесшей неоценимый вклад в историю изучения творческого наследия А.Гусейнзаде. Велика заслуга ученого-текстолога в деле транслитерации и комментированного издания художественно-философских произведений Али бека Гусейнзаде, нашего приобщения к богатому научно-художественному и социально-политическому творчеству азербайджанского мыслителя как его второму рождению в Азербайджане, где в течение 70 лет под давлением господствующего коммунистического режима пресекалось, преследовалось свободомыслие и противостояние, националистические устремления. Непризнанным при жизни оказался и А.Гусейнзаде, на которого навесили несправедливый и оскорбительный ярлык «буржуазного, реакционного идеолога», «врага нации», в извращенном свете представлялись жизнь и творчество одного из корифеев азербайджанской литературы.

«Али бек по праву является основоположником двух идеологий: тюркскости и азербайджанства... После того как Али бек раскрыл «Siyasəti-füyuzat» в «Siyasəti-firuzət», выявил «Зеленые огни в красной тьме», более того, еще и ответил на вопрос: «Кто такие тюрки и из кого они состоят?», он задается целью ответить на вопрос: «Что такое тюркологический?» – на I тюркологическом съезде в Баку.

И после прослеживания утраченного тюрками прошлого в восточной среде Али бек берется за изображение образа тюрка в далекой и чуждой среде – в Европе. И все это дает возможность писателю раскрыть в завуалированной исторической форме самые верные и горькие, самые болезненные и запретные истины о настоящем и будущем, донести их во всеуслышание до нации и объявить о них всему миру, позволяет писателю обратить внимание моло-

дежи на основную задачу современной тюркологической мысли.

И как точно отмечает Яшар Гараев, это было в то время, когда в тюркской традиции еще не было института «тюркскости».

Духовно-эстетическое богатство западноевропейской литературы, отдельные произведения мастеров поэзии Возрождения используются им как художественное средство для освещения истории тюрков, тюркской культуры в евразийском ареале с использованием типологии на мировом уровне.

В произведении «*Şərqin iki dastanında türk*» («*Тюрки в двух дастанах Запада*») на основе двух поэм, взятых из западноевропейской литературы, – «*Qurtarılmış Qüds*» («*Спасенный Иерусалим*») итальянского поэта Тассо (1544-1595) и «*Luiziada*» («*Поражение*») португальского поэта Камозенса (1524-1580), думается, автор намеренно обращается к образцам западноевропейской литературы в целях ее пропаганды в Азербайджане и шире – на Востоке, в нем воспеты бунтарские идеи азербайджанского писателя, направленные против колониального деспотизма европейских империалистов. Обращаясь к гражданам своей родины, А.Гусейнзаде призывает их к борьбе за независимость, к стойкости и мужеству в своем противостоянии. Вера в силу и мощь тюрка лежит в основе данного произведения. В трактате «Тюрки в двух дастанах Запада» шире, чем в предыдущих произведениях великого мыслителя, прослеживается историческая судьба тюрков. Это удастся автору через восприятие и осмысление двух миров Запада и Востока, общечеловеческих (*мировых*) идей, исходящих из произведений средневековых европейских поэтов Камозенса и Тассо, трагического исхода исторических событий, связанных с крестовыми походами.

Трактат Али бека отличается новизной и свежестью мыслей, вызванных духом противостояния двух поэтов Запада в их отношении к Востоку, к тюркам, тюркской куль-

туре, что находит свое широкое отражение в поэме португальского поэта Камозэнса «Луизиада» и поэме «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта Тассо.

«Тассо написал свою «Шахнаме» (*«Спасенный Иерусалим»*) в орбите европейских ценностей Возрождения, будучи предшественником художественного и философско-нравственного наследия таких поэтов, как Байрон и Гете.

Он заложил основу новой эпической традиции, абсолютно противоположной традиции «захватнической эпопеи» Камозэнса. И в результате этого противостояния, в противовес захватчику в освободительной борьбе зародилась традиция героической и патриотической эпопеи».

Чрезвычайная и неизменная актуальность данного произведения А.Гусейнзаде заключается в глубоком идейно-образном, символическом мышлении его автора, трансформации и переосмыслении им мировых исторических событий, имевших место на Западе (*Европа*) и нашедших свое проявление в иной форме и в иной среде – на Востоке, в частности в Азербайджане и шире – в Туране, в судьбе всех тюрков.

А.Гусейнзаде открыто указывает, что единственно возможный путь к развитию и прогрессу – «зеленые лучи», то есть представители мусульманской интеллигенции, несущие свет и просвещение во тьму невежества.

Али бек не мыслит жизни без идеала, без стремления к счастью, свободе и прогрессу.

Весь Туран он видит в зеленой перспективе, в ореоле зеленых лучей просвещения в эпоху мрачного господства «красного террора» – разгула реакционного режима.

Как признается сам автор, заглавие ее «независимо от нашей причастности или не причастности к декадансу было избрано нами в форме, соответствующей субъективному идеализму декадентства».

По мнению тюркских декадентов, как отмечает А.Гусейнзаде, у тюрков издавна была тяга к декадентству. В тюркском языке сохранились выражения, подтверждающие

этот факт. Однако вопрос остается пока неизученным. К числу таких выражений относятся, например, «черные дни», «черные вести», «красная ложь» и др.

Период реакции и упадочничества в конце XIX – начале XX вв. нашел свое отражение в литературе и искусстве Западной Европы и России, а также на Востоке, в частности в Турции.

Время само требовало обращения к символам, завуалированной форме и стилю художественного отражения действительности, как считал мыслитель.

«Мы живем в эпоху революций. Человечество стремится к прогрессу. Но страшные силы реакции всячески препятствуют этому. Идет борьба между революцией и реакцией, проливается людская кровь, земля окрашивается в красный цвет.

От облака, возникшего в результате испарения смрадной крови, все вокруг погружается во тьму. Это и есть красная тьма...»

В трактате «Qırmızı qaranlıqlar içində yaşıl işıqlar» нашли свое отражение просветительские идеи выдающегося мыслителя через символично-романтическое воспроизведение действительности.

В эпоху разгула реакции и контрреволюционного натиска в России усиливается и колониальная политика царского самодержавия на ее восточных окраинах. Идет борьба против национально-освободительного движения народов, в основном тюрков и мусульман Кавказа.

Единственный путь к избавлению от «дракона» (*символический образ царской России – Авт.*) Али бек Гусейнзаде видит в единении и сплочении народов в борьбе за свое национальное освобождение от гнета и порабощения.

Революция 1905-1911 годов в Южном Иране, ее новизна, заключающаяся в подъеме национального сознания, историческая роль в деле дальнейшего успешного развития национально-освободительного движения и в Северном

Азербайджане, по убеждению Али бека, окажется определяющей движущей силой в этом направлении.

Царское самодержавие, напуганное революционным движением в Южном Азербайджане, стремилось всячески ослабить его, разобщить народы благодаря своей злодейской и коварной политике «разделяй и властвуй».

В самом крупном произведении А.Гусейнзаде, написанном в бакинский период его жизни и деятельности (1905-1910), – трактате «*Siyasəti firusət*» («*Политика гарцевания на коне*») ярко прослеживается идеологическая позиция автора, оригинальная трактовка и оценка социально-исторических событий и фактов, связанных с Востоком. Он глубоко анализирует и изучает многовековую историю Ирана, национально-освободительную борьбу тюркоязычных народов против иноземных захватчиков, объективно воссоздает образы тюркских исторических деятелей, правителей Ирана, определяет их историческую роль.

Как известно, трактат, изложенный в форме остросатирического памфлета, был написан в тяжелые годы реакции, когда у автора появляется твердое убеждение в том, что без вооруженного восстания и национально-освободительного движения нельзя добиться свободы.

В иносказательной форме изложена «политика гарцевания на коне». В начале своего памфлета Али бек поясняет причину такого символического определения, вызванного, по его словам, соблюдением определенной предосторожности.

Воспользовавшись фельетоном русского писателя-публициста В.Дорошевича «Сон Касьяна» (*журнал «Русское слово», 1908 г.*), высмеивавшем шовинистическую направленность и националистическую политику реакционной III Государственной думы, Али бек решил обратиться к факту принятия Госдумой решения о снабжении казаков лошадьми с целью использования их в качестве военной силы для подавления национально-освободительного движения.

Разоблачению «конских хвостов казаков» посвящает свой сатирический обзор русский писатель. Эти «хвосты» – царские чиновники и их прислужники, находящиеся у власти в период правления Николая II.

Символическим воплощением «хвостов» в трактате «Siyasəti-firuşət» является Пуришкевич – самый яркий шовинист, реакционный деятель III Государственной думы России.

Предупреждая об угрозе нашествия «хвостов» и взывая к бдительности свой народ, Али бек писал: «Нашествие «хвостов» обязательно состоится, чтобы сорвать революцию, предотвратить и искалечить ее».

Целью путешествия Пуришкевича на Кавказ является рассеивание национальной розни и контрреволюционная борьба. В осуществлении коварного замысла – подавления революции в Иране – царскому министру иностранных дел оказывали поддержку местные реакционные круги – представители шахского государства.

Великолепный экскурс в историю Ирана позволяет автору объективно и по достоинству оценить деятельность всех правителей этой страны, а также исторические события, связанные с годами их правления.

В хронологической последовательности представлена в трактате и деятельность тюркских правителей и полководцев, начиная с правления хулакидов, гезневидов, сельджуков и атабеков, сыгравших определенную историческую роль в процветании Ирана.

А.Гусейнзаде акцентирует внимание на прогрессивных начинаниях таких государственных деятелей, как Тимурленг, Шах Исмаил Хатаи, Надир шах, заложивших новое видение единственного пути освобождения всех тюркских и мусульманских народов от иноземного ига – в национальном и религиозном единении, в едином централизованном государстве.

Дальнейшая вековая история Ирана (1803-1911), период правления шахов из династии Каджаров – кровавые и

позорные страницы в летописи страны. Велика обличительная сила очерков, посвященных Ага Мухаммед шаху Каджару, Фатали шаху, Насреддин шаху, Мамедали шаху – этим продажным, лицемерным и невежественным правителям, которые привели страну к полному развалу и деградации. Ими совершались грязные и преступные дела, раздел земель Ирана между колониальными державами – Россией и Англией. Острием сатиры писатель-историк клеймил их духовно-нравственное убожество и несовершенство.

Как отмечает О.Байрамлы, Али бек Гусейнзаде стремился пробудить национальное сознание мусульманских народов, показать, что невежество, покорность и деспотизм разъединяют тюркские и мусульманские народы, ослабляют их борьбу против внутренних и внешних притеснителей, нарушают духовное единство.

2014

МИРОВОЕ ПРИЗНАНИЕ

К 100-летию юбилею «Шейх Санан»а

Одним из ярких представителей азербайджанской литературы XX века является поэт-драматург Гусейн Джавид (1882-1941) – мастер драматических характеров и страстей.

Колебания и противоречия, присущие его героям, связаны с духовными поисками самого поэта, начинающего как лирик, но вскоре обратившегося к драме. В первых произведениях драматурга (*он – автор 15 драматических произведений, семь из которых – трагедии*) герои еще не видят подлинных корней темных страстей, гнета и зла, господствующих в обществе. Проблема «я и мир», противостояние этих двух начал занимают ведущее положение в них.

Мотив беспокойной личности, пребывающей в поисках истины и справедливости, прослеживается в трагедиях «Шейх Санан», «Иблис» («Демон»), «Пейгямбяр» («Пророк»), «Топал Теймур» («Хромой Теймур»), «Хайям», мотив кризиса феодально-буржуазной морали – в драмах «Марал», «Афет», «Учурум» («Пропасть»), социально-классовых коллизий – в пьесах «Шейда», «Сиявуш», «Князь». Трагедии Г.Джавида отражают основные узловые моменты духовного роста самого поэта.

Сильное влияние на формирование мировоззрения Г.Джавида оказало разрешение волновавшего его вопроса о религии, разобщавшей народы и разжигающей между ними вражду.

Религиозный фанатизм, против которого всегда выступал в своих произведениях Г.Джавид, был далеко не единственной причиной острых противоречий и конфликтов между народами. В период идейно-творческих исканий им была написана пьеса «Шейх Санан» – трагедия в пяти действиях о любви мусульманина Шейха Санана к грузинке-христианке Хумар. В образах этих главных героев выражен гневный протест, романтический бунт антигуманистической сущности религии. Во имя любви Санан, будучи

правоверным мусульманином, признанным ученым, разуверяется в исламе, отвергает его основы и мертвую религиозную догматику, обвиняет все религии в разобщении людей.

Пьеса «Шейх Санан» написана в 1912-1914 гг., в период жизни Г.Джавида в Тифлисе и Нахчыване. В 1915-1916-м она издавалась в Баку в различных газетах. Как отдельная книга вышла в 1917 году издательством газеты «Ачыг сѣз». Впервые была поставлена в 1921 году на сцене государственного театра. В 1926-м пьеса была опубликована госиздательством. Повторно издавалась в 1958, 1975, 1968 годах.

В 50-х композитор Фикрет Амиров написал музыку к спектаклю. Согласно сюжету главный герой Шейх Санан – человек высокого интеллекта и моральной чистоты. Получив духовное образование, он проникается глубокими сомнениями в отношении многих постулатов религии. Сомнения Санана вызывают гнев окружающих фанатиков, усиливающийся после того как становится известно о любви Санана и грузинки Хумар – дивной красавицы, явившейся ему во сне, и которую после долгих поисков он нашел в действительности. В Тифлисе он полюбил грузинку и согласен на условия отца девушки предать огню священный Коран и стать свинопасом.

Во имя любви Санан окончательно порывает с окружающей средой и отрекается от Корана. Он убеждается в том, что вера – зло, сеющее раздор между народами, разделяющее людей. Тема идеальной любви противопоставляется в пьесе насилию, фанатизму, предрассудкам.

Преследуемые фанатиками, герои в безвыходной ситуации находят свое спасение в гибели.

Шейх Санан – трагическая личность. Своим образом жизни и бунтарскими идеями он не вмещается в окружающий мир, избегает других шейхов, старается быть подальше от них, живет вдали от общества, в пустыне. Он наделен критическим умом и «философским духом», обладает глу-

бокими научными познаниями и способностью подвергать все сомнению.

В фантастических видениях Санан находит какие-то черты, хотя и туманные, той подлинной истины, которую давно ищет.

Шейх Санан недоволен всем обществом, в котором живет, делами людей, духовно искалеченных несправедливым строем. В сцене со слепыми, просящими помощи и исцеления, Шейх Санан, не обладающий чудодейственными возможностями избавить их от физической слепоты, помогает их духовному прозрению.

Что вы хотите видеть, два безумца!

Весь мир в огне, в крови, сердца мнутся...

За то, что вы не зрите черных дел,

Хвалите бога, он вас пожалел!

Шейх Санан ищет абсолютную истину, в поисках которой идет дальше своего духовного наставника – Дервиша, сторонника идей, широко распространенных на Востоке, суть которых сводится к тому, что высшая истина – это «я», то есть сам человек. Понимая, что религии разъединяют людей и народы, порождают всевозможные несчастья, козни, интриги, Шейх Санан и Дервиш сомневаются в правомерности существования различных религиозных учений. Однако в отличие от своего учителя, Шейх Санан ищет единую веру, такую, которая могла бы объединить, сблизить людей, народы и нации друг с другом, сделать их братьями по духу, ибо «Бог един, различны лишь сужденья».

Рассматривая свое личное заблуждение как нравственный просчет всего человечества, Шейх Санан отвергает всяческие религиозные догмы, в чем усматривается нравственный подвиг, победа свободной мысли и разума над фанатизмом. Символичен и возглас его «Йа Аллах!» перед тем как броситься в пропасть, ярко свидетельствующий о его твердой уверенности в том, что Бог – в возвышенной

любви, человечности, свободомыслии самопожертвовании, а не в религиозных предрассудках.

Философское мировосприятие Г.Джавида вбирает в себя одновременно философскую школу и опыт классической поэзии Востока и традиции рационального Запада.

В формировании эстетических воззрений Г.Джавида велика роль европейской литературы, европейских философов и классиков литературы. Он был знаком с философскими теориями Э.Канта, Д.Локка, Г.Спенсера, Ф.Ницше, критиковал последнего за умерщвление и истребление слабых, проявлял большой интерес к русским классикам, в особенности к дуализму Л.Толстого и идеям общечеловеческой любви Ф.Достоевского, ее роли в спасении человечества от нравственного несовершенства.

Размышления о судьбах родины подвели его к размышлениям о судьбе всего человечества, став основной зарождения мировых идей и устремлений, к решению общечеловеческих проблем и поискам пути спасения человечества от злых и пагубных страстей. Недаром он избрал для себя псевдоним «Джавид», что означает «вечность», ассоциирующийся с вечными мировыми проблемами.

Тревога за человечество никогда не покидала поэта-гуманиста, пристально следившего за развитием международных событий. Свободолюбивыми идеями проникнуты в основном исторические драмы Г.Джавида «Сиявуш», «Хайям», «Хромой Теймур», «Пророк».

Следует отметить, что в истории мировой литературы часто обращались к образу пророка Мухаммеда. Корифеи мировой литературы – Низами, Вольтер и Гете – каждый по-своему трактовал образ и личность мусульманского пророка. В идеализированном воссоздании мы видим его в творчестве Низами, жестоким он предстает в атеистическом изображении Вольтера, мыслителем-гуманистом – в восприятии Гете.

В несколько ином ракурсе – «обыкновенного человека», проповедника высоконравственных идей, справедливо-

сти и равноправия, свободы женщины, борца против всяких суеверий и невежеств, приверженца науки и культуры, идеи всеобщей любви и мысли о том, что «только борьбой мы добьемся своих прав», – представлен пророк Г.Джавида. Пророк является выразителем и идеалов поэта, его философско-художественного постижения жизни.

В отличие от других представителей азербайджанского романтизма, Г.Джавид преимущественно обращался к историческим героям: Шейх Санан, Пророк, Теймурленг, Йылдырым Баязид, Сиявуш, Хайям – и другим, обладающим необыкновенно сильным, сложным характером, выразителям общечеловеческих идеалов, способным реализовывать их.

В исторических драмах Г.Джавида прослеживается нерасторжимая связь мировых идей: осуждение кровопролитных войн, жестокости монархов и правителей, их произвола и беззакония, гнета и бесчинства, утверждение идей мира, всеобщей любви и братства.

Если и есть сила, способная спасти человечество, то это только «сверхчеловеческая любовь». Этот тезис лежит и в основе исторической драмы «Хромой Теймур», ярко демонстрирующей созидательную и разрушительную силу выдающегося полководца и государственного деятеля.

Мощным пафосом и антивоенным духом отличается и философская трагедия «Демон».

«Демон» в нашей драматургической поэзии является классическим символическим образцом. По силе художественного воплощения он стоит в ряду мировых демонических типов – Люцифера, Демона, Мефистофеля. Гусейн Джавид был далек от идеализации Востока или Запада, призывал к единению, диалогу и сотрудничеству между ними, служению всему человечеству, разумным и рациональным поступкам во имя мира и прогресса.

По М.Бахтину, диалог культур – это проникновение в систему ценностей той или иной культуры, уважение к ним, преодоление стереотипов, синтез самобытного и инонацио-

нального, ведущий к взаимообогащению и вхождению в мировой культурный контекст.

Глобальные проблемы общечеловеческого звучания способствуют диалогу культур. В этой связи заслуживает особого внимания творчество Г.Джавида: общечеловеческие (*мировые*) идеи, лежащие в основе его гениальных творений, достойны мирового признания.

2015

МИСТИЦИЗМ ГОГОЛЯ

«Нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России, и нигде не было такого обилия писателей-мучеников, как у нас, – пишет М.Горький. – Наша литература – наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней – вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты – умы и сердца истинных художников».

Причину поразительного всплеска эстетических ценностей в России в XIX веке один из писателей русского зарубежья Вл.Набоков связывает с невероятной скоростью духовного роста России, которая в это время достигла уровня старой европейской культуры. У Набокова, в отличие от советских авторов, иное видение предмета. В своих «Лекциях по русской литературе» он придает важное значение жизнеописаниям писателей и поэтов, ибо зачастую, как мыслит писатель – эмигрант, нельзя должным образом воспринять художественное произведение писателя, не зная его жизни, условий формирования и развития личности.

В этой связи особого внимания заслуживает мысль выдающегося французского философа-идеалиста XX века Анри Бергсона, заключающаяся в том, что «творческая эволюция немислима без философии духа», т.е. важно познание духа, внутреннего мира художника.

В русской литературе в тщательном изучении духовной сущности нуждается Н.В.Гоголь, относящийся к «яркому созвездию великих имен России».

Н.В.Гоголь часто жаловался на свое нравственное состояние, душевную неуравновешенность.

Душевные муки Гоголя долгое время находились в тени знаменитого письма В.Г.Белинского, в тени оценки, данной великим критиком «Выбранным местам из переписки с друзьями», пока спустя столетие не появилась замечатель-

ная книга русского писателя, врача по образованию, В.Вересаева (1867-1945) «Гоголь в жизни». Книга эта проливает свет на многое в трагической судьбе гениального русского писателя.

«Я не знаю ни одной работы о Гоголе, вышедшей в XX веке, которая превзошла бы книгу «Гоголь в жизни» по богатству материала, по общей культуре отбора свидетельств, по культуре знания, наконец. То, что мы имели за прошедшие десятилетия, нашло характер надзора за Гоголем, проработки Гоголя за «ошибки» и снисходительного поощрения его художественных заслуг, никак не связанных ни с его судьбой, ни с историей его души», – пишет в предисловии к этой книге известный литературовед И.Золотусский.

Книга аналогична другой широко известной работе В.Вересаева «Пушкин в жизни», которую автор считал одной из самых значительных своих книг.

В книге В.Вересаева, построенной в основном на письмах и воспоминаниях, сообщениях и рассказах, как самого Гоголя, так и всех его друзей, раскрываются причины болезненных отклонений, так или иначе повлиявших на жизнь и творчество писателя.

Религиозность стала неотъемлемой частью мироощущения Гоголя с детства, развил в нем ипохондрию (психическое заболевание, выражающееся в навязчивой идее болезни и сопровождающейся крайне неприятными ощущениями в различных частях тела). Ставшее обычным меланхолическое и угнетенное состояние души преследовало Гоголя всю жизнь. Кроме телесных болезней, он к тому же испытывал нравственный недуг. Ведь дело писателя неразрывно связывалось в представлении Гоголя с «делом души».

Гоголь искал спокойствия души в религии. Выдвигали даже гипотезу о том, что он сжег несколько глав поэмы «Мертвые души», исходя из христианского смирения и стремясь к покаянию за созданное им.

Ранняя вера его в Страшный суд, в возмездие за греховность человека (*Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено...* – говорит устами Городничего в «Ревизоре» Гоголь), рассказы матери о Страшном суде, по словам Гоголя, пробудили в нем «всю чувствительность и заронили самые высокие мысли».

«Если бы вы знали, какие со мною происходили страшные перевероты, как сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что все успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся, – так мыслил Гоголь в минуты душевного подъема и творческого вдохновения. – Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, что до меня не говорили».

Веруя в предопределение, Гоголь-гимназист перед отъездом в Петербург говорит своим родным и близким: или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее.

Он с детства осознает свое высокое предназначение. Сознание соединяется с предчувствием краткости отпущенной ему жизни. Он все время помнит об этом, все время спешит, как спешат жить и его герои, постоянно видящие перед собой лик смерти. Гоголь «бежит от тоски», жалуясь на преследующее его охлаждение, на потерю свежести, меняет страны и города. Странствуя по Европе, он побывал во многих ее городах, однако для жизни избрал Рим. «Европа для того, чтобы смотреть, а Италия – для того, чтобы жить», – говорил Гоголь. Даже Швейцария его не прельщала, зато Италия всегда оставалась любимой страной, климат которой благотворно воздействовал на его слабое здоровье. Здесь он укреплялся духом и телом, обретал покой и душевное равновесие.

В молодые годы призрак смерти, так страшивший Гоголя, отодвигается молодостью, избытком душевных сил, смехом, в котором автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» топит свою печаль.

В ранний период творческой деятельности Гоголь сильно увлекается народными песнями, обычаями жителей Малороссии. Писатель отмечал, что в них заключена вся история народа. В одном из многочисленных писем матери он просит:

«Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажитесь сообщить мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это все называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменявшихся малороссиян; равным образом названия платья, носимого нашими крестьянскими девками, до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

Еще обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей... Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи, или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов и пр. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно».

И на самом деле, присылаемые фольклорные сведения заносились Гоголем в тетрадь записей «Книга всякой всячины», а затем использовались в его повестях. В них Гоголь уходит в мир украинского легендарно-сказочного прошлого.

«Это были поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования. Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов – обольсти-

тельного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная, как поцелуй любви», – писал Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835).

Говоря о народности «Вечеров», Белинский отмечал, что в повестях «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь, или Утопленница» и «Заколдованное место» народно-фантастическое так чудно сливается в художественном воспроизведении с народным – действительным, что оба эти элемента образуют собою конкретную поэтическую действительность, в которой никак не узнаешь, что в ней быль и что сказка, но все поневоле принимаешь за быль. К тому же, как указывает Белинский, гоголевский юмор «не щадит ничтожества, не скрывает и не скрашивает его безобразия, ибо, пленяя изображением этого ничтожества, возбуждает к нему отвращение, в их числе, стало быть, и уродливые, страшные колдуны, привидения и чудовища».

Чудеса и странные происшествия, проявления всякой нечистой силы были связаны с малороссийскими народными поверьями и преданиями, навеяны сюжетами волшебных сказок, фольклорными мотивами.

«Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки», – писал Пушкин из Царского Села. – Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился».

Из воспоминаний В.В.Стасова мы узнаем, что «... новое поколение подняло великого писателя на щитах с первой же минуты его появления. Тогдашний восторг Гоголя ни с чем не сравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще не известный никому юмор, – все это действовало просто опьяняющим об-

разом. С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские выражения: «черт возьми», «к черту», «черт-вас знает» и многие другие сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком».

Громадный успех «Вечеров на хуторе...» внушил ему идею об особенном, «реформаторском», как считал Белинский, его призвании на Руси. Это обязывало и вместе с тем вдохновляло его на дальнейшие творческие поиски.

Окунувшись в стихию столичной суеты, мелких интересов светского общества, духовной окаменелости служебных апартаментов, Гоголь выносит оттуда «Петербургские повести», в числе которых «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего». В этих шедеврах русской классической литературы Гоголь продолжает удивлять читателя странными и невероятными происшествиями, с характерной для Гоголя магией письма.

«Введение в текст «Портрета» фантастики – таинственных сил, фатально вмешивающихся в судьбу художника, хоть и снижает реалистическое звучание произведения, но есть что-то ужасное, роковое, фантастическое в этом таинственном портрете, есть какая-то непобедимая прелесть, которая заставляет вас насильно смотреть на него, хотя вам это и страшно. «Портрет» есть неудачная попытка Г.Гоголя в фантастическом роде, – писал Белинский. – Здесь его талант падает, но он и в самом падении остается талантом». («О русской повести и повестях Г.Гоголя»).

Во второй редакции «Портрета» центр внимания перенесен на трактовку вопросов искусства. Гоголь говорит в своей повести о назначении художественного творчества, о «презренном и ничтожном» в искусстве, об истинных качествах вдохновенного художника, о роли художника-творца

и художника-копииста.

С чрезвычайным интересом воспринимается странное и невероятное происшествие с майором Ковалевым, у которого пропал нос. Фантастическое исчезновение носа и появление его в разных местах в виде статского советника, что вызывает возмущение и негодование его хозяина, и не менее фантастическое его возвращение на свое прежнее место, или же появление призрака Акакия Акакиевича (в повести «Шинель»), крадущего шинели у прохожих на улице, как возмездие за жестокосердие, грубость и пошлость людей, окружающих его при жизни, – проявление того же яркого таланта, но уже не «падающего».

Небезынтересно, что почти все произведения Гоголя подвергались неоднократным переработкам, переделкам, ранним и поздним редакциям, цензурным запретам, изъятиям. Это всегда угнетало Гоголя, вызывала определенные волнения, колебания, смятения, огорчения и даже потрясения. Так обстояло дело и с одним из его шедевров «Записки сумасшедшего».

Безнадежность задачи Гоголя была обусловлена тем, что он хотел найти свой идеал в примирении с российской действительностью.

Гоголя всю жизнь преследовала тоска, порой талант давил на душу. Чрезмерно требовательный к себе, он не мог оставить после себя что-то недоделанное, не отвечающее его представлению о прекрасном. Для Гоголя, для которого жизнь и смерть сочинения, есть жизнь и смерть писателя, недописанная книга граничит с преступлением, со святотатством художника по отношению к своему призванию, – и поэтому в 1845 году он сжигает второй том поэмы «Мертвые души», будучи не удовлетворен им.

Грандиозный замысел второй части заключается не столько в разоблачении русской действительности, сколько в положительных идеалах. Гоголь писал: «Что пользы поразить позорного и порочного, выставив его на вид вам, если

не ясен в себе самом идеал ему противоположного, прекрасного человека...»

По собственному признанию писателя, в «Мертвых душах» он хотел не только показать Русь «со всех сторон» (что само по себе было колоссальной задачей), но «засветить миру», т.е. просветить мир, выдвинуть новые идеи и указать пути и дороги для будущего развития России. Именно к этому призывал и ждал от него Белинский в своем гневном и сокрушительном письме.

«Вы хотите небесным путем достичь земной цели.

И это от того, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек. И это не потому, чтобы вы не были мыслящим человеком, а потому, что вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего прекрасного далека, а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому что в этом прекрасном далеке вы живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя... Поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности.

Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства.

Болезненной боязнью смерти, чёрта и ада веет от вашей книги».

Уход в мистицизм, в ирреальный мир – во «вторую действительность», воспринятый окружающими как «измена искусству» (слова Белинского), на самом деле было для Гоголя единственно возможным путем осуществления своего грандиозного замысла, который в его сознании был неотделим от духовной и нравственной силы самого писателя. Совершенное произведение искусства может создать только нравственно безупречный художник, как полагал Гоголь.

Обращение к ирреальному миру, призракам, к сверхъестественным явлениям, чудовищам, колдунам, бесовской и

сатанинской силе, их образное воспроизведение на основе народных поверий и сказов было наиболее характерно для раннего периода творчества Гоголя. Однако какое бы произведение Гоголя мы ни взяли, там есть суд и наказание, есть предшествующее этому суду разоблачение, покаяние, слезы.

Возмездие ждет городничего в «Ревизоре», Чичикова в «Мертвых душах». Возмездие витает над головой бедного Пискарева из «Невского проспекта» и Чарткова из «Портрета». Гром возмездия разражается над Ковалевым в «Носе» и над значительным лицом в «Шинели». Не говоря уже о колдуне в «Страшной мести», о судьбе философа Хомя Брута в «Вие», об Андрии в «Тарасе Бульбе», об участии Петруся в «Ночи накануне Ивана Купалы».

Грех, вина наказываются публичным осмеянием и фиаско, а иногда и смертью. Но, как правило, человек у Гоголя перед всеми этими событиями сам сознает ужас своего проступка и готов предстать перед судом.

Не Вий – страшное чудовище – убивает героя Гоголя, а страх Хомя Брута, что он переступил черту, т.е. черту, за которой следует смерть (несчастный Хома, сбившись с толку, спутал заклинания, могущие спасти его от смерти).

Такова философия духа писателя – мученика – одного из великих имен России.

Мы попытались разобраться в духовном кризисе гениального поэта, раскрыть причины его духовно нравственных мучений, ухода Гоголя во «вторую действительность» – ирреальный мир образов и идей.

Духовный кризис писателя был вызван сокрушительным письмом Белинского, его идейными внушениями о «реформаторском» призвании Гоголя, могущего стать защитником и спасителем от русского самодержавия, что представляется невозможным в силу незнания Гоголем многих вещей в России, и нынешнего русского человека на разных степенях своих мест, должностей и образований, а,

следовательно и неумении найти идеал прекрасного человека и тем самым указать путь для будущего развития России.

Книга Гоголя «Переписка с друзьями», названная Белинским «гнусной», ее провал и неудача воспринимались Гоголем (как выясняется из «Авторской исповеди») как самая большая трагедия жизни. Она понуждала писателя иначе смотреть на причины общественных пороков, кроющихся в социальном устройстве, а не в нравственном несовершенстве человека, как мыслил Гоголь, вынашивающий идею нравственного переворота.

Вот причина всех мучений и страданий гениального художника, прошедшего сложный и невообразимый путь от славы к непреодолимому духовному кризису и смерти.

P.S. Загадочную смерть Гоголя современники связывали с уничтожением второго тома «Мертвых душ», который автор сжег, якобы, в припадке безумия. Некоторые усматривали причину сожжения в художественной неудовлетворенности Гоголя результатами труда. Эта точка зрения возобладала в трудах одного из авторитетнейших исследователей жизни и творчества Гоголя Н.С.Тихонравова: «Последнее сожжение второго тома «Мертвых душ» вызвано было тем же строгим отношением художника к своему труду, каким и первое; в основе того и другого приговора лежало справедливое недовольство «выдуманными» образами, их неестественностью». Таким образом, предсмертное сожжение многолетнего труда не было у Гоголя следствием болезненного порыва, нервного расстройства. Оно было сознательным делом художника, убедившегося в несовершенстве того, что было выработано многолетним мучительным трудом. Существует и чисто медицинское объяснение смерти, согласно которому Гоголь умер от тифа, эпидемия которого в то время распространилась в Москве.

АВАНГАРДИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Азербайджанская литература XX века, развивающаяся в восточно-западном русле, всегда проявляла заметный интерес к западноевропейскому философско-художественному опыту, часто завершающемуся изучением европейских литературно-художественных течений и творческим освоением модернистских уклонов и тенденций. Одной из ветвей широкого направления модернизма, как известно, является авангардизм (от фр. *avangarde* – передовой отряд) – термин, обозначающий своеобразное течение или область в искусстве XX века, которое, порывая с реалистической традицией, усматривает в ломке установившихся эстетических принципов и способов построения художественной формы основной путь к достижению искусством своего назначения.

Разрушение традиционных канонов искусства, сопровождающееся поисками новых форм воздействия на читателя или зрителя, было предопределено обращением к непосредственному чувству, стремлением к ассоциативному мышлению, глубоким интуитивным проникновением, неприятием быта и абсурдной жизни, противостоянием, демонстрирующим алогизм современной действительности, отчуждение от реальности.

Тенденции и признаки авангардного передового мировидения и мироощущений прослеживаются в современной азербайджанской поэзии, в частности, в творчестве Вагифа Самедоглу, Рамиза Ровшана и безвременно ушедшего из жизни молодого поэта Айдына Эфенди (Эфендиева).

В основе мировоззрения азербайджанских поэтов-авангардистов лежит тезис экзистенциализма об абсурдности бытия, одиночестве и отчуждённости человека в этом мире. Поэзия каждого из отмеченных поэтов-философов – самовыражение их духа и миропонимания, их самобытного искусства.

Одним из таких творцов является поэт-новатор **Айдын Эфенди** (1959-1996). По образованию Айдын был математиком, но в нём горел поэтический дар.

На строго отмеренном отрезке жизненного пути, состоящем из сложных поисков, Айдын совершал открытия. Но пытливый, взыскательный ум не мог ограничиться только этим и целеустремленно толкал его вперед, навстречу новому, неизвестному.

Поэзия Айдына Эфенди отличается не только свежестью восприятия и постижения мира, но и новизной поэтики. «Поэт – это тот, кто находит новые радости, пусть даже мучительные» – говорил в своём поэтическом завещании знаменитый французский поэт-модернист Г.Аполлинер. Со своей «песней в новой обёртке» вошёл в большую поэзию Айдын Ниязи оглу Эфенди.

Интерес Айдына Эфенди к науке и поэзии, гармонично сочетаясь, дополняли друг друга. Уже в годы учёбы он зарекомендовал себя как способный и перспективный математик. Спустя три года после окончания в 1981 году Бакинского Государственного Университета Айдын защищает кандидатскую диссертацию и продолжает успешно заниматься преподавательской деятельностью. В конце 80-х – начале 90-х годов читает лекции в университетах Хельсинки, Тампере (Финляндия) и Никосии (Кипр). Начиная со второй половины 80-х годов его стихи публикуются в республиканских газетах и журналах, литературно-художественном альманахе Бакинского Центра искусств, во всесоюзной прессе («Литературная газета»). Переводы его стихов издаются за рубежом – во Франции, Германии, Израиле, Канаде, а также в странах СНГ.

При всем своем бурлящем таланте он был невероятно усидчивым человеком. Он мог работать, не покладая рук. За короткий срок он мог освоить любой иностранный язык, владел семью языками, в том числе английским, латынью, японским. Если ему нравились какие-то художественные произведения, он их не просто читал, он изучал их. Этот че-

ловец всецело посвящал себя работе, как выясняется из воспоминаний его сестры. Сложным и драматичным был творческий путь Айдына Эфенди. И драматизм этот не случаен, он тесно связан с историческими процессами в нашем государстве. Частая смена власти, политические интриги и произвол, беды, обрушившиеся на народ, угроза утраты духовных и научных ценностей – все это послужило причиной впадения его, человека с повышенной эмоциональностью, в пессимизм и экзистенциальное состояние, сломив дух поэта.

Ветер выбивает землю из-под ног,
словно хочет сдуть её, осквернённую,
в почерневшее от горя море.
...Души усопших предков, пролетая
по безлюдным улицам города, продувают
опустевшие комнаты полуразрушенных зданий.
Не покидая жилищ, точно рыбы,
люди проглатывают друг друга.
Я хочу исчезнуть,
стать дождём или ветром,
стать другими мирами
без законов и беззакония.
Чем-то стать,
лишь не тем, что я есть...¹

(«Исчезнуть»)

Бессмысленны и непреодолимы действия и поступки человека, живущего в жестоком и страшном мире, где он обречен на одиночество и страдания.

Почему? Почему мы так далеки друг от друга?
Что нас разделяет?

¹ Все подстрочные переводы – автора статьи.

Возможно, это объяснимо потоком проблем, в которых задыхаются люди, позабыв себя.

Кругом торопливые люди,
вовлечённые в водоворот,
позабывшие, что и в их душах
есть места не для личных забот.

«Одиноким во времени» Айдын Э. в этом страшном и жестоком мире продолжал творить и совершенствоваться, невзирая на все очевидные симптомы деградации.

Мы падаем без шансов и надежды,
мы падаем, все зная наперед,
но все же пишем, дышим и живем.

(«Художнику Эльяру»)

Ведущим началом для него является духовная субстанция, влечение к творческой деятельности.

Весь смысл этой жизни
Припрятан в глубине,
И чтоб туда проникнуть,
Побудь наедине...
Наедине с прекрасным
И вечной красотой.
Тогда узнаешь больше,
Чем крыша над собой.

Айдын много читал, стремился к познаниям, изучал историю искусств, художественные течения, знал основы религий, мировую литературу, отличался многогранной мировоззренческой культурой, широкой эрудицией, познаниями в области русской, европейской и восточной поэзии.

В стихотворном посвящении Вл.Соловьеву – русскому поэту-символисту и философу-идеалисту XIX в., отстаивавшему идею «духовного синтеза» в поэзии «земного» и «небесного», звучит символика вечных начал, божественного в людях и во всем живом и неживом.

Я проснусь, чуть свет забрезжит,
Выйдя к чистым берегам,
И пойду заре навстречу,
Где войду в свой светлый храм.
Нет. Ещё не всё угасло.
Бьет ещё любви родник.
Он под тяжким сном житейским
Сохранил свой прежний лик.

Поэт смотрит на мир, как на символ вечных, непреходящих ценностей.

Для его поэзии характерно символическое и ассоциативное мышление, частое обращение к символам дождя, ветра, моря...

Дождь идет,
смывая, стирая,
разнося, унося
и горечь, и боль, и печаль,
утраты, потери, войну, смерти,
голод и холод, лужи и снег
над домами и могилами,
над морем и сушей,
весь мир омывая,
очищая.

Айдын очень глубоко переживал то, что творилось вокруг. В порыве безудержного отчаяния у него невольно возникает безумная идея:

Укажи на карте место,
Где я смог бы найти покой,
И я смогу спать, как подлец.

«Укажи, пока живой», – пишет он в ответ на «мудрые» советы уехать из страны. И продолжает ходить по острию ножа между высоким, духовным началом и низменным, невежественным бытием. Неужели, чтобы выжить, надо спасаться бегством? – задаётся вопросом поэт. Чего стоит человеческая жизнь? Жизнь целого поколения молодых поэтов, музыкантов, художников – его друзей и братьев «по цеху», прозябающих в бедности. Певцов свободы, стоящих у истоков культурного прогресса, терпящих лишения и, что хуже всего, понимающих невостребованность своего таланта. Во всем его облике, как отмечают его друзья, были предельная сконцентрированность и строгость. Поэзию он считал не «выражением чувств и эмоций», а «единством мысли и чувства» – идеей, выдвинутой англоязычным поэтом-реформатором стиха Томасом Стернзом Элиотом, лауреатом Нобелевской премии «за приоритетное новаторство в становлении современной поэзии».

У Айдына Эфенди – свой поэтический «голос», свои привнесения в поэтику стихосложения. Высокий интеллект, глубина мысли, философско-художественное постижение жизни, мировосприятие в ракурсе синтеза культур, стилевое новаторство, свободное изложение рифмованных и нерифмованных стихов, отличающихся энергетикой и ритмикой, символичность и ассоциативность мышления, обилие метафор, лексико-семантическая и семиотическая насыщенность, притяжение и магия поэтического изложения – характерные особенности, присущие поэзии Айдына Эфенди.

Сила и величие поэта в его глубоком познании истины, мудром осознании смысла жизни и себя как человека-творца, стоящего выше «своего дряхлого века». Написанное с большим пафосом поэтическое посвящение памяти Насими проникнуто противоборческим духом Насими, с кон-

трастно-ассоциативным постижением мира, выражением потока поэтического сознания и творческой силы.

Я истину постиг и стал мудрее мудрых,
Я знаю Тору, Библию, Коран.
Я уважаю Будду и Сократа,
и Кришну, и Толстого, и Камю.
Я бесконечность, я же и пылинка,
я и Вулкан, но я же и тростинка,
я засуха, но я же и родник.
Я сам Сатурн, а род мой есть Юпитер.
А дед мой сверхсила есть Плутон, –
я управляю силами природы,
я и отшельник, я же и закон.
Я и еврей, и перс, и негр, и турок,
я и японец, я же и араб,
а кто посмеет обо мне сказать хоть слово,
ему в лицо скажу я: «жалкий раб».
Хотя сегодня я Айдын Эфенди,
внук Шейха Керима, но я человек,
и я переживу свой дряхлый век.
А в новый я выйду как сверхчеловек.

(«Памяти моего великого земляка Насими»)

Метафизические стихи Айдына Эфенди снабжены цитатами и выдержками из Библии и Корана, в них часто встречаются латинские слова, фразы и изречения, перефразирования из художественных произведений отдельных поэтов и писателей.

Многие стихи из этого цикла написаны по мотивам восточной поэзии или посвящены отдельным европейским поэтам-модернистам – Ш.Бодлеру, Р.Лоуэллу, Г.Аполлинеру, Р.Рильке и др., близким ему по духу, отклонениям от устоявшейся нормы, стремлениями к новой технике и динамике стиха.

Айдын умел найти для мощнейшего потока поэтического сознания адекватную ритмику, создавая тем самым новые поэтические шедевры, одним из которых являются стихи «Я – Канатоходец», в которых жизнь человека-творца уподобляется напряжённой и опасной цирковой игре, где герой предстает абсурдным человеком абсурдного поведения.

Хожу между «да» и «нет»,
как на зелёный, так и на красный свет.
Встречаю рассвет, провожаю закат.
Хожу между жизнью и смертью,
между молчанием и речью,
праздной и что-то значащей,
гневной и плачущей.
Хожу, ибо должен ходить.
Живу, ибо сам себе должен жизнь сотворить,
ибо должен придать ей смысл и цвет,
может быть, оттого и встречаю рассвет.

Динамичный по силе своего звучания этот жгучий памфлет, клеймящий пороки и хаос, царящие в современном обществе, вносит остроту и свежесть критической мысли в национальную поэзию.

Утрата нравственных ценностей наиболее ощутима и горька для поэта, живущего в мире опустошенности, непонимания и одиночества.

Сиротея день ото дня,
Я тону в людском равнодушии.
Вещи, которым я отдал душу,
по частям расточают меня.

Поэзия Айдына отличается творческим освоением философско-художественного опыта как Запада, так и Востока. Он – тонкий ценитель и поклонник как западной, так и

восточной поэзии. Особого внимания заслуживают стихи поэта, написанные по мотивам японской поэзии «Танка», «Хокку» и «Вака».

Как известно, японская поэзия отличается своей самобытностью и необыкновенной поэтикой, устойчивой метрикой, нерифмованным трехстишием (хокку или хайку) и нерифмованным пятистишием (танка или вака). Это искусство, умение сказать многое в немногих словах.

Танка – более древняя форма поэтического выражения мимолетного настроения, полной недосказанности, отличающаяся поэтическим изяществом, ассоциативностью. В стихах на мотивы «танка» находят своё отражение поэтические мироощущения Айдына Эфенди.

Что останется после меня
в мире подлунном?
Небо высокое,
звёзды небесные
и ветер,
конечно же ветер...

На мотивы «вака» создано пятистишие с зеркальным отражением непонятной абсурдной жизни, у которой нет прошлого и будущего.

Что было вчера не помню,
Что будет завтра не знаю,
Что есть сейчас не пойму.
Чего же я жду без надежды
В этом суетном мире?...

Айдыну Эфенди удаются и поэтические эксперименты с синтезом «танка+вака».

День приходит, год уходит,
Жизнь бежит, не дав вздохнуть.

Видимое исчезает,
Нам не дав в себя взглянуть.

Маленькие шедевры основателя не только поэзии хокку, но и целой эстетической школы японской поэтики М.Басё и его учеников завоевали большую популярность в мире. Они переведены на многие языки, в том числе на английский и русский.

О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему —
В этом высший подвиг цветка!

*

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.

*

Погостила и ушла
Светлая луна... Остался
Стол о четырех углах.

Однако Айдын читал их на языке оригинала, переосмысливая на свой лад и создавая свои неповторимые образцы «хокку», в которых находит отражение трагическая участь поэта. Наибольшей поэтической выразительностью отличаются стихи на мотивы «хокку» с небольшой трансформацией классического трехстишия.

Словно гонимый ветром
лист газеты
пролетает по городу
моя призрачная жизнь.

Уникальны по актуальности и значимости рубаи поэта на мотивы О.Хайяма.

В мире все приходит и уходит
в пустоту, в ничто и в никуда.
Радость то приходит, то уходит,
остаётся только пустота.

*

Срам и стыд мой современный город,
а когда-то был могуч, велик.
Господи, добей скорей же век,
чтоб здесь возродился человек.

*

Я тот, кто есть, и тот, кто был и будет,
и всякий обо мне пускай не судит.
В ком честь жива, мой стих к любви пробудит,
а кто угас, того уж смерть рассудит.

В поисках света и надежды Айдын нередко обращается к Началу, к вере и религии. Не случайно одно из произведений Будды «Сотвори себе остров» лежит в основе его одноименной поэмы.

Сотвори себе,
сотвори себя,
раствори себя в пылинке, былинке,
в лесу и в доме,
в костре, что горит на дворе,
истлевая последними угольками,
которые светятся и просят
ещё огня, ещё соломы или тростинки,
дабы разжечься и дать нам тепло...

Будучи человеком высоких помыслов, Айдын всегда тянулся к свету и добру, призывал к этому всех людей.

Надо жизнь так прожить,
чтобы всем стало тепло и светло.
Сотвори себе,

сотвори себя,
Укрепись в одиночестве.

Свою миссию и предназначение отверженный, «гонимый» и отсутствующий во времени поэт видит в творческом и созидательном труде.

Твердо уверенный в своем бессмертии, он провозглашает начало новой, духовной жизни.

... Если кто меня спросит,
Скажи – его нет,
Он вышел застать рассвет.
Если кто меня спросит,
Скажи – его нет,
Он вернется через тысячу лет.

(«Отсутствие»)

Ярким представителем азербайджанского авангардного творчества является поэт, драматург, пианист **Вагиф Самедоглу Векилов** (1939-2015).

Мудрый и свободомыслящий от природы, он («всезнающий» – значение его имени) обладал широким спектром знаний. Родоначальник нового мышления, он внес большой вклад не только в национальную культуру, но и завоевал любовь и признание далеко за пределами Азербайджана.

Исследователи поэзии Вагифа Самедоглу ставят азербайджанского поэта в один ряд с европейскими поэтами-модернистами. Вклад, внесенный им в азербайджанскую поэзию, уподобляется вкладу, внесенному в поэзию французскую Артюром Рембо, в австрийскую – Георгом Штраклем...

Сыновья Самеда Вургуна вышли из глубин метафизического созерцания, поднявшись до европейского уровня. Вагиф мог не публиковаться десятилетиями. Это был его

протест, своеобразный брезгливый жест, отделяющий его от сотен литературных марионеток советской эпохи.

Я был громадным
голубым мамонтом
в ледниковый период Земли.
В то время не было
ни Кёроглу,
ни Мери Пикфорд;
ни Лемберанского,
и ни Генри Форда.
В то время не было даже
ни правой стороны,
ни левой,
и светофора не было
тоже...
Только лёд.
Море...
И вновь льды...
Было холодно.
А я был громадным
голубым мамонтом.
Хотя...
сейчас преподаю игру
на фортепиано.

«Его стихи – парадоксальные, ёмкие, гротескные и лиричные одновременно, – пишет один из замечательных друзей Вагифа Самедоглу поэт и публицист Александр Грич. – Это поэзия высокой пробы. Эти стихи очень трудно переводить. Но там, где это удаётся – в Прибалтике, скажем, в Латвии – стихи В.Самедоглу входят в школьные курсы литературы».

В Германии десятки стихов Вагифа Самедоглу переведены на немецкий – и был вечер, где он читал свои стихи.

Причем, по требованию аудитории, как музыку, на азербайджанском. Целый вечер!

Вот лунный свет
забросил цепь златую
в морскую глубь...
Повеситься бы мне
на той цепи,
на этой вот луне,
ногами оттолкнув
уже ненужный
мне шар земной...

Или же «Остановите шар земной – сойти хочу!» – в глубоком отчаянии восклицает поэт. В жизни поэта были периоды депрессии, неустроенности, отчаяния. И длиться они могли долго... Когда он жёг написанные стихи или подолгу не писал. Или жил, по его собственным словам, «между стихами и смертью». Трагическая нота в его поэзии всегда была очень сильна.

...Голоса болезненны,
цвета изранены...
...Кровью полон
глаз всех пространств...
Жизнь человеческая бродит
между трупами надежд...
...На сумрачной плоскости
стены угасло окно...
...От каждой беды, кроме смерти,
Есть избавление, говорят...
Может быть, сама смерть
Есть избавление от каждой беды...

Поэзии Вагифа Самедоглу, как и поэзии М.Хади, присущи мировая скорбь и печаль.

Предметом размышлений поэта является современный человек, философия духа лирического героя и окружающий его мир, меняющийся на глазах, мировые идеи, потери и утраты, горечи и беды, нашедшие своё отражение посредством новаторского мышления и новой техники свободного стиха, нерифмованного поэтического текста.

Израненный временем, его лирический герой одинок, однако его не покидает надежда – вечный спутник неунывающего поэта: «С головы до ног пронизан надеждой. И холодные струи не уносят меня на дно». Луч надежды, светящийся в нем, помогает ему жить и творить.

Нельзя смотреть
На камни и ограду,
Граната кровь
И куклу без руки.
Стоять и ждать
Бессмысленно не надо
Усталому рассудку
Вопреки.
...Скорее прочь
От этой вот юдоли,
И скройся там,
Чтоб душу уберечь,
Где ветер нежит
Золотое поле,
И птичий свист
Понятнее, чем речь...

Поэт-лирик, поэт-философ Вагиф Самедоглу, этот мужественный и волевой человек, как пишут о нём друзья, всегда жил, сохраняя оптимизм и чувство юмора.

У Вагифа Самедоглу богатая и неповторимая поэтическая лексика с яркими живописными метафорическими рядами.

И вот опять Баку.
И я объят Баку.
И небо теплое –
как воспоминание.

Сверкает город рыбьей чешуей
после дождя.
Море блаженное –
как лицо разрешившейся
роженицы.

(Из поэмы «Рояль»)

Образно-символическое изображение с использованием лексем с национальной окраской придают настрою души национальный дух и национальный колорит.

Был опрокинут гигантский казан
с неба,
плыл над Москвой тягучий азан
снега.
Железный запах метро
мне не забыть.
Как дым очажный в родных краях,
как скалы бурые у Бузовны
я любил тебя.

Сам Вагиф Самедоглу считал себя поэтом настоящего, прошедшего и будущего времени. «...Если в моих строках есть ценная мысль, если среди созданного мною есть интересный образ, значит я буду поэтом всех времён».

Поэт-новатор всегда стремится проложить себе новую тропинку, свой путь в творчестве. По утверждению устада современной азербайджанской поэзии Б.Вагабзаде, «новизна его в красоте и ясности. Если смысл неясен, не может

быть и речи о новаторстве, потому что литература создаётся не для избранных, а для народа».

Будучи одним из ярких представителей поколения «шестидесятников», Вагиф Самедоглу часто вспоминал этот период новых и свежих модернистских веяний, когда во всех областях культуры, искусства и литературы, в том числе в музыке, живописи, поэзии наблюдается появление свободного стиля, нового направления, отход от традиционной поэзии, обращение к нерифмованным стихам.

Кружатся в яллы
вселенная,
солнце,
земля,
человек,
бельё на веревке,
Чарли Чаплина трость...
И я...
Кружимся, кружимся в яллы.
Звук зурны – балабана,
музыка яллы
давно кончилась.
Но мы вновь
кружимся в яллы...

«О себе могу сказать, что всю жизнь я писал, и сейчас я каждый день пишу. Я не жду, когда придёт вдохновение. Если не удаётся написать стихи или же дневник, обращаюсь к прозе в форме сказочного повествования, и если и это не получается, то записываю свои мысли... Это моё убеждение, что поэт, писатель не имеет право мыслить без пера.

Я никогда не думал об издании своих стихов. В советский период цензура никогда не давила на меня. Я с гордостью говорю об этом, а не как ложный диссидент... И то, что мои произведения не издавались, дало мне определённый

ную свободу. Идеиную свободу, свободу мысли, писал то, что хотел.

Ни проблема издания, ни политическое положение, ни общественное устройство, ни руководство не препятствовали моей работе. Я был свободен и со стороны творческой технологии. Хотя на самом деле ни один человек в мире, и в особенности поэт, не может быть свободным, ибо его творчество, как ни одно другое, предопределено страданиями, переживаниями, потрясениями и историческими бедами».

Ты моя
родная мать, Свобода,
я твоё дитя,
выросшее при чужих дверях.

Вагиф Самедоглу вобрал в себя все боли и печали своей эпохи:

Поэту нужны страдания,
Как мельнице ветер.

Ощущение своего одиночества в окружающем его мире, экзистенциальное мировосприятие «израненного» временем поэта, «сбросившего свои надежды, как груз с тонущего корабля» и увидевшего, что «на стене жизни опять висит верёвка вместо двери» – жестокое последствие того, что «каждая ночь» и «каждое утро» теперь уже стали восприниматься как «последние». Философское осмысление жизни и смерти, бережное отношение к живой природе, человеку и духовным ценностям в основе стихов, отличающихся новаторским духом – поэтических мироощущений.

И в лесу
Убивают человека
Боже,
На глазах
Стольких деревьев

Не случайно поэт-авангардист, в совершенстве овладевший познаниями в области восточной философии и поэзии, выросший на традициях национальной литературы, считает Меджнуна самым свободным человеком на земле, жаждущим страданий во имя любви. Божественная любовь ведёт человека к совершенству и воссоединению с Божеством.

Вагиф Самедоглу идеализирует смерть, приносящую покой и умиротворение человеку. И чтобы спокойно умереть, надо спокойно жить – с надеждой и огоньком в душе. Такова его мудрая философия.

Но, как это ни прискорбно, чаще человеку приходится искать «жизнь среди трупов надежд», когда «стихи гниют в чьей-то ране».

Тягостные мирские страдания уводят мысленно поэта в «колыбель своего детства», где мать заворачивала его «вместо пелёнок в саван».

Трагический век предопределил судьбу поэта, считающего себя заключённым уже при рождении: «Родился в 39-м, в 37-м был арестован».

В выстраданной и вместе с тем свободной по духу, искренней и цельной по содержанию поэзии Вагифа Самедоглу находит своё яркое отражение духовно-нравственная картина эпохи, воссозданная с необыкновенной творческой силой и дарованием большого поэта-новатора, поэта-авангардиста.

В стихах исследуемых нами поэтов нередко прослеживается общность и созвучие мотивов (одинокчества, отчуждения от реальности, смерти, последнего слова, листа, ветра, утра, дождя и пр.), схожесть и аналогичность категорий и определений жизни и смерти, ассоциативного мышления.

Их объединяет духовное родство, широта и глобальность познаний, неприятие окружающей действительности,

философско-субъективное постижение мира, в котором много необъяснимого и не поддающегося разуму.

Самобытна поэзия каждого из них, содержащая пессимистические умонастроения, однако отличающаяся новаторским духом, мировидением и стилем самовыражения, авангардным уклоном, стремлением к обновлению поэтического искусства, духовных ценностей.

Неповторимой и новаторской поэтической ориентацией, богатым творческим опытом, метафизическим подтекстовым содержанием и виртуозным национально-стилистическим стихосложением отличается авангардная поэзия **Рамиза Ровшана** (1946).

В поэтическом воображении Р.Ровшана он – как свободная пылинка, вращающаяся на небесах и стремящаяся покрыться оболочкой, чтобы с помощью божественного вмешательства перевоплотиться в человека, обрести тело, дыхание, голос, дар слова, а, следовательно, и желанную духовную свободу, как следует из подтекста: «Mən bir tozam, azadam göy üzündə, nə olsun ki azad deyil bir adam yer üzündə. Sən bu cansız azadlığı gəl məndən al, ilahi! Tez ol mənə qəfəsə sal, ilahi! Nəfəssizəm – tez ol mənə nəfəs ver. Nəfəsimə bədən adlı qəfəs ver. Mənə səs ver – səsə qəfəs, ağız ver. Mənə söz ver – sözə qəfəs, kağız ver!...» (Я лишь свободная пылинка в небе, что с того, что не свободен человек? Отбери у меня, боже, эту неживую свободу! Запри меня в клетку! Я бездыханен – дай мне дыхание, заключив его в клетку тела. Дай мне голос, а для него клетку-рот. Дай мне слово – и бумагу, клетку для слова!)

Согласно восточной философии, жизнь человека состоит из мирской и духовной деятельности. Как мыслит великий Насими, оба мира – тело и душу – вмещает он в себя, однако его поэтическое «я», более охватное и могущественное, не вмещается в этот мир слияния двух миров.

Интересно и поэтическое восприятие этих миров в поэзии Рамиза Ровшана:

«Ruhum, dur, yığış, gedirik. – Sən yuxarı, mən aşağı» («Вставай, мой дух, собирайся, уходим. Ты – навверх, я – вниз»). Так, намеками «вверх» и «вниз», определяются границы реального и ирреального миров, с которыми связаны жизнь и смерть человека.

В поэзии Рамиза Ровшана находит отражение многократное существование человека в прошлой жизни, что также исходит из восточной философии.

«Bir dəfə də gəlmişəmmi? Gəlmişəmmi, görmüşəmmi? Yaşamışam, ölmüşəmmi? Dünya mənə tanış gəlir». («Пришёл ли я ещё раз? Приходил ли я когда-то, видел ли? Жил ли когда-то, умер ли? Мир кажется мне знакомым»).

Жизнь воспринимается поэтом как ложная:

«Bu yalan ömrümdə, görən, sən nədən? Bəlkə, heç sevgilim deyilsən mənim. Anamsan, bacımsan, nənəmsən, nədən?! Bircə Allah bilir nəyimsən mənim». («Кем же приходишься ты мне в этой ложной жизни? Может быть, ты даже не любимая моя. Кто ты, мать моя, сестра моя, бабушка моя?! Только Аллаху известно, кем ты приходишься мне»).

В философском постижении поэта каждое начало – конец чего-то, каждый конец – начало чего-то.

Смерть же служит началом жизни.

«Ən rahat, qorxusuz yoldasan indi, dünyanın ən təmiz, ağ donundasən. Bircə Allah bilir hardasan indi ömrün əvvəlində, ya sonundasən. Beşikdə bilirsən özünü bəlkə, Astaca-astaca yırgalanırsan». («Сейчас ты на самом спокойном, бесстрашном пути, в самом чистом, белом платье мира. Лишь Аллах знает, где ты сейчас – в начале жизни или в конце. Может, в колыбели ты чувствуешь себя сейчас, тихо-тихо качаешься»).

Экзистенциальные мотивы одиночества, тоски, скорби, горя, смерти, последнего и пр. характерны для творчества каждого авангардного поэта, находящегося в орбите нашего исследования.

«Ölüm nədi? Həminin son vətəni... Son yarpağı qoparan son küləkdi». («Что такое смерть? Последняя родина всех...

Последний ветер, срывающий последний лист»). Как созвучны эти стихи Рамиза Ровшана мыслям Вагифа Самедоглу, чья поэзия рассматривалась нами выше. Общим является для них и мотив обречённости и неизбежности конца: «Qabaqdan bir gecə gəlir, arxasında səhər uox». («Близится ночь, за которой не видно утра»).

Безумные идеи, преследующие поэта Айдына Эфенди, охватывают порою и его современника Рамиза Ровшана:

«İstəyir assın özünü, ağaclara qıymır adam». («Хочет повеситься человек, да деревьев жаль»).

Однако поэт не видит иного выхода из удушающей атмосферы духовного кризиса и господства хаоса и абсурдной жизни. «Kəndir tapıb, bu ağacdən asılmağa qaldı əlac...» («Остаётся найти веревку и повеситься на этом дереве»).

Поэзия Рамиза Ровшана отличается богатством образно-поэтического вымысла, своеобразными интерпретациями множества мотивов тени, зеркала, дверей, дыхания, мокрых глаз, горя, разлуки, траурных писем и пр.:

1. «Ölür kəndimizdə tənha qarılar, Yenə kölgə düşür toyaşənliyə». («Умирают одинокие старушки в нашем селе, Опять блуждают их тени на свадьбах и торжествах»).

2. «Öluncə neçə-neçə qapıdan keçir adam, Dünya üz tutduğumuz qapılarla doludu. Bəlkə də, üzümüzə çırpılan qapılardan, üzümüzə açılan qapılar qorxuludu». («Через сколько дверей проходит человек, пока умрёт. Может быть, двери, захлопывающиеся перед нами, страшнее, чем двери открывающиеся»).

3. «O son söz bəs nə deyirdi? O son nəfəs nə deyirdi? – Sevin özünə deyirdi, – özünə sevin, özünə!...» («О чем же говорило то последнее слово? То последнее дыхание о чём говорило? – Радуйся себе, – говорило, – себе радуйся, себе!...»).

Очень часто стихи Рамиза Ровшана, начинающиеся с обычных бытовых эпизодов, завершаются абсурдными мыслями, метафизическими обобщениями, алогизмами, использующимися как стилистический приём.

Достаточно обратиться к следующим поэтическим строкам: «Gəl, əl-ələ tutub, gedək, Gedək biz olmayan yerə». («Давай возьмём друг друга за руки, пойдём, Пойдём туда, где нас нет»).

«Bir səhər yudum üzümü-gözümü bir ovuc suda. Gördüm ayaqdan başacan özümü bir ovuc suda». («Однажды утром умылся в пригоршне воды. Увидел себя с ног до головы в пригоршне воды»).

Эти стихи-посвящения Камалу Абдулле, как нельзя точнее и вернее характеризуют своего адресата как оригинальную творческую натуру, склонную к фантасмагориям и трансформациям, к игре воображения и абсурдным изображениям.

А в посвящении Афга Масуд поэт замечательно уловил присущее писательнице мистическое восприятие жизни, свободу мысли и магию письма:

«Bir səhər yuxudan durub Özünü uşaq görəsən. Görəsən hamı evdədi, Ölənləri sağ görəsən. («Однажды, проснувшись утром, Увидеть себя ребёнком. Увидеть, что все дома, Увидеть живыми всех умерших»).

Грустный подтекст заключён в абсурдных строках поэта:

«Əyildim, sulara baxdım. Axtardım cavan üzümü. Sular axdı, sular axdı, Apardı cavan üzümü». («Нагнулся, в воду посмотрел. Поискал своё молодое лицо. Утекли воды, воды утекли, Унесли моё молодое лицо»).

«Каждый настоящий стих зарождается от соприкосновения со Смертью. По сути, это окно, открывающееся в бесконечную тьму, в вечность под названием Смерть, и из того окна мы соприкасаемся с холодным дыханием Смерти...», — так пишет в одном из своих эссе Рамиз Ровшан. От этого соприкосновения рождается вся мировая поэзия. Знаток мировой литературы, Рамиз Ровшан прекрасно владеет опытом творческого освоения европейских модернистских направлений, свободно ориентируется в них, не только в поэзии, но и во многих других видах литературы и искусства. Об-

ращение к национальным истокам, бережное отношение к классическим традициям умело сочетается у него с использованием философско-художественных достижений мировой поэзии. У него уникальная поэтическая технология. Непревзойдённый мастер трансформаций, Рамиз Ровшан виртуозно перестраивает структуру стиха, обогащает современную поэзию новаторскими привнесениями. Вместе с тем поэт стремится уберечь и сохранить любимую 11-сложную хеджа.

Qoymaram, qoymaram əyləsinə
Onu qoruyaram son nəfəsəcən.
Mənim onbirliyim nəhəng bəliqtək
Çırpınır, can verir əsrin torunda.

Не дам, не дам согнуться, сломаться,
Защищу её до последнего дыхания.
Моя одиннадцатисложная
Как громадная рыба
Бьётся, задыхается в сети века.

Вдумчивости и глубокого постижения требуют подтекстовые прочтения к оригинальному поэтическому рефрену. «Çiçəklər doğulur bu yaz gecəsi». («Рождаются цветы в эту весеннюю ночь»).

Это мастерское созерцание рождения цветов в весеннюю ночь и ассоциативные представления с нарушением симметрии и обыгрыванием слов, оживляющие историческую память в ипостаси жизни и смерти, с трогательно-лирическим обобщением, озаряющим светом надежды.

Поэту-новатору превосходно удаются также 8-сложные и 7-сложные стихи:

Gecənin tən yarısında Gilənar çiçəkləyir.
Yerlə göyün arasında Gilənar çiçəkləyir.

В полночь вишня расцветает.
Между небом и землею вишня расцветает.

Фейерверком сверкающих метафорических россыпей
блещут строки:

Yavaş-yavaş sevdim səni,
Ən çox bu qış sevdim səni,
Qar altından baş qaldıran,
Çiçəktək sevdim səni.
İstisinə qızındığım
Ocaqtək sevdim səni.
Səni sevdim qar üstündə
Yem axtaran quş kimi.

Постепенно я полюбил тебя.
Особенно зимой полюбил тебя.
Полюбил как цветок,
приподнявший головку из-под снега.
Полюбил как очаг,
пригревший меня своим теплом.
Полюбил как птицу,
ищущую корм на снегу.

Поэтическими колумбами, заговорившими «мировыми кодами», называют азербайджанских поэтов В.Самедоглу и Р.Ровшана. К ним смело можно причислить и Айдына Эфенди, чья поэзия проникнута теми же «мировыми кодами». Они привнесли в поэзию открыто, ярко и основательно мотивы жизни, смерти, следуя традициям мировой поэзии, соприкоснувшейся со Смертью.

Поэзия всех трёх поэтов отличается свободой духа и отсутствием даже налета идеологической примеси. Все три поэта умело, и уверенно владеют техникой и поэтикой стиха, в особенности Рамиз Ровшан. Не случайно он берётся за

переводы труднопереводимых русских и европейских поэтов.

Его перу принадлежат талантливые переводы произведений Вл.Маяковского, С.Есенина, М.Цветаевой, Б.Пастернака, Ш.Бодлера, Р.Рильке и др.

Думается, что модернистская (авангардная) поэзия Рамиза Ровшана должна изучаться в контексте глобально мыслящих поэтов века. Среди оригинальных поэтических посвящений Рамиза Ровшана есть замечательное стихотворение, посвящённое крупнейшему поэту XX века Райнеру Рильке (1875-1926) с символическим названием «Yıxılıgram» («Падаю»), в котором определяется творческая судьба одинокого и отчуждённого поэта, «падающего» от роковых страданий.

Небезынтересна в этой связи и идентичность трагических судеб разнонациональных поэтов – М.Цветаевой, Б.Пастернака и Р.Рильке, живущих в аналогичных социально-общественных условиях кризиса и духовного спада, что нашло своё отражение в их эпистолярной поэзии.

Общие для многих трудности периода спада лирической стихии сблизили разбросанных по разным странам Цветаеву, Пастернака и Рильке. За их письмами друг к другу ощущается духовное одиночество, в котором оказались поэты, их желание найти сообщца – «поверх барьеров» – новые возможности искусства.

Поэзия, как высшее и вечное духовное начало, проявляющееся во времени через её «носителей» – поэтов, становится одной из главных «опорных» тем в эпистолярной перекличке Рильке, Цветаевой и Пастернака.

Духовное родство лежит в основе глубоких поэтических созвучий образов.

Касаемся друг друга. Чем? Крылами.
Издавека своё ведем родство.
Поэт – один. И тот, кто нёс его,
Встречается с несущим временами.

В этих строках замечательной элегии Рильке, посвящённой М.Цветаевой, сокрыт образ всадника, как бы символизирующий двуединство поэзии и «несущей» её природы.

Важнейшим элементом в системе взглядов была «душа» – естественнейшее проявление «живой» природы. «Живая» природа – источник творчества и поэзии, как воспринимала её Цветаева. Ей казалось, что в окружающей действительности душа ущемлена, обесценена, беззащитна. Этому миру мещанской косности, обыденности, будничности – «миру тел», как называла его Цветаева, – противопоставлен поэтически возвышенный «мир душ». Мир подлинной любви для Цветаевой – тот, в котором происходит слияние душ, а не тел.

Такое же романтическое происхождение имеет и цветаевская идея «сна». «Сон» для Цветаевой – один из способов ухода от действительности.

«Сон» – прообраз иного мира, в котором живут и встречаются «души». Поэтому общение «во сне» было для Цветаевой полнее и ощутимее, чем общение наяву.

Неоценима роль чрезвычайно интересных и запоминающихся штрихов к творческим портретам трех великих поэтов мира в постижении новаторского духа поэзии трех ярких представителей азербайджанского авангардного искусства.

Чем более расширяется – географически и исторически – круг литературных явлений, включаемых нами в сферу исследования (а процесс этот разворачивается весьма стремительно), тем очевиднее становится внутренняя взаимозависимость этих явлений или, во всяком случае, необходимость изучать их в сопоставлении, не изолированно, а в общем контексте художественной деятельности человечества... Без такого рода попыток трудно выявить национальную специфику отдельных литератур, особенности их эво-

люции, своеобразие их вклада в сокровищницу мировой литературы.

Глобальность мировидения, умелое творческое освоение европейского модернизма, общечеловеческое звучание поэтических творений Айдына Эфенди, Вагифа Самедоглу и Рамиза Ровшана, новаторские привнесения каждого из них в современную азербайджанскую литературу, а также переводы их произведений на языки мира и переводы, сделанные ими из мировой поэзии, дают возможность для широкого изучения их творчества в контексте мировой литературы.

2016

OLJAS SÜLEYMENOVUN YARADICI PORTRETİNƏ NƏZƏR

2006-cı ildə YUNESKO-nun qərarı ilə dünya ictimaiyyəti görkəmli şair, böyük humanist və filosof, dünya şöhrətli türkoloq-alim, ictimai xadim və diplomat Oljas Süleymenovun 70 illik yubileyini qeyd edirdi. İlk öncə onun vətəninə keçirilən və milli bayrama çevrilən yubiley tədbirləri sonra Bakıda da öz davamını tapdı. Azərbaycan Respublikası Prezidentinin qərarı ilə Oljas Süleymenov Şərəf ordeni ilə təltif edildi.

Bu, onun Azərbaycanla elmi-mədəni və ədəbi-ictimai əlaqələrin gücləndirilməsində və inkişaf etdirilməsində gördüyü əməyin layiqincə qiymətləndirilməsi demək idi.

Yubiley gecəsində yüksək qonağı onun azərbaycanlı dostları – şairlər, yazıçılar, rəssamlar, ictimai dövlət xadimləri, eyni zamanda Qazaxıstandan gələn qonaqlar, Azərbaycandakı Qazaxıstan Səfirliyinin nümayəndələri ürəkdən alqışladılar. Şairin rus və Azərbaycan dillərində gözəl şeirləri səsləndirildi. Bu unudulmaz gecədə həm də O.Süleymenovun həyat və yaradıcılığına həsr olunmuş maraqlı sənədli film də nümayiş etdirildi.

Gecə yubilyarm özünün çıxışı ilə yekunlaşdırıldı. O, Azərbaycan haqqında çox səmimi danışaraq onu özünün ən böyük dostu adlandırdı və çox qısa bir zamanda möhtəşəm hadisənin – Azərbaycanın ərazi bütövlüyünün bərqərar olacağına iştirakçısına çevriləcəyinə əmin olduğunu bildirdi.

1981-ci ildə dahi Azərbaycan şairi və mütəfəkkiri, dünya ədəbiyyatının korifeyi Nizami Gəncəvinin (1141-1209) 840 illiyinə həsr olunmuş təntənəli gecədə O.Süleymenov öz çıxışında qeyd edirdi:

– Biz bu gün çox əlamətdar, bəşər sivilizasiyasının taleyi həll olunan bir gündə yığışmışıq. Ölkəmiz və ümumən, planetimiz üçün çətin olan bir zamanda Azərbaycan dövlətinin, bizim ölkəmizin bütün dünyanı lərzəyə gətirən sərkərdə deyil, məhz söz ustası, öz kəlmələri ilə insanları mərhəmətli olmağa səsləyən, onları sülhsevər ruhda tərbiyə edən bir dahini yada salırıq, bu çox təqdirəlayiqdir.

Oljas Süleymenovun planetar səviyyədə düşüncə tərzinin əsl vətəndaş olduğuna dəlalət edir.

Müasir dövrün mürəkkəb konfliktlərində, baş verə biləcək böyük faciələrdən narahatçılığını bildirən O.Süleymenov bəşəriyyətin yeganə çıxış yolunu birləşməkdə görür.

Şairin insanların yaxınlaşması və mədəniyyətlərin sintezi əsasında qurulmuş ideya-mənəvi prinsipləri onun bütün yaradıcılığının əsasını təşkil edir.

O.Süleymenovun çoxşaxəli poeziyasında vətən, köklər, tarix və müxtəlif dövrlər arasında bağlılıq mövzuları bir araya gəlir. Söz azadlığını özünə şüar edən Oljas, bir “tarixçi-xəfiyyə” kimi öz əsas məqsədini oxucusunun qarşısında həqiqəti açmaqda görür.

Elə ilk tanışlıqdan Oljasın şeirləri həm forma, həm də məzmun cəhətdən öz qeyri-adiliyi ilə, həyata baxışın özünəməxsusluğu və hisslərin ildırımsürətli yürüşü ilə bizi heyrləndirir. Onun sətiirləri arxasından xeyir və şər anlayışlarına çox ciddi yanaşan, kəskin “tarixi hissiyyatlı” güclü və mərd bir insanın – şairin özünün obrazı görünür.

Qazax şairinin şeirlərində “Şərq öz poetik üfüqlərini dəyişmədən, özünü itirmədən Qərbə doğru hərəkət edir”. (Y.Sidorov) və dövrlər arasındakı bu bağlılıq qaçılmaz və qanunauyğundur, belə ki, tarixin “tərəzisi” dəqiq və taraz olmalıdır:

Yer üzündə tarazlaşma baş verir,
Dəyişən dünyamızda Ali məqam yaranır.
Sən hiss edirsənmi: yenə zəka hərəkətə gəlir,
Kitablar utandığından qızarır?

Sətri tərcümə – A.F.

O.Süleymenovun poetik yaradıcılığında tarixi öyrənmək və tarixi həqiqətləri açmaq cəhdləri onun elmi axtarışlarının da əsasında durur.

Təsadüfi deyil ki, dünya və qədim rus tarixi mənbələrində türk amilinin dərindən öyrənilməsi və üzə çıxarılması məhz O.Süleymanovun adı ilə bağlıdır.

Məlumdur ki, Qədim rus tarixinin Böyük səhra mədəniyyəti ilə bağlılığı, onlar arasında müharibə və sülh dövrləri uzun müddət rus türkologiyasının ən çətin və açılmamış səhifələrindən olmuşdu. İlk tədqiqatların izlərini hələ XIX əsrin ortalarında, rus-şərqsünas alimlərini Şərq mədəniyyəti, ədəbiyyatı və folklorunun qədim rus ədəbiyyatı ilə bağlılığı problemi narahat etməyə başladığı zamanda görmək olur. Məsələn, İ.N.Berezin bir sıra tədqiqatlarında şifahi Şərq ədəbiyyatının slavyan mifologiyasına təsirini qeyd edir.

İlk dəfə “İqor polku haqqında dastan”da Asiya mədəniyyətinin izləri olduğunu Qazan Universitetinin professoru F.İ.Erdman aşkara çıxarır. Berezinin Şərqə, xüsusilə, qədim türklərə olan marağı onu “Qızıl Ordanın daxili quruluşu”nun öyrənilməsinə gətirib çıxarır. V.F.Miller, A.N.Panin, V.V.Stasov kimi alimlər rus eposunun Şərqlə əlaqəsini vurğulayırlar. V.V.Stasovun “Rus dastanlarının Şərq kökləri” əsəri öz zamanında böyük səs-küyə səbəb olmuşdur (1868).

M.Kazım bəy və N.V.Katanov kimi alimlərin tədqiqatlarında da şifahi Şərq ədəbiyyatı ilə slavyan dünyası arasında yaxınlıq əlaqələrinə toxunulur.

Eyni zamanda müəllif qeyd edir ki, “rus ədəbiyyatı həmişə yad mədəniyyətlərin təsirini özündə əks etdirmiş, həmişə təqlid edici olmuşdur”.

Bu baxımdan, ilk rus filosofu sayılan, görkəmli müfəkkir alim P.Y.Çaadayevin (1794-1856) “qaranlıq gecədə açılan “bir güllə kimi” (A.İ.Hersenin təbircə) bütün rus fikrini lərzəyə gətirən fəlsəfi məktubları çox təqdirəlayiqdir.

Çaadayev yazır: “Biz zamanın yolları ilə elə qərribə addımlayıırıq ki, hər atdığımız addım bizim üçün birdəfəlik qeyb olur. Bu, kənardan gətirilmiş, təqlidçilik üzərində qurulmuş bir təhsilin nəticələridir”.

Çaadayevin həcmcə çox da böyük olmayan ədəbi irsinin apofeozu isə “Dəlinin apologiyası” adlı möhtəşəm əsəridir ki,

burada qədim rus mənbələrində təsvir olunan tarixi hadisələrlə bağlı bir çox faktlara yenidən baxılır və araşdırılır.

Müəllif qeyd edir ki:

“Dastanlarımıza əvvəlindən sonuna qədər nəzər yetirsəniz, hər bir səhifədə hakimiyyətin dərin təsirini hiss edərsiz”.

Məhz qədim rus dastanları da “hakimiyyətin dərin təsiri” faktı sonralar rus mədəniyyətinin Asiya qatları ilə, səhra mədəniyyətinin Qədim rus ictimai-siyasi mühitinə, mədəni-mənəvi inkişafına təsiri ilə məşğul olan alimlərə yaxından kömək etmiş oldu.

Dünya və xüsusilə, sovet tarixində bəzən bir ənənəyə çevrilmiş, hakim dairələrin istəyinə görə tarixi mənbələrin təhrif olunması, müəllifin əvvəlcədən qurulmuş konsepsiyasına uyğunlaşdırılmasına qarşı M.D.Priselkov, A.Y.Presnyakov, Y.S.Lurye kimi rus dastan tarixi ilə məşğul olan görkəmli alimlər öz etiraz səslərini ucaldırdılar. Onlar “imkan daxilində mənbə və faktların hüquqlarını qorumaq” məsələsini tarix elmi qarşısında qoyurdular.

Artıq XIX əsrin II yarısında “Dastanda”... təsvir olunan tarixi hadisə və faktların təhrif olunduğuna alimlər arasında şübhə yaranmışdı. Bu da öz növbəsində “Dastan”a... yenidən baxılmasına ehtiyac yaradırdı.

O.Süleymenovun bu ikidilli (slavyan-türk) dastanda türk faktorunu aşkarlaması və türkiyəli aydınlaşdırması bu sahədə böyük bir çevriliş etdi.

“Lügət – tarixi məlumatların yeganə obyektiv mənbəyidir. Dilimiz yazıda əksini tapmayan tarixi həqiqətləri qoruyub saxlayır.

Onlar təsdiq edir ki, xristianlığa qədərki dövrlərdən slavyanlar türklərlə tam sülh şəraitində yaşayırmış. Bir yerdə mal otarır, yer şumlayır, xalça toxuyur, paltar tikir, alver edir, ümumi düşməyə qarşı birgə mübarizə aparır, eyni hərflərlə yazır, eyni alətlərdə çalır-oxuyurdular və inamları eyni idi”.

Bunu O.Süleymenov “Az i Ya” əsərində qeyd edir. Elmdə köhnəlmiş fikirlərə qarşı üsyan edən “Az i Ya” əsəri müəllifin fərqli düşüncə tərzinin əsasını qoydu. Muxalif yazıçının yorul-

madan apardığı tədqiqatlar onu qədim yazıların öyrənilməsinə gətirib çıxartdı.

O.Süleymenov çoxdan planlaşdırdığı “Yazının dili” əsərində məhz bu mövzuya – qədim yazıların yaranma tarixinə baş vurur.

Burada ilk ieroqliflərlə şifahi və yazılı nitqin arxetipi ilə bağlılığı vurğulanır.

O.Süleymenovun “Az i Ya” əsərində (1975) türkizmlərin aşkarlanması ilə başlayan və onun həyatının əsas məqsədinə çevrilən elmi fəaliyyəti bu gün də davam etməkdədir.

Onun ilkin konsepsiyasının əsas məziyyətləri sonralar qədim sivilizasiyalar və etnoslar arasındakı qarşılıqlı əlaqələrin daha global öyrənilməsi yolunda sanki bir hazırlıq mərhələsi idi.

Yeni təfəkkürlü türkoloq-alimin irəli sürdüyü dil yaradıcılığının tam konseptual sistemi bizə sübut edir ki, sözlərin qrafik obrazlı işarələrini bərpa etmədən, onların etimologiyasını öyrənmək qeyri-mümkündür.

“Heç bir dil bu mexanizmdən kənar qalmamışdır. İlk yazı olmadan dilin yaranması mümkün olmazdı”.

2016

РУССКИЙ ДЕКАДАНС

Культурный ренессанс, подъём поэзии и философии, грядущие зори, предчувствие катастроф – в этих ключевых словах (символах) запечатлены характерные черты духовной жизни России начала XX столетия.

Обострённое художественное чувство и философское осмысление мировых исторических процессов позволили лучшим поэтам Серебряного века русской культуры не только предвидеть события ближайших десятилетий, но и начертать образ всего столетия...

Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла,
Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла.

А.Блок

Рождение нового века воспринималось многими как явление исключительное, знаменующее конец исторического цикла (*Fin de siècle*) и начало совершенно иной эпохи.

Общий мировой кризис претерпевала в целом и духовная культура начала XX века.

«Мировой кризис культуры есть также кризис морали, революция морального сознания. Аморализм – такой же феномен мирового кризиса морали, как декадентство – феномен мирового кризиса искусства» (Н.Бердяев).

Декаденты, люди, ещё так недавно объявившие себя стоящими вне всяких моральных законов, ревностно искали бога в своих творениях.

Вечной героиней декадентских стихов является смерть, вызывающая мистический ужас пред вечной загадкой существования. Все они более или менее заражены манией величия, хотят непременно совершить подвиги и насладиться обаянием славы. У них есть желания и светлые

эсхатологические надежды, но нет энергии, и, как всё культурное общество, они – рабы жизни, в них отсутствует противоборство, нет воли и сил для борьбы.

В период крушения первой русской революции и исчезновения интеллигенции как духовного образования, – как пишет Г.Федотов, философ русского зарубежья, – «иммориализм был поднят, как знамя, Бальмонтом, Брюсовым, Сологубом». Это были первые русские декаденты, представители старшего поколения русского декаданта.

Как известно, возникший в 80-е годы XIX века во Франции на почве декаданта, представителями которого были Поль Верлен, Артур Рембо, Стефан Малларме и др., символизм нашёл приверженцев во многих странах Европы, становясь многогранным философско-художественным движением и диктуя своим сторонникам не только определённые творческие принципы, но и сам стиль жизни.

Понятие декаданта, связанного с символизмом, – одно из основных у Ницше, в частности, в его концепции сверхчеловека. Ницше наиболее полно был усвоен французской литературой с её первоначальной декадентской тенденцией – линией, воплощённой в творчестве Шарля Бодлера, которого в России хорошо знали и переводили символисты.

В русской литературе быстро возник интерес к французскому символизму, школе символизма во главе с Полем Верленом, появились переводы новейшей французской поэзии А.Рембо, П.Верлена, Ш.Бодлера и др. В России поэтов-декадентов открыл переводивший их Иннокентий Анненский. У Анненского понятия «декадентство» и «символизм» смешиваются.

На наш взгляд, в русском декадансе, как и во французском, свои этапы развития, и его следует воспринимать как качественно меняющиеся две волны, как старшее и младшее поколение поэтов-символистов эпохи декаданта (конец XIX – начало XX в.).

В 90-е годы мощным потоком вливается в общеевропейское течение первая волна символизма. В России публи-

куются философско-публицистические манифесты, литературно-критические статьи Д.С.Мережковского, выходят в свет три поэтических сборника «Русские символисты», представившие публике стихи В.Я.Брюсова и его окружения, появляются в печати произведения Ф.Сологуба, З.Гиппиус, К.Бальмонта, разворачивается переводческая деятельность русских поэтов, знакомящих читателей с новыми веяниями в европейской литературе, в особенности переводы Бальмонта.

Наивысший творческий взлёт русскому символизму суждено было пережить в 1900-е годы, что справедливо связывают с вступлением в литературу новой плеяды поэтов – К.Бальмонта, В.Брюсова, А.Блока, Вяч.Иванова, С.Соловьёва, М.Волошина и др.

Поэт, романист, критик и теоретик символизма Андрей Белый пришёл в русскую литературу одним из «младших богатырей» декадентства. Старшие пережили к этому времени «героический период» крайнего индивидуализма, самообожествления, отрицания общественности; они прошли до конца свою декадентскую дорогу и пришли в тупик, как раз ко времени появления «младших декадентов». Дальше пути не было: надо было искать «новый путь».

«В моей пещере темно и сыро, и нечем её согреть. Далёкий от земного мира, я должен здесь умереть» (Ф.Сологуб). На таком конце пути не в силах было остановиться декадентству – из него надо было найти исход, надо было найти исход из этой «ледяной пустыни» одиночества, «пустыни бессмыслия», «стеклянной пустыни» (все их слова и выражения).

Безвременье, отсутствие смысла, отчаяние – вот общие чувства, присущие всем декадентам на рубеже XIX-XX веков. Эти чувства пережил и А.Белый в самом начале своего творческого пути.

Как пишет в своих воспоминаниях Иванов-Разумник – друг и современник А.Блока и А.Белого, к тому времени, когда А.Белый пришёл в литературу, старшие декаденты от

самообожествления уже пришли к богу; они поняли, что гибнут, замерзают в своём крайнем индивидуализме и стали искать спасения в Христе – грядущем.

Надежда на грядущий день и будущее России, во власти которой жил А.Белый, заполнила собою душу молодого поэта, спасая его от льда и от пустыни одиночества и тяжких дум и страданий. Он ждал свершения великих мировых событий.

Противопоставляя себя «старшим», «младосимволисты» не принимали крайнего субъективизма, самодовлеющего эстетизма и пессимизма декадентов, отстаивали идею творчества как служения высшему началу. Прежняя культура исчерпала себя, но конец цикла мировой истории – это не предвестие торжества хаоса (как переживало рубеж столетий старшее поколение символистов), а символ грядущего преображения мира. Эти эсхатологические идеи и надежды на духовное возрождение человечества восходили к философии и поэзии Вл.Соловьёва, последователями которого провозгласили себя декаденты-младосимволисты (А.Белый).

В образно-символическом восприятии Андрея Белого «декаденты – те, кто себя ощущали над провалом культуры без возможности перепрыга...».

В отличие от неспособных к полёту над бездной, младосимволисты-соловьёвцы выдвигали программу активного созидательного творчества, преобразования в художественном акте – мира, реальности. Для них художник не только творец образов, но и демиург, создающий миры. Новое искусство в основе своей религиозно, это теургия – магия, с помощью которой можно изменить ход событий и преобразовать жизнь.

Высшая цель символизма – это цель культуры – сотворение нового человека.

Символизм с самого начала не был для Белого просто художественным направлением, литературной школой, он воспринимался как образ мышления и миропонимания и как

образ жизни. Вступая в схватку с «хаосом» за преобразование мира и личности, поэт сам преображается, что находит своё наглядное отражение в его теоретической книге «Символизм как миропонимание».

Первый год XX столетия стал годом «рождения к жизни» Андрея Белого. В Москве, на Арбате, в доме М.С.Соловьёва (брата философа Вл.Соловьёва), сын известного математика, профессора Московского университета Н.В.Бугаева, студент естественного отделения физико-математического факультета Борис Бугаев был наречён Андреем Белым (связь с религиозными понятиями, Андрей – один из двенадцати апостолов Христа, белый – божественный цвет). Под этим псевдонимом, предложенным М.С.Соловьёвым («крёстным отцом»), решено было печатать написанную студентом-естественником «Симфонию» (вторую «Драматическую»), одну из четырёх написанных им симфоний. Свежие идеи и формы «Симфонии», представление рукописи для ознакомления и оценки такому литературному авторитету, как В.Брюсов, – всё это сразу связало молодого автора с новым литературно-художественным направлением рубежа XIX-XX веков, именовавшим себя «символизмом».

«Увлечение музыкой и попытка стать композитором впервые приблизила мне искусство, которое постепенно и перевесило интерес к точной науке». И Борис Бугаев поступает на филологический факультет Московского университета. «Увлечение Достоевским, Ибсеном, символистами ввели в поле моего сознания поэзию и художественную литературу ещё с конца века; но я себя чувствовал скорее композитором, чем поэтом; долгое время музыка заполняла мне писательский путь; на последний попал я случайно; я не стремился печататься; первое произведение было написано в полушутку для чтения друзьям: за чайным столом рукопись её попала к Вал. Брюсову; друзья открыли во мне талант, и книга вышла в печати почти вопреки моему желанию. Так я оказался вовлечённым в круг молодых символи-

стов, ратовавших за новое искусство. ...И притом – видел отец: его «Боренька», уж завлечённый в скандалы и бросивший естествознание для литературы, украден Валерием Брюсовым; Брюсов, как «лесной царь», вырвал у отца сына, болеющего декадентством», – так пишет в своих мемуарах А.Белый.

Брюсов, хорошо уловивший новаторство А.Белого уже в период создания «симфоний», заметил их двойственный характер, сочетание в них «бытовой» и «бытийной» стороны. Это было художественным воссозданием повседневной жизни, пронизанной лучами иного, неземного света.

Типичные для символической поэзии образы: даль, пожар, закат, кровавый дым впоследствии будут использованы А.Белым в «Золоте в лазури», Блоком в поэме «Возмездие», хотя у Бальмонта нет блоковской глубины и сознательных попыток проникнуть в сущность исторических перемен.

Блок предвидит обновление всего мира. Он мыслит широкими общечеловеческими категориями.

Белый, как и Блок, и Вячеслав Иванов, как все самые значительные символисты «второй волны», принадлежал, по собственному его определению, к «детям рубежа». «Мы, и дети страшных лет России – несли бремя страхов», – читаем в его «Воспоминаниях о Блоке».

Все они, каждый по-своему, чувствовали приближение больших исторических перемен. Но они предвидели их не в социальном переустройстве мира, а в создании новой духовной культуры.

А.Белый был наделён эрудицией, широтой интересов, энциклопедичностью в подходе к разнообразным областям науки, философии, искусства и жизни. Белый утверждает многогранный творческий процесс, в котором для него заключаются созидание и обновление самой жизни. Он постоянно находится в поисках синкретической формы выражения, в которой слово, интонация, ритм и жест образуют нераздельное единство.

А.Белый производил ошеломляющее впечатление необыкновенной выразительностью и заразительностью речи. Это не просто ораторский дар, это стихия, зрелище, блестящая импровизация. «Он влетал в комнату и ослеплял, как шаровая молния», — пишет о нём в своих воспоминаниях «Пленный дух» Марина Цветаева. Он отличался эксцентричностью и гибкостью, танцевал свои и чужие стихи, а также выступления.

Симфония — это новое слово в литературе, сказанное Белым, новый жанр, впервые созданный им.

Углубляя привычное в эстетике разделение искусств на пространственные — живопись, скульптура и архитектура — и временные — музыка и литература, Белый говорит о решающем значении музыки в современном искусстве, о влиянии музыки на литературу, о музыке как едином потоке жизненного движения, о ритме как первооснове жизни. Приближаясь к музыке, художественное произведение становится и глубже, и шире. Белый характеризует симфоническую музыку как вершину музыкальной культуры.

Символисты, следуя Шопенгауэру и Ницше, выше всего ставили музыку. Музыка в их понимании наиболее полно охватывает всю сферу бытия и духа, вбирает в себя возможности и выразительные средства всех искусств. Музыка наиболее близка к поэзии, и поэзия черпает из родника музыки и мелодию, и ритм.

Символическое восприятие России — этого «Огненного Ангела» (роман В.Брюсова) — тесно связано с трагической судьбой поэта.

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия —
Безумствуй, сжигая меня!

В таком поэтическом раскрытии России и трудной судьбы народа Белый не одинок. В те же годы (1905-1908) написаны были и стихи Блока о России.

Поэтические пути Белого и Блока скрещивались не раз. Первая встреча относится к началу их дружбы – в 1903-1904 годах, когда каждый по-своему осуществлял и продолжал в поэзии заветы и идеи Вл.Соловьёва: культ Прекрасной Дамы у Блока, мессианские предчувствия спасения и возрождения мира в «Золоте в лазури» Белого. Вторая встреча – стихи о России, и третья – поэмы, посвящённые революции: «Двенадцать» Блока и «Христос воскрес» Белого. Образ России становится для обоих центральным. Это кровно близкое живое существо – мать у Белого, жена у Блока: «Мать Россия, о, родина злая» (Белый), «О, Русь моя! Жена моя!» (Блок).

Личные отношения Белого и Блока с 1906 по 1909 год складывались трудно, подчас враждебно. Это были отношения «дружбы-вражды». Между ними стояло многое: и сугубо интимное (сложные, запутанные отношения Белого с Л.Д.Блок), и принципиальные разногласия.

Как известно, «Стихи о Прекрасной Даме» были первой книгой стихов А.Блока (1904), определивших его поэтический путь. Источники этой поэзии, безусловно, в культе «Вечной Женственности», в поэзии и философии Вл.Соловьёва. Однако «Вечная Женственность» для Вл.Соловьёва как подлинного символиста, мистика и романтика была не тем, чем «Прекрасная Дама» явилась для А.Блока – мастера и созидателя-демиурга самозамкнутого, для которого Прекрасная Дама – всего лишь ирреальная мечта о недостижимом, попытка спастись в символизме от вечного одиночества. Своё одиночество, свою отграниченность от души человеческой поэт надеялся победить культом Прекрасной Дамы – влюблённостью («Обречённый», «Нет исхода...»).

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.

Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила.
Тихо смотрит в меня томноокая,
И, колеблемый вьюгами рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...
И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня.
В среброснежном покое, –
О, твои, Незнакомая, снежные жертвы!
И приветно глядят на меня:
– Восстань из мёртвых!

Блок остался верен своему идеалу Прекрасной Дамы. Он сделал Прекрасную Даму женой, ввёл её в быт, в семью. Блок заплатил за это искалеченной судьбой: поклонение Прекрасной Даме исключало для него отношение к ней как к жене и возлюбленной. Возникла ситуация, преодолеть которую он не смог. Судьбой заплатил за это и Андрей Белый. Но Блок остался верен этому идеалу, в нём победил художник, через всю жизнь он пронёс тяжелейший груз отношений с Любовью Дмитриевной.

Белый не обладал ни такой сдержанностью, ни таким постоянством. Ему был нанесён удар, от которого он уже не смог оправиться. Слишком большие надежды возлагал Белый на этот возможный союз, как разрешение проблемы «жизнестроения», формирование судьбы на основе единства и гармонии.

Беззвёздную тоску и чувство душевной опустошённости испытывал Блок на протяжении всей своей трагичной жизни. И умер он от «роковой пустоты» сердца, от великой любви и великой ненависти. «Такой любви и ненависти люди не выносят, какую я в себе ношу» (А.Блок).

«Да, надо было уметь любить и ненавидеть, чтобы отнестись к жизни так, как отнёсся к ней Блок. Он был кон-

кретный максималист», – сказал о нём его друг, его брат А.Белый. И именно потому связал он своё имя с Революцией – не с той политической, не с той социальной, которые, хотя и велики сами по себе, но пишутся с маленькой буквы, а с той единой и подлинной Революцией – духовной, вечной Революцией, в которой он усматривал единый путь к чаемому Преображению.

«Возмездие» А.Блока писалось в то время, когда А.Белый работал над первыми редакциями своего романа «Петербург». В появлении на свет романа «Петербург» огромна роль Блока и та высокая оценка, которую он публично дал «Петербургу», назвав его гениальным произведением, внезапно обнаружив поразившие его совпадения между своей поэмой «Возмездие» и романом «Петербург».

Блок и Белый разными словами, но одно и то же говорят о Петербурге как о странном и страшном сне России:

Здесь незнакомая столица,
Здесь может странный сон присниться,
Пред ним померкнет разум твой...

Петербург «Возмездия» – город сна и кошмара, который чьей-то «волей роковой возник над бездной вековой»:

Царь! Ты опять встаёшь из гроба
Рубить нам новое окно?
И страшно: белой ночью – оба –
Мертвец и город – заодно...

Для Ал.Блока в одном Петре заключены два лика Прекрасного и Ужасного (воли и стихии). И когда «чудесный флот» Летучего Голландца, «широко развернувший фланги», внезапно заграждает Неву, то, хоть и страшно, но всё же поэт при этом слышит:

...вдали, вдали,
Как будто с моря звук тревожный,

Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли.

Это тот самый звук, о котором поэт рассказал нам в своей предсмертной записке о «Двенадцати», написанной в 1920 году, почти через десять лет после «Возмездия»: «...во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный, вероятно, шум от крушения старого мира...».

Слышал поэт этот почти никому тогда ещё не слышимый звук. И он хорошо знал, каким громом прогремит звук этот в грядущих исторических событиях. Слышал этот звук, «звук иного какого-то мира», эту «октябрёвскую песню» и Андрей Белый, но тогда песня эта, звук этот звучали ему «неотвязной злой нотой монголизма». Блок слышал его по-иному. Ещё в «Возмездии» он провидел, что:

...чёрная земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи, –
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

Давно уже жила в поэте идея «Петербург=революция=скифство». «Туманный сон» Петербурга ещё в «Возмездии» рассеивался от «тревожного звука» надвигающихся событий, нашедших своё великолепное символическое отражение в поэме «Двенадцать», тесно связанной с Петербургом, ставшим уже эпицентром грозных исторических событий.

Это поэма о крови, грязи, преступлении, о падении человеческого. Однако в этой двуплановой поэме, через этих же самых запачканных в крови людей, в мире идёт новая благая весть о человеческом освобождении.

И впереди двенадцати убийц (намёк на двенадцать грешных апостолов), впереди разыгравшегося с красным флагом ветра –

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди идёт Христос...

Очистительная гроза и буря мировой социальной революции таят в себе великую правду, заключающуюся в том, что нет полного освобождения ни в духовной, ни в социальной революции, а только в той и другой одновременно.

Через всю поэму проходят, переплетаясь, два внутренних мотива. Символы чёрный вечер – кровь, грязь, преступление; белый снег – та новая правда, которая через тех же людей идёт в мир. Так поэт даёт двойную, переплетающуюся истину в одной картине.

Чёрный вечер,
Белый снег,
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек...

Тема «скифства» намечалась А.Блоком ещё в ранних его произведениях, посвящённых России, в частности, в цикле стихов «На поле Куликовом» мы слышим постоянные мотивы, отзвуки которых находят своё отражение в «Скифах».

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,

В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль...

И пророчески видел он в прошлом и будущем России «Куликово поле», на котором решается участь и Запада, и Востока: «Я вижу над Русью далече широкий и тихий пожар...». И чувствовал, что ещё будет решаться эта участь – и звал, и ждал пришествия этого часа.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались,
Доспех тяжёл, как перед боем,
Теперь твой час настал. – Молись!

Отныне – «революция удалась», и старый мир понёс возмездие за то, что по его вине «христианство не удалось»

Давно и прочно вошло в поэтическое сознание А.Блока азиатство и скифство России, чем гордился поэт и придавал этому важное историческое значение.

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы
С раскосыми и жадными очами!

«Скифство, понятое теперь многими писателями как новое, окрылённое событиями чувство великой родины, её истории, её народа. Именно в этом пункте сошлись основоположники русского символизма. Они издавна привыкли мыслить в широких категориях космического порядка. Только это и превращало их в максималистов в бурные дни и часы политических событий» (П.Антокольский).

Так сошлись и сблизились во взглядах на эту историческую роль России и предназначение её в развитии исторических событий представители старшего поколения сим-

волистов, основатель и вождь русского декаданса В.Брюсов и младосимволисты А.Блок и А.Белый.

Однако, в отличие от Блока, Брюсов не проявлял особого внимания к происходящим историческим событиям, а всё больше был погружён в каждодневную деятельность, активно вторгаясь в общественную, педагогическую и просветительскую работу, непрестанно сталкиваясь с множеством самых разных людей, которых никогда не оставлял без внимания. Артистична была старомодная вежливость Брюсова, его готовность помочь растолковать, внимательно вникнуть в нового неизвестного человека. Притягателен образ этого стройного, сухощавого, подтянутого, артистически изящного человека, с движениями быстрыми и резкими, с бородкой и усами далеко уже не чёрными, как на портрете Врубеля, но серебряными, с глазами, как будто подведёнными – по-цыгански – чёрным углем.

Брюсову пришлось пройти длительный путь самообразования, от первых незначительных его выступлений до организации журнала «Весы» и издательства «Скорпион», чтобы чётко сформулировать те принципы, которыми должно, по его мнению, руководствоваться ныне словесное искусство. Он не отрицал прошлого русской литературы, он отдавал ему должное и многим из прошлого пользовался, но он желал идти дальше, поскольку понимал, что наступила новая эпоха всемирной истории, которая властно требовала новых приёмов творчества, – только они могли бы создать новый тип художественного самосознания общества. *«Но если бы Брюсов не окружил себя единомышленниками, среди которых были такие крупные фигуры, как К.Бальмонт, Ф.Сологуб, Вяч.Иванов, А.Блок, А.Белый, И.Аннинский, то успех не был бы столь ошеломителен»* – как пишет Л.Долгополов.

Вожатый и наставник, эстет и властолюбивый человек, открыватель новых путей в поэзии, Брюсов нашёл в лице А.Белого ценного и незаменимого соратника и сотрудника созданного им журнала «Весы». Белый, со всеми сво-

ими экстазами и пророчествами, душевными метаниями, признал авторитет Брюсова, подчинился ему, увидел в нём первого поэта современности. Артистична была грандиозная память Брюсова на чужие стихи, начиная с римских классиков. Античность для него – реальная история, её живое достояние. Брюсов воскрешает, воплощая в плоти и крови, различные образы далёкой древности.

Ассирийский царь Ассаргадон в своей автоэпитафии, вырезанной на камне, говорит сам за себя лично ему свойственным, режущим и сверлящим голосом:

Я – вождь земных царей и царь Ассаргадон,
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

В русской поэзии впервые после Пушкина возникла такая способность к полному перевоплощению современника в образ далёкого прошлого.

В лучших своих книгах, где он переходит с мощной лёгкостью на «ты» с историей и разговаривает запанибрата с любым из своих вековых кумиров:

Неустанное стремление от судьбы к иной судьбе,
Александр Завоеватель, я – дрожа – молюсь тебе!

Декаденты и символисты, точнее, старшие и младшие символисты постепенно объединялись, спланивались для совместной борьбы, вырастали в сильных поэтов и прозаиков, широко читаемых и высоко почитаемых. И несмотря на часто возникающие противоречивые взгляды и суждения их, на мысли о действительной обречённости своей, – всё равно движение росло и обретало неожиданную почву под ногами. Валерий Брюсов – *«самый культурный и образованный писатель той эпохи»* (М.Горький) своей культурой как бы дал тон поэтическому поколению. Деятельность Брюсова в те годы, его неистовый темперамент и бесспорный авторитет были направлены на служение русской поэ-

зии. *«Конечная цель искусства, – пишет он в своём «Дневнике», – выразить полноту души художника. Я полагаю, что задача «нового искусства», для объяснения которого построено столько теорий, – даровать творчеству полную свободу. Художник самовластен и в форме своих произведений, начиная с размера стиха, и во всём объёме их содержания, кончая своим взглядом на мир, на добро и зло».*

Азарт первооткрывателя, следопыта культуры был у Брюсова конденсированным отражением немаловажных характерных черт русского общества той эпохи. Сама эпоха упадка и духовного кризиса испытывала потребность в преобразованиях. И миссия В.Брюсова как вождя русского декадана была предрешена этой потребностью времени.

Цельная, духовно богатая личность Брюсова, его творческая активность в течение девятисотых и первой половины десятых годов века мужала и крепла, развернувшись в разных направлениях. Им руководила неистовая жадность ко всем драгоценностям мировой культуры. Книжки – его вечные друзья и спутники. Он изображает себя самого с присущей ему откровенностью и лапидарной прямо-
той.

И девы и юноши встали, встречая, венчая меня, как
царя,
И теням подобно, лилась по ступеням потоком
широким заря,
Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны и
слова!
Я к новому раю спешу, убегая, мечта неизменно жива!
Я создал и отдал, и поднял я молот, чтоб снова,
сначала ковать,
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы
кинуть опять!

Однако часто, в силу своей пылкости и неистовости, Брюсов сознательно нарушал правила логики. И тут Андрей

Белый упрекал его в софистическом безразличии к истине, когда Брюсов не без похвальбы признавался:

И Господа, и Дьявола
Хочу прославить я.

Но есть у Брюсова поэтические творения пронзительной ясновидческой силы, которые навсегда останутся в русской поэзии, в русском языке:

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали на пути...

Это строки из стихотворения «Третья осень».

Брюсов изваял лозунг формы в русской литературе. Он не ищет, он изучает форму; в этом его подлинная правда, святая правда, принятая с Запада.

«Не голое слово, – сплетенье слов нам дорого в Брюсове», – пишет о соратнике А.Белый в замечательной статье, где представлен яркий и живой образ большого, преданного своим идеалам, талантливейшего и умнейшего из русских поэтов современности. «Брюсов не только большой поэт, он наш лозунг, наше знамя, наш полководец в борьбе с рутиной и пошлостью».

Действительно, поэзия для Брюсова – это музыка и ритм, осязаемые как форма. Музыкальному ритму соответствует ритм мыслей и образов.

Поразительна свобода брюсовского параллелизма и соблюдение гибкости формы:

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоём обречены,
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны.

У Брюсова нет лишних слов. У него ясная, простая и короткая речь с изысканной расстановкой слов:

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Слышу шаг твой за собой.
К жизни мы идём мятежной
Узкой, мертвенной тропой.

Или его стихотворение «Я с Богом воевал в ночи, на мне горят его лучи».

Историческое постижение прошлого, обновление и возрождение поэтических традиций, высокое служение русской поэзии, бережное отношение к языку лежали в основе эстетических принципов великого стилиста В.Брюсова. Вот один из поэтических образцов Брюсова, обратившегося к демократическим традициям:

Полюби ж в толпе вседневный
Шум её, и гул, и гам, –
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

«На рубеже веков в русской поэзии со смешанными традициями наконец появился крупный поэт, который придал старому стиху подобие новизны, накинув на него ангелоподобный покров примирённости между формой и содержанием», – так характеризует А.Белый поэзию К.Бальмонта – своего старшего собрата-декадента К. Бальмонта – последнего русского великана чистой поэзии:

Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

«Сам он зажжёт это Солнце, чтобы осветить мрак небытия», – так воспринимает его А.Белый.

Из всех русских поэтов-декадентов К.Бальмонт (1867-1942) был самым неведомым и забытым. Разные толки шли о нём среди современников. Им восторгались как гением и низвергали за «стихотворную болтовню», бессмысленное сплетение слов. О нём спорили, над ним раздумывали. Его изучали, им любовались, толки были разные...

Эта «бальмонтовщина» заслонила образ поэта. *«До сих пор нет достаточно устойчивой историко-литературной точки зрения на Бальмонта, на этого большого мастера русской литературы, занимающего в ней своё определённое место».*

По записям второй жены поэта Е.Андреевой-Бальмонт, прадед поэта, Иван Андреевич Баламут (на Украине есть до сих пор и довольно распространена фамилия Баламут), был херсонским (украинским) помещиком. *«Как фамилия Баламут перешла в Бальмонт – мне не удалось установить»*, – пишет она.

К.Д.Бальмонт родился в небогатой помещичьей семье, мать– дочь генерала, известная в Шуе (центре Владимирской губернии России) и её окрестностях деятельная помещица. Глубоко было влияние матери на воспитание сына. Она ввела его в мир музыки, словесности, истории, языкознания. Первые десять лет жизни прошли в деревне. В своей автобиографии, помещённой в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» (1907), Бальмонт говорит о своей ранней любви к деревне и морю. Ненавидя город, *«как рабское сцепление людей, как многоглазое чудовище»*, он всё же в городе находит свободу и доступ к желанным книгам. Чтение было любимым занятием поэта. Работа над книгой и самообразование играли в его жизни незаменимую роль. Воспитывался Бальмонт на произведениях русских классиков. Из всех стихов в мире больше всего любил «Горные вершины» Лермонтова.

В 1884 году Бальмонта исключили из гимназии за принадлежность к кружку, занимавшемуся распространением нелегальной литературы. После хлопот матери он был записан в гимназию города Владимира, где и закончил гимназию, которую он называл тюрьмой.

Уже студентом юридического факультета Московского университета, Бальмонт был обвинён в участии в студенческих беспорядках, что и завершилось трёхдневным заключением в Бутырской тюрьме, после чего его выслали в Шую, где он снова связывается с революционно настроенными людьми, хочет участвовать в террористическом акте и вскоре оказывается вне университета. Как видно, родовая фамилия Баламут нашла своё отражение в роковой судьбе студента-баламута, принявшего твёрдое решение заниматься самообразованием после последней неудачной попытки учёбы в Ярославском Демидовском лицее. В марте 1890 года он выбросился из окна третьего этажа и остался жив, но был надолго прикован к постели.

Этот отчаянный прыжок и вернувшееся ощущение жизни сыграло свою роль в становлении личности поэта. Первый «Сборник стихотворений», изданный в том же году, не принёс ему ни радости, ни успеха, и он уничтожил почти весь тираж. Второй сборник (1894), «Под северным небом» вызвал и резко отрицательные, и благожелательные отклики, в которых отдавалось должное и изяществу формы, и музыкальности стиха, и чувству речи. Спустя три года после издания этого сборника, весной 1897 года, Бальмонта приглашают в Англию. Он читает лекции по русской поэзии в Оксфорде. И вскоре прославляется как поэт-новатор.

В конце века Бальмонт много ездит: во Францию, Голландию, Англию, Италию, Испанию. Ему хотелось побывать во всех странах, познакомиться со всеми народами. Он желал быть очевидцем, свидетелем, летописцем. Языки, литература, искусство мира всю жизнь увлекали поэта. Любознательность и подвижность остались навсегда характерными чертами его облика. «В поисках «интересного» чело-

века, отличного от «делового» европейца, К.Бальмонт тянулся к «примитивным» народам, ещё сохранившим, по его словам, свежесть мироощущения, «невинность и чистоту». В далёких странах он пытался найти идеал «живого и естественного» человека. Путешествовал Бальмонт много... К началу 1900-х годов он объехал почти всю Западную Европу.

К этому времени в России один за другим выходят сборники его стихов. Вслед за первыми книгами – «Сборником стихотворений» (1890) и «Под северным небом» (1894), которые вышли в ту пору, когда зарождался русский символизм, и Бальмонту суждено было стать одним из его лидеров. Поэт с лёгкостью отошёл от своих ранних стихов с их мотивами жалостливого народолюбия и перешёл в лоно художников, считавших себя рождёнными *«для звуков сладких и молитв»*.

Сборник «В безбрежности» (1895) – знак перехода в символизм с эгоистическим кодексом избранничества, пессимизмом. Книга «Горящие здания» (1900), появившаяся вслед за сборником «Тишина» (1898), утвердила имя поэта и прославила его.

Взлёт Бальмонта, его творчества был закреплён «книгой символов» «Будем как солнце» (1903). Следующая книга, «Только любовь», вышедшая в том же году, также относится к периоду творческого взлёта поэта.

Уже в 1904-1905 годах издательство «Скорпион» выпустило стихотворения Бальмонта в двух томах. В 1907-1914 годах выходит его полное собрание стихов в десяти томах. Первое десятилетие века, вплоть до первой мировой войны, было для Бальмонта временем наибольшей его популярности. О нём писали Горький и Блок: *«Когда слушаешь Бальмонта, – всегда слушаешь весну»* (Блок); *«Дьявольски интересен и талантлив этот невзрастеник»* (М.Горький), Брюсов, Белый, Городецкий и Чуковский, Балтрушайтис и И.Анненский, Вячеслав Иванов и Волынский. Отклики на творчество Бальмонта были самые разно-

речивые, порой диаметрально противоположные. Но их было много.

В конце января 1905 года Бальмонт едет в Мексику и в США. Редко кто из русских поэтов ездил так много и на такие долгие сроки. Это были творческие поездки, своего рода поэтические завоевания других земель. В его переводах космогонических мифов ацтеков и майя, описанных памятников древней мексиканской литературы учёные отмечают любопытные наблюдения. Летом 1905 года Бальмонт в России. Революционное настроение масс передаётся и ему. Он сотрудничает в большевистской газете «Новая жизнь», пишет сатирические обличительные стихи, митингует, увлекается революционным движением, строит баррикады, произносит речи, все дни проводит на улице...

Вскоре, ощущая себя политическим эмигрантом, он надолго, на 7 лет, уезжает в Париж.

В 1912 году Бальмонт отправляется в кругосветное путешествие (его маршрут: Лондон, Плимут, Канарские острова, Южная Африка, Мадагаскар, Южная Австралия, Полинезия, Новая Гвинея, Цейлон и далее Япония), которое насытило любознательного поэта, но не избыло его тоски по России. После амнистии 1913 года, объявленной в связи с трёхсотлетием дома Романовых, Бальмонт возвращается в Москву. Ему рады, его шумно встречают, как знаменитого поэта. В его честь устраивают вечера и приёмы. В период первой мировой войны поэт вновь во Франции. В мае 1915 года он с трудом возвращается в Россию. Он объезжает с лекциями-концертами всю страну, от Саратова до Омска, от Харькова до Владивостока.

Крушение царизма было воспринято Бальмонтом ликующе. Он вместе с тем отвергает октябрьскую революцию, трактует её как «насилие». В мечтах Революция у него всегда сочеталась с Красотой. Она казалась ему недостижимой и желанной. Однако, когда она свершилась и стала явью, то показалась Бальмонту грубой и даже страшной. И он её отверг.

В 1920 году Бальмонт ходатайствует о разрешении ему поездки за границу и уезжает с семьёй в командировку сроком на год. Но этот год продлился двадцать два года, до конца его жизни. В эмиграции его постоянно угнетала тоска по России: *«Я хочу России... пусто, пусто. Духа нет в Европе»*, – так писал он своей жене Е.Андреевой в декабре 1921 г.

Бальмонт – это не только сладкоголосый певец любви и природы. Порой Бальмонт – политический сатирик, проникновенный автор гражданских стихов.

На старости лет в тоске по России он создал сильные стихи. Он заговорил обнажённо и драматично. Вместо былых иллюзорных словесных мистерий и драм в позднем Бальмонте проступает подлинная трагедия одинокой души поэта. Поздний Бальмонт, оторванный от России, – поэт без почвы, без любимых с детства родных просторов, без языка, бедствующий и тоскующий в эмиграции, – создаёт немало стихотворений, в которых измученный жизнью старый поэт, оставшийся впервые наедине со своей трагической судьбой, ищет выхода из безвыходности. Осенью 1922 года находящийся в Париже Бальмонт писал:

И все пройдя пути морские
И все земные царства дней,
Я слова не найду нежней,
Чем имя звучное: Россия.

В зрелые годы жизнерадостность сменила предшествующую ей печаль и тоску. Радость бытия ощущалась в его стихах, гимнах солнцу и весне, в страстных и пламенных тонах:

Я хочу горящих зданий, я хочу кричащих бурь!

Тема Солнца – символа жизни в его победе над тьмой – прошла через всё творчество Бальмонта и является сквоз-

ным образом, объединяющим все этапы его творческого пути:

Я не верю в чёрное начало,
Пусть праматерь нашей жизни Ночь,
Только Солнцу сердце отвечало
И всегда бежит от тени прочь.

Поэзия Бальмонта интересна, прежде всего, его философским принципом подхода к жизни, восприятием последней как мига, мгновения, т.е. желанием увидеть вечность сквозь миг, его жаждой охватить взором и исторический путь народов, и свою собственную жизнь. Этюдность – свойство Бальмонта-декадента. Он стремится выхватить у вечности этот беглый миг и запечатлеть его в слове:

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолётности я влагаю в стих.
В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Красота видится поэту и целью, и смыслом, и пафосом его жизни:

Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте!

Романтик по природе своей, Бальмонт не хотел сближения с жизнью. Эгоцентризм Бальмонта, восторженное отношение к самому себе, к своей солнечности, неповторимости, к своей избранности отличало его от других символистов, от других современников. Это можно воспринимать и как вызов общественному вкусу:

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвящённый
Сын солнца, я – поэт, сын разума, я – царь.

Романтическое безумие, гордыня одиночества, отрешённость высокомерного одиночки, эротическая развязность, игра в Дон Жуана – всё это было на людях, на эстраде.

Наедине с собой – любовь к тишине созерцания и трудовой напряжённости. Он любил одиночество и занятия, требующие усидчивости и сосредоточенности. Изучал языки (*«изучив 16 языков, он говорил и писал на особом, 17 языке, на бальмонтовском»*, – сообщает М.Цветаева), поглощал целые библиотеки не только по истории литературы, но и точным и естественным наукам. Писал статьи о писателях и исследования по различным вопросам искусства, сочинял стихи и переводил с разных языков, передавая порусски поэзию мира, от сказаний майя и ацтеков до Мицкевича и Уайльда, от ведийских гимнов до польских народных легенд.

В переводах Бальмонта русский читатель получал целую поэтическую библиотеку мира. Бальмонт владел даром творческого прикосновения к оригиналу, часто он слагал не перевод, а перепев на тему оригинала, т.е. «по мотивам» или в «подражание», часто чужие творения становились бальмонтизированными. Переводы Бальмонта – определённый этап в познании шедевров иноязычной поэзии. Его трудолюбие потрясало людей. Любознательный и энергичный, он любил путешествовать и возил с собой груды рукописей и книг.

За 75 лет своей жизни Бальмонт совершил много как в поэзии, будучи виртуозом и магом стиха, владевшим тайнами языка и речи, как уникальный переводчик, как эссеист, историк литературы, путешественник и мемуарист.

Парадоксальна судьба этого уникального, высокоодарённого, плодотворного человека, своеобразно распорядившаяся им, иначе бальмонтовщина не затенила бы самого Бальмонта. Он издан плохо, в противовес прижизненным изданиям поэта, его знают мало, судят о нём по непрочи-

танному, с чужого голоса его эпигонов и подражателей, на основе ложных и выдуманных сообщений. Больше запоминается экстравагантное, чудаческое, присущее Бальмонту: чтение стихов Бальмонтом, повисшем на дереве, или как в Париже он лёг на мостовую и через него переехал фиакр, или он вошёл в воду в пальто и шляпе, с тростью, ради того, чтобы полюбоваться отблесками на воде и, быть может, потом написать об этом стихи...

Запоминаются и необыкновенные природные качества. Бальмонт был эвфонически (*эвфонизм – благозвучие*) высоко одарён. Его называли «Паганини русского стиха». *«В нём, в Бальмонте, как бы осуществляется верленовский призыв: «музыка прежде всего» (И. Анненский).* Музыкальность и благозвучие его стихов очаровывают нас.

На стихах Бальмонта, как на нотах, можно проставить музыкальные знаки, которые обычно ставят композиторы. Не случайно около пятисот романсов создано на слова Бальмонта. Танеев и Рахманинов, Прокофьев и Стравинский, Глиэр, Мясковский и многие другие композиторы обращались к его стихам.

Запоминается эффектное звучание, аллитеративность его стихов, отчётливо выявляющие звуковой облик стихов:

Вечер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн.

Или: Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши...

Или: Хочу быть дерзким, хочу быть смелым, ... хочу одежды с тебя сорвать...

Часто обращается поэт и к ритмической паузе (цезуре), она используется и в музыке.

У Бальмонта много стихов с двумя, а то и с тремя цезурами в строке:

*В глухой колодец, /давно забытый, / давно без жизни/
и без воды.*

Слово «светослужение», придуманное им, является заглавием его сборника. К тому же оно может стать и символическим определением всей творческой деятельности самого Мастера.

С глубоким сожалением приходится отметить, что разбросанное ценное наследие К.Бальмонта остаётся недостаточно охваченным и малоизученным, в силу чего отсутствует устойчивая историко-литературная точка зрения на творческую личность Бальмонта – большого художника слова, не нашедшего в истории русской литературы своего достойного отражения. А между тем, как и его друзья и соратники – представители русского декаданса, чьи творческие портреты нашли своё освещение в нашем исследовании, каждый в отдельности составляет звено в историко-литературной цепи, звено, без знания и изучения которого недостаточно понятна вся цепь.

Многогранностью новаторских творческих преобразований привлекает наше внимание яркая и самобытная творческая личность Андрея Белого, цельностью и своей высокой культурой отличается Валерий Брюсов – флагман и вождь русских декадентов. Максимализм, историческое мышление и символические пророчества присущи А.Блоку, религиозное сознание и индивидуализм характерны для Дм.Мережковского, магией и музыкальностью художественного выражения обладает тонкий стилист К.Бальмонт.

Однако в целом этих разнохарактерных декадентов-символистов объединяет одна цель. Одержимые высокой идеей духовного преобразования жизни в страшных и жестоких условиях кризиса духовных ценностей в эпоху войн и революций, задыхаясь в атмосфере косности, пошлости и грубого мещанства буржуазного общества, преодолевая всяческие невзгоды и тяготы жизни, эти творцы-демиурги своим литературно-художественным наследием определили грани зарождения и развития русского декаданса, обогатив тем самым духовную культуру России.

2017

ЯПОНИЯ В ДУХОВНО-ТВОРЧЕСКОМ ОБОГАЩЕНИИ К.БАЛЬМОНТА

Во всей русской литературе трудно найти писателя, чьё творчество носило бы столь универсальный характер, как у К.Бальмонта – поэта, прозаика, драматурга, критика, эссеиста и переводчика. Тяготение к мировой культуре, свойственное «старшим» русским символистам, стремление к освоению её глубинных пластов отличает всю его литературную деятельность. Не случайно поэтический дар Бальмонта органично сочетался в нём с переводческим талантом. Число выполненных им переводов огромно, и один их библиографический перечень занял бы немало страниц.

Бальмонт – непревзойдённый и неповторимый переводчик, заложивший основу первоначальных переводов образцов мировой поэзии. Как поэт-переводчик он на долгие годы сохранил живой интерес к другим языкам и литературам.

Давно уж с поэтами я говорю
Иных чужеземных садов.
Жемчужины млеют в ответ янтарю,
Я сказкой созвучной воздушно горю
Под золотом их облаков.

Он знал почти все западноевропейские языки и много переводил с них. В 20-е годы поэт выполнил ряд новых переводов из славянских и литовских поэтов. Изучал Бальмонт и восточные языки. «Я победил преграду многих чужестранных языков и научился полнотою души жить в разных эпохах и с самыми различными народами. ...Я читаю без затруднений на языках – французском, английском, немецком, испанском, итальянском, шведском, норвежском, польском, португальском, латинском. Прикасался к египетскому, еврейскому, китайскому, японскому, к языкам Мексики, но, к сожалению, слишком поверхностно. Занимался

ещё грузинским и кое-как разбираюсь в греческом. Лепетал в путях по-самоански и по-малайски. Всё это богатство манит, но тяготы жизни мешают мне изучить столько, сколько хочу. Мне бы очень хотелось изучить арабский и египетский по-настоящему. Также китайский и японский».

Его больше влекли к себе экзотические страны (Мексика, Египет, Океания, Индия и др.), гораздо сильнее, чем Западная или Восточная Европа.

В поисках «интересного» человека, отличного от «делового» европейца, Бальмонт тянулся к «примитивным» народам, ещё сохранившим, по его словам, свежесть мироощущения, «невинность» и «чистоту».

Свою первую, краткую, заграничную поездку он совершил в июне 1892 г. (Скандинавия – земля его предков). К началу 900-х годов он объехал почти всю Западную Европу. Его основным местопребыванием вне России уже в ту пору становится Париж. «Большую часть нашей жизни с Бальмонтом, – вспоминает его жена Е.А.Андреева, – мы прожили за границей, в Париже, оттуда ездили в Англию (Оксфорд), Бельгию, Голландию, Италию и Испанию, любимую страну Бальмонта». Испанцы, по его мнению, были «не похожи на других европейцев», и, кроме того, он очень любил испанский язык «самый певучий и красочный из всех европейских языков».

Высоко ценил поэт-декадент и английскую поэзию. В 1897 г. он впервые побывал в Англии, когда читал в Оксфорде лекции по русской литературе.

Поэт-переводчик особенно любил Шелли, с творчеством которого он знакомил русских читателей на протяжении 90-х годов, переводил также Блейка, Байрона, Теннисона, ценил Уайльда, которому посвятил несколько статей.

Живя преимущественно в Париже, поэт-путешественник совершает поездки в Англию, Бельгию, Германию. Летом 1904 г. путешествует по Швейцарии и Испании. Уже тогда Бальмонт задумывает совершить кругосветное путешествие. «К январю я кончаю Шелли, Эдгара По и третий

том Кальдерона, – пишет он в одном из писем к Вал. Брюсову, своему другу и соратнику, – затем в течение многих месяцев читаю миллион книг об Индии, Китае и Японии. Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие в Константинополь, Египет, вероятно, Персия, Индия, часть Китая, Япония. На обратном пути – Америка. Путешествие – год. Если б Вы захотели поехать вместе со мной, это была бы сказка фей. Поедьте. Подумайте, что за счастье, если мы вместе увидим пустыню и берега Ганга, и священные города Индии, и сфинкса, и пирамиды, и лиловые закаты Токио, и всё, и всё».

С годами в его стихах выдвигается «восточная тема», звучат индийские и китайские мотивы («Горящие здания», «Будем как солнце»). Как видно, тональность сборников поэта определяется его «языческими» настроениями, живущего в единении со стихиями и испытывающего от близости к ним экстатическое состояние: горение, пожар чувств, страсть. Великолепный и красочный, «огненный» мир Востока утверждается в поэзии Бальмонта как антоним скучной и прозаической Европы, погружённой в свои прагматические заботы. При всём своём тяготении к Востоку, к романтическому и экзотическому миру Красоты и Природы, Бальмонт всегда испытывал искреннюю и глубокую привязанность к России, а также другим славянским странам. В 20-е годы, будучи во Франции, Бальмонт написал ряд статей о «славянском братстве». В течение многих лет Бальмонт с любовью переводил на русский язык произведения польских писателей, а также поэзию чехов, сербов, хорватов, словаков. Родственной славянскому миру он считал и Литву. Будучи в Париже, он писал и печатался в сборнике «Северное сияние» («Стихи о Литве и Руси». Париж, 1931). Или же, например, «Соучастие душ. Славия и Литва» («Россия и славянство». Париж, 1929, № 6, 5 января); «Славянское дружество» («Россия и славянство», 1929, № 40, 31 августа) и др.

Какой бы страной ни увлекался Бальмонт, он всегда обращался не только к языку, но и к фольклору – мифам, песням, преданиям, внимательно изучал их и пытался перевести их на русский язык. По убеждению поэта, именно они сохранили следы «первозданности», не замутнённые позднейшими культурными наслоениями. Каждому путешествию Бальмонта в новую страну предшествовало внимательное изучение поэтом её культурных памятников, чтение и изучение научной литературы и т.п., испытывая при этом, по его словам, «восторг изучения».

В одном из писем своим знакомым и друзьям Бальмонт писал: «Кончаю «Зовы древности» для «Пантеона». Все дни пишу. В душе светло».

Книга «Зовы древности» появилась в конце 1908 г. в петербургском издательстве «Пантеон» (серия «Мировая литература»), вскоре она была выпущена вторым – дешёвым – изданием. В 1923 г. в Берлине состоялось новое, расширенное издание этой книги.

В своих очерках, посвящённых Египту, Бальмонт обстоятельно рассказывал русским читателям о мифологии, истории, религиозных верованиях и культах Египта, изучал труды французских египтологов, пытаясь приблизиться к тайне этой древней страны. Однако субъективность восприятия неизменно одерживала в Бальмонте верх над любым знанием: «край Осириса рисовался поэту в розовых романтических красках. Достоверные описания поэта-путешественника перемежаются в его очерках и письмах с поэтическими восторгами и наивной умилённостью перед непознаваемым, таинственным «первозданным» миром и его обитателями.

Наиболее продолжительным и важным по своим последствиям было для Бальмонта его «кругосветное» путешествие, начавшееся в январе 1912 г. с поездки в Англию, а оттуда в Южную Африку и дальше на острова – в Океанию 1 февраля 1912 г. Бальмонт и Е.К.Цветковская, его гражданская жена и «вечная спутница» отплывают из Лондона на

Канарские острова, а оттуда – к мысу Доброй Надежды (Кейптаун).

Новая Гвинея, которую посетил Бальмонт, покорила его своим «первобытным» обликом. Общаясь с туземцами островов Самоа, Фиджи, Новая Гвинея и др., Бальмонт внимательно наблюдал их обычаи, собирал предметы их культа и быта.

Из своего путешествия Бальмонт привёз в Европу множество фотографий, а также богатую этнографическую коллекцию, которую он пожертвовал затем Антропологическому музею Московского университета.

Чем сильнее восхищался Бальмонт обитателями океанских островов, тем более обострялось в нём чувство неприязни к колонизаторам-англичанам. «Англичане уничтожили красивые смуглолицые племена тасманийцев, и от них не осталось и следа, – рассказывал впоследствии Бальмонт в своих лекциях об Океании. – В Австралии то же явление – систематическое истребление туземцев».

В отличие от многих европейцев, Бальмонт обратил внимание на бедственное и бесправное положение туземцев, горячо сочувствовал им и справедливо возмущался жестокостью английских колонизаторов. В целом же ситуацию в «странах Солнца» поэт оценивал далеко не объективно. Он слишком идеализировал жителей Океании и видел их только такими, какими хотел их видеть: наивными, чистыми, свободными людьми, предающимися «естественной» любви на лоне природы, поющими и пляшущими в лучах солнца или при свете луны. Он не задумывался над тем, каковы реальные условия жизни этих «детей природы», занятых тяжким изнурительным трудом, ведущих борьбу за своё существование.

Будучи в Индонезии, поэт в своих письмах излагает восторженные впечатления от ярких и живописных картин тропической природы островов, в особенности на Яве, главном острове Индонезии, с его могучими деревьями и нежными розовыми лотосами, красной акацией и «птицами-

небылицами», знаменитым ботаническим садом в городе Бейтензорг (в западной части Явы), где собраны деревья со всего земного шара.

Отчасти разочаровала Бальмонта Индия. Своей нищетой она напомнила ему Россию. «Трижды несчастная страна – безвозвратно пригнетённая», – так говорил он об Индии. Тем не менее Бальмонт увлекается древнеиндийской поэзией и принимается за перевод санскритской поэмы «Жизнь Будды», проявляет особый интерес к памятникам индийской культуры, переводит на русский язык драмы Калидасы.

Из письма к жене Е.А.Андреевой мы узнаём о том, что летом 1914 года в местечке Сулак на берегу атлантического океана (во Франции) Бальмонт узнаёт о начале первой мировой войны, которую он воспринимает как «злое колдовство». Конец 1914 и начало 1915 г. Бальмонт проводит в Париже, работая над переводом драм Калидасы. Поэта неудержимо тянет в Россию. «Я чувствую, что бесконечно теряю как поэт, оттого, что я не живу в России, а лишь приезжаю туда. Я безусловно хочу жить в России, а за границу только приезжать». Весной 1915 г. через Англию, Норвегию и Швецию Бальмонт возвращается в Россию.

С сентября по декабрь 1915 г. Бальмонт совершает длительное турне по России (с запада на восток), выступает с лекциями. (Темы лекций: «Океания», «Лики женщины», «Любовь и смерть в мировой поэзии» и др.).

Вечера и выступления Бальмонта были чрезвычайно насыщены, протекали с огромным успехом, поэт ярко и вдохновенно говорил об Океании, читал стихи. Наряду с этим он продолжает заниматься самообразованием, вновь обращается к китайской истории и культуре, читает «Мифы китайцев», изучает языки (китайский и японский), занимается поисками исторического материала, написанного русскими синологами и изданного в Санкт-Петербурге в 1880-1890-е годы.

В конце 1915 г. в Москве в издательстве «Скорпион» выходит в свет книга Бальмонта «Поэзия как волшебство», в которой наиболее полно выражен его взгляд на назначение поэзии. Лирическая поэзия, по Бальмонту, – это «внутренняя музыка», переданная размеренной речью и наделённая особым, волшебным-магическим смыслом. На примере народных сказаний и мифов (мексиканских, индийских, скандинавских и др.) Бальмонт-теоретик утверждает «первичность» и «самобытность» древней поэзии: «Первичный человек – всегда Поэт».

Наконец, в мае 1916 г., происходит встреча Бальмонта с Японией – страной, которой суждено было занять особенное место в духовном мире русского поэта.

Все ранние русско-японские контакты были непреднамеренными, случайными, тем более, что на протяжении трёхсот лет Япония была почти полностью «закрытой» страной, – вплоть до 1868 г., до реставрации Мэйдзи, иностранцы допускались лишь в два порта. Жизнь японцев была для окружающего мира как бы «за семью печатями».

О более серьёзных и целенаправленных культурных контактах можно говорить только начиная с печальных событий русско-японской войны, т.е. с 1905 г. По наблюдению акад. Н.И.Конрада, в среде японских литераторов имела хождение фраза: «Япония победила Россию в войне, но полностью побеждена в литературе. Японцы народ трудолюбивый и тянутся к знаниям».

К 1910 году они уже неплохо знали русскую классическую литературу XIX века, особенно прозу Толстого и Достоевского, книги которых считались в Японии бестселлерами и открывали списки «лучших книг года». За ними следовали произведения Тургенева, Гоголя, Чехова, Гончарова, Горького, проза Пушкина.

К 1916 г. (т.е. времени посещения Японии Бальмонтом) уже произошло важное событие в истории русско-японского сближения: в сознании японцев был преодолён некий синкретизм восприятия, русская литература понима-

лась не как расплывчатое целое (так было в конце XIX и в самом начале XX века), а определились индивидуальные черты отдельных писателей: они как бы приблизились к японцам, обозначились пропорции.

В 1916 г. Бальмонт неожиданно для себя встретил в Японии знание и понимание русской литературы, что вызвало у него искреннее удивление. Японцы смогли уловить близкие им поэтические ассоциации, которые помогли восприятию русского символистского стиха. Многие в поэзии Бальмонта интерпретировались японцами как новое, необычное, фантастическое, и именно эти свойства, контрастные по сравнению с собственной поэтической традицией, интересовали японцев в наибольшей степени, они давали импульс их собственному творчеству.

Разработка «русской» темы означала для японских филологов скорее углубление знания о новейших европейских литературных направлениях; их взгляд на мировую поэзию становился более отчётливым. Появление же самого Бальмонта в Японии – первого поэта из России, побывавшего в этой стране, – произвело на японцев большое впечатление и вызвало множество откликов.

Присущая японцам образованность, знание многими, почти всеми, хрестоматийных поэтических текстов и сюжетов, повсеместное распространение гуманитарных знаний – предмет удивления и восхищения европейцев, посещавших Японию. По этому поводу Востоков писал: «Японцы – все поэты. Стихи льются там естественно, без всяких усилий, у всех, мужчин и женщин, от самых низших до самых высоких слоёв общества. Уличный торговец, носильщик, рикша, бедная женщина-работница – все прирождённые стихослагатели, и все поэты не только в смысле формы, но и в смысле настроения. ...Главный источник поэзии Японии, вдохновлявший лучших её поэтов, – чувство природы, способность слияния, разговора с ней».

Небезынтересно, что японское влияние в то время часто приходило не с Востока, а с Запада, например, через

французских импрессионистов, увлекавшихся японскими гравюрами, миниатюрной живописью, архитектурой, костюмом. Страстным приверженцем японской живописи был, как известно, Максимилиан Волошин, близко знакомый с Бальмонтом. Живя в Париже, где он часто общался с поэтом, Волошин в середине 1900-х годов серьёзно изучал в Национальной библиотеке произведения японских мастеров, оказавших решающее влияние на его собственную живописную манеру.

Решение посетить Японию весной 1916 года было связано у Бальмонта с маршрутом его гастрольной поездки, который вёл на Дальний Восток. 10 апреля 1916 г. Бальмонт приезжает во Владивосток. Местная газета «Далёкая окраина» уже 5 апреля извещала своих читателей о лекциях известного поэта, назначенных на 11 и 12 апреля. Первая лекция была озаглавлена «Любовь и смерть в мировой поэзии», вторая – «Вечер поэзии Бальмонта». Она сопровождалась чтением стихотворений из ещё ненапечатанной книги «Ясень. Видение древа», а также многочисленных отрывков «из различных произведений мировой поэзии».

23 апреля, сидя во владивостокском отеле «Централь», Бальмонт писал Е.А.Андреевой: «Несмотря на необходимость последнего выступления, я принял ряд малых, но важных героических мер, благодаря которым уже сегодня утром, в 10 часов, я получил заграничные паспорта. В то же время мои здешние друзья обо мне хлопотали, и в результате я еду в Японию, в понедельник 25-го, необычным способом: на торговом корабле, где чудесные каюты, но где, кроме меня, Елены и корреспондента «Далёкой окраины», нет никаких пассажиров.

Две недели, проведённые Бальмонтом в Японии, были до предела насыщены поездками, осмотром достопримечательностей, встречами. Яркие картины Японии, обворожившей Бальмонта в первые же часы, переданы в его письмах, по которым можно воссоздать хронику пребывания русского поэта на японских островах. «В Токио я видел

столько японок и японцев, в парке Уэно и на улицах, что мне кажется, будто я жил здесь, в Японии, уже много месяцев. А при входе в парк стоит гигантский ясень саженей в 5 в обхвате и с совершенно окаменевшим стволом, но живой, с прекрасными развесистыми зелёными ветвями. Увлёкся там двумя маленькими японочками и их заинтересовал. Но это так мимолётно. Я влюблён в отвлечённую японку, и в неё нельзя не быть влюблённым. Так много во всех японках кошачьей и птичьей грации. Это сказочные зверьки. Это не человечницы, а похожие на человеческих женщин маленькие жительницы другой планеты, где всё иное, очертания, краски, движения, закон соразмерностей. Когда они откликаются на зов, они произносят быстрым, охотным, полудетским голоском: «Э!» или «Ай!». Это «Ай» так обворожительно, что оно мне, верно, будет сниться всю жизнь. И они радостно счастливы от каждого обращения к ним. Им весело побежать, качаясь маленьким тельцем, и принести что-нибудь. Они – воплощение изящной внимательности».

Бальмонт чутко улавливает гармонические звуки жизни, построенные по законам иного лада, чем европейский.

«Я был вчера в Камакуре. Там гигантский Будда. В старинном городе находится статуя Будды высотой в 15 метров (создана в 1252 г.). Там монастыри и храмы и великолепное морское побережье (взморье). ...Вся Япония – шедевр, вся она – воплощение изящества, ритма, ума, благоговейного трудолюбия, тонкой внимательности». Поразил поэта своей красотой Никко – храмовый комплекс неподалеку от Токио, гордость японских зодчих. «Не прекращается, а лишь усиливается моя влюблённость в Японию, – пишет поэт. – Изящные люди среди прекрасной природы. Но ведь это идеальное сочетание!».

«Я путешествую по Японии по прихоти сердца, – рассказывает Бальмонт в своём письме А.Н.Ивановой, – стараюсь нигде не задерживаться, даже на лишние полсутки, и желая увидеть возможно больше разного, на те гроши малые странствуя, которые у меня остались от последних вы-

ступлений. Но путешествовать по Японии совсем недорого. В Токио меня замучили литературные посетители. Оказывается, я очень известен в Японии».

Поэта торжественно и бурно встречали, от репортёров не было отбоя, его узнавали на улицах, токийские газеты помещали на своих страницах его портреты, стихи, писали статьи и очерки о нём. Бальмонт был искренне удивлён этим восторженным приёмом и чрезмерным вниманием, тёплым и почтительным отношением к себе японцев.

Неожиданными были и восторженные приёмы, которые устроили ему в Японии журналисты и представители литературно-издательского мира, а также наряду с этим приходилось писать автографы, вести трудные, утомительные подчас разговоры с репортёрами и представителями японской прессы, молодыми поэтами, редакторами журналов, переводчиками и фотографами, желающими запечатлеть в своей памяти встречу с знаменитым русским поэтом и интересующимися впечатлением, произведённым на поэта их родиной. Менее всего рассчитывал он встретить такой радушный, полный энтузиазма приём в стране, где, казалось бы, он мог пройти совершенно неизвестным и незамеченным.

По возвращении Бальмонта в Петербург наступает (как это обычно у него бывало) период интенсивного творческого осмысления всего пережитого им за время путешествия. Поэт задумывает серию статей о «Стране Солнца», пишет посвящённые ей стихотворения, предполагает всерьёз заняться японским языком. В своих публичных выступлениях он постоянно вспоминает Японию. В очерк-наброске «Игранья раковины» рассказывается о посещении им японских городов. Незнакомая ранее страна, чем больше думал о ней поэт, открывалась ему не только как экзотический край самураев и гейш, но и как изысканный прекрасный сад – воплощение самой Красоты. «Япония, – писал он в своём очерке, – страна смелейших бойцов и нежнейших женщин, край, где чтят предков, где уважают растения, где

не мучают и не пожирают животных, где скрывают свою боль и показывают свою радость, где, исполняя всякую работу, в конце концов всё-таки остаются чистыми, где чистота есть первое условие жизни, и на полу чище, чем на столах в других странах».

Свою близость к Японии, духовное родство с ней Бальмонт пытался объяснить собственной «солнечностью». Поэт всегда подчёркивал и в стихах, и в очерках это начало, которое считал своей особой чертой, даром: «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце». Стремление «быть как Солнце», не оставлявшее Бальмонта и в зрелые годы, естественно сливалось в нём с теми чувствами восхищения и любви, которые пробудила у него Япония – Страна Восходящего Солнца.

Душа Японии выражена, по Бальмонту, не только в облике и характере японских женщин. В ещё большей мере она проявляется в традиционной японской поэзии. Страстный интерес Бальмонта к японской стране невозможно отделить от той увлечённости, с которой он в 1916 г. изучал произведения японских поэтов (конечно, в переводах на западноевропейские языки) и пытался «перепеть» их по-русски.

Любая страна, с которой приходилось знакомиться Бальмонту, воплощалась для него в поэзии её народа. Точно так же душа Японии запечатлелась, по убеждению Бальмонта, в коротких стихотворениях – танка и хокку. «Перепеваю японские танки. Я ими пленён. Не очаровательно ли пропела нежная японочка IX века Исэ:

В нитку скручу я
Звуки рыданий,
Вздохов моих.
На нить нанижу я
Жемчужины слёз.

В очерке «Страна-поэма» Бальмонт пишет: «Я – русский, и я европеец, потому, конечно, я люблю больше свою поэзию, и она мне кажется более совершенной по глубине и силе. Но в то же время я не могу не признать, что кроме испанцев, создавших подобные же трёхстрочные и четырёхстрочные песенки, ни один европейский народ не умеет в трёх, в четырёх, в пяти строках дать целый законченный образ, всю музыку настроения, полное прикосновение души к душе, как это умеет сделать японец».

По своему духу и настроению японская традиционная поэзия была созвучна бальмонтовской лире с её неизменной импрессионистической окраской и в этом смысле многие японские поэты оказались ему изначально близкими. Не случайно переводы Бальмонта с японского получили восторженную оценку со стороны такого знатока, как Ямагути Моити. Японский учёный писал Бальмонту: «Читаю Ваши переводы и всё, что Вы говорите о японской поэзии, читаю и умиляюсь... Некоторые переводы до слёз хороши. Вы воплотили в действительности то, что было в мечтах души моей».

Переводы известнейших стихотворений, шедевров японской классической традиции (Бальмонт был во многих случаях первым переводчиком знаменитых танка и хокку, а некоторые до сих пор известны только в его переводах) были сделаны им с великолепных прозаических подстрочников, созданных лучшим в Японии знатоком русского языка и литературы Ямагути Моити.

Даром судьбы были для Бальмонта и друзья, приобретённые им в Японии.

Вернувшись в Россию, Бальмонт сохраняет связь не только с Ямагути Моити, но и с другими японскими друзьями. Он обменивается с ними письмами, посылает в Японию все свои статьи и переводы из японских поэтов, появляющиеся на русском языке. В ответ из Японии, наряду с письмами, приходят журналы и книги, в которых печатаются его произведения.

Особым расположением Бальмонта пользовался очаровательный Осэ – молодой поэт, переводчик, преподаватель Токийского университета Васэда Айка Осэ, о котором вспоминал Бальмонт в очерке «Игранья раковины». «Я радуюсь, что у меня есть в Японии такие преданные друзья», – пишет он в письме к Цветковской.

Столь восхитившее Бальмонта письмо А.Осэ (написанное по-русски) сохранилось в архиве поэта: «Вы пришёл, неожиданно отошёл, как тень» – в таком чисто японском стиле вспоминал Осэ о приезде Бальмонта в Японию. Из письма явствует, что Осэ рекомендовал очерки русского поэта в «Литературный журнал университета Васэда».

Особое место в ряду японских знакомств Бальмонта занимают его связи и встречи с Нобори Сиому, известным японским русистом, профессором влиятельного университета Васэда в Токио, которому принадлежит важная роль в знакомстве японцев с русской литературой.

Изучив русский язык и литературу, Нобори Сиома всерьёз занялся переводом русской классики, увлёкся Достоевским и в 1914 году опубликовал перевод «Униженных и оскорблённых», в 1911 г. издал очерк «Великий Толстой», переводил произведения Толстого, Горького, Куприна, Короленко, а в 20-годы перевёл книгу Мережковского «Толстой и Достоевский».

В 1915 году Нобори Сиому выступил как литературовед, издал книгу «Современные идейные течения и литература в России», где подробно писал о русском символизме, в том числе и о Бальмонте. Именно эту книгу он подарил Бальмонту в день их знакомства в Токио. «Вдумчивый, похожий на наших северян Нобори, – вспоминал о нём Бальмонт, – принесший мне свою книгу «Течения русской поэзии» (в очерке «Игранья раковины»).

В своём фундаментальном труде – монографии объёмом почти в 800 страниц – Нобори Сиому сумел описать, довольно подробно и совершенно достоверно, все литературные течения (акмеизм, футуризм, символизм и др.),

представил портреты многих деятелей русской литературы, уделил много внимания цитатам из произведений поэтических, прозаических, а также из теоретических статей, воспоминаний, автобиографий и т.д. Это своеобразная энциклопедия русской литературной жизни начала XX века. У японского учёного несколько иное, новое отношение к русскому символизму, более тонкое и проникновенное изучение его, с выявлением общности и близости с японской поэзией. Как считает Нобори Сиому, символические обозначения идей Бальмонта – основателя русского символизма: свет, мрак, ветер, лунный свет, буря, вода, земля, дерево, трава (все эти образы необычайно близки японцам). Упомянув о воздействии Бодлера, о романтических пристрастиях русского поэта, Нобори Сиому выделил ключевые понятия его поэтики: иллюзия, видения, мечты, звучания, настроение. Нобори Сиому заинтересовала тема города в поэзии Бальмонта. Приведены некоторые «городские» стихотворения русского поэта-символиста в переводе Нобори Сиому. Переводы эти точны и передают музыку стиха Бальмонта.

Для поэта-символиста, живущего ощущением мгновения, вознесшегося над изначальным временем и пространством, вне мгновения нет ни поэзии, ни солнца, ни луны, ни лет. Идея и ощущение мгновенности созвучна была некоторым представлениям японцев о времени, о бренности и быстротечности жизни. С идеей мимолётности Сиому связывает свойственную Бальмонту переменчивость его «я» («Я вечно другой»), японский учёный называет его «поэтом иллюзий», говорит о том, что Бальмонт в стихах «даёт лишь мгновения».

Бальмонт считал, что над мраком земной жизни, выше её, в фантастическом мире мечты, в другом мире, который он создаёт, существует истинная жизнь. Недаром в заголовках газетных статей были использованы названия глав из книги Нобори Сиому: «Изысканный индивидуалист Бальмонт», «Поэт мгновения», «Комета и Летучая звезда русской поэзии» и др.

Весьма близкая японцам идея мимолётности, бренности, неистинности существования, привитая буддизмом к японскому искусству – живописи, гравюре, поэзии, прозе – в стихах русского поэта получала совершенно неожиданную трактовку.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву
И зову мечтателей... Вас я не зову!

Яркие экзотические образы солнца и луны, созвучные японской поэзии и занимающие в творчестве Бальмонта заметное место, представляются Нобори Сиому чрезвычайно важными, вокруг них, по его мнению, концентрируются основные мотивы бальмонтовской лирики.

Экзотический «имидж» далёкого поэта имеет много общего с поэтами Японии. Однако присущий Бальмонту индивидуализм был сравнительно новым понятием для Японии. В главе своей объёмной монографии японский учёный изучает «изысканный индивидуализм» Бальмонта и вновь возвращается к мысли о том, что стихи поэта – это запечатлённые мгновения. «Для него жить – значит быть во мгновениях, отдаваться им. Жизнь представляется поэту потоком мгновений».

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолётности я влагаю в стих.
В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

В главе «Особенности русского символизма» Нобори Сиому, назвав русский символизм «результатом взаимодействия России и Запада», подробно говорит о Мережковском, Гиппиус, Бальмонте, Сологубе, Брюсове, причём Бальмонта он справедливо относит к «столпам символизма», к «стар-

шим», а младшими называет Вяч.Иванова, Андрея Белого, Городецкого, Блока. На примере творчества Бальмонта японский литературовед пишет о соединении в стихах символистов музыки, философии, поэзии. Символисты создали особенную атмосферу в русской культуре, они, – писатели, тонко чувствующие трагизм своего времени, – решили перебороть духовный кризис и произвели революцию в поэзии.

Особенность произведений Бальмонта состоит в том, что в его поэзии ощущается стремление проникнуть в идеальный мир, который возвышен над временем и пространством. Он перемещает людей и обстоятельства своего окружения в иной мир, он одушевляет свой идеал и вырывает его из реальной жизни. Он переносит свой взгляд на неживые предметы и разъясняет космические силы с философской точки зрения – так создаются символистские стихи.

Японцы ценят в стихах Бальмонта солнечность, яркость красок и тонкость ощущений природы. Они находят, между прочим, что, несмотря на кратковременность своего пребывания в Японии, русский поэт очень метко схватил основные черты японской природы и японского национального характера. Все очерки Бальмонта о Японии переведены на японский язык по несколько раз.

Нобори Сиому запомнились и показались лестными слова Бальмонта: «Японцы, с одной стороны, – импрессионисты, с другой – символисты».

Приезд Бальмонта в Японию оказался для Японии заметным культурным событием. Справедливо замечание Бальмонта, обронённое им в письме к Е.К.Цветковской после получения японского журнала, где было помещено письмо Бальмонта к Ямагути Моити, а также переводы стихотворений «Самурай», «К Японии» и «Японке»: «Японцы окончательно пленились мной – и пленяют меня». В очерке «Япония. Белая хризантема» – этом удивительном эссе – поэт задаётся вопросом:

«Почему же я, чужестранец, так близок к Японии? Я знаю. Нас обвенчало Солнце. Я иду, а сердце поёт: *Скажи,*

о, сердце \ Сынов Ниппона: \ Навстречу Солнца \ У горной вишни \ Цветы цветут».

«Я смотрю, как падают и вьются снежинки. Они все похожи, и все различны. Они падают мне на руку и нежно тают. Воздушные кристаллики. Невесомые звёздочки. Они падают на лицо мне, и не поймёшь – обжигают слегка или слегка холодят щёку. Они касаются угла моих глаз. Ресницы мои дрожат, точно лёгкие крылья бабочки коснулись их. Или нет, точно маленькие-маленькие феи не хотят целовать моих губ, но хотят целовать мои глаза. «Это хокку», – шепчу я себе, – это трёхстрочные японские малютки хокку». Я говорю себе: «Нужно написать хокку». И в уме моём рождается троестрошие:

Дыханье ветра
Из белой тучки
Плетёт ковёр.

Это мало, думаю я. Нужно что-нибудь ещё. Но тотчас же говорю себе – довольно. И тихонько смеюсь, припоминая слова одного японца: «Написать две-три хокку, этого совершенно достаточно для целой человеческой жизни».

Русский поэт-символист верно уловил и осмыслил общенародный характер этого уникального и идеального явления искусства. «Японская танка, – пишет Бальмонт, – может быть менее и более красива, менее и более очаровательна. Но никакая японская танка не может быть некрасивой, как не может быть некрасивой в пруду ни одна золотая рыбка».

Небезынтересны и дальнейшие наблюдения великого поэта, пытающегося разгадать тайну «краткого речения в поэтической форме». «Я думаю, она коренится в способности людей Востока к глубокому молчанию. Люди Востока любят говорить, как и мы, но мне кажется, они не любят болтать, как непомерно болтают европейцы. Они любят говорить, когда им есть что сказать. Отсюда – глубокие во-

сточные поговорки. Не отсюда ли и эта иссечённая поэтическая форма? Японец душою своей долго смотрит в своё чувство, прежде чем о нём заговорить».

Свою близость к Японии, духовное родство с ней Бальмонт пытался объяснить собственной «солнечностью» – поэт всегда подчёркивал и в стихах, и в очерках это начало, которое считал особой чертой, даром.

Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце.
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце.
В предсмертный час! –

таково самовыражение пылкого и пламенного поэта, страстного к Солнцу, от которого он получает духовную энергию.

Стремление «быть как Солнце», не оставлявшее Бальмонта и в зрелые годы, естественно сливалось в нём с теми чувствами восхищения и любви, которые пробудила у него Япония – Страна Восходящего Солнца.

Солнце ассоциируется у поэта с огнём и пламенем. Не случайно он слагает «Гимн Огню», навеянный огнепоклонничеством, лежащем в основе религии зороастризма.

Кстати, о своём «горении» он пишет и в стихотворении, посвящённом кораническому мотивам, «Я обещаю вам сады» с эпиграфом «*Коран*».

Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки.
...Идите все на зов звезды,
Глядите: я горю пред вами.
Я обещаю вам сады
С неомрачёнными цветами.

Следует отметить, что из всех японских знакомых Бальмонта Нобори Сиому был, конечно, более других осведомлён о русском поэте. В почти 800-страничной монографии Нобори Сиому сумел описать, довольно подробно и совершенно достоверно все литературные течения (акмеизм, адамизм, футуризм, символизм и др.), представил портреты многих деятелей русской культуры конца XIX – начала XX веков, причём много внимания уделил цитатам из произведений поэтических, прозаических, а также из теоретических статей, воспоминаний, автобиографий и т.д.

Примечательно, что в разделе «Символизм» много места уделено творческой биографии Константина Бальмонта. Японский учёный представил читателям 16 поэтических и прозаических книг Бальмонта. В главе «Бальмонт – поэт мгновения» Нобори Сиому писал, что с приходом Бальмонта в поэзию «новые мелодии зазвучали в русском литературном мире», связывая это новое веяние с именем великого французского поэта Шарля Бодлера.

Известно, что образ «царственного Бодлера», как называл его Бальмонт, был запечатлён им в поэтическом посвящении «К Бодлеру»:

Познавший таинства мистических ядов,
Понявший образность гигантских городов,
Поток бурлящийся, рождённый царством льдов.
...Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о маг и чародей,
Чтоб я без ужаса мог быть среди людей!

Упомянув о воздействии Бодлера, о романтических пристрастиях русского поэта, Нобори Сиому выделил ключевые понятия его поэтики: иллюзия, видение, мечты, звучание, настроение. Бальмонт, по его мнению, вместе с Мережковским и Сологубом, стал основателем русского символизма. Стихи Бальмонта в переводах Нобори Сиому точны и передают музыку стиха Бальмонта, их волшебство и

колдовскую силу, насколько это вообще возможно в иной стихотворной системе, «без рифмы – рифма, как уже говорилось, несвойственна и японской поэзии».

Шедевром поэзии считали японцы и знатоки поэзии известное стихотворение Бальмонта «Чёрный чёлн».

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близка буря. В берег бьётся
Чуждый чарам чёрный чёлн.

Назвавший русский символизм «результатом взаимодействия России и Запада», Нобори Сиому подробно говорит о Мережковском, Гиппиус, Бальмонте и Брюсове, причём Бальмонта он справедливо относит к «столпам символизма», к «старшим», а «младшими» называет Вяч.Иванова, Андрея Белого, Городецкого, Блока. На примере творчества Бальмонта японский литературовед пишет о соединении в стихах символистов музыки, философии, поэзии.

В 900-е годы, – как объективно рассуждает и мыслит японский учёный, – именно Бальмонт представлял русский литературный мир, в то время он отдал дань романтизму. И хотя у него не достало сил на то, чтобы стать первым в поэтическом мире, он, научившись многому у Бодлера, <...> вдохнувшего много индивидуального во французский романтизм, всё же произвёл революцию в поэзии. <...> Особенность произведений Бальмонта состоит в том, что в его поэзии ощущается стремление проникнуть в идеальный мир, который возвышен над временем и пространством. Он перемещает людей и обстоятельства своего окружения в иной мир, он одушевляет свой идеал и вырывает его из реальной жизни. Он переносит свой взгляд на неживые предметы и разъясняет космические силы с философской точки зрения – так создаются символистские стихи. Его тема – сознание и опыт городского жителя, в этой теме отразилась судьба самого Бальмонта.

Привязанность и константный интерес Бальмонта к Японии, роль и воздействие Японии в духовно-творческом обогащении великого поэта, его статьи об этой стране, цикл стихов, посвящённых Японии, его деятельность как переводчика японской поэзии – яркое, уникальное явление, подобного которому не знает история русско-японских культурных отношений.

2018

NƏSİMİ VƏ FÜZULİ YARADICILIĞINDA QƏZƏLİN TARIXİ POETİKASININ ÖYRƏNİLMƏSİNƏ DAİR

Ədəbiyyatşünaslığın müasir inkişaf mərhələsində mediye-vistika sahəsində geniş vüsət tapan qəzəl janrının tarixi poetikasının, poetik fikrin təşəkkül və təkamülünün, fəlsəfi-estetik təcrübəsinin, özünəməxsusluğunun öyrənilməsi böyük əhəmiyyət kəsb edir.

Qəzəlin mükəmməl bilicisi, bu janrın Şərq kontekstində yayılması və geniş vüsət tapmasını dərinlən və əhatəli öyrənən mediyevist-alim professor Azadə Rüstəmovə qəzəlin Şərqdə VII-VIII əsrlər ərəb poeziyasında, IX-X əsrlərdə fars-tacik şeirində, XI-XII əsrlərdə isə Azərbaycan ədəbiyyatında təşəkkül tapdığını bildirmişdir. “XIV əsrdə Azərbaycan dilində qəzəl öz yüksək inkişaf mərhələsini Nəsimi yaradıcılığında tapdı. Yalnız öz dövrünün deyil, bütün dövrlərin görkəmli sənətkarı, mütəfəkkir şair Nəsimi Azərbaycan dilində qəzələ yeni ruh, yeni mənə, yeni silqət verdi. Nəsimi istedadı ilə Azərbaycan dilində qəzəl daha da cilalandı. O, qəzələ mübariz, döyüşkən məzmun və ruh gətirdi”. [2, 44]

Dahi şairin fəlsəfi-irfani məzmun kəsb edən poetik sistemində insan ucaldı, hürufizm və “vəhdəti-vücut” ideyalarının daşıyıcısına çevrildi.

Nəsiminin təliminə görə, Allahı kənarda – məkansızlıqda və zamansızlıqda deyil, təbiətin bütün gözəlliklərində, kamil gözəllik və kamil insan mənəviyyatında – lirik qəhrəmanın kainata sığmaz ali insanın daxilində aramaq lazımdır.

Klassik Azərbaycan poeziyasında qəzəlin tarixini və poetikasını ardıcıl araşdıran Azadə xanım yazır ki, “Nəsimi ənənələrdən çox şey öyrəndi – ərəb, fars və özünə qədərki türkdilli qəzəl ədəbiyyatı ona bir örnək oldu. Nəsimi Şərq poetikasına – ərüz, qafiye və bədii sənətinə də incəliklərinə qədər yiyələndi və doğma dildə qəzəlin dərin ideya-bədii təsir qüdrətinə malik gözəl nümunələrini yaratdı”. [1, 330]

Nəsimi Azərbaycan dilində yaranan qəzələ ictimai-fəlsəfi məzmun gətirdi. Fəal, yaradıcı insan haqqında düşüncələrini

bəyan etdi, onun yüksək mənəvi keyfiyyətlərə malik olduğunu bildirdi, hürufizm ideyalarına xidmətə yönəltdi.

“Nəsiminin yaradıcılığı ilə qəzəl kosmik uçuşlarla pərvazlandı”.

Məndə sığar iki cahən, mən bu cahana sığmazam,
Cövhəri-laməkan mənəm, kövnü məkana sığmazam.
Ərş ilə fərşu kafü nun məndə bulundu cümlə çün
Kəs sözünü və əbsəm ol, şərhi-bəyanə sığmazam... [2, 46]

“Allahı kənarda, məkansızlıqda və zamansızlıqda deyil, təbiətdə, yerdə, kamil insan mənəviyyatında, əməlində axtarmaq lazımdır:

Sirri ənəl-həq söylərəm, aləmdə pünhan gəlmişəm,
Həm həq dərəm, həq məndədir, həm xətm-i-insan
gəlmişəm. [2, 46]

Mən mülki-cəhan, cəhan mənəm, mən!
Mən həqqə məkan, məkan mənəm, mən!” [2, 47]

Təsadüfi deyil ki, “Nəsiminin ədəbi-bədii irsində çoxluq təşkil edən məhəbbət mövzusunda yazılan qəzəllərində şairi aşiq-məşuqə nisbətlərindən daha artıq İnsan-Allah konsepsiyası düşündürür”.

Nəsimi qəzəlində və ümumiyyətlə klassik Şərq poeziyasında ilk dəfə yaranan bu fəlsəfi təlim sonralar rus və Qərbi Avropa ədəbiyyatları kontekstində geniş vüsət tapmışdır. (F.Nitşe, D.Merejkovski və b.)

Nəsimi qəzəllərində Allah məqamına ucaldılan gözəlin – insanın tərənnümü mistikaya aparıb çıxarmır. O, insanı cənnət hurilərində qarşı qoyaraq, cəhənnəm haqqındakı əsassız uydurmaların əleyhinə çıxır:

Verməz səni min cənnəti min hurə Nəsimi
Sən aşiqə həm cənnəti, həm huri-cahansan. [4, 24]

Mərhəbə insani-kamil canımın cananəsi,
Aləmin cismi sədəfdır, sənmişən dürdanəsi? [2, 47]

Surəti-rəhmani buldum, surəti rəhman mənəm,
Ruhi-mütləq, hər kəlamı qafi vəl Quran mənəm. [2, 47]

Nəsimi qəzəli sinkretikdir, yəni bir neçə ideya-məzmun formalarını əhatə edir, özünəməxsusluğu ilə fərqlənir. Azadə xanımın qeyd etdiyi kimi, “Azərbaycan qəzəlində bir inqilab yaradan şair həm də zərif, incə qələm sahibi olmuşdur. ...Xalqının şifahi ədəbiyyat nümunələrindən, öz böyük sələfləri Xaqani, Nizami şeirindən, eləcə də Yaxın Şərq poeziyasının bir sıra qabaqcıl nümayəndələrin yaradıcılıq bacarığından məharətlə bəhrələnən Nəsimi ölməz söz incilərindən qiymətini zamanəmizə qədər saxlayan gözəllik tacı bəzəyib yaratmışdır”. [2, 50]

Çox maraqlıdır ki, Nəsimi ədəbi irsində xalq üslubunda yaratdığı qəzəllər əruzun oynaq vəznlərində yazılmış koloritli və səlist nümunələrlə yanaşı, şairin hürufi görüşlərilə bağlı rəmzi mənə daşıyan və çətin anlaşılan ifadələrlə yüklənmişləri də vardır.

XIV əsrdə Nəsimi qəzəllərində insanı tərənnüm lirik coşqunluqla, hürufi ideyaları tülünə bürünərək təqdim olunurdu. Qəzəldə zəngin üslub çalarları Nəsiminin adı ilə bağlıdır:

Gəl ey dilbər məni gör kim, necə xoş yanaram sənsiz,
Odundan acı hicranın su oldum, axaram sənsiz.
Xəyalın gəlmiş ey huri gözüm qarşısında durmuş,
Fərağında yanar bağrım, xəyala baxaram sənsiz. [2, 50]

Nəsiminin qəzəllərində poetik vasitələr, bədii obrazlar, əlvan məcazlar əsas məqsədə və mənaya xidmət edir:

Alına vermişəm könül, ali çox alə düşməsin,
Yanağının qızıl gülü üstünə jalə düşməsin. [2, 50]

Burada qəzəlin lirik qəhrəmanı bütün varlığı ilə məşuqəsinin vurğunudur və sevgilisinə xoş güzəran arzulayaraq, öz dilbərini fitnə-fəsaddan, şər qüvvələrdən və bəlalardan saxlanılmasına dua edir ki, onun rüxsarına heç zaman kədər və hüzn tozu oturmasın, yanaqları boyunca göz yaşları axmasın.

Bəzən müxtəlif bədii vasitələrdən – cinas, bənzətmə və istiarə yolu ilə lakonik poetik lövhə yaranır.

Ey nazı çox dilbər, məni yandırma hicrin narinə,
Çün yanıram pərvanə tək şəmi-rüxün ənvarinə. [2, 51]

Nəsimi qəzəlində beytlər adətən səmimi, sadə və rəvandır. Belə hallarda rədiflər və qafiyələr poetik məzmunu daha da emosionallaşdırır:

Üzünü məndən nihan etmək dilərsən, etməgil
Gözlərin yaşın rəvan etmək dilərsən, etməgil
Bərgi nəsrin üzrə miskin zülfünü sən dağıdıb
Aşiqi bixaniman etmək dilərsən, etməgil. [2, 52]

Bununla yanaşı, alimin fikrincə, “Azərbaycan türkcəsinin qəzəlin tacdarı, dünya şeir korifeylərindən biri Füzulidir. Füzuli qəzələ məna-fikir və sənət baxımından olduğu kimi, ahəng və vəzn cəhətdən də özünə qədər misli məziyyətlər gətirir.

Azadə xanımın bənzərsiz, elmi-poetik düşüncə və incə duyğularını fürsətdən istifadə edib yada salmaq yerinə düşərdi:

– Azərbaycan qəzəl ədəbiyyatında gözəllik və məhəbbət problemlərinin poetik təqdimi yönümündə Füzuliyə çatacaq bir sənətkar çətin təsəvvür etmək olar. Füzulidə də məhəbbət öz səthi, adi anlayışından çox-çox əhatəli-vüsətlidir. Nizami-Nəsimi şeirində olduğu kimi, fəlsəfi-irfani məzmun kəsb edir. Lakin özünəməxsus məna çalarları da var, sələflərindən müəyyən ovqatlarla fərqlənir.

...Fərdi-subyektiv başlanğıc Füzuli qəzəlində qabarıqdır, aşiq-məşuqə münasibətlərində dramatik ehtiraslar sərhəd tanı-mır, ...mənəvi və eləcə də ictimai gerçəkliyin fəci şərhə Füzulidə

üstünlük təşkil edir”. [2, 67]

Nəsimi və Füzulinin poetik aləminə dərinlən nüfuz edən alim dahi şairlərin sənətkarlığının mənə-struktur oxşarlığına və fərdi xüsusiyyətlərinə xüsusi diqqət yetirirdi.

– Önemli sələfi Nəsimi kimi Füzulidə də janrın hədd və imkan dairəsini labüd bildiyi istiqamətdə böyütmək və genişləndirmək qüdrəti var idi.

Füzulinin yaşantıları bütövlükdə zamanın çirkinliklərinə qarşı bir ittiham kimi səslənən qəzəli isə müəllifin yürütdüyü fikrə dəlalət edir:

Düst bəpərvə, fələk bərahim, dövrən bəsükün,
Dərd çox, həmdərd yox, düşmən qəvi, tale zəbun. [1, 343]

Füzulinin poetik dünyasını səciyyələndirən, tədqiqatçıları düşündürən, məşğul edən böyük şairin ilahi eşqi tərənnüm etməsinin sirrini Azadə xanım daha çox Füzuli yaradıcılığında sufizmin böyük təsirində, insanın ilahi məhəbbətə qovuşmasında görür.

– Şairin sufi-mistik ideyalarının tərənnümünə həsr etdiyi qəzəlləri məhəbbət mövzusunda olan qəzəllərindən istər öz daxili məntiqi, istərsə də estetik vəzifəsi və tipoloji modeli ilə seçilir, fərqlənir. Bununla bərabər Füzulinin məhəbbət süjetli qəzəllərini bütövlükdə ilahi eşqi rəmz, məcaz kimi mənalandırmaq özünü doğrultmur.

...Füzulidə məhəbbət ruhi prosesdir, mürəkkəb psixoloji bir haldır, şairin gözəllik, ülvyyə və harmoniya axtarışlarında dərin və böhranlı duyğu və düşüncələrinin bədii ifadəsidir. [1, 342]

Könlüm açılır zülfi-pərişanını görcək,
Nəqim tutulur qönçeyi-xəndanını görçək. [5, 106]

Orta əsrlərin həyat kodeksləri ilə şərtlənən mühit və zaman çərçivəsində ülvyyə və harmoniya bir xəyal olduğundan, “Mən”in mənəvi kamilləşməsi yollarında keçilməz maneələr

törədirdi.

Füzuli qəzəllərindəki qəmin və kədər in kökləri və sirri də bununla əlaqəlidir. Həqiqətən, Füzulidə bu hal bəşəri, dünyəvi kədər məqamındadır:

Pərişan xəlqi-ələm ahu əfqan etdiyimdəndir.

Pərişan olduğum xəlqi pərişan etdiyimdəndir. [5, 122]

Maraqlı və düşündürücü məqamlardan biri də odur ki, Füzulinin sufiyanə məzmunlu qəzəllərində və onların təşəkkülündə bədii vasitə rolunu oynayan poetik tipoloji model və fiqurlardan istifadə edilir. Onlar ilahi məhəbbətə qovuşmaq məqsədinə xidmət edir.

Beləliklə, qəzəl janrının Nəsimi və Füzulinin ədəbi-poetik irsində tarixi poetikasının öyrənilməsi prosesində janrın təkamül tarixi ilə yanaşı, dahi şairlərin sənətkarlıq xüsusiyyətləri, oxşar (tipoloji paralellər, “görüntülər”) və fərdi (“tipoloji model”, “tipoloji fiqur”) üslub cəhətləri açıqlanır və bu sahədə müqayisəli-tipoloji axtarışların perspektivliyi müəyyənləşir.

ƏDƏBİYYAT

1. Azadə Rüstəmovə. Qəzəl. Azərbaycan ədəbiyyatının tarixi poetikası (II kitab). Bakı, “Elm”, 2006.
2. Azadə Rüstəmovə. Seçilmiş əsərləri. İkinci cild. Bakı, “Elm”, 2012.
3. İmadəddin Nəsimi. Əsərləri (üç cildə). Elmi-tənqidi mətn və müqəddimə C.Qəhrəmanovundur, redaktoru H.Arashlı. “Elm” nəşriyyatı, Bakı, 1973, I c.
4. İmadəddin Nəsimi. Əsərləri (üç cildə), II c.
5. Məhəmməd Füzuli. Əsərləri (5 cildə), I c. Azərbaycan SSR EA Nəşriyyatı, Bakı, 1958.

2019

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Так вот ты какой, Восток!	10
Баку как центр мировой тюркологической науки	16
«Китаби-Деде Горгуд» – совершенный образец отражения тюркских эпических традиций	26
А.С.Пушкин – историк и политик (к вопросу об отношении поэта к истории и политике)	36
Религиозные воззрения А.Бакиханова	50
Высокий интеллект и профессионализм	60
Lərələğin nağılı	66
Концепция человека в творчестве Руми	69
Олжас Сулейменов и Азербайджан	76
Славяно-тюркские связи в литературе Древней Руси в оценке азербайджанского исследователя	89
«Языковиденье» азербайджанского учёного	101
Мировые («вечные») проблемы в творчестве Г.Джавида	110
К восприятию и постижению художественного наследия М.Хади	120
Русская тюркология на современном этапе (1970- 1990)	128
Наука нравственности Н.Туси	137
Восток и Запад в мировосприятии А.Гусейнзаде и А.Агаоглы	142
Восточно-западное мировосприятие М.С.Ордубади и европейский исторический роман	155
О философско-историческом романе Ю.В.Чемен- земинли «Qızlar bulağı» («Девичий родник»)	171
Mütərcim Cəfər Cabbarlı barədə yeni söz	189
Магический реализм в современной азербайджанской прозе	196
Магический реализм в творчестве Афэг Масуд	213
Постмодернизм в современной азербайджанской литературе	221

Путь к истине и свету	231
В поисках истины. Полувекковая исповедь Мастера перед зрителем	239
Художественные особенности современного азербайджанского исторического романа	246
Мудрец из Гянджи. Песни Мирзы Шафи звучат на языках народов Азии и Европы	259
Дорогу осилит идущий	267
Али бек Гусейнзаде в ракурсе воспоминаний	275
Спасение в любви, или «Туранская империя» Али бека Гусейнзаде	285
Мировое признание (к столетию «Шейх Санана»)	295
Мистицизм Гоголя	301
Авангардизм в современной азербайджанской поэзии	311
Oljas Süleymanovun yaradıcı portretinə nəzər	339
Русский декаданс	344
Япония в духовно-творческом обогащении К.Бальмонта	371
Nəsimi və Füzuli yaradıcılığında qəzəlin tarixi poetikasının öyrənilməsinə dair	393

Директор издательства: _____

Технический редактор: _____

Подписано к печати: __.__.2019

Формат: 60х90 1/16

Объем:

Заказ № ____

Тираж: ____

Типография «_____»

Тел:

E-mail:

Адрес: